«КТО СПАСЕТ ОДНУ ЖИЗНЬ, ТОТ СПАСЕТ ВЕСЬ МИР».
из к/ф «Список Шиндлера»
ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ ИРЕНЫ СЕНДЛЕР
ОНА СПАСЛА ИЗ ВАРШАВСКОГО ГЕТТО 2500 ДЕТЕЙ. О ЕЕ ПОДВИГЕ МОЛЧАЛИ БОЛЕЕ 60 ЛЕТ...
НАГРАДЫ ИРЕНЫ СЕНДЛЕР:
– ПРАВЕДНИК НАРОДОВ МИРА (1965) –
– ОРДЕН БЕЛОГО ОРЛА (2003) –
– НОМИНИРОВАНА НА НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ МИРА (2007) –

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1942–1943 гг. Оккупированная немцами Варшава. Молодая полька Ирена Сендлер как социальный работник получает разрешение посещать Варшавское гетто. Понимая, что евреи обречены, Ирена уговаривает их отдать ей своих детей. Подростков Сендлер выводит через канализацию, малышей выносит в мешках и ящиках для инструментов. Она пристраивает их в монастыри и к знакомым. Кто-то доносит на Ирену, ее арестовывают, пытают и приговаривают к расстрелу.

1999–2000 гг. Канзас, сельская средняя школа. Три школьницы готовят доклад по истории и находят заметку об Ирене Сендлер. Почему о женщине, которая спасла 2500 детей, никто не знает? Вдохновленные ее подвигом, девочки ставят пьесу, которая неожиданно вызывает огромный резонанс не только в Америке, но и в Европе. Но им никак не удается найти могилу своей героини. Может быть, Ирена Сендлер жива?..

- Джек Майер
  - ○
  - ○
  - ○ Предисловие
  - ○
  - ○
  - ○ Варшавское Гетто
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16

        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
        - Глава 21
        - Глава 22
    - Часть третья
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
        - Глава 32
        - Глава 33
        - Глава 34
    - Эпилог
    - Постскриптум
    - И где же они теперь?
    - Основные источники
    - Дополнительные источники
    - Послесловие
    - Вкладка
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17

- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61

- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105

- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127

Джек Майер
Храброе сердце Ирены Сендлер

Jack Mayer
Life in a Jar: The Irena Sendler Project
Text copyright © 2011 by Jack Mayer

© Куликов Д.А., перевод на русский язык, 2013
© Кардаш А., вводная статья, послесловие, 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

«*ХРАБРОЕ СЕРДЦЕ ИРЕНЫ СЕНДЛЕР*» – удивительная история о подвиге, совершенном во время Холокоста, и о том, как этот подвиг изменил жизни трех школьниц в современном Канзасе. Джек Майер мастерски сплетает две эти отдельные, но неразрывно связанные истории в одну большую сагу, дающую нам уникальную возможность понять суть Холокоста и его значение для современного мира. Эта книга послужит источником вдохновения для любого читателя, а особенно полезна будет молодежи.

Профессор Френсис Р. Никосиа,

почетный профессор истории Холокоста,

Университет Вермонта

– Эта книга о спасенной истории. Она возрождает в нас веру в гуманизм. Ее должен прочитать каждый школьник и каждый учитель. Ее должны прочитать все мы.

Мишель Форман,

лауреат премии «Учитель года»

за 2001 год

– Эта история отваги, веры и надежды родилась в исполненной жестокости и ненависти оккупированной нацистами Польше, была похоронена под руинами и пеплом послевоенной Варшавы, пережила второе рождение благодаря трем школьницам со Среднего Запада и, наконец, обрела крылья под пером вермонтского врача-педиатра, чтобы облететь весь мир и вложить в души и сердца людей мысль о том, что любому из нас по силам нести человечеству спасение.

Доктор Стивен Колер

– Памятник Ирене Сендлер поставили не в Варшаве и не в Израиле, а в сердцах и делах молодых американцев. Вдохновенная книга Джека Майера рассказывает реальную историю трех школьниц из канзасского Юнионтауна и польской героини Холокоста. Школьницы написали и поставили пьесу, получившую название «*Жизнь в банке*», которой говорят нам одну простую вещь: тот, кто восстает против зла и возрождает добро, меняет мир.

Яцек Леоцяк, Польская Академия наук,

автор книг «Варшавское гетто:

Путеводитель по погибшему городу»

(в соавторстве с Барбарой Энгелькинг)

и «Взгляды на Варшавское гетто»[1]

«Эта книга не только о страшных временах Холокоста и о поистине святой женщине, но и о том, как исторический подвиг может повлиять на современников, на молодежь, на нас с вами».

Livejournal

Предисловие
Свет из бездны
Израиль, 2013

XXI век разворачивает войну невиданного до сих пор размаха, миру грозит мрачный выбор: захлебнуться в потоках крови или стать жертвой природных катаклизмов. Явились приметами будущего взорванные нью-йоркские Близнецы, истребление российских детей в Беслане и на «Норд-Осте»… А уроки – позади. В самый раз оглянуться, тем более что недалеко, в век недавний, предыдущий, XX, пророчески страшный. В нем свирепейшее событие Вторая мировая война, а в ней эпицентром ненависти – беспричинное поголовное убийство миллионов евреев, названное в историческом обиходе Холокостом.

Вглядеться в эту Катастрофу евреев – обжечь душу. В страхе заслонялись от нее чувствительные сердца. А память – болит, с годами все меньше и меньше, однако ноет: ведь не где-то, не когда-то и не с кем-то случилось, а с собственными бабушками-дедушками. И не хочешь помнить, а вдруг стыдом обдаст, как ошпарит…

В 1950-х годах мир зализывал раны великой войны, оглядываться некогда было. В шестидесятых-семидесятых, после прорыва темы Катастрофы в литературу, в кино и на телеэкраны, многие содрогнулись и – постарались забыть невыносимое. Тем более что оно же и необъяснимое: как, скажите на милость, понять, что можно просто взять да и вымарать из жизни многомиллионный народ, весь целиком, не отвлекаясь от процесса на жалость ни к умилительным детишкам, ни к почтенным старцам. К середине восьмидесятых годов (сорок лет после войны, новое поколение, компьютеры, Интернет, рок, кич) мир окреп, научился лихо работать и удобно жить, беречь душу от разрушительных тревог. В здоровый образ жизни черные воспоминания не вмещаются. Но свербит, шевелится где-то в подкорке червячком совести: нельзя забывать тот прошлый страх. Сердце ли жмет, душа ли корежится, совесть ли ноет – неизвестно даже толком чего ради, а вот: нельзя забывать, да и все! «Нравственный императив», что ли?..

Но и жить с такой памятью – как? И виноватых по большому счету не перечесть: кто убивал, кто рядом стоял, кто отворачивался хоть со стыдом, хоть с отвращением, хоть с равнодушием – чуть не вся Европа замарана. Нашлось, однако,

утешение: да, страшная была пора, но ведь и не без проблесков, не так все безнадежно: кто-то выжил, спасся – кто-то, значит, спасал. В их сторону надо глядеть, а не в могильную беспросветность. Оказалось удобно разместить: вот гонители, а вот спасители, в каждой стране свои. Палачи – и герои. Смерть – и жизнь. Тьма и свет. Пополам… Пятьдесят на пятьдесят. Фифти-фифти. Баш на баш. Да и хватит считаться и чего считать? Шесть миллионов истреблено? Почтим их память Мемориалами по всей земле, и мир праху их. А вот главный Мемориал, Иерусалимский Яд Вашем, насчитал почти двадцать пять тысяч неевреев, которые в годы Катастрофы рисковали спасать евреев; их зовут в Израиле «Праведниками народов мира». Двадцать пять тысяч просверков во тьме; вместе они – свет общей надежды не пропасть.

– Двадцать пять тысяч? Откуда? Кто? – надвигается на сотрудника Яд Вашема посетительница, согнутая годами, взбудораженная памятью, воспрянувшей здесь. – Какие Праведники-спасители? Где вы их берете? Я из ямы выбралась… не дострелили… два года из деревни в деревню… никто воды не подал. Не своруешь – не съешь. Что за Праведники такие?! – Слова прыгают, палка-костыль дергается в неверной руке, в глазах и ярость, и боль.

…В XII веке великий еврейский мыслитель Рамбам назвал «Праведниками народов мира» неевреев («гоев»), соблюдающих как данные Богом «Семь законов Ноя» – несколько правил поведения из тех шестисот тринадцати, что заповеданы еврею. В другом еврейском источнике – книге *Зохар* (XIII век) под Праведником понимался гой, который справедлив по отношению к еврею, особенно тому, кого преследуют: религиозное определение «Праведник народов мира» смещалось в житейскую обыденность. Применительно к поре, когда преследование евреев достигло беспредела Катастрофы, Праведниками стали называть неевреев, которые вырывали евреев из смерти.

В своде еврейских норм и правил Талмуде сказано: «Кто спасает одну душу – спасает весь мир». Русскому уму привычнее народное наблюдение: «Не стоит селение без праведника».

Еще до ворот Мемориала Яд Вашем, перед последним витком асфальта на склоне горы, повисла над лесистой крутизной небольшая площадка с обелиском, где обозначено имя Рауля Валленберга[2], самого знаменитого спасителя евреев. Расположен обелиск слева от дороги и «спиной» к автобусам и пешеходам: проезжают они, пробегают, чаще всего не заметив этого первого в предстоящем многоголосии Мемориала не мотива даже, не аккорда, только тихого звонка, зачина. Еврейский

Мемориал Яд Вашем – так уж вышло знаменательно – свою повесть о евреях начинает с поклона нееврею Раулю Валленбергу, шведскому дипломату, спасшему в 1944 г. тысячи евреев.

Когда-то в годы войны главный организатор убийства евреев А. Эйхман сказал заступнику за жертв немецкому пастору Карлу Хейнцу Груберу, Праведнику: «Что вы так печетесь о евреях? Никто из них потом не скажет вам спасибо». Несложно подтвердить это злобное слово. Евреи всякие бывают, других не хуже и не лучше. Но оставим шельмовать евреев юдофобам, им сподручнее.

Свидетельствует **А. Обидейко** (Кременчуг, Украина):

> *«Ревенок Евдокия Семеновна 1912 г. рождения… Когда в город вошли фашисты, она спрятала в подвале дома двух еврейских женщин с мальчиком примерно 1938 г. рождения.*
>
> *Весной 1942 года фашисты дважды ставили под кирпичную стенку Евдокию на расстрел, спрашивая, где спрятаны евреи, а полицаи в подвале делали обыск, но не нашли. Евдокия с распущенными волосами истерически кричала и требовала, чтобы убрали ее дочь Галину, чтобы девочка не видела сцены расстрела. Галине в то время было 6 лет, и она все помнит. Мать не расстреляли, но она поседела, а ей тогда было 30 лет».*

Дочь Евдокии Ревенок дополнила: спасенные женщины после войны подарили маме единственную свою ценность – тоненькое золотое кольцо. Мама отказывалась, еврейки настояли. Маму потом с тем кольцом хоронили.

В оккупированной немцами Боснии евреев спасала мусульманская семья Хардага. А в девяностые уже годы, когда взорвалась война на их земле, Израиль вырвал семью Хардага из-под бомб Сараева, и премьер-министр Ицхак Рабин сказал им: «Здесь ваш дом». Дочь спасителей Хардага Аида говорит: «Когда наш мир рухнул, только Израиль открыл перед нами двери и дал нам возможность жить по-человечески».

Неблагодарность спасенных – горькая случайность; как правило, они кланяются спасителям, ищут, как отплатить. Тысячи имен Праведников в Яд Вашеме не сами по себе объявились, не организованным поиском добыты – их сделали известными только хлопоты благодарных евреев.

Государство еврейское тоже вовсе не бездушно. Праведникам помимо почестей и гражданство, и жилье, и пенсия отнюдь не рядовая. Иностранным потомкам Праведника дают право на работу в Израиле – выручка безработному бедолаге из

послесоветского пространства.

Однако, если вдуматься, подвиг спасителя, как ни старайся, толком не оплатить.

Что означало спасти человека? Спрятать? Скрыть от полиции? Но и прокормить, когда продуктов на своих детей не хватает. И оборудовать убежище (в каком шкафу городской квартиры прятать евреев от соседей-друзей-доносчиков? в каком погребе деревенского дома, в каком свинарнике?)… И, простите, вынести нечистоты, если нет уборной… И младенцу не дать ночью плакать… И при бомбежке схоронясь в убежище, оставить скрывающихся в квартире и трястись, как бы они себя со страху не выдали вскриком… И вылечить больного без врача и лекарств… А если, не дай Бог, умрет, да в городской квартире – как и где хоронить? Быт свинчен из мелочей, любая могла угробить и укрывшегося еврея, и заслоняющего его спасителя.

Спаситель – это для евреев он Праведник. А для «своих»? Для тех, кому евреи костью в горле? Или для тех, кто просто по-соседски ненавидит спасителя (спасительницу) из-за давней ссоры?..

Есть и «штатные» враги. Стоит вспомнить, что в полицию и другие карательные части только на оккупированных территориях СССР напросилось служить не менее 250 тысяч местных жителей (на 16 тысяч немецких эсэсовцев и полицейских) – на каждого гитлеровского убийцу полтора десятка своих. А кто сочтет добровольных сопалачей ради грабежа, ради «золота еврейского», или квартиры, или хаты, или одежки? Охотники девочкой еврейской побаловаться, дети-наводчики в поисках премиальной конфетки, алкаши, которым за поимку еврея обещан самогон (Украина) или три литра водки (Польша). На многих оккупированных землях, особенно в Восточной Европе, застарелый антисемитизм обновился нацистской пропагандой и ненавистью к советской власти, которую часто поддерживали евреи. Чуть ли не всенародная распалилась война против евреев.

Ф.В. (Бруклин, США; свидетельство об оккупированном Киеве): «*История семьи Г. мучает меня всю жизнь. Отец ушел на фронт, а мать с двумя детьми не смогла эвакуироваться. Когда был приказ фашистов всем евреям явиться 29 сентября, мать поняла, что это не к добру, и, оставив ключ от квартиры и вещи своей подруге, жившей в соседней квартире, ушла с девочками из города. Три месяца они ходили по селам и прятались, а когда наступили холода, мать решила прийти в Киев, взять какую-нибудь одежду и что-нибудь для обмена на продукты. Поздно вечером они постучались к соседям-«друзьям». Те их выдали*

полиции. Судьба старшей девочки и матери мне неизвестна. А маленькую Ривочку один из соседей вывел на улицу… и на трамвайных рельсах топором отрубил ей голову».

Так воевали с евреями не только в солнечном Киеве. После войны в Латвии из 90 тысяч евреев обнаружилось 150 человек, от эстонской тысячи с лишним евреев живых осталось несколько – считай, чисто! В той войне Праведник – изменник «своим».

Кому, как не ему, первая честь?

Не сразу, конечно, но сообразился порядок: общественная Комиссия – виднейшие юристы во главе – по представлению Яд Вашема взвешивает сведения о спасителе евреев и, если находит, что он действовал без какой-либо выгоды для себя, с риском потерять жизнь и свободу, присуждает ему звание «Праведник народов мира». Он получает соответствующее удостоверение, возможность почетного гражданства в Государстве Израиль, именную медаль и право на посадку личного дерева в Аллее Праведников. Этой-то Аллеей и открывается посетителю Яд Вашема.

Первое дерево посадили в 1962 году, в знаменательный для тогдашнего полусоциалистического Израиля день Первого мая. На старой фотографии: облитый солнцем косогор, несколько десятков зрителей, малочисленный военный оркестр, полукруг стульев с почетными гостями – первыми семью Праведниками – и посредине у микрофона Голда Меир, в ту пору министр иностранных дел. Все по-домашнему, в оркестре, кажется, одни струнные – негромкий праздник небогатой страны, скромность праведничества.

И дерево-то выбрали под стать: обычное для Средиземноморья растение не бог весть какой красы или величины. Однако со смыслом дерево. Цератония, рожковое или мармеладовое дерево, по-местному «хорув». Коренастый ствол, раскидистые ветви, круглый год в ласковых овалах листьев. Осенью взбрызгивают мелкие малоприметные цветы, чтобы к следующему лету вызреть темно-коричневыми до черноты стручками-рожками; зимой они опадают на сырую землю и, сопрев, во влажном пахнущем дрожжами разломе открывают плоские круглые семена – «караты» (от них мера веса 1 карат). Главное же: внутри рожков мякоть, сладкая, «мармеладовая» – съедобна, вкусна и питательна; рожки целебны, лечат кашель, диабет, зубную боль, кишечник, желтуху, сводят бородавки, регулируют женский ритм… Целительное и кормящее, выручающее от смерти дерево – символ спасения.

Жизнь идет, семеро первых Праведников сегодня обернулись двумя десятками тысяч имен, Аллея охватила весь Мемориал уже

Парком в две с лишним тысячи деревьев, цератония кое-где сменилась оливами и хвойными – можно отыскать нужную символику и в вечнозелености сосны, и в долголетии оливы… Сейчас за недостатком места деревья вообще не сажают, а устанавливают в специальной стене таблички с именами Праведников. Уважительность церемониала почти та же, но все-таки посадка дерева – значительнее. Не зря Яд Вашема, много лет понукаемый спасенными евреями, так долго искал форму обозначения благодарности Праведникам, пока не додумались: деревья. Земле украшение и живой шорох ветвей – шелест имен, судеб, невероятных сюжетов. Посторонитесь, легенды – д'Артаньяны, Штирлицы, Мюнхаузены!..

…Польская красавица Ирена Гут-Опдыке училась в школе медсестер, когда в 1939 г. в Польшу вошла Красная армия. Ирену арестовали, изнасиловали, отправили на принудительные работы. Она бежала в германскую зону оккупации. Немцы ее арестовали, ей пришлось изнурительно трудиться на оружейной фабрике, пока майор СС не взял ее в прислуги и уехал с ней в Тарнополь. Там она устроила прачечную, в которой укрывала 12 евреев. Спасая их, Ирена стала любовницей майора. В 1944 г. перед приходом Красной армии ее схватило гестапо. Бежала. Пришли русские. Теперь Ирену арестовали они, обвинили в сотрудничестве с нацистами. Она попала в советский лагерь военнопленных. Случайно встретились спасенные Иреной евреи, они вызволили Ирену из этого лагеря. Затем она оказалась в лагере для перемещенных лиц, там вышла замуж и с мужем уехала в США, где умерла в 2003 г.

…Ян и Антонина Жабинские, директор варшавского зоопарка и его жена, помещали евреев в свободные клетки. Надежно: рядом с запахами львов и хорьков. Пищу евреям доставлял семилетний сын Жабинских Рышард – прикрывал родителей от подозрений. «Ноев ковчег – люди со зверями» – так вспоминала убежище у Жабинских Р. Кенигсвейн, которая с тремя детьми скрывалась там больше года.

…На ферме голландца Альбертуса Зефата жили он сам, жена Аалте, сын девяти лет, две парализованные дочери. И тринадцать евреев в курятнике. По ночам евреи покидали убежище и присоединялись к семье, которая поддерживала их и дефицитными тогда продуктами, и куревом, и газетами, и даже нелегальными изданиями. Власти узнали о евреях; уют курятника пришлось поменять на землянки, евреи вместе с Альбертусом рыли их в лесу, переходя с места на место. В июле 1944 г. гестапо окружило ферму. От семьи потребовали выдать евреев. Альбертус отказался, его пытали при жене и детях, они тоже молчали.

Эсэсовцы вывели Альбертуса во двор. Хлопнул выстрел, и немцы ушли. Аалте нашла мужа за домом с простреленной головой. Аалте немедля предупредила скрывающихся: отныне из убежищ ни под каким видом не выходить. Она через друзей стала посылать им пищу и опекала до конца войны, спасши всех тринадцать. О смерти мужа она им не сообщила…

…Израильский историк доктор Вайс – симпатичный интеллигент – венчик седой на голове, мягкий взгляд, улыбка безмятежная… Ребенком он и еще семь человек хоронились в Бориславе (Львовщина) у крестьянки-украинки Юлии Матчишин. Подземелье, высота помещения полтора метра. Нужду оправляли здесь же, землицей присыпали. Наружу, на воздух, не выходили. Два года. ДВА ГОДА. Говорят сегодня доктору Вайсу: «Так нельзя выжить. Физически невозможно». А он заливисто веселится: «Но я ведь живой! Посмотрите внимательно!» Сын хозяйки служил в полиции, жил в доме матери и все два года не знал, что под ногами дышат евреи…

…У польки Марианны Ковальчик-Банасик часть спасаемых евреев, 5 человек и младенец, сидели на гумне в подземелье, прикрытом досками. На досках был навоз. Однажды корова испражнилась на головы прячущихся.

…Полковник польской армии Владислав Ковальский, двенадцать наград за храбрость от трех стран… Он укрывал евреев в подполе своего дома. После разгрома восстания поляков в 1944 г. немцы изгоняли их из Варшавы. Евреи Ковальского оказали ему: «Оставь нас. Спасай себя!» Ковальский ответил: «Спасемся вместе или вместе умрем». Он присоединился к тайному существованию спрятанных; впроголодь, почти без воды, на крохах сахара и витаминных таблетках они четыре месяца дожидались Советской армии. Выжили все: Ковальский и сорок девять (!) евреев…

…Янис Липке, докер из Риги, организовал по сути спасательную команду: несколько латышей, в том числе его жена и двое сыновей. С их помощью Липке вывозил евреев из рижского гетто, прятал у себя и на окрестных хуторах, которые он арендовал, чтобы держать там евреев под видом рабочих. Яниса Липке арестовали, он как-то выкрутился из гестапо – и продолжал спасать. Сорок два еврея спас Янис Липке. После войны за ту же дружбу с евреями его донимали уже единокровные доброжелатели: то угрозы по телефону, то лодку порубят, то еще какая пакость… Он умер в 1986 году; на его похоронах выступал рижский раввин, местные евреи много лет воевали с новой латвийской демократией за создание Дома-музея Яниса Липке, демократия уступила, когда перед Европой неудобно стало.

…Нет сегодня спасителя евреев знаменитей Оскара Шиндлера, австрийского бизнесмена, который на своей фабрике в Кракове уберег от неминуемого уничтожения 1200 рабочих-евреев. Однажды часть его людей эсэсовцы отправили в концлагерь – Шиндлер изловчился вернуть их оттуда, с самого порога смерти. Благополучие евреев обошлось недешево, одни только взятки немецким друзьям-начальникам чего стоили; Шиндлер разорился, новое предпринимательство не удалось, он жил помощью тех, кого когда-то выручил, пил, расстался с женой – сотрудницей в спасении евреев… Но почета он дождался: в 1962 г. посадил дерево своего имени в Яд Вашеме. А в восьмидесятые годы, уже после его смерти, на 12 языках вышла в свет книга Т. Кенелли «Ковчег Шиндлера». Он похоронен в Иерусалиме, на христианском кладбище возле Старого города, арабы – хранители кладбища подкармливаются подачками посетителей могилы Шиндлера, их немало сейчас, после выхода в 1993 г. и всемирного успеха голливудского фильма о Шиндлере. В Яд Вашеме у дерева Шиндлера непременная остановка экскурсий; американские туристы норовят отодрать с ветки листик на память, кладут по местному обычаю камешки к табличке с именем спасителя. Слава…

А поляк Бенедикт Красковский – кто о нем слышал?.. В. Шацман (свидетельство в Яд Вашем): «*13 сентября сорок первого года большая группа военнопленных, среди которых был и я, совершила побег из лагеря вблизи города Бяла-Подляска (Польша) … Я решил найти там приют в гетто… Двое бывших солдат польской армии-евреев… хорошо знали Бенедикта Красковского, хозяина столярной мастерской, находящейся за пределами гетто. Рабочими в мастерской были евреи. Б. Красковский, рискуя жизнью, приютил меня в мастерской, где я находился несколько месяцев… во время частых облав здесь укрывалось много евреев, а на чердак дома были принесены на хранение много сотен томов еврейских религиозных книг*».

И. Канер (свидетельство в Яд Вашем): «*В 1941–1942 годах я работал в мастерской Б. Красковского… [Он] заботился о нас как друг и старался охранить нас… в мастерской работали 17 евреев… Под руководством Красковского работники построили потайную комнату под мастерской, в которой укрывались во время опасности их жены, дети и родители. Б. Красковский хотел спасти всех… Я вспоминаю страшные годы войны и храню близко к сердцу память о ней – фотографию Бенедикта Красковского вместе с нами, евреями – работниками столярной мастерской… Он спасал кого только мог, несмотря на то что это было связано со смертельной опасностью*».

Чем не Шиндлер? Масштаб меньше, но риска больше: невидный человечек, не подстрахованный ни богатством, ни чьей-нибудь защищающей спиной. Его убили польские националисты в 1944 г.

Б. Красковский признан недавно Праведником. А сколько таких Красковских сгинуло безвестно? Особенно горько за Праведников на восточных территориях, где оккупационный режим был гораздо безжалостнее, чем в Западной Европе. Например, в прославленных массовым спасением евреев Норвегии или Дании немцы считали жителей носителями арийской крови и соответственно относились к ним снисходительно; за помощь евреям здесь обычно карали тюремным заключением. К востоку, по мере приближения к ареалу «недочеловеков»-славян, немцы вели себя куда свирепее. Здесь обнаруженный спаситель обычно погибал, дом его взвевался пеплом по ветру, семья часто изводилась под корень.

6 декабря 1942 г. в Старом Цепелове (Польша) отряд СС за укрывательство евреев сжег двадцать трех польских крестьян, включая пятнадцать детей, из них двое – младенцы. Среди казненных семейство Владислава и Каролины Косиоры с шестью детьми от шести до восемнадцати лет. По соседству, в Рековцах, в тот же день и за ту же вину эсэсовцы сожгли еще десять польских крестьян: то была другая ветвь семьи Косиоров, Станислав и Марианна с четырьмя детьми от трех до восьми лет, их бабушка и соседи, в том числе девочки восьми лет и тринадцатилетняя.

В 1944 г. эвакуированная в Узбекистан Е. Вайнштейн получила письмо из освобожденного от немцев родного ее села Солобковцы (Украина). Его под диктовку своей матери написал мальчик Володя Басалюк, мама только добавила в конце сердечное присловье: «Жду ответа, как соловей лета». А Володиной рукой: *«Здравствуйтэ Шендя. Я хочу вас сповистыты у своий вэлыкий биди. Колы фашисты окупырувалы Украину щось чэрэз пивтора року самэ в жныва у нас почалы быты еврэив. Миндя и Хайм втиклы до мэнэ и так воны у мэнэ сыдилы 3 мисяци. а потим чы хтось заявив в жандармэрию чы шо то я нэ знаю и 24 листопада прийшли до мэнэ милиция и жандармерия и почалы шукаты и знайшлы… в студоли [в сарае] Миндю и диты забралы а Хайм в той жэ самый момент втик а куды вин втик то я нэ знаю тоди Арсэнька почалы дуже быты вин кричав нэ знаты яким голосом а мэнэ тоди нэ було вдома я була у свого брата на роботи, а Володька мий був в школи. Як вин почув що такэ вдома робыться и втик в Удомивци потому на другий дэнь злапалы мэнэ. Миндю и диты побылы 25 листопада а 26 листопада вбылы мого*

чоловика в 6 год. ранку [в 6 утра] а мэнэ пустылы у вэчир я прышла Арсэнька лэжав ужэ на лавци вбытый. Хату миндину повалылы… писля того в мэнэ забралы корову и кабана. Бувайтэ здорови Шендя и прыжайтэ колысь на Родину в гости…»

На востоке и окружение было поюдофобистее, и единоплеменники отнюдь не привечали тех, кто мешал очистить родные просторы от жидовни.

Р.В. (Украина, Симферополь): *«До войны наша семья состояла из 9 человек: 5 детей, мама с папой, бабушка и няня Леля. Она жила у нас в доме 30 лет… немцы заняли город… Семья бежала в другой город, уже там ее уничтожили. Меня (4 года) и брата Сеню (6 лет) оставили у знакомых в Симферополе под присмотром няни Лели. Она каждый день подходила к дому увидеть нас через окно. Однажды женщина, у которой нас оставили, нас выгнала, и мой брат, посадив меня на плечи (мы были раздеты), пошел к нашему дому. На пути нас нашла Леля и отвела к своим родственникам. После этого она пошла к нашей соседке, у которой были оставлены детские вещи. У соседки Лизы шла пьянка с немцами, и когда Леля попросила вещи для меня и моего брата, Лиза сказала немцам, что Леля скрывает еврейских детей. Немцы стали пытать ее, где дети, но она не сказала, и ее тут же расстреляли».*

На Кубани (Россия, Краснодарский край) немцы расстреляли Эсфирь Фейгину с двухлетним сыном на руках. О дальнейшем рассказывала ее родственница Ю. Сегаль: «*Эсфирь пришла в сознание ночью, на ощупь нашла трупик своего ребенка и выползла из рва. Идти она не могла, т. к. была ранена, и она поползла по полю. Наткнулась на кусок лемеха, вырыла им могилку, похоронила сына, воткнула на это место веточку, чтобы найти потом, и поползла в деревню.*

Постучалась в первую же хату, ей открыли, обмыли рану, накормили и спрятали то ли на сеновале где-то, то ли на чердаке. Несколько дней по ночам проведывали ее там, носили есть. А через плетень жила соседка, которая была в ссоре с хозяевами дома, она однажды ночью заметила что-то подозрительное и наутро донесла. В доме сделали обыск. Эсфирь вместе с дочерью хозяйки, 16-летней девушкой, вывели из дома, привели на площадь и расстреляли, а трупы бросили в колодец, связав вместе черную и русую косы».

На мрачном этом фоне еще ярче фигуры подвижников, и обидно малоизвестен героизм спасения в восточноевропейских странах, тем более затаенный, что и послевоенная жизнь с ее несвободой и антисемитизмом не давала проявиться Праведникам ни у себя дома, ни, того невероятнее, в Израиле, где

Праведники могли бы рассчитывать хотя бы на почесть.

В Литве после вторжения немцев ведущие деятели, включая руководителей церкви, приветствовали их и лично Гитлера как освободителей от большевизма. Резонно: только за неделю до войны советские власти сослали в глубь России сорок тысяч литовских граждан. Среди них были и евреи, но запомнились не они, а евреи – исполнители акции. Ненависть к большевикам умножилась в Литве на антисемитизм…

Еврейские погромы начались сразу вслед за входом немецких войск. Среди их истребительных формирований – «эйнзатцгрупп» – была и часть, состоявшая только из литовских добровольцев. Места массовых казней евреев – Понары возле Вильнюса, Девятый форт возле Каунаса – обслуживались, от стрельбы до сожжения, литовцами. Жестокость их, случалось, потрясала даже эсэсовцев.

После войны в Литве насчитали 30 тысяч евреев. 88 процентов литовских евреев – исчезли…

А посреди этой оргии убийств стоит Вильнюсский университет, там работает Óна Симайте, еврейские судьбы занозят ей сердце, и она говорит: «Не могу работать, не могу есть… Мне стыдно, что я не еврейка. Что-то надо делать…» (Это ее, Óны, позднейшие разъяснения.)

Она выхлопотала у немцев разрешение выискивать в виленском гетто нужные университету книги. И пошла в гетто. Ежедневно носила евреям пищу, лекарства, передачи… Тех, кто собирался бежать из гетто, снабжала одеждой. Прятала у себя и у друзей евреев-беглецов, выправляла им фальшивые документы… Летом 1944 г. при попытке спасти десятилетнюю девочку из гетто Óну схватили гестаповцы. Девочку расстреляли, Óна выдержала жестокие пытки, не выдала ни еврейских, ни подпольных своих связей. Ее приговорили к смерти. Хлопотами университетских друзей смертную казнь заменил концлагерь Дахау. Оттуда ее отправили на юг Франции, где в августе сорок четвертого Óну освободили союзные войска.

Из Дахау ее перебросили в концлагерь на юге Франции. После всех мытарств Óна наконец была освобождена союзными войсками и поселилась в Париже доживать свою жизнь, искалеченную и праведную. В интервью французскому телевидению Симайте недоумевала, почему ее считают героиней, «вот еврейский народ, переживший Катастрофу, – говорила она, – настоящий герой».

15 марта 1966 года Яд Вашем присудил Óне Симайте звание Праведницы среди народов мира, наградил медалью и правом посадить в Иерусалиме памятное дерево в свою честь. Однако

дерево сажать было некому – Праведница жила в далекой Франции, в бедности. Дерево от имени О́ны посадила еврейка, спасенная ею. 17 января 1971 года в парижском доме для престарелых отмучилась О́на Симайте – больная, нищая, не умевшая ничего просить для себя, одинокая, бездетная… «Мамой» ее называли евреи вильнюсского гетто.

На пытках в гестапо, где от нее требовали выдать всех, кому она помогала, и всех, кто ей помогал, О́на часто теряла сознание, но ни разу не проговорилась. От истязаний в гестапо ее спина навсегда перестала сгибаться. Она сопротивлялась по-своему. «Я молилась, – позднее вспоминала О́на, – больше я ничего не могла сделать. Я старалась в своем мозгу спутать имена и адреса так, чтобы не суметь их вспомнить. И я молилась всем сердцем… И моя молитва нашла ответ».

Исписаны горы страниц о роли христианской церкви в преследовании евреев. Апостол Павел, рассорившись с евреями, назвал их «сосудами гнева, которые надо уничтожить». Эти семена ненависти проросли позднее хрустом еврейских костей, потоками крови. Уместно вспомнить и равнодушную отстраненность римской церкви от гитлеровского геноцида, и христианских пастырей, благословлявших убийц… К Пасхе 1943 г. киевский епископ Пантелеймон писал пастве о «безбожниках-иудеях», которые всегда стараются обмануть «наш добрый и доверчивый народ». Он возблагодарил «Великого Фюрера» за освобождение от евреев.

Но если бы высчитать среди Праведников религиозных христиан – процентов на 70–80 они бы потянули.

В оккупированной Варшаве за укрывательство евреев немцы убили католических ксендзов Ивицкого и Сурдацкого.

Глава руководства Варшавского гетто Адам Черняков писал о настоятеле местного храма Рождества Приснодевы Марии о. Северине Поплавском: «Он сказал, что видит Божию руку в том, что он оказался в гетто, но после войны выйдет отсюда как антисемит, которым и был, когда сюда приехал». О. Поплавский отказался покинуть территорию гетто даже во время акции по уничтожению евреев. Он погиб в сентябре 1944 г. под руинами своего храма, где в подвале он в 1942–1943 гг. скрывал многих евреев-христиан (христианство не берегло от уничтожения нацистами).

Настоятелем другой католической церкви на территории гетто, храма Всех святых, был о. Марчелий Годлевский, тоже до войны известный юдофоб. По словам викария прихода о. Антония Чарнецкого, когда о. Марчелий увидел муки евреев, он «всем сердцем посвятил себя помощи им». 78-летний О. Марчелий жил

вне гетто и приходил туда каждый день с едой и лекарствами, а выходя, выносил под сутаной на «арийскую сторону» детей. Польша среди оккупированных нацистами стран по довоенному антисемитизму первая, но именно в ней возникла единственная в Европе организация помощи евреям – «Жегота». И в создателях ее – известная до войны антисемитка, сегодня Праведница. Какой механизм отвернул душу от юдофобии? Не другой ли постулат апостола Павла: «Если не имею любви, то я ничто»?

«Возлюби ближнего…» – иудеохристианская заповедь. Для спасителя, вдохновленного Божественным указанием, личная его судьба второстепенна, и спасение – не просто поступок, а Деяние. Отсюда и твердость поведения на пике риска, и самоотверженность, и в конечном счете та результативность подвига, которая позволяла спасать и чужие жизни, и собственную совесть. «Душу свою спасти» – выражаясь языком верующего человека (между прочим, эгоистический стимул, хотя и в позитивной окраске). Вот как формулируют это сами религиозные спасатели: «*Я лишь сосуд, наполненный волей Бога. Я знаю, что, когда я встану перед Богом в Судный день, меня не спросят, как Каина: «Где ты был, когда кровь твоих братьев вопила к Богу?»* (Имре Батори, Венгрия); «*Бог даровал нам жизнь взаймы. И никто, кроме Бога, не может отнять жизнь. Вот все, что я знаю. Остальное неважно»* (Эдуард Файкс, Польша).

Протестантский пастор Берлина в гитлеровскую пору доктор Карл Хайнрих Грубер, Праведник, сказал: «*Моя роль не важна. Важен Всевышний, по чьей воле я действую; я хотел доказать, что в те времена царило не только безбожие убийц, но и проявлял себя Тот, кто охраняет людей*». Д-р Грубер все годы нацизма помогал немецким евреям: от содействия в выпечке мацы на Пасху до укрытия у себя или у своей паствы. Положение д-ра Грубера позволяло ему многократно выступать ходатаем за евреев перед их главным убийцей Эйхманом. В конце концов Эйхман швырнул назойливого пастора в концлагеря: Заксенкаузен, потом Дахау. Около трех лет спустя, в 1943-м, чудесное стечение обстоятельств привело к возвращению Грубера в Берлин, где он снова принялся спасать евреев.

Штрихи к портрету пастора. Накануне Пасхи 1940 года по Берлину прокатились слухи о высылке евреев в гетто или концлагерь. Евреи искали у Грубера заступничества. Он им сказал: «Не знаю, что будет, но одно обещаю: я пойду в гетто вместе с вами». Позднее он пояснит: «Если уж совсем ничего не можешь для людей сделать, надо хотя бы идти с ними в лагерь – это, может быть, придаст им силы».

В концлагере Дахау доктор Грубер был отобран для

мучительнейших медицинских экспериментов. Их проводил д-р Рашер, внук священника и любитель ставить опыты на священнослужителях (нет ли связи?). Грубер заметил Рашеру: «Вы не думаете, что Ваш дед ежедневно с неба наблюдает за своим внуком?» «Он, – вспоминал потом Грубер, – вдруг стал вежлив, сказал «да», а на следующий день отпустил меня и сказал, что попробует помочь мне освободиться».

В 1961 году в Иерусалиме д-р Грубер выступал свидетелем на процессе Эйхмана. Свои показания он завершил просьбой к судьям простить Эйхмана.

Христианское милосердие…

Израильтянина Давида Притала в годы войны прятали тамошние христиане-баптисты. Один из них, Иван (Ян) Яцук, писал Д. Приталу о себе и остальных спасателях: «*Нас верующих по сучасной [современной] идеологии не любят, как и вас в сем мире. Материально пока живем неплохо, построили дом имеем машину, но только силы мои изменяют, часто головные боли, головокружение, и ничего не интересует, но пока еще живу. Савка уже тоже очень слаб, но еще ходит с палкой в руках, пасет корову. Оксеня тоже еле ходит, очень слаба. Я их посетил с твоим письмом, прочитал, то они как малые дети плакали, вспоминая о тебе, мы молились и передают тебе и твоей семье горячий привет*».

Д. Притал рвался посадить в их честь дерево в Парке Праведников Яд Вашема. Иван Яцук отвечал ему: «*Я очень благодарен тебе за твое уважение ко мне, что не забываешь меня как человека другой национальности, презренного в своем народе за мое убеждение, и ставишь еще меня в почет в великом городе народов Иерусалиме и хочешь посадить деревце в мое имя. Я недостоин этого. Почести на этой земле проходят как туман, меня обличает совесть, что я мог бы больше сделать для твоего народа во дни бедствия… Я ожидаю почести и награды у моего Господа там, в вышине в Его царстве*».

Хена Б. (Витебская область Белоруссии) в 1943 г. девятнадцати лет бежала из гетто, пряталась месяцами в крестьянской семье Вороновых, «свидетелей Иеговы»… Она вспоминала*: «Спасти человека, тем более прообраза библейских рассказов – это для них спасение для вечной жизни… Семья состояла из родителей, дочери Ирины с сынишкой и трех братьев. Мать боялась и ей не сказали, прятали меня в сарай, баню, поле и втихаря кормили. Они поразили меня своей беспредельной верой в Христа, в Библию. Когда немцы окружали деревню и жгли все кругом, они не убегали, не отпускали меня и говорили: «Это царство сатаны и если мы угодны Богу, он нас сохранит». Было*

очень много трагических событий, приходилось зимой в мороз уходить и где-то скитаться, но когда становилось спокойнее, я возвращалась.

К зиме они выкопали погреб под кроватью и уже уговорили мать принять меня… Кто бы ни стучал в дверь – меня прятали в погреб и так до освобождения летом 1944 года».

«Свидетели Иеговы» – единственные добровольные жертвы нацистских концлагерей. Немцы предлагали им освобождение при условии отречения от веры. Они предпочитали стоять насмерть. Самопожертвование стало для них образом жизни, и спасение евреев вписывалось в него без особых затруднений.

С такой же самоотверженностью бросилась в Париже вызволять еврейских детей мать Мария, французская православная монахиня, бывшая русская революционерка Елизавета Скобцева. Из ее дневника: *«На Страшном суде меня не спросят, достаточно ли я постилась и сколько раз преклонила колени пред алтарем. Меня спросят, накормила ли я голодного, одела раздетого, навестила ли больного и узника в тюрьме»*.

В самый бы раз поклониться христианской морали, но…

…но вспоминает Шахмелек Халамлиева, одна из одиннадцати детей мусульманской семьи Халамлиевых в оккупированном немцами карачаевском поселке Теберда: «*В один из дней августа 1942 года мой младший брат Мухтар привел в дом родителей трех девушек-евреек, эвакуированных из Киева… Отец, мать и все мы были ошеломлены поступком брата. Было очень опасно скрывать их. Это грозило повальным истреблением и девушек, и всей нашей семьи. Но отец, Шамаил Конакович, сказал на следующее утро: «Это Аллах нас испытывает, какие мы люди. Мы не можем отказать им в приюте… Пусть живут с нами. Что Аллах предначертал, то и увидим». Скрывали девушек сначала высоко в горах на летних пастбищах, а когда стало холодно – дома в поселке».*

Католики, протестанты, православные, мусульмане – смешались конфессии спасителей. А Праведник Ян Жабинский вовсе без конфессии – атеист. Поди-разбери-пойми.

Вот албанцы: две трети мусульмане, треть христиане, побольше православных, поменьше католиков, а в общем никакого особого религиозного рвения, вера с верой в ладу, так что и браки между иноверцами не в диковину – примитивное этакое племя, дети гор, ни христианской благости, ни исламской жесткости, и живут по правилам проще не придумать, вроде «Дом албанца служит Богу и всякому нуждающемуся в приюте». Так в их своде законов записано. И пояснял албанский Праведник Рафик Весели: «Наш закон требует быть гостеприимным. Если бы

албанец выдал живущего у него еврея немцам, он бы опозорил свою деревню и свою семью. Как минимум его дом разрушат, а семью изгонят». А еще албанцы говорят: «Все равны перед Богом, хоть красавец, хоть урод» и «Албанец скорее убьет собственного сына, чем нарушит клятву». Красиво сказано, но ведь и делалось по слову. Суло Мечай, крестьянин из деревни Круя, приютил в своем доме 10 евреев. Вдруг узналось, что немцы вот-вот нагрянут с обыском. Суло Мечай велел евреям быть готовыми по его сигналу спрятаться в тайник, который он им устроил на чердаке. Евреи запаниковали: «А если немцы подожгут дом?» Чтобы их успокоить, отец приказал своему единственному сыну лезть вместе с евреями на чердак, чтобы разделить их судьбу, если дом подожгут. Все обошлось. После войны этот сын объяснял: «Отец не имел выбора. То был вопрос чести». Уж точно дикость. В деревне Круя все жители знали о евреях, спрятанных у Мечая, у родителей Р. Весели, в других домах. Никто не выдал.

Бекир Когиа прятал у себя своего друга-еврея, который отдал ему все, сколько имел, золотые монеты на свое содержание и за спасение. Война кончилась, и Когиа вернул деньги полностью вопреки протесту друга. Спасаемый – гость, за гостевание брать плату – позор.

69 албанцев Яд Вашем признал Праведниками мира. Албанцы – единственная европейская страна, где евреев после войны оказалось больше, чем до нее: албанцы сохранили не только своих 1000 евреев, но и еще иноземных, бежавших к ним.

Нет закономерности по конфессиям, как и по странам, и по национальностям – никакой увязки.

В Яд Вашеме на 1 января 2013 г. значилось 24 811. Среди них по численности на втором месте после поляков (6394 чел.) голландцы, 5204 человек. Умиленному поклоннику Голландии (а тут еще прибавляется знаменитая история укрытия в Амстердаме семейства Анны Франк) надо бы вспомнить, что в соседней Бельгии при тех же, в общем, условиях оккупации убережены почти все евреи, 24 тысячи человек, а в Голландии погибло 80 процентов 140-тысячной еврейской общины.

Украина с Белоруссией и Россией, где все-таки спасены тысячи евреев, втроем выявили у себя 3214 Праведников – в два раза меньше, чем голландцы. Зато у маленькой не оккупированной Швейцарии, где собственных евреев вообще не надо было спасать, нашлось 45 своих Праведников.

П. Гуцол (Украина), письменное свидетельство:

«Я работал ездовым на строительстве дороги до города Каменец-Подольска. Выгнали строить шоссе и евреев. Кормили их плохо, а работа была тяжелой. Убежать было трудно.

Мое сочувствие к людям, попавшим в беду, забирало от меня страх смерти, поэтому я шел на риск. Особенно жалко было сироту Бирман Анну. Ее родителей, родственников уже расстреляли. Я начал уговаривать Анну бежать… [он достал в своем родном селе Лоевцы справку, что Анна – его сестра]… И когда евреев повели на расстрел, мне удалось проникнуть к траншее [месту расстрела] и я начал просить немцев, чтобы отпустили мою сестру Анну Демьяновну Гуцол, которая попала к евреям случайно. Немцы были пьяные и начали бить меня ногами. А я все показывал им справку, что я украинец, а Анна – моя родная сестра. Тогда шуцман [полицейский-украинец] спросил толпу, кто Гуцол Анна Демьяновна. Анна отозвалась и подбежала ко мне и со слезами сказала, что я ее брат… Но не успели мы отойти от ямы подальше, чтобы скрыться, как нас догнали шуцман с немецким солдатом. Шуцман говорил солдату, что она – еврейка и начал прикладом гнать нас к яме. Мы сопротивлялись, кричали.

Подошел немецкий офицер и спросил, что за шум. Шуцман сказал, что [это] жидовка, он знает [ее] по фамилии и в лицо. Офицер приказал нас обоих повесить. Мы онемели…

Когда нас отвели от места расстрела, немецкий солдат начал уговаривать шуцмана отпустить нас, но тот не соглашался. Они начали ругаться. Немец показывал три пальца, стучал себя в грудь и кричал: «Киндер, киндер!» И вдруг выстрелил в шуцмана из винтовки.

Мы побежали в одну сторону, а немец в другую».

Поди разгреби, чья здесь национальность палаческая, чья – спасительская?..

Напутано, натуманено не только с нацпринадлежностью.

Высочайше культурная Германия (Кант, Гегель, Фихте, Гердер, Гете, Шиллер, Бетховен, Ницше… – бесконечен ряд) раскрутила Катастрофу евреев. На Эвианской конференции 32 государств в 1938 г. самые цивилизованные Англия, США, Франция, Австралия не нашли возможностей приютить евреев-беженцев из-под нацистского топора, одна малоразвитая Доминиканская республика взялась принять сто тысяч беженцев, и то в расчете на дешевую рабочую силу.

Немецкий Праведник пастор Грубер вспоминал, как просил своих прихожан спрятать преследуемых евреев: «Простые люди соглашались, а обладатели университетских дипломов часто находили уважительные причины для отказа». Ухмыльнуться в очередной раз по поводу интеллигенции? Мешают спасители евреев болгарский литератор и политик Димо Казасов, бельгийский инженер Леопольд Рос, чехословацкий филолог доктор Анна Биндер-Урбанова и не сочтешь бизнесменов,

адвокатов, дипломатов, педагогов, артистов – все народ не простой…

М. Вехнис (США) свидетельствовала о бывшей царской фрейлине графине Людмиле Дмитриевне Бутурлиной, заброшенной революционными вихрями в эмиграцию, в Латвию. После оккупации Латвии немцами графиня скрывала в Приедайне (Юрмала) еврейку Хаву Гинцбург, пока соседи не выдали ее, и Хава погибла.

В захваченном гитлеровцами Кисловодске трех девочек-евреек уберегла от уничтожения Варвара Цвиленева из дворянского рода Батюшковых; в питерском Эрмитаже в галерее героев войны 1812 г. висит портрет ее предка генерала Цвиленева.

Напрашивается поверить, что благородство наследственно. И необязательно аристократическое прошлое. Б.Б. Вольфсона на фронте тяжело ранило в голову, он попал в немецкий плен, потом к Анастасии и Ефиму Рогожиным (Иловайск, Украина), они, рискуя собой и своими детьми, укрыли солдата-еврея и выходили его. Родители Ефима Рогожина за четверть века до того, в Гражданскую войну, тоже прятали евреев от погромщиков. В 1913 г. в Киеве во время процесса облыжно обвиненного еврея Бейлиса его защищал русский ученый А. Глаголев – сын его, православный священник, спасал евреев в оккупированном Киеве.

Розовая вызревает мечта: под свист центрифуг и стрекот компьютеров бессонные ученые выделяют ген альтруизма, размножают, внедряют, и мир добреет, все в улыбках, все – в любви… Сбываются слова Праведника В. Ковальского при его награждении: «*Мне вручают медаль за дело, которое не требует никакой награды. Всем своим сердцем я хочу помогать распространению братской любви между народами всего мира: если этот идеал осуществится, не придется одним людям спасать других людей и получать за это награды*».

Да что-то пока не ладится там у биологов. Возможно, не только у биологов?..

Пастор Грубер пытался, по его словам, общаясь с Эйхманом, понять его, он надеялся и в Эйхмане отыскать просвет. Доктор Грубер говорил: «Человек не может всегда действовать на пике садизма… В каждом человеке есть оазисы благородства… Но в последние годы, – печалился он в 1961 году, – я вижу, как демонические силы растут и порабощают людей».

«Регресс человечества» – так выразительно названа книга о поведении человека, опубликованная в 1983 году нобелевским лауреатом Конрадом Лоренцом, крупнейшим этологом (и антисемитом, но ему вряд ли думается, что и он поучаствовал

в огорчающем его регрессе).

Лоренц рассуждает о «моральном императиве» Канта или врожденной морали, которая направлена на сохранение биологического вида. Чем больше «инстинктивно альтруистичных» индивидов в первобытном племени, тем больше у него шансов выжить. «*Но увы,* – пишет Лоренц, – *такая «врожденная мораль» проявляется только в рамках коллектива близких людей*». Иначе говоря, фронт работы альтруизма сужается природой. По данным одного из исследователей, он ограничен цифрой в 11 человек – лишь стольким людям каждый может дарить добро за свой счет. Лоренц тут вспоминает, что из двенадцати апостолов именно одиннадцать оказались близкими и любимыми. «*Человек,* – продолжает он, – *«недостаточно добр», чтобы инстинктивно выступить в защиту анонимного, лично ему не знакомого члена массового коллектива. Для такого рода «морального» действия человек нуждается в приказе разума или культуры. И поскольку он исполняет эти приказы не в соответствии с «врожденными склонностями души», такие приказы неизбежно вступают в противоречие с его «древними инстинктами», вынуждая его непрерывно насиловать врожденные, присущие ему от природы программы поведения. Наш «биологический альтруизм» удерживает нас от безграничного, направленного на все человечество «культурного альтруизма»*.

В популяционной генетике есть понятие «отбор по родственному признаку»: животное ищет для дружбы «своего» и находит его по запаху, который определяется родственными генами. Свой своего познаша.

Применительно к человеку говорят о «круге света»: света моей культуры, или моей родни, или моих привязанностей, или сердечных влечений – кто попадает в этот круг, тот мой, того люблю, на того жизнь свою трачу…

Станислав Лем ввел термин «границы солидарности»; они могут определяться разными соображениями. Например, антропоморфностью: муравья затоптать легче, чем убить кошку, человека еще сложнее, особенно «своего» по, скажем, цвету кожи или футбольным пристрастиям. Как давным-давно заметил Ж.-Ж. Руссо, человек склонен симпатизировать только тому, кого может отождествить с собой. Короли не знают жалости к своим подданным, потому что не видят их подобными себе, не понимая, что все равно беззащитны перед страданиями или смертью. И так легко предположить, говорит Руссо, что тот, кто не похож на меня, не может испытывать боль так же, как и я. (Вот и у нацистов евреи – нелюди, паразиты, насекомые; раздави вошь – чего там она испытает?..)

«Не обижай пришельца» – оно когда сказано? Две с половиной тысячи лет как не прошли, все-то крутимся в колесе противостояния: «мы» и «они», «свой» и «чужой». А Праведник не хочет знать понятия «чужой». Его солидарность не имеет границ, в его круге света – все человечество.

Кто же Праведник – он каков? Аристократ, плебей, интеллигент, хам, ворюга? Умен, хитер, набожен, неграмотен, учен, слезлив? Склочник, удалец, ловчила? Ухватить бы…

Двое ученых, каждый сам по себе, взялись поискать: кто они, Праведники, из какого детства, из какого теста леплены. Изучали образование, привычки, друзей, характеры… На многих примерах, солидно, ре-пре-зен-та-тивно… Вышло: у одного Праведники – индивидуалисты, бунтари, против общих правил; у другого – послушные приспособленцы, сотрудники любому режиму. Ускользает Праведник от измерений.

Природа вложила в человека агрессивность. Без нее никакой популяции не выжить. Когда врага нет, она накапливается. Известное наблюдение: если долго жить в изолированном пространстве даже с лучшим другом, можно возненавидеть его вплоть до убийства. Таков естественный закон. Норма.

А Праведник – вне нормы. Его ведет доброта. Иммануил Кант говорил о «моральном императиве» – законе нравственности, изначально заложенном в человеческую душу. Кант жил двести лет назад и ему, наверно, было бы непросто в нашем веке сопрячь опыт гестапо (или ГУЛАГа) с понятием врожденной гуманистической морали. Мир оказался плох, безнравственен. А Праведник не оглядывается – он спасает. Выгребает против течения. Праведник переступает через национальные перегородки, как и расовые, классовые, религиозные – любые. Он – революционер в этом смысле, но он – еще бóльший революционер, когда рушит привычные рамки человеческого эгоизма.

То сам рушит, то обстоятельства ведут. В какофонии войны и вражды не всегда ясны мотивы спасения.

Тщеславие? В Норвегии жили 1800 евреев, сто пятьдесят из них бежали из страны в начале немецкой оккупации. Сразу после первых арестов евреев в октябре 1942 г. лютеранская церковь Норвегии осудила их преследование, а антифашистское подполье принялось тайно переправлять евреев в нейтральную Швецию и к февралю 1943 г. вывезло примерно 800 человек. Пришло время, Яд Вашем предложил норвежцам назвать имена спасителей для их чествования – они отказались: «Посадите одно дерево на всех». И датчанам, почти всех своих евреев спасшим и отказавшимся от поименной славы, высадил Яд Вашем одно

общее дерево: «Народу Дании».

Что Праведнику огласка? Суета и тщета… Французский городок Ле-Шамбон на юге Франции чуть ли не весь выручил пять тысяч евреев. Тихо, не ища себе хвалы и после войны. «Защита обреченных – богоугодное дело», – говорил местный священник и объяснял поведение своих прихожан-протестантов их памятью об уничтожении гугенотов (по-нынешнему, геноцид). Отозвалась вдруг Варфоломеевская ночь!

Корысть? Великому спасителю тысячи двухсот евреев Оскару Шиндлеру, и тому когда-то приписывали «выгоду»: мол, свой завод, где он сберегал сотни человек, Шиндлер отобрал у еврея и наживался потом… (От одного из убереженных шел, между прочим, этот запах.) А сам спаситель объяснял: «*Я ненавидел жестокость, садизм и безумие нацизма. Я просто не мог стоять и смотреть, как уничтожают народ. Я делал… что мне велела совесть*». Если уж не доверять до конца его словам, то предположить следует в придачу к совести не «корысть», коей и в помине не было, а скорее азарт: с гитлеровской махиной одному побороться – заманчиво жизнелюбу типа Шиндлера.

Жизнь многоцветна, и расчетливость спасителя не исключена. Кто-то взялся сохранить ребенка, соблазнясь грошовым перстеньком и не сообразив риска, а потом вдруг объявилась совесть, перекрыла путь назад, пришлось спасать, и рисковать, и платить несоразмерно домом, собой, судьбой… Или: укрываемую девочку выгодно обратили в няньку собственным детям, прислугу, рабыню… Или: мать полицая в Бориславе (Украина) спасала еврейскую семью не только по старой дружбе, но и в надежде облегчить судьбу сына, когда вернется советская власть.

Случай? З. Григорович из белорусской деревни Заречье (Минская обл.) зимой 1942 года шла мимо соседнего совхоза и видела там за колючей проволокой гетто расстрел евреев. Дальше ее рассказ: *«Через проволоку одна женщина подала мне сверток и молила отнести его в деревню. Я взяла и побежала домой. Там была девочка 6–9 месяцев, вся в коросте. И книжка. Мать ругала меня: «Пятнадцать лет, а дура-дурой! Что теперь с малявкой делать? Не выкинешь же!» Мы сказали в деревне, что я нашла ребенка на дороге. Деревня маленькая, несколько домов. Бабы сказали: «Пускай. Умрет – так умрет, а выживет – будет жить». Дед Прокоп сказал: «Узнают немцы – всю деревню постреляют. Так что молчите». Молчали всю войну. Днем немцы заезжали – грабили, ночами партизаны грабили. Но никому никто про девочку не сказал…»*

Девочку спасли. Сейчас она в Израиле, при ней книга,

вложенная матерью в сверток с младенцем, – Тора старинная, в кожаном переплете с медной застежкой – памятник белорусской деревушке-Праведнице, всем скопом нежданно-негаданно угодившей в подвижничество; никаких там мотивов, так уж вышло…

Сколько людей попадали в подвижники невзначай, не по своей воле, а по стечению случайностей! Но обычно все-таки наличествовала предрасположенность души, которая не позволяла отмести сочувствие или жалость, накатывающие непрошенно, но неотвратимо. Тогда и легкий толчок сыновьего ребячьего не замутненного ничем сердца может решить мамину жизнь.

1992 год, Яд Вашем. На открытие памятной таблички в честь умершей Праведницы прибыл из Украины ее сын, «такий соби хлопець» лет вроде сорока, шаровидный, кровь с молоком, лысина с чубом, руки-грабли-лопаты, ну, колхозный комбайнер, а то и бригадир. Слепящий полдень, церемониал, речи… Спасенный, истрепанный израильский старик повествует, указывая на гостя: «Я с гетто до них у хату прибег, его мама меня покормила и говорит: «Иды, хлопчику!» И он, вот он, ему тогда шесть годков было, заплакал и каже: «Не хочу шоб того хлопчика вбылы, сховай його, мамо!» И так же ж плакал, шо вона меня оставила… и аж до освобождения…» – Он задыхается, а крутой хлопец целует мамино имя на табличке, и солнце скатывается слезой по его пунцовой щеке.

В реальной жизни ни су́дьбы, ни побуждения не разделить, да и как-то стыдно поверять пошловатой алгеброй гармонию доброты. Существенно одно: работает альтруизм даже в самых античеловеческих условиях.

В романе польского писателя Ежи Анджеевского «Пасхальная неделя» ксендз пытается спрятать еврейку, но обоих расстреливают по доносу соседа. Анджеевский описывает разные варианты отношения поляков к обреченной еврейке: ненависть, страх, жалость, равнодушие – все они, согласно автору, бесплодны; в бесчеловечной атмосфере нацизма нет места никакому человеческому решению. «Человечность попросту отменяется», – заключает писатель.

Не только человечность отменилась: рушится вся европейская цивилизация, настоенная на христианстве. «Несть ни эллина, ни иудея»? Бросьте, вот он, иудей, выделен и обречен. «Не убий», «возлюби ближнего»? Дудки! «*Извечно побеждает только стремление к самосохранению. Под ним так называемая гуманность как выражение глупости, трусости и кичливого умничания тает, словно снег под мартовским солнцем. В извечной*

борьбе человечество выросло, в извечном мире оно погибнет». Это Гитлер, его книга «Моя война»; там и новейшая заповедь начертана: «*Одно существо пьет кровь другого. Одно, умирая, питает собой другое. Нечего молоть вздор о гуманности*».

Не умер Гитлер, шевелятся последыши в темном подполье, время от времени выставляя на свет то упитанную задницу, то голодный оскал.

Осознание всеобщей значимости Катастрофы евреев может лишить людей всякой перспективы: человек оказывается безмерно порочным, мир – беспроглядно ужасным. Замечено: «После Освенцима нельзя писать стихи». Точнее сказать: и в Освенциме нельзя писать стихи. А Праведники пишут. И во время, и после. Для Праведника человечность неотменима.

Какая сила толкает украинскую крестьянку (частное сообщение) скрыть еврейскую девочку и, спасая от полицаев и соседей, удочерить? А потом воспитать так, что, когда после войны объявится настоящая мама забрать дочку, та прокричит: «Нэ хочу до жидив! Не буду исты ту жидивську курочку!!». «Кугочку!» – скартавит она, дразня, ненавистно, в лицо еврейке-маме. А приемная мать довольно хмыкнет, она тех жидив сроду на дух не выносит. «Так чего ж ты еврейку спасала?» – спросили ее много лет спустя. «Та воно ж людына («то ведь человек»)», – и пожала плечами, удивилась непониманию.

Соучастников гитлеровских преступлений в Германии насчиталось пять миллионов. На оккупированных землях местных убийц и подручных тоже ведь сотни тысяч. А Праведников в Яд Вашеме сегодня набрали двадцать четыре тысячи. Недоучли, естественно, многих: один СССР почти полвека не давал объявиться защитникам евреев. Сколько же не выявлено? Если думать о людях хорошо, наскребется еще тысяч двадцать. Против миллионов-то…

Но праведная эта капля в море освенцимского самоубийственного беспредела, может быть, единственная надежда.

Покидая Яд Вашем, вырываясь из тисков Катастрофы, оглянись, душа обожженная, на деревья Праведников. И на обратной дороге, с ближней теперь стороны, справа, уже лицом к тебе, глянет обелиск с именем Рауля Валленберга. Он спас десятки тысяч евреев. Поклонись, прохожий…

И поклонись, читатель, замечательному стечению обстоятельств: американская школа, умный учитель, чуткие школьницы, пронзенные еврейской трагедией и великим подвигом спасения, – и вышла в итоге добрая книга об Ирене Сендлер. Вот эта.

– Анатолий Кардаш, писатель, исследователь Катастрофы евреев (Холокоста) в годы Второй мировой войны.

«*Храброе сердце Ирены Сендлер*» – художественно-документальная книга, основанная на информации, полученной из:

• интервью с Ireной Сендлер, другими спасителями евреев, «детьми Холокоста» и польскими учеными, а также с преподавателем, благодаря которому родился этот проект, Норманом Конардом и его замечательными ученицами Меган (Стюарт) Фелт, Элизабет Камберс-Хаттон, Сабриной Кунс-Мерфи, Джессикой Шелтон-Риппер и другими школьниками, принимавшими и принимающими участие в спектакле «*Жизнь в банке*»;

• *Matka Dzieci Holocaustu: Historia Ireny Sendlerowej* [Мать детей Холокоста: История Ирены Сендлеровой] (Muza SA, Варшава, 2004), книги о жизни Ирены Сендлер, написанной Анной Мешковской и Яниной Згржембской при участии Ирены Сендлер;

• статей Ирены Сендлер;

• упоминаний истории Ирены Сендлер в академических работах, посвященных истории Варшавского гетто;

• множества других источников, перечисленных в разделе «Библиография».

Все вымышленные диалоги реконструированы на основе информации, полученной в ходе исследовательской работы и личном общении. В части второй, рассказывающей о событиях, происходивших в Польше во время Второй мировой войны, я дал имена нескольким персонажам, играющим важную роль в этой истории. Например, Ирена Сендлер никогда не упоминала имени своего школьного учителя, которого я назвал профессором Пикатовским по прозвищу Пика. Тем не менее все описанные мною обстоятельства детства Ирены и ее учебы в Варшавском университете полностью соответствуют действительности. То же касается и помогавшего Ирене в Варшавском гетто сотрудника еврейской полиции Шмуэля. Ирена ни разу не назвала его имени. Я назвал Адамом участника еврейского Сопротивления в гетто и превратил его в брата Евы Рехтман. Насколько мне известно, у Евы Рехтман не было брата – члена боевой группы Сопротивления, но Ирена и правда тесно сотрудничала с еврейским подпольем. Также вымышлены имена некоторых немецких официальных лиц и офицеров, но все эти персонажи существовали в действительности. Вымышленные имена даны и некоторым персонажам, фигурирующим в первой и третьей

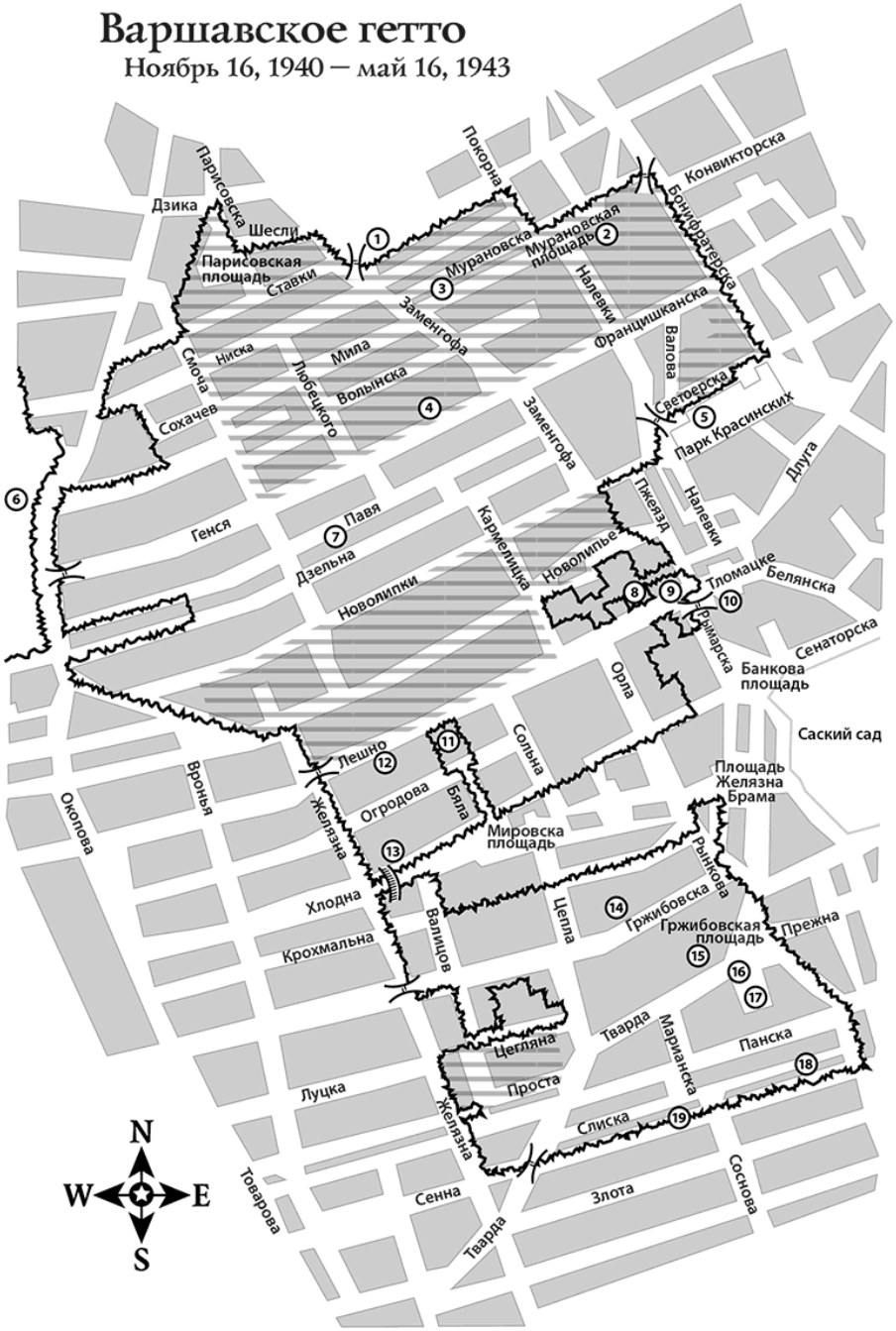
частях книги, например преподавателю обществознания мистеру Кихарту и некоторым учащимся Юнионтаунской средней школы.

Посвящается всем невоспетым героям

Иногда в нас гаснет внутренний свет, но потом возгорается вновь при встрече с другим человеком. И все мы должны быть глубоко благодарны тем, кто возродил в нас этот внутренний свет.

Альберт Швейцер

Варшавское Гетто



– Главные ворота гетто.

– Кварталы гетто, продолжавшие существовать после ликвидации в сентябре 1942 г.

1 Умшлагплатц (Umschlagplatz – *нем.)*, товарный двор железной дороги, где происходила погрузка в поезда депортируемых в Треблинку евреев.

2 Трамвайное депо на Мурановской площади.

3 Штаб подполья на Милой, 18.

4 Еврейская тюрьма Генсиувка.

5 Парк Красинских.

6 Еврейское кладбище.

7 Гестаповская тюрьма Павяк.

8 Церковь Благовещения.

9 Centos, Еврейская организация самопомощи.

10 Большая синагога на площади Тломацке, уничтоженная в последний день Восстания в гетто – 16 мая 1943 г.

11 Здание суда.

12 Театр «Фемина».

13 Пешеходный мост над Хлодной улицей, соединявший территории Большого и Малого гетто, открыт для движения 26 января 1942 г.

14 Юденрат – Администрация еврейского гетто, Гржибовская улица, 26, ноябрь 1940-го – сентябрь 1942 г.

15 Синагога Ножиков, сохранилась до сего времени.

16 Гржибовская площадь.

17 Церковь Всех Святых.

18 Дом сирот Януша Корчака, Сенна, 16, и Слиска, 9.

19 Дом Евы Рехтман на Сенной улице.

Часть первая
Канзас, сентябрь 1999 – февраль 2000

Глава 1
В ней столько злобы
Канзас, 1999

Лиз прижалась лбом к иллюминатору самолета и во все глаза смотрела, как солнце начинает покалывать своими лучами черный край океана. Это была бесконечная ночь, полная беспокойным ожиданием и гулом авиационных двигателей. Самолет плавно накренился на правый борт, горизонт качнулся влево, и ее охватило очень странное чувство. Ей захотелось, чтобы безграничная полетная скука продолжалась и продолжалась, чтобы самолет не закладывал этот вираж, готовясь окунуть ее в неизвестность, в странные, ошеломляющие своей дерзостью приключения. Когда все это началось, когда она полтора года назад прочитала ту удивительную заметку об Ирене Сендлер в «Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт»[3], только безумцу могло прийти в голову, что она, Лиз Камберс, будет сидеть у этого иллюминатора, на этом «Боинге-747», лететь через океан в Европу, в Польшу, в Варшаву.

То, о чем она и помыслить не могла, когда ей было 14, этот внеклассный проект к Национальному Дню Истории, сама делать который она никогда не вызвалась бы, сейчас стало столь же неопровержимой реальностью, как этот наклонный рассвет за иллюминатором. Хотя своего удивления не могли скрыть ни бабушка с дедушкой, ни учителя, ни друзья и родные, больше всех была поражена сама Лиз. Настолько же невероятно было, что Лиз и ее одноклассница Меган Стюарт, разные, как луна и солнце, общего у которых была одна только дата выпуска из школы, отправятся в это путешествие вместе. Сидящая через проход Меган спала, склонив голову набок, густые темные волосы рассыпались по ее лицу. Лиз даже не сомневалась, что, будь у нее возможность заглянуть в будущее и полистать выпускной альбом, под фотографией, излучающей уверенность в себе, луноликой Меган, она нашла бы длинный список заслуг и достижений, завершающийся словами «Лучший выпускник 2003 года. Подает большие надежды». А что будет написано под фоткой сконфуженно улыбающейся фотографу Лиз?.. Наверно, стандартное, хоть и немного зловещее напутствие лузеру: «Удачи в жизни!»

Повернувшись обратно к окошку, Лиз пригладила растопыренными пальцами свои короткие светлые волосы и невольно задумалась о новом в своем лексиконе слове…

о приносящем столько беспокойства слове *наследие*. Как она была поражена, узнав, что всего одно слово может иметь такой огромный вес!

Наследие. Мистер Конард, их учитель обществознания и консультант по проекту к Национальному Дню Истории, сказал, что теперь историческое наследие Ирены Сендлер в их руках. Полтора года назад они начали работать над обычным проектом, но потом он вдруг зажил собственной жизнью и вырос в Проект *«Ирена Сендлер»*. Они представили «*Ирену Сендлер*» на уровне штата (Абилин, Канзас), а потом и на общенациональном конкурсе (Колледж-Парк, Мэриленд). Однако, в отличие от остальных, этот проект не умер сразу по завершении конкурса. Они уже отыграли «*Жизнь в банке*» в Еврейском Фонде Праведников[4] в Нью-Йорке, в Канзасском отделе народного образования и в нескольких синагогах Канзас-Сити.

В «*Жизни в банке*», простенькой, кто-то скажет даже наивной пьесе[5], они показывали, как Ирена Сендлер ходит по еврейским семьям в Варшавском гетто и уговаривает матерей отказаться от своих детей ради спасения их жизни. В обнаруженной Лиз забытой всеми истории было что-то невообразимо притягательное. Она пугала ее и в то же время возбуждала жгучее любопытство, словно какая-то ужасная сцена, к которой снова и снова сами по себе возвращаются глаза испуганного очевидца. Матери отдавали своих детей.

Для Лиз слово *наследие* имело совершенно другое значение… менее героическое. Мать Лиз отказалась от своего ребенка… она отказалась от Лиз, когда той было пять лет от роду. Лиз всматривалась в постепенно светлеющий горизонт и мучилась мыслями о своем личном наследии, проклятии, гнетущем своей генетической неизбежностью и передаваемом от матери к дочери подобно неизлечимому заболеванию.

Двигатели сменили тягу, самолет пошел на снижение, и она почувствовала, что начинает закладывать уши. Солнечного света стало больше, и Лиз увидела на поверхности океана кильватерный след прошедшего судна. Она откинулась на спинку неудобного кресла и почувствовала, что сползает из этих меланхолических размышлений в самую настоящую хандру. Она задвинула шторку иллюминатора, но так только острее ощутила клаустрофобию от того, что была заперта в этой летающей консервной банке наедине со своими мрачными мыслями, от которых у нее всегда начинало колотиться сердце.

Даже закрывая глаза, она продолжала смотреть в свое прошлое, от которого было невозможно ни

убежать, ни спрятаться.

* * *

Все случилось, когда Лиз было пять лет от роду, во время ужина на грязной кухне фермерского домика в Западном Канзасе, фанерные стены которого продувались насквозь всеми ветрами прерий, приносящими с собой пыль и холод. Лиз с матерью переезжала с места на место так часто, что потеряла счет этим бесконечным переселениям. Здесь, на ферме, у Лиз хоть была собственная комната. Хозяевами фермы были два пожилых брата. Лиз помнила, как в тот вечер мать в очередной раз поругалась со своим бойфрендом. Лиз сидела за столом, пытаясь прожевать жесткий кусок мяса, который ее заставлял есть мамин приятель (Реджи, что ли?). Тогда Лиз считала скандалы, которые устраивала мама, хоть и неприятным, но естественным элементом повседневной жизни… это только теперь она понимала, что виной тому были наркотики и алкоголь. Но этот скандал оказался последним. Мать сорвалась из-за стола, отбросив в сторону стул, и выбежала на улицу, с треском захлопнув за собой дверь. Через мгновение взревел разбуженный стартером старый, усталый автомобильный двигатель. Она соскользнула со стула и, подбежав к двери, успела увидеть маму за рулем выплевывающего из-под бешено вращающихся колес комья грязи старого «Бьюика». Машина сорвалась с места, будто за ней гнались все демоны преисподней, и больше Лиз никогда свою мать не видела. Она с ней даже не попрощалась. Лиз смотрела, как пыльный след, оставляемый убегающей от нее матерью, становился все длиннее, а потом и вовсе скрылся за горизонтом.

Эти мгновения отпечатались у нее в голове с фотографической четкостью, но все остальные события тех времен слились в какую-то неразборчивую кашу, в мутное пятно, которое нельзя было ни толком разглядеть, ни вывести с полотна памяти. Какой-то дружелюбный социальный работник забрал ее с фермы и отправил в детский дом, потом кто-то выяснил, что ее настоящий отец не способен о ней заботиться, но отец ее отца, дедушка Билл, и его жена Филлис вроде бы «готовы попробовать», в результате чего она и стала их «приемной дочерью». Конечно, им было нелегко, ведь с тех пор, как они сами были родителями, прошло много лет…

Пока Лиз росла, она стригла свои светлые волосы как можно короче, чтобы никому не пришло в голову спутать ее с матерью,

длинноволосой блондинкой, чей образ сохранился только на двух полароидных фотках – они лежали в шкафу, в коробке из-под обуви, которую она никогда не открывала. С годами обрывки подслушанных разговоров (в которых фигурировали такие слова, как «наркотики» и «проституция») сложились в трагическую историю жизни матери… Психологи или социальные работники подготовили дедушку Билла к неудобным вопросам Лиз – каждый раз она получала от него заученный ответ:

– Дело не в том, что она тебя не любила, солнышко, она просто была не способна о тебе позаботиться. Ты ни в чем не виновата.

Отец Лиз жил неподалеку, но почти ее не навещал, а во время этих редких визитов Лиз все время казалось, что он боится ее и торопится убежать, словно боясь подцепить от нее какую-нибудь болезнь. Каждый год на день рождения и Рождество она получала от него открытки, хотя в прошлом году поздравление с днем рождения запоздало аж на две недели. Психологи и социальные работники твердили ей о том, каково это быть брошенной, о ее внутренней ярости, о ее душевных метаниях, о чувстве стыда, об ощущении горя. Она высиживала эти обязательные 50-минутные сеансы психотерапевтической болтовни и выходила за дверь, чувствуя, как в ней бурлят управляющие ее жизнью неведомые жгучие эмоции.

* * *

Дедушка Билл, человек крупный, большеголовый, ростом под два метра, грузный, но очень крепкий, обычно ходил в солнцезащитных очках с коричневатыми стеклами и бейсболке с логотипом «The Fort», оставшейся у него с тех времен, когда он работал шофером экскурсионного автобуса и возил туристов в исторический Форт Скотт[6]. Лиз жила с ним и бабушкой Филлис в скромном доме в Мейплтоне, крохотном фермерском поселке на юго-западе Канзаса с населением чуть меньше сотни душ.

Лиз доставляла много хлопот, в школе у нее, как и предрекали психологи, проблем хватало. Она не могла спокойно усидеть на своем месте, не могла сосредоточиться, отказывалась делать то, чего ей делать не хотелось, дралась, часто сквернословила. Одни школьные психологи все еще продолжали пытаться достучаться до Лиз, другие махнули на нее рукой…

Как-то дедушка чисто риторически поинтересовался у Лиз,

откуда у нее столько проблем. Она ответила ему вопросом:

– Почему она меня бросила?

– Думаю, по большому счету, разбираться в этом нет никакого смысла, – сказал он. – Так бывает…

И отвернулся, пытаясь скрыть от нее слезы… Лиз понимала, что «разобраться в этом» было просто необходимо.

> Она не позволяла себе слез – просто научилась запирать свои вопросы в самом дальнем и темном уголке своей души.

Но у Лиз был и талант – она великолепно играла на альт-саксофоне. Она терпеть не могла рэп и хип-хоп, обожала джаз и блюз и назубок знала творчество Дюка Эллингтона, Джона Колтрейна и Чарли Паркера. Когда у нее выдавался плохой день, а случалось это очень даже часто, она запиралась в своей комнате, опускала жалюзи, вставала перед большим зеркалом, надевала солнечные очки, включала настольную лампу и направляла прямо себе в лицо. Она ставила ее поближе, чтобы чувствовать лицом тепло, представляя, что стоит в горячих лучах софитов на сцене прокуренного джаз-клуба в Канзас-Сити, и давала жару на своем саксе.

* * *

В старших классах неприятности начались с первого же дня: Лиз узнала, что ее снова записали в класс мистера Кихарта. На родительском собрании в прошлом году он сказал дедушке Биллу:

– В Лиз столько злобы, что хватит на всех жителей Канзаса.

Нелады у Лиз были с большинством учителей, но они хотя бы делали вид, что понимают ее проблемы или пытаются пробить брешь в панцире ее непокорства. Но только не мистер Кихарт. С точки зрения Лиз, он был одним из самых неудобных учителей, потому что, с одной стороны, его нельзя было игнорировать, а с другой – с ним нельзя было договориться. Дедушка Билл говорил, что они с ним просто «не сошлись характерами», а поэтому ей лучше держать себя в руках и его «не доводить». Но Лиз нечасто слушала чужие советы и поэтому уже на второй день учебы упросила мистера Конарда перевести ее к нему.

– Можно звать меня просто *Мистер К.,* и у меня придется много работать, – сказал он. – Ты на это способна, Элизабет?

– Просто Лиз – Элизабет я не люблю… и, да… я работы не боюсь. (Вообще-то она говорила правду, но на всякий случай

скрестила на удачу за спиной пальцы.) А кроме того, если мне придется еще целый год ходить на уроки к мистеру Кихарту, у меня просто крышу снесет. Я точно взорвусь.

Он посмотрел Лиз прямо в глаза, отчего ей стало немного не по себе, а потом кивнул, больше задумчиво, чем говоря о своем согласии.

– Лиз, – наконец произнес он, – мой курс не похож на остальные. Он не зря называется *Творческим обществознанием.* Я от каждого ученика ожидаю очень многого. Это дело добровольное, но я настоятельно рекомендую своим ученикам задуматься о проекте к Национальному Дню Истории. Придется вести исследования и много работать после школы. Это большая ответственность. Ты на это способна?

Чушь! Любой учитель считает, что важнее его предмета в мире ничего не существует…

– Да, конечно. Не вопрос.

Перевод состоялся в тот же день, и Лиз заняла свое место на «камчатке». В аудитории 104 постоянно толклись школьники. Рядом находилась видеомонтажная с проектором и архивом проектов, подготовленных учениками на Национальный День Истории. Стена Славы в аудитории была сплошь увешана дипломами победителей конкурса.

В тот первый день Мистер К. рассказывал о Национальном Дне Истории и некоторых созданных его учениками проектах. Одним из самых драматичных был проект, для которого школьники устроили встречу Элизабет Экфорд, одной из «Девятки из Литтл-Рока»[7], т. е. девяти афроамериканских учеников, переведенных в 1957 году на совместное обучение в среднюю школу Литтл-Рока, с Кеном Рейнхардом, одним из немногих белых учеников, ставших их другом.

– Моя цель, – объяснял Мистер К., – научить уважать и понимать всех людей независимо от их расы, религиозных и политических убеждений.

Именно поэтому он предлагает школьникам работать над проектами о невоспетых героях прошлого, ставить спектакли, снимать документальные фильмы и устраивать выставки. К 1999 году, т. е. за 11 лет его преподавания в Юнионтауне, его ученики выполнили больше 40 проектов, во многих из которых рассказывалось об истории борьбы за гражданские права, Великой депрессии[8], поднимались темы равноправия и толерантности.

– Я надеюсь, – продолжал он, – что эти проекты помогут вам изменить свою жизнь, научат вас вести исследовательскую работу, сотрудничать, пользоваться источниками информации.

Я надеюсь, они помогут вам понять, что даже одному-единственному человеку под силу изменить ход истории… и что человеком этим может быть любой из вас.

Лиз сгорбилась на последнем ряду аудитории, не желая воспринимать его слова всерьез, и гадала над смыслом девиза, начертанного на висящей над школьной доской табличке:

«Спасающий одного человека спасает весь мир».

Талмуд[9]

Глава 2
Время собирать камни
Канзас, 1999 год

Речь о Национальном Дне Истории 2000 в классе зашла в четверг, 23 сентября (об этой дате им еще придется вспомнить, но уже по совсем другому поводу). Мистер К., казалось, посмотрел прямо на Лиз, когда сказал:

– Темой нынешнего года будут «поворотные точки истории». И во что это выльется, предугадать невозможно, – он показал на Стену Славы. – В конкурсе будут участвовать полмиллиона школьников. Точно такие же ребята, как вы, из нашей старой доброй Юнионтаунской школы побеждали в окружных конкурсах, конкурсах штата и даже на общенациональных чемпионатах. Исторические конкурсы – это такой же командный вид спорта, как баскетбол или футбол. Может, и ваши имена когда-нибудь окажутся на этой стене.

«Это вряд ли», – подумала Лиз, откинув голову на заднюю стенку класса и закрыв глаза.

Студенты разделились на группы – каждая получила тему. Лиз досталась папка с названием «Национальный День Истории – Идеи – 1995». Она принялась листать ее без особого интереса и не очень-то внимательно разглядывая содержимое, пока вдруг не наткнулась на статью, вырезанную из журнала «U.S. News and World Report». Статья, опубликованная 21 марта 1994 года, называлась «Другие Шиндлеры»[10]. Несколько абзацев были обведены красным маркером:

Польша: Ирена Сендлер, социальный работник

Она дала двум с половиной тысячам еврейских детей новые имена, а списки с настоящими именами закопала, чтобы они не попали в руки нацистов.

Когда Гитлер в 1940 году выделил в Варшаве еврейское гетто и загнал за его стены 500 000 уже обреченных на ликвидацию евреев, поляки в большинстве своем отнеслись к этому равнодушно, а то и с одобрением. Но не Ирена Сендлер. Как социальный работник, она выхлопотала себе разрешение на посещение переполненного гетто, чтобы проверять, не появляются

ли там признаки тифа, распространения которого очень опасались нацисты.

Потрясенная увиденным, Сендлер вступила в Жеготу[11] *– подпольную организацию, занимавшуюся помощью евреям, и получила кличку «Иоланта». Депортации уже начались, и, понимая, что взрослых спасти уже невозможно, Сендлер начала тайком вывозить в карете «Скорой помощи» детей. «Вы обещаете, что они выживут?» – спрашивали Сендлер убитые горем родители. Она могла обещать только одно: дети погибнут наверняка, если останутся в гетто. «Мне до сих пор снится, – говорит она, – как кричали дети, расставаясь с родителями».*

Сендлер удалось вывезти из гетто почти 2500 еврейских детей. Когда они оказывались в безопасности, она придумывала им новые имена и биографии. Чтобы не забыть, кто был кто, она записывала их настоящие имена на бумажки, клала в пустые бутылки и закапывала у себя в саду. Найти христиан, готовых укрыть этих детей в своих домах, было очень нелегко: «Тогда в Польше немногие желали помочь евреям, [даже] детям». Но Сендлер организовала подпольную сеть из семей и монастырей, готовых предоставить им убежище. «Я писала записку: «Готова пожертвовать монастырю одежду», – ко мне приезжали монахини и забирали детей».

Лиз несколько раз перечитала заметку, потом подошла с ней к учительскому столу.

– Мистер К., а эта дама, она, типа, знаменитость?

Он пробежал глазами страничку и пожал плечами.

– Нет, Лиз, не знаменитость. Я о ней вообще никогда не слышал. Может, тут опечатка… ну, знаешь… не 2500 детей, а 250. Попробуй проверить.

– Так что, о ней, типа, вообще никто толком ничего не знает? – Лиз поджала губы. – Слишком уж тут все как-то в общих чертах написано.

– В том-то и суть, Лиз, – сказал он. – Невоспетые герои. Мир изменить под силу любому из нас, даже тебе. Давай-ка вечерком подумай, а завтра, утро вечера мудренее, скажешь, что решила.

Но Лиз раздумывала не только «вечерком». Иоланта, уговаривающая мать отдать ей своего ребенка, не шла у нее из головы весь день, а когда она наконец оказалась в своей комнате, мешала играть на саксе и делать уроки. Как ей удавалось убедить

матерей? Что она чувствовала, наблюдая, как мать и дитя рыдают перед разлукой? Лиз представляла себе, как Ирена Сендлер прячет ребенка под пальто, несет к карете «Скорой помощи» и бережно укрывает там где-нибудь среди перевязочных материалов. А если ребенок расплачется? Неужели фашисты не обыскивали въезжающие и выезжающие из гетто машины? А если б ее поймали? В ее воображении ворота гетто постоянно охраняли свирепые нацисты. Лиз гадала, плакала ли ее собственная мать, убегая тогда из дома, или хотя бы вспоминала ли о том, что пятилетняя Лиз стоит, уткнувшись в сетчатую дверь, дожидаясь ее возвращения? Первые девять месяцев, пока она скиталась по детским домам и опекунским семьям, Лиз рыдала и бесилась, но потом горе переродилось в ненависть и презрение. Ее мать не проливала по ней слез, значит, и она, Лиз, не будет плакать ни по матери, ни по себе.

За ужином в тот вечер она вела себя настолько тихо, что дедушка даже спросил, здорова ли она. Уснуть ей удалось только далеко за полночь.

На следующий день после урока Лиз подошла к Мистеру К.

– Наверное, я попробую узнать побольше про эту Ирену Сендлер, – сказала она, – но только не знаю, с чего начать.

– Хорошо, Лиз. Но это будет нелегко. Я бы посоветовал тебе объединиться в группу с парой-тройкой ребят и попробовать подготовить инсценировку… что-нибудь вроде *Списка Шиндлера*[12].

– Списка кого?

Он показал на имя Шиндлера в заголовке статьи.

– *Списка Шиндлера*. Это реальная история человека, спасшего во время Второй мировой больше тысячи евреев. Я поэтому и думаю, что тут опечатка. Шиндлера знают все. Но никто даже не слышал об…

Он взял у нее из рук журнальную вырезку.

– Ирене Сендлер, – подсказала Лиз.

– Вот видишь, Лиз. Ты уже в этом деле специалист, потому что знаешь о нем больше меня.

Он предложил ей объединиться с Меган Стюарт. В классе было всего 29 учеников, и все они, к худу уж или добру, друг друга так или иначе знали. Меган Стюарт отличалась от Лиз, как небо от земли. У Лиз было вытянутое овальное лицо, которое она не очень-то любила видеть в зеркале, а Меган была круглолицей, розовощекой девушкой, с лица которой даже в серьезные моменты не сходила ослепительная улыбка. Короткие светлые волосы Лиз, прямые и тонкие, как шелк, развевались даже под самыми слабыми дуновениями ветерка, а густые темные

волнистые волосы Меган, всегда аккуратно причесанные, ложились на ее плечи с шиком и достоинством бархатных гардин. В школьной столовой Лиз заметила, что перед едой Меган тихонько читает про себя молитву.

Вообще казалось, что буквально все относятся к Меган с симпатией. Лиз же про себя такого сказать категорически не могла. Она даже была уверена, что люди вроде Меган стараются держаться от людей типа нее как можно дальше. Она ожидала вежливого отказа, какого-нибудь «нет, спасибо», или «я подожду до следующего года», или «думаю, мне лучше взять другую тему», или «с кем угодно, только не с тобой, Лиз». Да и зачем, думала Лиз, она вообще все это делает? Чего уж такого невообразимо интересного было в этой истории, чтобы заставить ее совершить такой *нелизкамберсовский* поступок? Может, как раз сейчас был самый удобный момент остановиться и все бросить. Но каково же было ее изумление, когда Меган в ответ на ее предложение взяться за Ирену Сендлер сказала:

– Ага. Мне кажется, может получиться здорово. Надеюсь, я справлюсь. А то у меня так много всякого другого уже творится – чирлидерская[13] группа, Братство христианских спортсменов, оркестр, гольф. А еще я только что записалась в Канзасскую молодежную ассоциацию.

Выслушивая этот достойный выпускного альбома список занятий и увлечений, Лиз почувствовала странное облегчение: Меган будет слишком занята, чтобы перехватить руководство проектом. Да, в ней уже появилась эта своеобразная протекционистская ревность. Тем не менее заинтересованность Меган ее порадовала. Лиз, конечно, чувствовала себя рядом с ней полной дурой и неудачницей, но отрицать силу притягательности Меган, ее внутренней энергии, интеллекта и образованности не могла. А прежде всего Лиз боялась, что, взявшись за проект в одиночку, она непременно провалит его самым позорным образом.

– Может, поболтаем сегодня после уроков? – спросила Лиз.

– Давай.

Оказавшись с Меган с глазу на глаз, Лиз снова растерялась и почувствовала себя крайне неуверенно. Раньше она никогда ни с кем в сотрудничестве не работала, да и желания не испытывала, а посему даже и представления не имела, как и с чего надо начинать.

Меган аккуратно поставила свой под завязку набитый рюкзак и спросила:

– Ты живешь в Мейплтоне?

– Ага. А ты, типа, из Бронсона, да?

– Точно, из Бронсона, – сказала Меган. – Выходит, по сравнению с тобой я живу почти что в мегаполисе.

Лиз попыталась посмеяться, но смех получился какой-то нервный и глуповатый. Она дала Меган статью про «Других Шиндлеров».

– Вот все, что я знаю, – развела руками Лиз, – но если тут все правда, то это просто-таки удивительная история. Хотя, может быть, это опечатка… ну, типа, 250 детей, а не 2500.

Лиз внимательно наблюдала за Меган и увидела, как вдруг померкла и исчезла с ее лица улыбка, когда она несколько раз подряд прочитала заметку. Потом Меган нахмурила брови и подняла глаза на Лиз.

– Вот это да!.. – задумчиво протянула Меган. – Это и правда удивительно… если правда.

Все еще изучая Лиз взглядом, она добавила:

– Говорят, все эти проекты – дело непростое. Я слышала, приходится дополнительно заниматься, а иногда допоздна сидеть в школе.

Лиз подумалось, что Меган смотрит на нее как-то странно, словно оценивая ее надежность и проверяя, можно ли на нее положиться.

– Ага, – сказала Лиз, – мне тоже такое говорили.

Теперь, когда в проекте согласилась участвовать Меган, Лиз начали обуревать сомнения. Время от времени ее сильно подмывало бросить всю эту историю с Иреной Сендлер, пока она не выросла в слишком уж глобальное и неподъемное мероприятие. Это было жутковатое чувство – обычно она с легкостью отказывалась делать то, чего ей делать не хотелось, но на этот раз все было иначе. Мысли об Ирене Сендлер не давали ей покоя, особенно по ночам, когда разыгрывалось воображение и в голове снова и снова начинала крутиться сценка, в которой Ирена уговаривала мать-еврейку отдать ей, совершенно незнакомой женщине, своего ребенка, а иногда даже грудного младенца, потому что только так можно было его спасти. Вообще вся эта история сбивала ее с толку и сильно нервировала.

Кроме всего прочего, еще и очень трудно оказалось найти какую-нибудь полезную информацию. Поиск в Сети дал всего один результат – Еврейский фонд Праведников, или ЕФП, организацию, оказывающую поддержку неевреям, спасавшим евреев во время Холокоста.

Весь четвертый урок Лиз ломала голову, когда лучше сообщить Мистеру К. о том, что она в этом году проект ко Дню Истории делать все-таки не будет. Но когда она собирала рюкзак, из папки вывалился листок с журнальной статьей про «других

Шиндлеров». Любопытство взяло верх, и вместо того, чтобы сообщить Мистеру К. о своем отказе, она спросила его о фильме «Список Шиндлера».

– Это блестящий фильм, Лиз, но у него возрастной рейтинг «R»[14]. Поэтому я тебе его рекомендовать смотреть не могу.

– А Ирена Сендлер там среди персонажей есть?

– Нет. Но если ты будешь знать историю, которая рассказывается в «Списке Шиндлера», ты сможешь лучше прочувствовать суть своего проекта об Ирене Сендлер.

«К чему мне вся эта морока?» – подумала Лиз. И направилась к двери.

– Лиз! – Мистер К. протянул ей оставленную у него на столе распечатку с контактной информацией Еврейского фонда Праведников. – Позвони им, Лиз. Лучше сделай это прямо сейчас, пока не забыла.

Через полчаса она сидела, уставившись на телефонный аппарат и стараясь набраться храбрости, чтобы позвонить в Нью-Йорк. «И зачем мне это все?» – снова задалась она вопросом. Она сделала глубокий вдох и стала нажимать кнопки телефона, будто повинуясь внутреннему импульсу. У этих людей в Нью-Йорке, наверно, будет слишком много дел, чтобы тратить его на разговоры с глупой девятиклассницей из Канзаса, которая не очень-то в курсе, что произошло когда-то в Варшавском гетто, да и, если уж на то пошло, даже толком ничего не знает о том, что такое гетто, кроме того, что оно было в Польше, где-то посреди Европы и во время Второй мировой.

Словом «гетто» называли центр Канзас-Сити… там было опасно ходить по ночам, там были наркотики, уличные банды, убийства и множество бедных чернокожих. В районе, где находилась Юнионтаунская школа, не было ни одной черной семьи, а в саму школу, насколько ей было известно, школьники других цветов, кроме белого, никогда не ходили. Евреев в Канзас-Сити вроде бы тоже хватало, но она могла с уверенностью сказать, что и их дети в Юнионтауне не учились. Варшава и Канзас-Сити были для нее совершенно разными мирами, а евреи и черные – абсолютно отдельными от нее людьми, и до сих пор она обо всем этом даже как-то особенно и не задумывалась.

– Алло. Алло. Я… Мне… Это говорит Лиз… Элизабет… Элизабет Камберс из Канзаса. Тут, в Америке. Мне нужна помощь с одним школьным заданием.

В телефоне немного помолчали, а потом голос оператора сказал:

– Минутку. Я соединю вас с помощницей госпожи Шталь.

Ф-фу-у-у! Будто гора с плеч упала! Лиз с облегчением выдохнула и дождалась сигнала.

– Это говорит Элизабет Камберс. Я учусь в Юнионтауне. Ну, то есть… здесь, в Канзасе. Я прочитала в журнале «U.S. News and World Report» историю про женщину, которая спасла 2500 детей. Ее звали Ирена Сендлер… – Она еще раз взглянула на свои записи. – А подпольная кличка у нее была – *Иоланта*… в Варшавском гетто. Пожалуйста, перезвоните мне по телефону 620-720-4090. До свидания. Ой, то есть, я хочу сказать, спасибо.

Лиз откинулась на спинку диванчика в учительской и почувствовала, что вся взмокла. Насколько же легче было бы оставаться трудным подростком и просто для проформы тянуть лямку школьных занятий. С другой стороны, из всей этой затеи все равно скорее всего ничего не выйдет.

На следующий день прямо на урок геометрии пришла секретарь школы и жестом показала Лиз выйти в коридор. Лиз похолодела: что там еще, опять на ковер… Оказалось, ей звонят… из Нью-Йорка. Лиз подняла трубку.

– Алло. Да, это Элизабет… то есть, я хочу сказать, Лиз.

– Я помощник Стэнли Шталь из Еврейского фонда Праведников Мира. Вы спрашивали про Ирену Сендлер?

– Ага. Про даму, что спасла всех этих еврейских детей.

– Чем я могу вам помочь?

Лиз схватила со стола тупой карандаш и выудила из корзины для бумаг помятый лист бумаги.

– Ну, я, типа, просто хотела узнать, правда ли это? Ну, типа, она что, правда спасла 2500 детей или это опечатка?

– Опечатка? Нет-нет. Это чистая правда. Она тайно вывезла из Варшавского гетто больше 2500 еврейских детей и таким образом спасла им жизнь. Это совершенно поразительная история. Она получила награду Яд Вашема. Знаете, что это такое?

– Нет, мэм, точно не знаю.

– Это музей и мемориал Холокоста в Израиле. Яд Вашем на иврите означает «Память и Имя». Они ищут и награждают Праведников Мира, т. е. неевреев, рисковавших своей жизнью ради спасения евреев во время Второй мировой… во время Холокоста. Женщина, о которой вы спросили, является одним из таких героев. В 1965 году Яд Вашем присудил Ирене Сендлер звание «Праведника народов мира». В 1983 году в ее честь в Израиле посадили оливковое[15] дерево».

– То есть все это, типа, прямо настоящая правда? А почему она это все делала… ну, я хочу сказать, спасала этих детей?

– Дети погибли бы вместе со своими родителями. Нацисты за время войны уничтожили почти все население Варшавского гетто.

Эта женщина…

Наступила долгая пауза, и Лиз услышала, что на том конце провода листают какие-то бумаги.

– Она убеждала родителей отдать ей своих детей, чтобы тайком вывезти из гетто и отдать в приемные семьи или разместить в монастырях. Вы изучаете в школе историю Холокоста?

– Ну, типа того. Это исследовательский проект по истории. А вы сможете прислать мне про нее что-нибудь?

– Мы можем прислать вам материалы и о других спасителях евреев.

– Ага, было бы здорово. Но вообще больше всего мне нужна информация про Ирену Сендлер.

Когда Лиз повесила трубку, в голове у нее поднялся целый вихрь вопросов, которые надо было бы задать этой даме из Нью-Йорка. Как получилось, что никто не знал о таком храбром и добром человеке? Как она, собственно, вывозила этих детей из гетто? Насколько это было опасно? Что было бы, если б ее поймали? Когда она умерла? Ради чего она все это делала? А потом накатили и гораздо более тяжелые вопросы… вопросы, на которые не смогла бы, наверно, дать ответ даже и эта леди из Нью-Йорка. Каково было этим детям? Что чувствовали их родители? Смогла бы Лиз повести себя так же, как Ирена Сендлер, окажись тогда в Варшаве?

Смогла бы отказаться от собственного ребенка?

С абсолютной уверенностью Лиз могла сказать только одно: героизм Ирены Сендлер был настолько же восхитителен, насколько непростительной была трусость ее собственной матери.

* * *

Спустя несколько дней пришел пакет с материалами о людях, спасавших евреев во время Холокоста. Была там и небольшая заметка об Ирене Сендлер, в которой рассказывалось, как малышей вывозили из гетто в ящиках для плотницкого инструмента, гробах и медицинских машинах, как детей постарше выводили через здание городского суда и церкви, через пролом в стене гетто. Еще в посылку был вложен список жертв Холокоста, проживающих в Канзас-Сити и готовых выступить перед школьниками. Перед геометрией Лиз отдала статью Меган, и та прочитала ее во время урока. За урок Меган ни разу не

подняла руку, и учитель даже поинтересовался, здорова ли она.

Меган не могла избавиться от мысли, что ее мама, Дебра Стюарт, очень похожа на Ирену Сендлер – не в поступках, конечно, а по характеру: простые скромные женщины, с неустанной энергией и смирением творящие добро. Если судить по единственной имевшейся у девочек фотографии 29-летней Ирены Сендлер, сделанной в Варшаве во время войны, они даже внешне были немного похожи.

Меган сильно озадачивала и внезапно возникшая душевная связь с Лиз. Это произошло почти против ее воли, ведь более разных и неподходящих друг другу людей было трудно и сыскать… мало того, и репутация у Лиз была не из лучших… Ее воспитывали бабушка с дедушкой, а Меган даже представить не могла себе жизнь без мамы – аккуратной, подтянутой фермерши, в хозяйстве которой царил идеальный порядок.

Поначалу проект не очень-то захватил Меган: за несколько недель до этого она познакомилась с Кенни Фелтом… Он играл на трубе, а еще любил гольф, баскетбол… В тот день они с полчасика поболтали о том о сем. И вдруг Меган поняла, что понятие «райское блаженство», о котором говорили в церкви, вдруг стало для нее уже не таким непостижимым. На первое свидание Кенни пригласил ее всего за несколько часов до того, как к ней подошла Лиз и предложила участвовать в Проекте *«Ирена Сендлер»*.

По выходным Меган работала на ферме со своим немногословным отцом Марком и десятилетним братом Тревисом, таким же стеснительным (или, как говорил отец, «скромным»), как большинство мужчин в Канзасе. Осенью, сразу после уборки пшеницы, Меган выезжала на старом пикапе в поле и «собирала камни». Иногда ей думалось, что именно камни и есть главный урожай их фермы. Первые камни падали в кузов пикапа с резким металлическим грохотом, но потом, по мере того как росла гора в кузове, а «Тойота» все больше оседала под грузом, звук становился все глуше… Она подсчитала, что при 500 камнях на одну загрузку и двух-трех ездках в день она за свою жизнь уже собрала больше 100 000 камней. По вечерам у нее болели все мышцы, но она считала это занятие странным отдыхом. С камнями не надо было вести бесед, к ним не нужно было приходить вовремя, а главное, в этом деле не надо было стараться и достигать каких-то высоких результатов. Собирая камни, можно было спокойно подумать о своей жизни, о своей семье, помечтать. Собирая камни, можно было помолиться. Физический труд, говорил ее пастор, это время смирения и размышлений о своих взаимоотношениях с Господом… Однако

если говорить правду, то в жаркие дни того бабьего лета мысли Меган были заняты в основном Кенни. А когда она не думала о Кенни, она думала об Ирене Сендлер.

Эта миниатюрная женщина – росту в ней, кажется, было чуть больше полутора метров – эта давно погибшая героиня обладала такой силой, что даже с того света смогла подчинить себе и ее, Меган, и, наверное, Лиз тоже.

– Как эта Джоланта (Меган произнесла это имя на американский манер) так все организовала! – говорила она Лиз. – Целая сеть помощников… Каждый день смертельный риск!.. Представляешь, как это круто?

– Да уж, – сказала Лиз, – это реально круто. Слушай, я вот думаю, что у нас в пьесе обязательно должна быть сцена, где она пытается уговорить родителей отдать ей своих детей и…

– Это все просто потрясающе, – продолжала Меган, словно не услышав того, о чем только что говорила Лиз. – Можно сделать сцену, когда ей будут угрожать немцы, а она все равно будет продолжать спасать детей. А еще одну с приемной семьей, куда она привезет ребенка. Интересно, когда она умерла?

– Так, а что с скажешь про мою идею?

– Ага, хорошая. Хорошая идея, – сказала Меган, хотя при этом придумывала еще пару других эпизодов. – Ой, а ты знаешь Сабрину Кунс?

– Новенькую? Ага. Она тоже ходит на обществознание четвертым уроком. А что?

– Вчера Мистер К. посоветовал взять ее в нашу группу. Она из Оклахомы, что ли? Отец у нее то ли в армии служит, то ли еще что-то такое. Она вроде ничего. Тихоня и на ботаника похожа, но симпатичная. И, сдается, реально сообразительная. Мы с ней договорились завтра после школы втроем собраться.

– Погоди-ка, – запротестовала Лиз. – Я не говорила, что хочу видеть ее у себя в группе. Это же мой проект, знаете ли. Я же первая его нашла и придумала.

– Я-то думала, что мы с тобой этим вместе занимаемся, – вздохнула Меган.

– Ну да, наверно. Но хотелось бы, чтобы со мной все-таки хоть немного советовались.

– Хорошо. Вот я с тобой и советуюсь. (Упаси, Господи, от скандалов и непонимания.)

Лиз отвернулась и пошла по своим делам.

– Так что, завтра после школы? – крикнула вдогонку Меган.

– Ага. Как вам будет угодно.

* * *

В тот же вечер Лиз решила расспросить дедушку Билла про войну. Он сказал, что это были жуткие времена, а «хуже всего была эта история с евреями. Люди просто с ума посходили».

Она рассказала ему, что история Ирены Сендлер очень похожа на ту, про которую снят «Список Шиндлера», и спросила, позволит ли он ей его посмотреть, несмотря на рейтинг «R». Поразмыслив, он ответил:

– Ну, если это надо для школы, смотри.

– А ты будешь его смотреть со мной?

– Нет, – сказал он, – я такие фильмы не люблю.

Фильм с первых же кадров поразил Лиз. Он был черно-белым и сразу же создавал ощущение старины и придавал кадрам какую-то странную достоверность. А в конце, когда спасенные Оскаром Шиндлером люди и их дети проходили мимо его могилы, оставляя рядом с надгробием камни, Лиз вдруг обнаружила, что плачет… то есть ведет себя именно так, как всегда себе запрещала.

Глава 3
Проект «Ирена Сендлер»
Канзас, 1999

После школы Лиз и Меган договорились встретиться с Сабриной. Она немного опоздала и принялась, как маленькая, бормотать извинения, хотя была почти на голову выше Меган и Лиз. Меган никак не могла понять, почему она все время отводит взгляд. Личико Сабрины грубой поперечной чертой рассекали очки в тяжелой черной оправе, и Меган не могла понять, то ли это какие-то супермодные очки, то ли, наоборот, самые дешевые, какие носят ботаники. Сабрина неуклюже опустилась на стул рядом с Меган и начала рыться в своем рюкзаке. Выкопав оттуда свой дневник проекта, Сабрина занесла дешевую «биковскую» ручку над чистой страницей и замерла – будто сидела перед объективом старинного фотоаппарата и ждала разрешения фотографа начать двигаться. Она боится, подумала Меган. Ей, наверно, все время хочется быть прозрачной, как стекло, чтобы люди не замечали ее, даже видя ее перед собой.

Меган с Сабриной жили в Бронсоне, городке с населением в пару сотен душ. Меган мысленно отнесла Сабрину к «богемному» типу людей, потому что та ходила в джинсах и теннисных туфлях, не настолько новых, чтобы казаться модницей, но и не обшарпанных до такой степени, чтобы считаться своей среди уличной шпаны, – в общем, каких-то «ботанских», как и очки. Увидев в первый раз Сабрину в школьной столовой, Меган захотела сделать что-нибудь, чтобы она почувствовала себя в школе, как дома, хотя бы не совсем чужой. Пастор Уильямсон в воскресной школе часто говорил о сострадании ко всем людям, даже к тем, кого совсем не знаешь. Вот она, возможность жить по этому завету, но храбрости у нее для этого не хватало.

– Ты что, болела? – спросила Меган.

– Мама болела, но сейчас у нее уже все ОК! – Сабрина улыбнулась, словно давая понять Меган, что с мамой вовсе еще не все ОК, но говорить на эту тему она не хочет.

– Ты прочитала материалы, что я тебе дала? – деловито спросила Лиз.

– Да. Поразительная история. А цифры там правильные? То есть в журналах ведь бывают и опечатки.

– Мы все проверили, – сказала Лиз, – это правда.

Сабрина сказала, что у них в семье шестеро детей, хотя

в Бронсоне жили только она с мамой и младшей сестрой Сарой, а четверо старших пока с отцом в Оклахоме. Как дочь военного, она часто переезжала с места на место. В самом раннем детстве Сабрина выяснила, что, если не высовываться, ничего о себе не рассказывать и улыбаться, будто у тебя все ОК, все так и будут считать и соответственно не станут задавать лишних вопросов. Но раньше она училась в крупных школах, а в Юнионтаунской, где в шести классах училось всего 120 человек, слиться с фоном было практически невозможно. Сабрина подозревала, что к этому моменту сарафанное радио уже разнесло повсюду, что она из бедной семьи и что у нее есть «цветная» сестра. За короткий период жизни в графстве Бурбон она уже успела понять, что бедным здесь быть не стыдно, а вот цветным…

Сама она делать проект никогда бы не вызвалась, но ее попросил подключиться Мистер К. Возможно, он хотел ей помочь или просто пожалел, а от этого она чувствовала себя еще более неудобно. Сабрина с трудом сходилась с людьми и не очень-то умела заводить друзей. Она считала, что уже разобралась в некоторых основах жизни и поняла свое место в ней. Ей оставалось учиться всего два года, а посему надо было просто стиснуть зубы и двигаться вперед. Она твердо верила, что полной неуязвимости достигаешь, только если ни от кого не зависишь и ничем не выделяешься из толпы.

Спокойнее всего Сабрина чувствовала себя дома. Только дома, с мамой и сестрой, которая в свои 13 лет уже превращалась в сущего чертенка, она чувствовала себя по-настоящему нужной. Сабрина была самой младшей из пяти родных детей своих родителей и на три года старше Сары, которую они удочерили во время службы на Маршалловых островах. Даже живя в одном городке с Меган, Сабрина не знала ее в лицо, но в этом не было ничего особенно удивительного. Семье Меган принадлежала «Ферма Стюартов», а Сабрина жила в самом городе, Меган протестанткой, а Сабрина – мормонкой[16]. Да и, если честно, Сабрина просто не искала себе подруг. Она нашла работу в небольшой бронсонской закусочной под названием «Курятник», и свободного времени у нее почти не было.

– Ну и что ты думаешь обо всем этом, Сабрина? – спросила Меган.

Сабрина покачала головой:

– Я хочу понять, ради чего она взялась спасать детей.

– Может, не так-то это было и опасно? – сказала Лиз.

Сабрине очень не хотелось ввязываться в споры, но кое-что она о Холокосте уже знала.

– Я думаю, нацисты убили бы ее, если б поймали.

Она сказала это негромко, снова уставившись на пустую страницу лежащей на столе тетради.

– Я слышала, в Польше было страшнее всего. Нацисты хотели поубивать всех евреев до единого. А еще я читала, что они расстреливали и поляков, пытавшихся помочь евреям… то есть людей типа Ирены.

Тут она подняла глаза.

– Вы бы смогли поступить так же, как она?

– Мы никогда не узнаем, почему она это делала, – сказала Меган, – но это не имеет значения, потому что то, что она делала, было просто правильно. По-моему, почти любой человек скажет, что это правильно…

Но она не говорила, а делала. Она просто видела несправедливость и боролась с ней, как могла.

– Но ведь если б она попалась, расстреляли бы всю ее семью, – тихо, но твердо сказала Сабрина. – Вы бы все равно сделали это, если б знали, что может погибнуть вся ваша семья?

Сабрина уже задумывалась об этом. Она еще в шестом классе прочитала «Дневник Анны Франк»[17] и с тех пор интересовалась историей Холокоста. Можно даже сказать, что изучение Холокоста превратилось для нее в своеобразное мрачноватое хобби. Для себя она на этот вопрос уже ответила: она не стала бы рисковать своей жизнью ради посторонних людей. Может, ради спасения сестры или кого-то из родных, но не совершенно незнакомого человека. Однажды, когда Сабрине было всего 12, какой-то мальчишка обозвал Сару «черномазой», и Сабрина бросилась на него с кулаками, в результате чего все закончилось для нее рассеченной губой и шатающимся зубом. Но Ирена Сендлер спасала абсолютно неизвестных ей людей, и этого Сабрина понять не могла.

Она не раз задумывалась, почему евреи вообще оставались там, где жили… почему не убегали от фашистов. Неужели нельзя было где-то спрятаться от них? Хотя, вероятнее всего, они просто не могли заставить себя покинуть свои дома… бросить все и бежать неведомо куда. Может, они знали то, что знает Сабрина. Может, они знали, каково это выдирать из почвы свои корни и отправляться в чужие места, где тебя никто не знает, где никому до тебя нет дела, где вся жизнь непредсказуема, где весь твой мир изо дня в день переворачивается с ног на голову.

– Я бы хотела надеяться, что у меня хватило бы храбрости поступить так же, как Ирена, – сказала Меган, – но… я просто не знаю. Я думаю, никто этого не может знать до мгновения, когда нужно будет принять решение. Мне просто хочется верить, что

я не спасовала бы и сделала то, что считаю правильным.

Лиз открыла свою тетрадку и покашляла, чтобы вклиниться в разговор:

– А я прочитала, что поляков, хоть как-то помогавших евреям, было, типа, всего около процента. Лично я не знаю, что бы я сделала. Надеюсь, я бы повела себя правильно, но шансы на это невелики. Я, наверное, испугалась бы.

– И я тоже, – сказала Сабрина. – Да еще ради незнакомых мне людей. Мне потому и не терпится разобраться, почему она это все делала.

В этот момент Меган вдруг подумала, что на месте Ирены она тоже могла бы не справиться со страхом… и эта мысль ее очень сильно обеспокоила. В результате Меган решила перевести разговор в другое русло:

– А интересно, остались ли в Польше родственники Ирены? Может, у них можно было бы побольше о ней узнать. Или у кого-нибудь из спасенных детей, которым было достаточно лет, чтобы ее запомнить. Ведь наверняка многие из них были еще совсем маленькие и даже не понимали, что их спасают.

В аудиторию вошел Мистер К.:

– Как у вас движутся дела, барышни?

Меган снова расплылась в улыбке и с новообретенной уверенностью сказала:

– Просто прекрасно. У нас уже целая куча всяких идей.

– Сабрина, что скажешь?

Меган показалось, что Сабрина заколебалась с ответом:

– У нас не так-то много данных.

– Лиз?

– Ага. У нас, типа, целая гора информации про Холокост вообще. Ее даже слишком много. Но про Ирену… я хочу сказать, про Ирену Сендлер… почти ничего.

– На следующей неделе мы поедем в Канзас-Сити, – сказал он. – Вы же все едете, да? В Региональном центре изучения истории Холокоста Интернет быстрее молнии. Вы обязательно что-нибудь да найдете, гарантирую.

Лиз с трудом подняла свой рюкзак и поставила его на стол.

– Не знаю. Мне кто-то сказал, что там просто, ну, библиотека или что-то такое.

– Я еду, – сказала Сабрина, решительно захлопнув тетрадь. – Мне все это реально очень интересно.

– А у меня накладка, – сказала Меган. – Тренировка чирлидерской группы.

– Приоритеты, Меган, – с некоторым раздражением напомнил Мистер К.

– Знаю, знаю, – ответила Меган, – но тренер Райли сказал…

– Твой выбор. Всем не угодишь. А ты, Лиз?

– Наверно.

– Да или нет, Лиз? – настаивал он.

– Ну, да, наверно.

У нее снова возникло желание прямо здесь и сейчас отказаться от проекта. Ведь ничего страшного не случится. Но потом она вспомнила «Список Шиндлера», и внутри нее словно что-то перевернулось.

– Я посмотрела это кино…

> «Список Шиндлера». Страшный фильм. Там есть несколько сцен… ну, я даже не знаю, как сказать. Это потрясающая история. Но потом я задумалась и поняла, что история Ирены Сендлер даже удивительнее…

И тут она почувствовала себя так, будто только что сказала свое громогласное «да» Мистеру К., Меган, Сабрине, проекту… и самой себе.

Мистер К. взял со стола свой потертый кожаный портфель.

– Знаете, я на своем веку видывал много таких исторических проектов. Но этот мне кажется… – казалось, он и правда не мог подобрать нужные слова. – Этот проект… я даже не знаю… какой-то живой. Будто в нем есть настоящая душа… или своя внутренняя жизненная сила. Время от времени история оставляет такое странное ощущение… будто схватил тигра за хвост… – Он кивнул, словно это было большим открытием и для него самого. – Доброй ночи, барышни.

Он закрыл за собой дверь, и девочки остались в закрытой школе одни, если не считать ночного сторожа.

Меган перебирала свои заметки, и Сабрина увидела в ней то ли беспокойство, то ли чувство вины. Лиз вроде бы собралась что-то сказать, но Меган заговорила первой:

– Пару дней назад я начала писать пьесу.

– Чего начала? – взорвалась Лиз. – Да ты что? Мы же про Ирену еще толком ничего и не знаем!

– Ну, нам же надо с чего-то начинать, хоть как-то уже двигаться. Потом можно будет все переписать. Я, например, твердо верю в…

– Да и, кроме того, что ты вообще понимаешь в драматургии? В этой паршивой школе даже театрального кружка нет. И сцена-то всего одна, и та в долбаном спортзале.

– Ну, нам же надо с чего-то начинать, – повторила Меган, уже перестав улыбаться. – Нельзя же только болтать. Любой из нас под силу написать пьесу… нужно только реально интересную

историю иметь, а эта вроде как раз такая…

– А, может, и нет. – Лиз забросила себе на плечи свой рюкзак.

Тут вмешалась Сабрина.

– Съездить в Канзас-Сити будет полезно. Узнаем больше. И можно будет сесть и писать… всем вместе.

Сабрина сама удивилась своим словам. Может, она почувствовала себя вправе вмешаться, потому что была на два года старше, а может, просто понимала, что нельзя погубить этот проект этими ссорами. Уходя из школы, она подумала, что пока «тигром, которого она схватила за хвост», были как раз взаимоотношения Лиз и Меган. Конфликты, претензии, битвы характеров, сроки, спешка. Она бы вообще предпочла работать над проектом в одиночку, а уж выступать арбитром в склоках этой парочки у нее тем более не было никакого желания. С другой стороны, она чувствовала, что в сердце у нее есть уголки, куда одной было бы лучше не забредать, и, хотя Холокост пробуждал в ней сильные эмоции, она еще и вплотную соприкасалась с некой очень хрупкой и израненной частью ее души. И если уж она собирается плавать в этих водах, то лучше всего это делать с чужой помощью.

Несмотря на эти чувства, а может, как раз из-за них, Сабрина не чувствовала такой же эмоциональной привязанности к проекту, как Меган или Лиз, и была этому даже рада. Лиз, казалось, считала Проект *«Ирена Сендлер»* своей собственностью и резко реагировала на чужое вмешательство в его ход, и это выводило Сабрину из равновесия. Меган же не скрывала ни своего рвения, ни любопытства, ни удивления… душа нараспашку. Она плакала и не стеснялась своих слез, когда они рассматривали сделанные в гетто фотографии. Сабрина не могла плакать по варшавским евреям… ведь она не знала их лично. Их трагедия осталась в далекой истории, а сама история состояла из сплошных трагедий, а поэтому ее нельзя было принимать слишком уж близко к сердцу. Безопаснее всего было относиться к Национальному Дню Истории так же, как к ежегодной Ярмарке научных идей. Делаешь проект, участвуешь в конкурсе, проигрываешь, а потом, просто выкинув его из головы, шагаешь дальше по жизни.

* * *

Несколько дней спустя Меган заявила:

– Наш сценарий должен быть готов ко Дню Благодарения. Короче, у нас осталось всего восемь недель.

Не отличавшаяся пунктуальностью, Меган тем не менее стала хронометристом Проекта *«Ирена Сендлер»*. Мотивацией для этого ей послужило желание все время двигать работу над проектом вперед, чтобы она не занимала слишком уж много времени в ее и без того сумасшедшем графике.

– Слишком много ты хочешь сделать одновременно, – снова и снова повторяла ей мама.

– Вся в тебя, мамочка! – отвечала Меган.

Лиз с Сабриной виделись ежедневно, а вот Меган приходилось выкраивать для встреч с ними специальное время. Иногда, поцапавшись в очередной раз с Лиз, Меган подумывала, не выйти ли из проекта, но мама каждый раз напоминала ей, что она не из тех, кто бросает на полпути уже начатое дело.

Конечно, Сабрина была права: чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, им нужно было побольше узнать об Ирене. Под оболочкой неприспособленности Сабрины Меган разглядела могучий интеллект. Если б Сабрина не была на два года старше, если б Меган не была так занята и если б у нее не было Кенни, они, по ее мнению, могли бы по-настоящему подружиться.

– Я думаю, нам надо установить четкие сроки, – сказала Меган. – Скажем, еще неделю-две отвести на исследовательскую работу… ну, знаете, на книжки там, архивы и все такое. Хорошо?

– Так это ж столько работы, – упаднически произнесла Лиз.

– Может, – сказала Сабрина, – тогда лучше каждой брать по одной книге или видеокассете, а потом меняться и обсуждать, что может пригодиться для пьесы? Я, например, не против оставаться после занятий. Как ты, Лиз?

– Ага. Клевая мысль. Я тоже не против, наверно.

Меган взглянула на часы и начала собирать книги, чувствуя, что ее разрывает на тысячи кусочков. Еще можно было успеть на вторую половину тренировки чирлидерской группы. А то ее и так уже начали забывать включать в новые комбинации.

– Сабрина, а твой отец, он что, типа, безработный? – Лиз всегда задавала только прямые вопросы.

Сабрина снова спрятала глаза, и Меган подумала, какие еще она хранит секреты.

– Он служил в армии, – с напускным хладнокровием сказала Сабрина, – а сейчас ищет хорошую работу. И это очень нелегко.

Глава 4
Исследовательская работа
Канзас, 1999

С тех пор как Меган только научилась говорить, она рассказывала маме обо всем, что происходило в ее жизни. В последние недели с ее языка не сходил Проект *«Ирена Сендлер»*. Когда Меган упомянула о «Списке Шиндлера», Дебра Стюарт отправилась в видеопрокат.

Вечером она постучалась к Меган и показала видеокассету.

– Думаю, нам нужно посмотреть ее вместе, – сказала она. – Может, прямо сегодня… перед завтрашней поездкой в Канзас-Сити.

Ого! Никто и никогда еще не приносил в дом Стюартов фильмов с рейтингом «R»…

– Ты уверена, мам? – она показала на значок рейтинга на коробке кассеты.

– Я думаю, надо попробовать, в первый и последний раз. Если что, всегда можно будет выключить…

Когда ее отец, как обычно, в полдевятого улегся спать, в доме все затихло. Только в гостиной, где мама вязала зимнюю шапку для ее младшего брата Тревиса, продолжало тихонько бормотать радио. Меган выключила приемник, вставила в видеомагнитофон кассету и с первыми кадрами фильма свернулась калачиком на диване рядом с мамой. Совсем скоро Дебра Стюарт забыла о вязании. Тревис почти час смотрел фильм, стоя в дверях гостиной, но потом тоже подсел к ним. Меган забеспокоилась, стоит ли смотреть это 11-летнему брату, но мама ничего не сказала, давая, таким образом, свое молчаливое согласие.

Целых три часа Меган не могла оторвать взгляд от экрана, хотя во время некоторых эпизодов у нее возникало желание отвернуться и не смотреть. К концу фильма, когда «шиндлеровские евреи» и их дети проходили мимо его могилы в Израиле и клали рядом с надгробием камушки, глаза Меган застилали слезы, и экран телевизора превратился в размытую кляксу. Тревис смущенно покашлял и тоже сглотнул слезы. Всем давно было пора ложиться спать, но они об этом совершенно забыли.

Пока перематывалась кассета, Меган думала… Эти ужасы творились не в Средневековье, а совсем недавно, можно сказать, вчера, и многие из переживших их живы до сих пор…

Может ли Холокост повториться? А вдруг на месте евреев окажутся христиане – такие же, как она сама?

Меган вытащила из магнитофона еще теплую, будто наполненную жизнью кассету. И мама, и Тревис уже ушли спать, даже не пожелав ей спокойной ночи.

Пока Меган не увидела «Список Шиндлера», история Ирены Сендлер была для нее всего-навсего историей – просто набором фактов, вызывающим в лучшем случае любопытство, ну, как, например, опыты по химии, не больше. Печатное слово прекрасно выполняло свою функцию и изолировало ее от сути Холокоста, не давая прочувствовать ее по-настоящему. Но этот фильм лишил ее способности взирать на Холокост с безопасного расстояния. Она знала, что история человечества сплошь состоит из алчности, жестокости и убийств – тех самых грехов, искупить которые и пришел в этот мир Иисус. Но «Список Шиндлера» с невыносимо болезненной прямотой продемонстрировал, что, даже несмотря на крестные муки этого одинокого героя, человечеству до Спасения еще идти и идти.

Было уже очень поздно, но она не могла заснуть. В конце концов ей удалось задремать, но уже через несколько мгновений она услышала звонок будильника. В предрассветной темноте она вылезла из постели и поковыляла вниз завтракать…

Все три часа пути до Канзас-Сити Меган пыталась выбросить из головы увиденные кадры и думать о Кенни, о том, как в выходные будет «собирать камни»… но воображение вновь и вновь рисовало камешки на могиле Шиндлера и спасенных им людей… И еще: пролом в стене Варшавского гетто…

* * *

Добравшись до регионального Центра изучения истории Холокоста в Канзас-Сити, девочки уселись за компьютеры. Меган вышла на сайт, посвященный людям, спасавшим евреев… Она читала о спасенных, а из головы не шли мысли о тысячах, миллионах жертв Холокоста, чьи истории никогда уже не будут рассказаны… А если б она оказалась одной из них? Что, если б это случилось с ней и ее родными, думала она и плакала…

Она вздрогнула, почувствовав, что кто-то легонько коснулся ее плеча. Это был Мистер К.

– С тобой все нормально?

Она откинулась на спинку и промокнула глаза давно уже мокрым носовым платочком.

– Все хорошо… правда… – она сделала глубокий вдох, чувствуя, как у нее перехватывает в горле. – Меня легко довести до слез, такая уж я уродилась. А все эти рассказы такие страшные… такие печальные.

– Это были страшные и печальные времена, – сказал он. – Изучая их, чувствуешь себя так, будто погружаешься в выгребную яму. Но ведь были такие люди, как Оскар Шиндлер и Ирена Сендлер, люди, какими все мы хотели бы быть, обычные люди, менявшие мир к лучшему. То же самое под силу и вам. Героизм – это все, что можешь сделать для исправления и совершенствования мира.

Меган перешла на следующую страничку.

– Вот еще одна спасенная… Эльжбета Фицовска, – она с трудом выговорила имя, которое в самом скором времени будет знать не хуже своего собственного, и продолжила читать сдавленным от переживаний голосом. – Полугодовалым ребенком ее тайком вывезли из Варшавского гетто в ящике с плотницким инструментом. А все ее родные потом погибли в Треблинке[18].

Меган прокрутила текст дальше и вдруг задохнулась от волнения.

– О Господи. Это она! Лиз! Сабрина! – Она отпрянула от экрана, вытаращив блестящие от слез глаза. – Это она! Это Ирена. Этого ребенка… Эльжбету… спасла Ирена Сендлер.

Меган яростно потерла глаза.

Лиз с Сабриной встали за спиной Меган и принялись читать рассказ Эльжбеты о ее чудесном спасении.

– Знаете что, – сказала Сабрина, – я вот тут подумала. История Ирены отличается от всех остальных тем, как она старалась оставить спасенным детям их имена. Ну, то есть как она закапывала их имена в бутылках под яблоней, чтобы они когда-нибудь смогли узнать, что они евреи, и выяснить, как их звали по-настоящему. Это же очень важно. Это обязательно должно быть в нашей пьесе.

– Точно! – Меган посмотрела на Лиз и Сабрину. – Имена. Она спасала жизнь именам целых семей. Самое страшное – это потерять свое имя. Тогда умирает твой род. Тебя перестают помнить. Получается, что ты вроде вообще никогда не существовал на свете[19].

Сабрина придвинула свой стул поближе к креслу Меган:

– Из этого может получиться название для нашей пьесы… *Имена в бутылке*.

Лиз опустилась коленями на покрывающий пол ковер:

– А как насчет *Жизнь в бутылке*?

– Нет, это вроде как про алкоголиков получается, – сказала

Сабрина.

– *Имена под деревом*?

– *Закопанные имена*?

– *Жизнь в банке?*

– Точно! – Сабрина резко откинулась на спинку стула.

– Тссс! – цыкнула на них сидящая в другом конце комнаты седовласая женщина.

– *Жизнь в банке?* – Меган кивнула и повторила еще раз. – *Жизнь в банке*. Да, это здорово.

Они склонились друг к другу, чуть не касаясь лбами, и Сабрина прошептала:

– Я даже представить себе не могу, каково это было родителям – отказаться от своих детей.

Меган стало очень неудобно за Сабрину, которая, наверно, просто ничего не знала о жизни Лиз.

– Это всегда очень нелегко, – сказала она, надеясь, что это справедливо и в отношении матери Лиз тоже.

– Я вот часто думаю про свою сестру Сару, – сказала Сабрина. – Мы удочерили ее еще совсем маленькой. Ее матери было всего четырнадцать… и она была из семьи бедняков. Так вот родные выгнали ее из дома и запретили возвращаться, пока она не избавится от Сары. Сара часто меня спрашивает, любила ли ее та, настоящая мама. А я всегда говорю, что она просто не имела возможности о ней позаботиться, но любила ее так сильно, что решила отдать другим людям. На самом же деле я просто не знаю.

* * *

Девочки еще несколько раз ездили в библиотеки. Они побывали в Историческом обществе штата Канзас, в Канзасском Центре исторического наследия, в Эйзенхауэровском Центре, Региональном Центре изучения истории Холокоста. В результате упорных поисков удалось найти всего один сайт, на котором упоминалось о том, что в 1965 году израильский мемориал «Яд Вашем» присвоил Ирене Сендлер звание «Праведник народов мира» и что в 1983 году там же, в Израиле, в ее честь было посажено дерево. Они перерыли десятки книг, статей и микрофильмов, включая материалы государственного расследования преступлений, совершенных во время Холокоста, и медицинские трактаты о тифе и тифоидной лихорадке. Они говорили по телефону с живущими в районе Канзас-Сити ветеранами Второй мировой и выжившими жертвами Холокоста,

смотрели документальные фильмы и писали письма людям, имена которых упоминались в публикациях об Ирене Сендлер. Одни просто слышали о ее подвиге, другие сами были спасены ее подпольной организацией, но никто из них не знал ее дальнейшей судьбы.

В Интернете девочки обнаружили упоминания о том, что Ирена была главой Детского отдела подпольной организации Жегота, но никаких подробностей не нашли. Более того, ни подвиг Ирены,

> ни деятельность Жеготы не были не только отмечены, но и даже признаны коммунистическим правительством послевоенной Польши[20].

Ничего не дал и поиск в сетевой базе данных свидетельств о смерти. Они обратились в Еврейский Фонд Праведников с просьбой дать хоть какую-нибудь контактную информацию Ирены Сендлер. И через несколько дней с волнением читали коротенькое сообщение:

> *Сын Ирены Сендлер Адам Згржембский проживает в Варшаве. Мы уверены, что, узнав о вашем проекте, он будет рад ответить на ваши вопросы. Вот его адрес…*

Они немедленно написали ему, надеясь, что ему удастся найти переводчика. Исследования тем временем продолжались, и пьеса уже начала обретать форму. Меган считала, что действие в ней должно начинаться с момента немецкого вторжения в Польшу. Лиз же хотела начать со сцены, где мать отдает Ирене своего ребенка. Меган думала, что в спектакле должно быть как можно больше информации о гетто, голоде, болезнях, нехватке продуктов, жестокостях фашистов, Жеготе и о том, что соратники по подполью звали Ирену *Иолантой*. Сценарий расплывался и вилял из стороны в сторону. Во время одного из особенно бурных обсуждений Сабрине даже пришлось напомнить им тему – «Поворотные точки истории» – и длительность спектакля – «десять минут».

Они решили, что им нужен задник сцены, а потом долго спорили, что на нем должно быть изображено: городской пейзаж, яблоневое дерево или, может, декорации к нескольким сценам сразу. В конце концов, они решили сделать триптих: изображение одного из кварталов гетто, женщина, ведущая за руку ребенка, и яблоня, под которой закапывались банки со списками. В верхней части они написали: «*TIKKUN OLAM*» (Совершенствовать мир – *ивр.*). Те же самые слова, только на

иврите, были написаны и внизу.

Поскольку Меган и Лиз предстояло сыграть сразу по несколько ролей, особую важность приобрел вопрос с костюмом. Сабрину, как «рассказчика», решили одеть в белую рубашку и черные брюки. Для Ирены Лиз нашла платье и головной платок. Платье для пани Рознер Меган откопала в мамином гардеробе, это был костюм, который она носила в 1970-е, цветом и покроем напоминавший одежду, модную в 1930-е. Один коллекционер из Форт-Скотта одолжил им немецкую каску и эсэсовскую[21] униформу. Форма была такой большой, что висела на Меган мешком, а из рукавов даже не выглядывали руки.

Они долго мучились, придумывая, как с минимальными перестановками и переодеваниями переходить от сцены к сцене. Все вроде бы простые и гениальные идеи, выработанные во время мозговых штурмов в аудитории 104, на сцене оборачивались суетой и кашей из мелких деталей. В конце концов проще всего оказалось представлять сцену разделенной на две части и сцены в гетто играть на фоне задника, а сцены в квартире Ирены, за пределами гетто, – во второй части сцены, из декораций в которой были только стол, стул и банка со списками. В руках у пани Рознер был старый потрепанный чемодан и завернутая в детское одеяло кукла.

В начале ноября пришло время утвердить окончательную версию сценария. В среду днем они собрались в аудитории 104.

– Давайте я сегодня буду машинисткой, – сказала Сабрина и положила руки на клавиатуру. – Мне кажется, нам надо поработать над самой важной сценой – с пани Рознер.

– Согласна, – сказала Меган. – Пани Рознер не должна прямо сразу отдавать Ирене своих детей. Наверно, сначала она должна отказаться. Ведь она могла думать…

– Чего тут думать? – вспылила Лиз. – Они все прекрасно знали, что погибнут в этом концлагере… в Треблинке. Иначе они никогда бы не расстались с детьми.

– Может, они думали, что у них есть шанс, – сказала Меган. – Может, они надеялись на чудо.

– Да их же просто убивали! – выкрикнула Лиз, а потом схватилась руками за голову и закрыла глаза.

– С тобой все нормально? – спросила Меган.

Лиз кивнула, не открывая глаз:

– Голова болит.

– Я же просто пытаюсь мыслить логично, – сказала Меган.

– Логично? – Лиз снова выстрелила в Меган сердитым взглядом, а потом перевела глаза на Сабрину, словно прося от нее поддержки.

– Поворотные точки истории, – напомнила Меган, – а не мыльная опера про Польшу.

– Мыльные оперы никакого отношения к реальности не имеют. А это все происходило на самом деле.

Сабрина сложила из ладоней значок «Т»:

– Тайм-аут, тайм-аут! Мне кажется, что им происходящее тоже должно было казаться нереальным. Будь я на их месте, мне бы мысль о том, что меня могут в любой момент уничтожить, тоже казалась бы невозможной.

– Слухи ведь ходили разные, – сказала Меган. – По-моему, люди готовы цепляться за любую надежду. Так, может, и пани Рознер надеялась. Я имею в виду, что человеку надо во что-то верить. И уж никак не в собственную смерть, смерть своих детей и родных. Им было просто необходимо думать, что…

– Вы обе правы, – сказала Сабрина. – Людям было очень непросто принимать такие решения. Мне кажется, пани Рознер сначала отказалась бы, но в конце концов поняла бы, что надежды нет. Она увидела бы, что других вариантов нет… что ей необходимо сделать немыслимое… что ей нужно отказаться от детей, чтобы спаси им жизнь. Я думаю, именно так и надо написать эту сцену.

Лиз опять схватилась за голову:

– Делайте как хотите!

Через два часа окончательная версия сценария была уже готова.

* * *

Но кто же будет играть Ирену? Девочки, казалось, боялись поднимать этот вопрос, чтобы избежать ссор и споров.

Сразу после утверждения сценария сами собой прекратились споры, а Меган даже сказала Лиз, какой «позитивной» она стала и как хорошо им работается вместе. Лиз, однако, продолжала беспокоиться, что Меган будет претендовать на роль Ирены – она отчаянно хотела сыграть ее сама. Ей было необходимо сделать это по очень важной, но глубоко личной причине… причине, о которой она просто не могла рассказать. Ее тайной мечтой было, чтобы до матери, если она еще жива, дошли слухи об удивительном проекте, которым руководит ее Лиззи, и чтобы она приехала увидеть ее в роли Ирены. В своих мечтах Лиз видела, как ее мать тайком пробирается в зал… Конечно, после спектакля она найдет Лиз и будет вымаливать у нее прощение, но Лиз просто отвернется от нее…

* * *

К середине ноября, когда на деревьях пожелтели листья, а оранжево-коричневые поля замерли в ожидании последней перед снегами распашки, пришло время распределять роли. Надо было решить, кто будет играть Рассказчика, кто Ирену, а кому достанутся сразу три роли: роль пани Рознер – матери, которую Ирена будет уговаривать отдать ребенка, роль Марии, соратницы Ирены по подпольной работе, и роль немецкого солдата. В ходе исследований девушки обнаружили, что в Варшавском гетто и впрямь жила семья Рознеров. Они скомпоновали диалог Ирены с пани Рознер из рассказов спасенных евреев, и получили сцену, в которой художественный вымысел только усиливал достоверность происходящего на сцене.

Все согласились, что именно Сабрина, с ее спокойным, уверенным голосом, идеально подходит на роль Рассказчика.

Играть Ирену хотели и Меган, и Лиз, а поэтому они репетировали эту роль обе, по очереди выходя на крошечную сцену у дальней стенки спортзала. Сабрина же сидела на раскладном стуле у линии свободных бросков и слушала сначала то одну, то другую.

Меган играла пафосную, но сострадательную и мягкую Ирену, в голосе которой звучали живые эмоции. Лиз же была Ireной пылкой и самоотверженной, готовой в любое мгновение броситься в бой, чтобы отстоять свои принципы.

> **Ирена:** *Тише-тише! Старайтесь не говорить о сопротивлении вслух. Мы – члены этой организации. Секретность для нас – превыше всего. Запомните мою подпольную кличку – Иоланта. Не забывайте моего имени, а я буду помнить ваше. Все мы сейчас тонем в бурной реке жестокости, и каждый должен броситься в нее, чтобы спасти других. Но в один прекрасный день этим ужасам придет конец.*

Сабрина помолчала, а потом сказала:

– Знаешь, Меган, мне кажется, что тебе лучше быть пани Рознер. Ты играешь… даже не знаю… слишком эмоционально, что ли. Я думаю, что это пани Рознер нужно быть все время на грани слез, а Ирена должна была быть очень даже крепким орешком.

Конечно, Меган предпочла бы сыграть Ирену, но она инстинктивно старалась избегать конфликтов и не хотела травмировать и без того страдающую Лиз. Более того, в глубине

души она понимала, что Сабрина увидела все правильно.

– Хорошо, – сказала она, – мне вообще-то все равно.

* * *

22 ноября 1999 года диктор утренних новостей по радио упомянул, что прошло ровно 36 лет с момента убийства президента Кеннеди, и Меган спросила маму, помнит ли она тот день.

Дебра Стюарт раскладывала по тарелкам яичницу.

– Я тогда была совсем еще маленькой, – сказала она, – но помню, что именно в тот день я впервые увидела, как плачет моя мама.

Звуки скребущей по сковороде лопаточки сливались с голосом диктора, читающего прогноз погоды.

– А что бы ты чувствовала, – спросила Меган маму, – если б тебе пришлось отдать меня чужим людям и ты знала бы, что навсегда?

Дебра поставила сковороду в раковину… По радио продолжали бубнить о ценах на сою и свинину. Отец поблагодарил за завтрак и вышел из кухни.

Дебра открыла кран, и вода зашипела в горячей сковородке.

– Ма-а-ам…

Меган услышала какие-то звуки и не могла понять, то ли это льется вода, то ли шаркает по сковородке щетка, но потом мать повернулась к ней лицом, и Меган тоже впервые в жизни увидела на ее щеках слезы.

Дебра промокнула глаза кухонным полотенцем.

– Меган. Тревис. Мне нужно вам кое о чем сообщить. Я вчера сделала маммограмму…

За ее спиной из незакрытого крана продолжала литься вода.

– У меня рак…

Глава 5
Миллениум
Канзас, декабрь 1999 – январь 2000

Меган не сказала об этом никому, кроме Кенни, да и с того взяла обещание помалкивать, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы уберечь от полного разрушения свой сотрясенный до основания мир. Она не позволяла себе слез вне стен своего дома, и только очень внимательный человек смог бы заметить, как побледнело ее от природы румяное лицо и какой натянутой стала ее улыбка. И только дома, в те редкие моменты, когда ей удавалось посидеть наедине с мамой и не слышать разговоров ни о школьной футбольной команде, ни о ценах на пшеницу и кукурузу, Меган говорила о том, что еще удалось узнать в ходе исследовательской работы, о сиротах, концлагерях и жестокостях фашистов… конечно, реалии ее жизни не могли сравниться с теми ужасами, но успокаивало это мало.

На ферме Стюартов о раке старались не говорить, но пастор в церкви эту тему стороной не обошел и произнес пылкую речь о «духовной и телесной битве, которую Дебре Стюарт придется вести со своим заболеванием», и о том, что в этой борьбе за исцеление ей и ее семье потребуется помощь всех прихожан. В дом Стюартов помолиться и поддержать Марка и его детей потянулись друзья и соседи, порой целыми семьями.

Перед рождественскими каникулами Мистер К. отозвал Меган в сторонку и сказал:

– Твоя мама рассказала мне о своей болезни. У тебя есть силы оставаться в проекте? Все поймут тебя, если ты откажешься.

– Со мной все нормально. И с мамой все будет хорошо. Конечно, я никуда не уйду… – И вдруг ее задушили слезы. – Простите меня. Я нормально… правда, у меня все хорошо.

Одно дело было – плакать, думая о Варшавском гетто и его детях, и делала она это часто и без всякого стеснения, но слезы по себе самой казались ей неуместной слабостью.

Словом, каникулы пришлись как нельзя кстати. В последний учебный день Меган обвела в кружочек очередной крайний срок в своем журнале: «Выучить роли – к концу каникул».

* * *

23 декабря 1999 года Дебре Стюарт удалили опухоль.

Операция прошла удачно, и в сочельник Дебру выписали. Доставая ночную рубашку для мамы, Меган увидела в стенном шкафу картонную коробку с аккуратно завернутыми рождественскими подарками. На праздничной открытке маминой рукой было написано: «Меган с безграничной любовью от мамы и папы». У Меган перехватило дыхание, и, рухнув на колени, она зашептала сквозь слезы: «Пожалуйста, дорогой Иисус, сделай так, чтобы мама вылечилась».

* * *

Свое первое Рождество в Канзасе Сабрина праздновала с младшей сестрой Сарой и мамой Лориндой. В сочельник они отправились на всенощную службу. Рождественский вертеп на алтаре был освещен лучом прожектора, и Сабрина, смотря на лежащего на соломенной подстилке младенца Иисуса, бездомного и одинокого, думала о своей семье, о своих скитаниях, о том, что тоже не знает места, которое могла бы назвать своим домом. На глаза набежали слезы, она тихонько всхлипнула, но быстро взяла себя в руки, и Сара, задремавшая у нее на коленях, ничего не заметила…

* * *

Всю ночь перед Рождеством Лиз провертелась в кровати. Ей не давали спать черно-белые кадры «Списка Шиндлера»: умирающие и мертвые дети, полные ужаса глаза их матерей… Она бросила попытки заснуть и взяла в руки «Дневник Варшавского гетто» Мари Берг[22]. Вот что писала эта девочка в рождественский сочельник, 24 декабря 1941 года:

> *Сегодня все на «арийской» стороне оделись в праздничную одежду. Мне даже чудится, что я ощущаю запах вкусной еды. Сегодня сочельник. С полгода назад прошли слухи, что к Рождеству война закончится и что уже 11 ноября, т. е. в День перемирия, в Варшаву войдут союзники. И правда, по улицам Варшавы маршируют солдаты, но это войска врага.*

Прочитав эти слова, Лиз зашептала молитву: «Спасибо Тебе, Господи, что я не в Варшавском гетто. Спасибо за эту теплую постель. Спасибо за то, что я слышу, как в гостиной шаркают ногами бабушка с дедушкой». Она подумала, что не лишним

будет помолиться и за душу этой замечательной женщины, Ирены Сендлер… помолиться в надежде, что, как бы ни сложилась ее судьба, она умерла без боли и мучений.

* * *

Из-за маминой операции Меган пропустила две репетиции. Потом пришла с назубок выученным текстом, но совершенно без сил – все «женские заботы» по дому легли на ее плечи. Сабрина спросила, не больна ли она.

– Ага, немножко есть… наверно, подхватила грипп, что сейчас ходит…

И выпалила:

– У моей мамы рак груди!.. У нее все более-менее, я тоже ничего. Сначала мы все были в шоке, сами понимаете. Но теперь ничего. В конце января у нее начинается курс химиотерапии.

– А это у нее, типа, злокачественный рак? – спросила Лиз.

Меган терпеть не могла, когда ее жалеют.

– Я бы не хотела больше об этом говорить. Я просто думала, что вам следует об этом знать, – сказала она, повернулась и ушла.

* * *

После Рождества в Юнионтаунской школе поставили высокоскоростной Интернет. Девушки нашли несколько веб-сайтов выживших в гетто евреев. Однажды Меган разрыдалась перед монитором компьютера. Лиз подумала, что она, должно быть, прочитала очередную трагическую историю, но, подойдя поближе, увидела на экране график с подписью «Графики смертности от рака груди – пятилетний период».

Меган сквозь слезы прошептала:

– Мне кажется, я этого не переживу…

– Мне очень жаль, – сказала Лиз, – что придется сказать тебе кое-что, о чем я давным-давно знаю. Жить в этом мире очень хреново…

У Лиз было ощущение, что Меган выйдет из проекта и все развалится… А через два дня ее саму поймали в школе с алкоголем и временно отстранили от занятий…

Хорошей такую жизнь и впрямь не назовешь…

Глава 6
Премьера
Канзас, январь 2000

На самом деле вся эта катавасия с алкоголем произошла не совсем по вине Лиз… сама она даже глотка не сделала. Дедушка Билл хранил на кухне бутылку «Джека Дэниелса». Лиз прекрасно знала, что от Уэйна ничего, кроме неприятностей, ждать не приходится, и должна была бы сказать твердое «нет», но… Вечером, когда бабушка Филлис ушла на репетицию церковного хора, Лиз отлила немного виски в пластиковую бутылочку, разбавила «пепси» и сунула ее в рюкзак. На следующий день Уэйн уселся в конец школьного автобуса и через 10 минут был в стельку пьян. На первом уроке он шумел и мешал, а потом заявил, что хочет в туалет. Учитель сказал, что придется подождать перемены.

– Ща-а-а-з! – заржал Уэйн. – Ну, тогда я сделаю это прямо тут.

Приехала полиция, Уэйн настучал на Лиз. Лиз вызвали с урока и объявили приговор:

– Ты отстранена от занятий до конца недели.

Лиз дожидалась дедушку в учительской. Над головой, будто какой-то пыточный механизм, тикали, тикали и тикали часы. Она очень крупно облажалась… в очередной раз… Собственными руками загубила свой проект. Она подвела так много людей: дедушку и бабушку, Мистера К., Сабрину, Меган – особенно Меган, которая имела полное право выйти из проекта, но не сделала этого. Тяжелее всего была мысль о том, что это случилось в тот момент, когда успех уже маячил на горизонте.

Лиз вернулась в школу в следующий понедельник, после четырехдневного домашнего ареста. Когда она вошла в аудиторию 104, все притихли, и она почувствовала, как на нее уставились двадцать пар глаз… После урока Мистер К. попросил ее задержаться.

– Садись.

Лицо его горело огнем, и он безостановочно ходил туда-сюда по аудитории.

– Я просто поверить не могу, что ты такое вытворила. Ты портишь жизнь не только себе, но и Сабрине с Меган. Ты сделала всем очень больно, и тебя следует отстранить от проекта.

У Лиз заныло сердце:

– Да, сэр.

– До окружного конкурса всего месяц. Как ты могла такое

сделать? О чем ты вообще думала?

Точно те же самые вопросы задавал ей дедушка.

– Я не думала. Это была огромная идиотская ошибка… и мне очень-очень стыдно.

В уголке одного глаза повисла редкая для Лиз слезинка, а сердце заполнилось такой тоской…

– Слушайте, Мистер К., я понимаю, как глупо это все сейчас прозвучит, но мне реально жаль, что я так сделала, и я никогда больше не натворю никаких глупостей. Клянусь! – Она сделала небольшую паузу, чтобы отдышаться и выгнать из горла горький ком стыда. – Мне просто необходимо сделать этот проект. Это для меня очень важно. Не выгоняйте меня. Пожалуйста, не выгоняйте…

Она, словно утопающая, просила помощи и пощады. Мистер К. еще походил по классу, а Лиз продолжала вариться в котле страха и ненависти к себе самой. Наконец он с шумом отодвинул стул и сел прямо напротив нее. Он пристально посмотрел ей в глаза, словно оценивая искренность ее слов.

– Я поговорил с Меган и Сабриной. Решение мы принимали вместе. Меган считает, что «ненавидеть надо не грешника, а грехи его», а Сабрина сказала, что «ничего страшного не произошло… ведь никто в результате не погиб». Они хотят, чтобы ты осталась в проекте. – Он замолчал и посмотрел на нее с таким вниманием, что она опустила глаза. – Лиз, я верю в тебя, но после случившегося у тебя другого шанса уже не будет.

Лиз сначала не поверила своим ушам, но потом улыбнулась и смущенно завозилась со своим рюкзаком. Она не чувствовала никакой надобности прятать от учителя две выкатившиеся из ее глаз слезинки.

– Спасибо вам, Мистер К.… вы не пожалеете. Да, сэр. Вы не пожалеете.

* * *

За месяц с небольшим до окружного конкурса проектов Дебра Стюарт снова взяла на себя домашние дела. Хотя до начала химиотерапии оставалось чуть меньше месяца, мать Меган вдруг исполнилась какой-то новой энергией и страстным желанием успеть сделать в жизни как можно больше. Меган иногда думалось, что даже больше, чем это вообще возможно.

– Сегодня очень хороший день, – часто говорила она дочери, – и я собираюсь прожить его на все сто.

Меган казалось, будто Господь включил перед нею зеленый

сигнал светофора, будто Он дал всей ее семье «добро» продолжать жить дальше, и она почувствовала, что тоже способна проживать каждый день на сто десять процентов. На лицо ее снова вернулась искренняя, теплая улыбка, снова порозовели щеки. Она с головой окунулась в работу над «*Списком Сендлер*», сидела в Интернете, выискивая документы, прочитала «Дневник Анны Франк», «Дневники Варшавского гетто» Мари Берг и книгу Давида Сераковьяка[23] «Жизнь в Лодзи» о другом польском гетто. Пытаясь понять, как совершенно нормальные люди столь стремительно обезумели, она изучила «Берлинский дневник» Уильяма Ширера[24]. И вот что она прочитала:

> *Мы собрали чемоданы, но что же возьмешь с собой? Вот наш дом. Здесь жили родители моих родителей, здесь жили мои прабабушки и прадедушки. Здесь есть вещи, больше 150 лет принадлежавшие нашей семье. Но тебе позволено взять с собой только один чемоданчик. Что же возьмешь с собой?*

На следующей репетиции Меган показала этот фрагмент Лиз и Сабрине.

– Когда я это прочитала, – сказала она, – я подумала, что бы взяла с собой я… что для меня важнее всего? У них было всего 10–15 минут, чтобы собраться… Что же возьмешь с собой?

* * *

Каждый год в январе зима словно брала небольшой отпуск и приходила оттепель. Снег сошел почти полностью, и Меган отправилась «собирать камни». Прибыв на северное поле, она постояла, смакуя запахи сырой земли и перегноя, радуясь дующему теплому ветру из Оклахомы и любуясь бегущими на северо-восток серыми облаками. Когда-то она прочитала, что последнее пристанище мертвые находят не в могилах – в гробах лежат только кости, а их души продолжают жить в ветре, в шуме ручья, в закатах и восходах, в запахе сырой земли. Меган начала бросать камни в кузов и повторять реплики пани Рознер. Ветер срывал с ее губ слова и уносил их прочь под грохот падающих камней. Она словно сама снова и снова проходила весь горестный путь пани Рознер, т. е. сначала отказывалась отдать свое дитя Ирене, потом спорила с мужем, осознавала неизбежность приближающейся смерти, меняла свое решение и говорила ребенку последнее «прощай». Меган каждый раз выплакивала горе пани Рознер самыми настоящими слезами, и с каждым

новым прочтением слова звучали все значительнее и реальнее, пока она не стала ощущать это материнское горе почти как свое собственное.

И она начала молиться за маму, сначала потихоньку, а потом все громче – с каждым камнем, падающим в кузове пикапа на груду, расплывающуюся от застилающих глаза слез. Когда она вернулась домой на тяжело груженном грузовичке, отец пошутил, что этот год, судя по всему, будет урожайным на камни.

* * *

Еще четыре недели. Текущий пункт в графике Меган гласил: «*Отработать актерскую игру*».

Лиз, Меган и Сабрина сидели на краешке сцены в спортзале, перечитывали свои роли и дожидались, пока скрипящие кроссовками, бухающие мячами и прыгающие под щитами мальчишки не закончат свою тренировку. Тренер дунул в свисток, что-то крикнул, и – наступила тишина. Спортзал опустел, и остался в нем только Мистер К. Он уселся в раскладное кресло на линии свободных бросков и сложил на груди руки в ожидании первой реплики Сабрины.

> **Рассказчик:** *В Польше жили миллионы евреев. Их заставили взять только то, что они могут унести на себе, и переместиться в самые запущенные районы своих городов. Немцы создали в польских городах больше 400 еврейских гетто. Но преследовали нацисты не только евреев, они истребляли и своих политических противников, коммунистов, инвалидов и других. На территорию Варшавского гетто, занимавшего 16 квадратных жилых кварталов, они согнали 400 000 людей.*

– Громче, Сабрина! Больше уверенности.

> **Ирена:** *Пани Рознер, можно поговорить с вами с глазу на глаз? Ваши дети… их нужно вывезти. Иначе они либо погибнут здесь, либо в Треблинке… в лагере смерти.*

– Нет, Лиз! Слишком резко. Больше сострадания. Ты не злишься, ты напугана. Меган, не зажимайся, но и не двигайся, когда говорят Ирена или Рассказчик. Это отвлекает.

Они прошли пьесу еще раз.

– Ужасно, девочки, – сказал Мистер К. – Давайте-ка еще разок.

Несколько дней спустя учитель труда позволил школьникам сварить из черных железных прутьев декорацию – зловещие ворота с белыми металлическими буквами «ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО». Эти ворота, стоя на одной половине сцены, должны были уравновешивать расположенную на второй половине мебель «квартиры Ирены»…

Меган редко заговаривала о матери сама, а в ответ на вопросы Лиз или Сабрины просто говорила, что у нее все нормально. Тем не менее она очень боялась первого сеанса химиотерапии, который должен был состояться всего через неделю, и чувствовала, как ее вера борется со страхом. Полностью погружаясь в Проект «*Ирена Сендлер*», она хотя бы отвлекала себя от тяжелых мыслей.

Они не прекращали исследований и переписываться с выжившими жертвами Холокоста, а также вносить изменения в сценарий. Лиз после инцидента с алкоголем стала сдержаннее и сговорчивее. Сабрина, как всегда, оставалась островком стабильности и благоразумия. Она нашла лаконичное упоминание о том, что в октябре 1943 года Ирену арестовали и пытали в гестапо, и они добавили в пьесу еще одну сцену.

За три недели до Дня Истории у Дебры Стюарт начался курс химиотерапии, и Меган запаниковала. Ее отец посчитал, что проще пережить этот период будет, погрузившись в рутину, то есть «жить сегодняшним днем и держаться изо всех сил». Меган он посоветовал окунуть себя в череду домашних забот и не жаловаться. Отцовская логика была соблазнительным самообманом.

> Все будет хорошо, все будет оставаться по-прежнему, если просто поддерживать заведенный порядок вещей – вовремя есть, вовремя ложиться спать, вовремя делать домашние дела, вовремя идти в школу.

Меган послушалась отца и до изнеможения хлопотала по дому, делала уроки – будто ничего не случилось… По субботам Марк и Тревис ездили на сельскохозяйственную ярмарку. Меган оставалась с матерью.

Но в ту, первую после начала курса химиотерапии субботу Дебра почувствовала себя очень худо. Ее шатало из стороны в сторону, рвало… Час тянулся за часом… Отца и Тревиса все не было. Когда стемнело, Меган впала в отчаяние.

– Может, отвезти тебя в больницу? – спросила она.

– Нет, милая, – ответила Дебра, еле ворочая в пересохшем рту языком, – все будет хорошо. Они говорили, что у меня может быть такая реакция.

– Но не такая же сильная, мама. Мне страшно.

Меган молилась, чтобы рак оказался всего лишь дурным сном, чтобы время повернулось вспять, чтобы мама стала прежней – веселой, бодрой… Послышался звук затормозившего отцовского пикапа. У Меган немного отлегло от сердца…

Увидев смертельно бледное лицо Дебры, отец вздрогнул.

– Неси мамино пальто! – приказал он. – Мы едем в больницу.

Дебра пролежала в больнице пять дней, и все это время Меган крутилась в беличьем колесе домашних дел и школьных занятий… На третий день она заснула на уроке… На следующий вечер, когда отец, как обычно после ужина, уселся смотреть телевизор, Меган влетела в гостиную, схватила пульт и выключила звук.

– Пап, я больше так не могу! – она была в ярости. – Ты сидишь, будто ничего не происходит. Мне ведь тоже страшно!..

Он посмотрел на нее очень странным взглядом.

– Мне нужна твоя помощь, – сквозь слезы сказала она.

Растерянный Тревис поднялся с дивана.

– И твоя тоже, Тревис, – добавила она.

Марк Стюарт особой разговорчивостью никогда не отличался, но на этот раз все-таки высказался.

– Милая, ведь не я придумал, чтобы заболела наша мама. Пути Господни неисповедимы, и сейчас Он велит нам заботиться о ней. Сейчас это для нас – самое главное. Все остальное можно отложить…

Сердце у Меган ушло в пятки: ей стало ясно, что отец хочет заставить ее бросить проект! Ну уж нет!

– Это именно *наша* задача – не только моя. Я пообещала Лиз и Сабрине, что не выйду из проекта. Ты сам всегда меня учил, что слово надо держать. Вам просто необходимо мне помочь. Одна я не справлюсь, папа. Сделай это ради мамы… ради меня. Пожалуйста.

– Она права, папа, – сказал вдруг Тревис. – Этот проект у Меган реально важный. Я могу взять на себя стирку. Я могу мыть посуду и убираться в доме. Мама хотела, чтобы мы все помогали друг другу.

Отец взял в руку пульт от телевизора, и Меган поняла, что если он сейчас включит звук, то, значит, битва проиграна. Но он выключил телевизор и поднялся на ноги, потирая больную поясницу.

– Я буду мыть посуду, – сказал он, – а ты – вытирать.

* * *

Члены церковной общины привозили Стюартам продукты и всячески их поддерживали. Дедушка Билл приехал помочь заготовить дрова и сено, а бабушка Филлис через пару дней привезла мясной рулет и яблочный пирог. Она помогала Меган с домашними делами и уговаривала «ни за что на свете не бросать этот ваш проект по истории». Лиз же все время изводила себя, страстно желая сделать для Меган что-то очень особенное, что-то очень важное, т. е. не просто помогать ей готовить еду или убирать в доме, а сделать что-то такое, что может сделать только она и никто больше. Конечно, она не могла избавить Меган от боли, но ей было вполне по силам дать ей знать, что она ее понимает, что она ей сочувствует, что ей тоже известно, каково это – волноваться за свою мать.

У нее был уникальный талант – она великолепно играла на саксофоне и очень этим гордилась. Лиз не раз думала, что *«Жизнь в банке»* необходимо найти музыкальное сопровождение, и уже подобрала идеальную мелодию – «Арию» Юджина Боззы[25], минорное саксофонное соло – воплощенное человеческое достоинство и благородство. Ведь в конце концов и Меган, и ей самой, и, наверно, всем людям, столкнувшимся с мучениями и горем, необходимо чувствовать, что в их страданиях есть достоинство и благородство.

Чтобы девочки попривыкли к работе на сцене, Мистер К. назначил ежедневные репетиции в аудитории 104 на обеденный перерыв, чтобы ученики и преподаватели могли посмотреть пьесу через открытые двери. Кроме того, он просто хотел, чтобы об этой поразительной истории узнало как можно больше людей, ведь это была история, о которой нужно было рассказывать всем. И когда люди заглядывали в аудиторию, происходило нечто удивительное… прекращались все разговоры, и это молчание, вызванное поначалу обыкновенным любопытством, вдруг перерождалось в благоговейную тишину, которой сопровождаются церковные службы. И взрослые мужчины и женщины, и многие школьники, наблюдавшие за тем, как пани Рознер отдает своего ребенка Ирене, либо роняли слезы в открытую, либо отворачивались, чтобы их никто не увидел.

* * *

Первое представление пьесы, нечто вроде генерального прогона, состоялось на сцене в спортзале в конце января. Меган

сомневалась, что ее мама будет достаточно хорошо себя чувствовать, чтобы прийти. С тех пор, как рак прописался в их доме, Меган вообще перестала чувствовать уверенность в чем угодно. Однако, когда они заканчивали подготовку сцены, она заметила в зале «больничную униформу» Дебры Стюарт – ярко желтый тренировочный костюм и такая же желтая спортивная шапочка. Дебра и Марк сели рядом с дедушкой и бабушкой Лиз в первом ряду. У них за спиной разместились мама и сестра Сабрины. Большинство мест остались пустыми, но все-таки пришли некоторые местные жители: медсестра, владелец банка, библиотекарша, священник и родители других школьников, работающих над проектами к Национальному Дню Истории.

Мистер К. поблагодарил зрителей за то, что они решились покинуть свои дома в этот морозный вечер, и выразил надежду, что увиденное согреет их души. Он представил своих учениц и в нескольких словах рассказал о Проекте *«Ирена Сендлер»* и его главной теме – о «способности одного-единственного человека изменить мир». На сцене, частично перекрытой баскетбольным щитом, не было ни занавеса, ни осветительных приборов, и когда над ней погасли три голые лампочки, зал погрузился в полную тьму. Потом на сцене загорелась свеча. Лиз, в костюме совсем еще юной Ирены, стояла на левой половине сцены и смотрела «в кулису».

Юная Ирена: *Папа, ты не спишь?*

Отец: (голос за сценой) *Ирена, не входи ко мне, держись подальше от двери.*

Юная Ирена: *Но ведь этот тиф у тебя пройдет, папа? И ты поправишься?*

Отец: *Нет, боюсь, не пройдет, но вам с мамой надо оставить меня здесь и уйти из этого дома в другой. И не подходи ко мне близко, Ирена.* (Пауза.) *Ирена, никогда не забывай всего, чему я тебя учил.*

Юная Ирена: (с дрожью в голосе) *Да, папа, не забуду.*

Отец: *Помни, что мы оставались в этом городе, чтобы помогать бедным, чтобы помогать страдающим от эпидемии евреям. Помни, что я всегда говорил тебе. Если видишь утопающего, постарайся спасти его. Ты не забудешь?*

Юная Ирена: *Да, я никогда этого не забуду, а еще я буду помнить твои слова о том, что все люди одинаковы независимо от их национальности и веры. Я никогда не забуду твоих слов… никогда.* (Лиз задувает

свечу… загорается свет.)

Юная Ирена: *А теперь мы предлагаем вашему вниманию – «Жизнь в банке».*

Сварные ворота «Варшавского гетто» стояли в левой части сцены, по центру – триптих театрального задника, справа – «квартира Ирены», потрепанный сундук с открытой крышкой и маленький стол, на нем стеклянная банка.

Голос читающей авторский текст Сабрины дрожал, и это немало удивило Лиз: кто-кто, а Сабрина прекрасно умела держать себя в руках. Уже изрядно взмокшая Лиз переоделась в длинное платье взрослой Ирены. Она не успела отдышаться, и поэтому тяжело дышала, когда рассказывала о Жеготе и о том, что посвятила себя спасению детей. Пожилая библиотекарша, сидящая в конце третьего ряда, промокнула платочком глаза. На сцену в образе пани Рознер вышла Меган.

Пани Рознер: *Я поговорила с мужем. Вы должны забрать наших детей. Это почти выше наших сил, но… Здесь мы все умрем.* (Длинная пауза.) *В гетто нам не на что надеяться – здесь каждый день без всякого повода убивают людей. То есть поводом, который вам никто не объяснит, может служить все. Ты можешь не туда посмотреть, слишком медленно идти по улице, оказаться там, где быть не положено. И за любой такой проступок – смерть…*

Ирена: *Все мы сегодня тонем в бурной реке жестокости. Каждый должен броситься в воду, чтобы спасти других. А всем этим ужасам когда-нибудь обязательно настанет конец.*

Лиз посмотрела Меган в глаза и попросила привести детей. Начав говорить с уверенностью и несгибаемостью «своей» Ирены, она вдруг услышала, что голос ее предательски задрожал и наполнился слезами. Чтобы не сорваться и взять себя в руки, ей пришлось сделать паузу и отдышаться. Она услышала, как в зале зашмыгали носами зрители.

Пани Рознер: *Что, уже пора?*

Ирена: *Да. Я возьму ваших детей с собой. Если меня поймают, я скажу часовым, что дети больны тифом и мне нужно доставить их в больницу.*

Пани Рознер: *Тогда берите их прямо сейчас, потому что мы больше не в силах об этом думать. Мы собрали их в дорогу. Ханна, эта добрая женщина отвезет вас*

с малышом Изеком куда-нибудь, где вы будете чувствовать себя получше. А мы тоже скоро к вам приедем.

Ирена: *Ханна, возьми меня за руку. Попрощайся с мамой и папой.*

Пани Рознер передает Ирене завернутую в нищенское тряпье куклу – малыша Изека и воображаемую руку Ханны. Меган с Лиз произносят последние реплики, а Сабрина авторским текстом завершает пьесу.

Рассказчик: *После войны коммунисты объявят членов Жеготы пособниками фашистов. В Израиле в честь Ирены посадят дерево, но во всем остальном мире о ней никто не узнает. История жизни Ирены будет забыта людьми почти на 60 лет, пока о ней не решат рассказать три канзасские школьницы.*

Затемнение.

Одна за другой снова включились три голые лампочки. Тишину в спортзале нарушала только запись играющей на саксофоне Лиз. Лиз растерялась, она не знала, что ей делать… Сабрина смущенно опустила голову, спрятав лицо за завесой волос. Меган вертела в руках стеклянную банку.

Когда прошла целая вечность, захлопал один из зрителей, к нему присоединился кто-то еще, потом кто-то еще, и через мгновение на ноги поднялся весь зал. Девочки вразнобой смущенно поклонились публике. Меган увидела, как поднимается на ноги плачущая мама. С одной стороны ее осторожно поддерживал отец, а с другой – дедушка Билл. На мокром от слез лице дедушки Билла сияла широченная улыбка, и, увидев все это, Меган снова разрыдалась.

Лиз впервые в жизни не смогла сдержать слез всего за несколько недель до этого момента, когда смотрела «Список Шиндлера»… тогда

она убеждала себя, что фильм сделан специально, чтобы выжимать из зрителя слезы, и что это исключение только подтверждает правило, гласящее о том, что Лиз никогда не плачет.

Но вот она снова плакала, и на этот раз слезы струились из ее глаз помимо ее воли. «Что же изменилось в моей жизни и во мне самой?» – подумала она.

* * *

Во вторую субботу февраля, в день окружного Дня Истории, они с декорациями загрузились в школьный микроавтобус и, выехав на шоссе № 69, отправились в расположенный в 50 милях к югу город Коламбус на конкурс. Дорога была не очень долгой, но Лиз, забравшаяся на самое заднее сиденье, никак не могла удобно усесться, потому что в бок ее колола деталь железных ворот. Меган несколько раз просила остановить машину и бегала в туалет. Оказавшись наконец в заполненной родителями, школьниками, членами жюри и работниками местного телеканала школе, девушки еще раз прошли по тексту пьесы и отправились смотреть выступления конкурсантов.

Они безупречно отыграли свой спектакль, а потом, даже не сняв костюмов, вышли отвечать на вопросы жюри.

– А что еще, – спросил один из членов жюри, посмотрев на них поверх очков, – происходило в истории в этот же период времени?

Меган с Лиз нервно переглянулись. У Лиз от волнения совершенно перестала работать голова.

– Это было во время Второй мировой войны, – сказала Сабрина. – США воевали с Германией, Италией и… и Японией. Закончится война только в 1945 году, а в 1942-м и 1943-м, когда Ирена Сендлер спасала евреев, немцы ее еще выигрывали. Именно в это время люди по всему миру прятали еврейских детей, как Анну Франк, чтобы спасти им жизнь.

Слава богу, что у нас есть Сабрина! Лиз глубоко вздохнула и в очередной раз подивилась, что такой мудрой, уравновешенной, доброй и бесстрашной девушке, как Сабрина, почему-то хочется, чтобы в ее жизни была такая лузерша, как Лиз.

– А что случилось с этой женщиной, с Иреной Сендлер, потом? – спросил другой член комиссии.

– Не знаем, – сказала Меган. – Мы думаем, она погибла. Ее арестовали и пытали в страшной тюрьме Павяк. Возможно, там она и умерла… мы просто не знаем. Сегодня ей было бы уже лет 90. Людей за девяносто вообще редко встретишь… а после всего, что ей пришлось пережить…

– Мы просмотрели все польские кладбищенские реестры, – Лиз была рада возможности добавить в разговор конкретики, – написали несколько писем ее сыну Адаму в Варшаву. Но он нам пока не ответил. Мы до сих пор в поиске. Мы еще не закончили работу. Мы хотим найти ее могилу и узнать, как и при каких обстоятельствах она умерла.

Долго совещаться судьям не пришлось – они единогласно

отдали победу в категории «Театральные постановки» спектаклю *«Жизнь в банке»*. Девочки почувствовали, будто в них отпустили туго закрученную пружину, и бросились друг другу в объятия. Лиз прыгала как сумасшедшая, а Меган, в жизни которой впервые за долгое время наконец-то произошло что-то действительно хорошее, расплылась в широчайшей улыбке. Сдержанная, как обычно, Сабрина крепко прижимала к себе своих подруг, а когда эмоции все-таки переполняли ее, немного подпрыгивала, но невысоко и почти не отрываясь от пола. Дедушка Билл не поспевал за бабушкой Филлис, которая вихрем пронеслась по проходу и, словно гордая мать, закружила Лиз в своих объятиях:

– Проект «*Ирена Сендлер*» отправлялся на конкурс штата!

Глава 7
Где же могила Ирены?
Канзас, февраль 2000

К февралю в Канзас возвращается суровая зима и пронизывающие до костей ледяные ветры, грязь на проселочных дорогах каменеет, а сельские школы типа Юнионтаунской то и дело закрываются по погодным условиям. Праздники и каникулы уже позади, страдающие от недостатка дневного света люди раздражены, а то и впадают в глубокую меланхолию. Меган изо всех сил старалась держаться повеселей.

В понедельник после окружного конкурса в местной «Fort Scott Tribune»[26] вышла статья:

> *Двадцать один ученик Юнионтаунской старшей школы получили призы и почетные грамоты на состоявшемся в Коламбусе Национальном Дне Истории. Один из проектов-победителей, пьеса «Жизнь в банке», уже освещалась местными СМИ. Лиз Камберс, Сабрина Кунс и Меган Стюарт заняли первое место в своей категории, представив на конкурс драматическую постановку о забытой героине Холокоста Ирене Сендлер, спасшей во время Второй мировой войны 2500 еврейских детей от верной смерти в Варшавском гетто. В следующий четверг вечером они выступят с этим трогательным спектаклем в Юнионтаунской Методистской церкви в Юнионтауне.*

* * *

После окружного Дня Истории девочки принялись со свежим оптимизмом и вновь обретенным чувством цели править пьесу. Лиз с Меган по-прежнему бодались, обсуждая реплики и график репетиций, но уже не с таким запалом, как раньше.

В день представления в местной методистской церкви[27] три девушки готовились к спектаклю после занятий. Меган пришивала к платью пани Рознер потрепанную оборку. Сабрина проверяла электронную почту, а Лиз копалась у себя в рюкзаке.

– Из Польши ничего? – спросила Меган, догадываясь, каким будет ответ.

– Ничего, – ответила Сабрина, не отводя глаз от компьютерного экрана.

Потом она повернулась к ним, и Меган показалось, что она хотела что-то сказать, но сдержалась и вместо этого обратилась к Лиз:

– Я вообще удивляюсь, что ты там умудряешься находить какую-то информацию.

– Бабушка мне то же самое говорит, но, хотите верьте, хотите нет, я обычно нахожу то, что ищу.

– Наверно, у тебя какая-нибудь особенная методика организации… какая-нибудь Система имени Лиз… – Сабрина снова отвернулась к монитору и прокрутила мышкой очередной сайт. – Нам надо придумать какую-то такую систему для информации о Варшавском гетто. Нельзя надолго застревать на одной истории или на одном фото. Начинаешь принимать их слишком близко к сердцу… и это то ли печалит, то ли бесит, не знаю даже. Ведь все это так ужасно.

Меган спросила Сабрину, придет ли сегодня на спектакль ее мама, и Сабрина, поджав губы, посмотрела сначала на Меган, а потом на Лиз.

– Моя мама больна, – нерешительно произнесла она. – Ей приходится принимать очень много лекарств. У нее диабет… самого нехорошего типа. Мне кажется, он у нее появился, когда я была еще в первом классе, но точно не помню.

Сабрина сделала паузу, и Меган показалось, что она в этот момент решает, продолжать ей или нет.

– Пару лет назад она попала в аварию, и ей пришлось долго лечиться. Проблемы остались до сих пор. Она дважды в день колет инсулин и постоянно проверяет кровь на сахар. Я не люблю говорить об этом, и вы тоже никому не рассказывайте. Я просто думаю, что вам двоим об этом нужно знать, вот и все.

* * *

Днем пошел снег, дороги к началу первого публичного представления спектакля замело, и поэтому зрителей в методистской церкви набралось еле-еле на половину зала. Надобности резервировать два места в первом ряду для своих родителей у Меган не было, но она это все равно сделала, хоть и сомневалась, что мама сможет прийти. У Дебры Стюарт начался второй курс химиотерапии, и она снова была слаба.

Никаких особых ожиданий в отношении сегодняшнего спектакля ни у кого не было. Мистер К. поприветствовал немногочисленных зрителей и объяснил им, как проект зародился и как он был выполнен «тремя бесстрашными

и самоотверженными девушками». Он похвалил девочек за прекрасно выполненную исследовательскую работу и за преданность проекту, повествующему об уважении к человеческой жизни и беспримерной отваге простой польской женщины. По завершении спектакля, сказал он, можно будет задать участницам проекта вопросы.

Меган играла в спектакле три роли: сообщницы Ирены по имени Мария, немецкого солдата и пани Рознер, еврейской женщины, которую Ирена уговорила отдать ей своих детей перед тем, как их с мужем отправят на смерть в Треблинку. Она посмотрела через щелочку в занавесе и узнала большинство из сидящих в зале. Там были в основном местные, среди них несколько пожилых людей и ребят из школы. Она заметила в зале мать Сабрины, ее сестру Сару, дедушку Билла и бабушку Филлис.

> **Рассказчик:** *Сабрина вышла на сцену в плаще 30-х годов. Она подождала, пока зрители не перестанут ерзать на стульях и пока в церкви не затихнут последние шорохи.*

Послышался шорох, и Меган увидела, как в зале мелькнул желтый «больничный костюм» мамы и грузная фигура отца, помогающего ей сесть. Мама встретилась с Меган взглядом и улыбнулась.

Мария и Ирена на сцене прошли через сварные металлические ворота «Варшавского гетто». Сидящая за задником сцены Сабрина включила фонограмму хаоса и паники, шума загоняемых в гетто евреев, медленно переходящего в сыгранное Лиз скорбное саксофонное соло, «Арию» Юджина Боззы.

> **Меган:** (от лица 14-летней Меган Стюарт) *В долгой ночи Холокоста появлялись и лучи света, то есть мужчины и женщины, рисковавшие своими жизнями ради спасения других.*
>
> **Сабрина:** *Эти люди стали поворотными точками в одной из величайших поворотных точек истории, коей был Холокост.*
>
> **Лиз:** (до сих пор в костюме Ирены, но очевидно говорящая от лица Лиз) *В 1965 году Ирена Сендлер получила звание «Праведника народов мира». Никто не знает, когда она умерла и где похоронена. Но именно благодаря отваге этой миниатюрной женщины с доброй душой и храбрым сердцем мы с вами узнали, что даже одному-единственному человеку под силу изменить весь мир.*

Мистер К. утер с глаз слезы и в очередной раз поразился, какой же необыкновенной силой обладает эта простая, исполненная с наивной искренностью драма! Сколько бы раз он ее ни смотрел или ни читал сценарий, на глаза наворачивались слезы, будто где-то рядом кто-то резал лук…

* * *

До Канзасского Дня Истории оставалось три месяца, но Меган объявила напряженный график репетиций.

– Три дня в неделю в марте. Четырежды в неделю в апреле, в последнюю неделю – каждый день. Я думаю, со сценарием нам еще надо работать и работать.

– Да и задник надо перерисовать, – сказала Сабрина.

В магазине секонд-хенда[28] в Форт Скотте Меган купила для пани Рознер платье и блузку эпохи 1930-х, причем выбрала их на размер больше, чтобы подчеркнуть, как она исхудала в гетто от голода.

Девушки не прекращали исследований, и Меган, даже несмотря на душевный дискомфорт, чувствовала в себе какую-то потребность прочитывать все, что удавалось находить о Варшавском гетто. Больше всего ее беспокоили фото… черно-белые образы умирающих от голода детей и сирот, со страданием взирающих на нее через толщу времени. Не было сомнений, что все они погибли вскоре после того, как были сделаны фото. Они были для нее не какой-то абстракцией под названием «Холокост», не воображаемой ситуацией, реконструированной в словах пьесы, а настоящими, конкретными детьми, настолько реальными, что она, казалось, могла сделать шаг и очутиться вместе с ними внутри снимка или они могли выйти к ней из своей адской реальности. Похожие на обтянутые кожей черепа лица молили ее о сострадании, тонкие, как спички, руки тянулись к ней в надежде на кусок хлеба.

Спустя еще несколько недель бесплодных поисков Лиз пожаловалась Мистеру К.:

– Почему все так сложно? Ну, я хочу сказать, она ведь героиня… Почему же о ней не написано во всех учебниках истории? Почему сами поляки о ней ничего не знают?

– Меня удивляет то же самое, Лиз, – сказал он.

– Они могли бы хоть раз в год ей на могилу цветы приносить, но никто не знает, где она похоронена. Когда мы найдем ее могилу, я буду посылать кому-нибудь в Польшу деньги, чтобы они носили туда цветы, хотя бы в день ее рождения.

Часть вторая
Варшава, сентябрь 1939 – январь 1944

Глава 8
Вторжение
Варшава, сентябрь 1939

На рассвете 1 сентября 1939 года Ирену разбудили взрывы, сотрясающие ее кровать, комнату, стены всего дома. От постоянной вибрации стакан с водой подполз к краю тумбочки, и она поймала его как раз в тот момент, когда он был уже готов упасть на *пол.* В зловещий хор слился вой сирены воздушной тревоги. Мать Ирены Янина, часто поднимавшаяся еще до восхода солнца, громко постучала в дверь. Раньше она никогда этого не делала.

– Ирена! Быстрее одевайся! Бежим в бомбоубежище!

За считаные секунды после пробуждения сердце Ирены начало колотиться как сумасшедшее, хотя новости о начале войны не стали для нее сюрпризом. Через дверь спальни доносились сообщения «Радио Варшавы» о нескольких часах боев на немецкой границе и налете на Варшаву. На лестничной клетке были слышны торопливые шаги спускающихся вниз людей, и Ирена с матерью последовали за соседями в подвал. Ирена думала о своем муже Митеке, лейтенанте польской армии, и молилась, чтобы он не вздумал геройствовать.

> Она знала Митека с детства, но брак сложился не очень-то удачно.

Они сохранили добрые чувства друг к другу, но уже несколько лет жили раздельно. В прошлом июле Митек приезжал в Варшаву на церемонию вручения Ирене университетского диплома. Они поговорили по душам и решили, как им жить в будущем. Он будет продолжать преподавать классическую литературу в Познани, она – заниматься социальной работой и ухаживать за мамой в Варшаве. Чудесного примирения не случилось, пришло только печальное осознание, что у них совершенно разные устремления. Единственным чудом был тот факт, что ей удалось закончить университет. Через шесть лет Ирену все-таки восстановили и позволили закончить дипломную работу. Сбылась мечта ее мамы: наконец-то ее единственное дитя получило ученую степень!..

…Прозвучал отбой, и Ирена с матерью и соседями, многие из которых выбежали из дома в чем спали, поднялись обратно наверх. Она переоделась, взяла противогаз и влилась

в достаточно жидкий, но оживленный поток растерянных варшавян, пытающихся продолжать жить нормальной жизнью в первый день войны.

В нескольких кварталах от нее что-то горело – в небо поднимался черный столб дыма. Трамваи ходили по расписанию, будто не происходило ничего необычного, но у всех были с собой сумки с черными резиновыми противогазами. На улицах царило необычное единение. Ирена без всякого стеснения разговаривала с людьми, которых знала в лицо по ежедневным поездкам на работу и с работы, они обменивались слухами, говорили друг другу слова поддержки, стараясь просто быть вместе или, может, придать друг другу смелости. Она рассматривала пассажиров и думала, кто из них доживет до конца войны.

Рабочий стол Ирены был завален прошениями и папками с документами. Не успела она открыть первую из них, как снова завыли сирены, и сотни работающих в здании людей забились в подвал. По слухам, эти бомбоубежища могли спасти людей от всего, кроме прямого попадания. Гремящие над их головами взрывы сотрясали здание до основания. Рядом с ней на жесткой скамейке сидела еще одна Ирена – Шульц. Глаза ее были закрыты, но по шевелению губ было видно, что она либо молится, либо успокаивает себя, что-то напевая. Но что это было на самом деле, Ирена не слышала.

Шульц была начальницей Ирены в 1932 году, когда она только пришла на работу в службу соцзащиты[29]. Теперь они вместе подделывали документы и всячески мошенничали с госфинансами, чтобы облегчить жизнь своих подопечных. Их называли «двумя Иренами».

К своей противозаконной деятельности Ирена Шульц относилась с юмором. Но при этом она еще и отличалась внутренней дисциплинированностью и фотографической памятью. Она знала обо всех подложных документах, обо всех случаях мелкого мошенничества с госфондами, помнила имена и места работы всех сообщников. Она знала, кому из коллег можно доверять и что можно поручить.

Очередная бомба разорвалась в опасной близости от их здания. Напротив двух Ирен сидели директор службы соцзащиты Ян Добрачинский и его секретарь Яга Пиотровска. Она было потянулась, чтобы схватить начальника за руку, но в последний момент остановилась.

Еще один зубодробительный взрыв, на этот раз так близко, что с потолка посыпалась штукатурка. Заморгали лампочки, кто-то закричал. Ирена почувствовала, как у нее на руках зашевелились волоски.

Ирена Шульц перешла напротив и присела по другую руку от Яна Добрачинского. Только здесь, в бомбоубежище, Ирена заметила, какой он крупный мужчина. Ему пришлось пригнуться, чтобы пройти в дверь, а в подвале он даже не мог встать во весь рост. Все в Добрачинском было какое-то большое и тяжелое. Голова и плечи склонялись вперед, густые черные волосы были аккуратно зачесаны назад. До недавних пор он редко выходил из своего кабинета и почти никогда не улыбался. Когда он вставал, руки у него несуразно висели по сторонам, словно не входили в изначальный план его создателя, а были приделаны уже потом, на всякий случай. Но где-то с полгода назад, когда его помощником по административным вопросам стала Яга Пиотровска, все изменилось, и он словно оттаял. В конторе про них ходили всяческие слухи.

Ирена с Ягой тянулись друг к другу, как это часто бывает с полными противоположностями. Ирену привлекала богемность Яги, а той импонировали человеческие качества Ирены. Яга была на целую голову выше, и Ирене думалось, что ее фото вполне можно было бы вынести на обложку модного журнала. Яга была завсегдатаем артистических кафе и ночных клубов типа «Romanishes Café»[30] и приносила оттуда множество всяких историй. Даже на работу она одевалась, словно собираясь в богемный клуб – ярко-красный лак для ногтей и такая же помада, коротко подстриженные по последней моде каштановые волосы, игривая улыбка на лице. Толстую черную оправу своих очков Яга разрисовала разноцветными точечками и закорючками. Яга сама шила себе авангардную одежду, и на этот раз была в платье из круглых и треугольных лоскутков бордового и зеленого бархата.

Ирена тайком рассматривала угловатые черты лица Добрачинского: острый нос, квадратная челюсть, зачесанные назад набриолиненные темные волосы… Ирена Шульц о чем-то пошепталась с ним и сделала какие-то пометки у себя в блокноте.

Внезапно раздался еще один взрыв, самый близкий за все время, и все бывшие в убежище разом вскрикнули, будто сидели в вагончике на «американских горках». Ирену пугала вероятность погибнуть в этом подвале – ее тело будет гнить под тоннами битого кирпича, пока его не обнаружат, если вообще обнаружат… Но еще больше пугала перспектива оказаться погребенной под руинами заживо.

Ирена Шульц вернулась на свое место рядом с Иреной. Добрачинский с непроницаемым лицом открыл принесенную с собой книгу и взялся за чтение «Преступления и наказания»[31].

– О чем вы? – шепотом спросила Ирена.

Ирена Шульц пожала плечами.

– О делах. О рабочих мелочах, – она попыталась улыбнуться. – Ты его недолюбливаешь, Ирена, но он очень изменился.

Ирена почувствовала, как у нее по спине побежала струйка пота.

– Хотелось бы, чтобы он получше относился к людям.

– В действительности мы говорили о евреях, – сказала Ирена Шульц, – о том, что теперь, после начала войны, им будет еще труднее жить. Он им тоже очень сочувствует.

Ирена не упустила возможности съязвить:

– Сочувствием их не накормишь.

Ирена Шульц принялась теребить сумку с противогазом.

– Ян Добрачинский, конечно, человек сложный. Но Яга говорит, что мы должны ему довериться.

– Ты же не рассказала ему о наших…

– Нет. Нет, конечно же, нет. Но, мне кажется, в скором времени нам просто придется это сделать.

Снаружи было затишье… разрывы бомб слышались редко и где-то далеко. Ирена откинулась на стену и закрыла глаза. Она прекрасно помнила свою первую личную встречу с Иреной Шульц в 1935-м, через три года после поступления на работу.

Всю ночь тогда шел снег, и Варшава превратилась в город из рождественской сказки. Но Ирена знала, что уже к середине дня девственные снежные одежды покроются грязью и волшебство обратится в жидкую кашу под ногами. Рабочая неделя шла нервно, потому что Ирена силилась понять смысл введенных правительством ограничений на помощь евреям и цыганам[32]. Когда Ирена добралась до своего кабинета, ее помощница сообщила, что из центральной конторы на Злотой, 74, позвонила ее начальница Ирена Шульц и сказала, что зайдет сегодня «проверить кое-какие документы». За три года работы в соцобеспечении Ирена ни разу не встречалась с надменной пани Шульц, о которой шла не очень добрая слава. Зная ее твердый почерк, скрупулезность и педантизм в бухгалтерских вопросах, Ирена представляла свою невидимую начальницу этаким функционером, пожилой женщиной, обожающей ставить на место ходящих у нее в подчиненных молодых девчонок…

В кабинет Ирены вошла высокая, исполненная внутреннего достоинства женщина всего несколькими годами старше ее самой, одетая в модный, но практичный серый костюм, с мужским портфелем. Она шагала с самоуверенностью актрисы: плечи подняты, грудь вперед, голова гордо вскинута вверх. Когда начальница подошла поближе, Ирена увидела, что ее короткие

светлые волосы, наверно, для пущей строгости образа, прихвачены черными шпильками. Приближаясь к столу Ирены, она не сводила с нее своих голубых глаз.

Женщина по-мужски протянула Ирене руку.

– Я пани Шульц… из главной конторы, – сказала она своим хрипловатым голосом. – У меня к вам есть несколько вопросов.

Она незаметно огляделась по сторонам, чтобы определить, насколько близко находятся те, кто может их услышать, а потом села на стул рядом с Иреной и достала из кожаного портфеля несколько папок. Она наклонилась поближе и, почти касаясь своей головой головы Ирены, проговорила:

– Здесь есть ошибки.

Ирена узнала эти папки: Пищеки, Голдблатты, Штерны, – и у нее екнуло сердце. Причина визита пани Шульц была ясна. Если ее уволят, денег не будет не только на лекарства для мамы-сердечницы, но и на еду. Хорошо, если просто уволят, а то ведь и отправят в тюрьму!..

Ирена Шульц открыла папку Пищеков.

– Здесь есть ошибки, – повторила она, и Ирена приготовилась услышать самое страшное.

После того как чуть раньше в том же году умер маршал Пилсудский, государственная политика сильно качнулась вправо и силу в стране набрало национал-демократическое движение Дмовского[33]. Новые правила распределения соцпомощи ущемляли права евреев и приносили большие страдания большинству подопечных Ирены. Чтобы семья Пищеков могла и дальше получать социальное пособие, нужно было внести в их дело две «поправки». Крохотные изменения, ничего серьезного. В описании жилья Пищеков, квартиры, больше похожей на нищенскую хижину, указывалось, что «три человека занимают две комнаты», тогда как это была одна комната, разделенная стараниями скаредного домовладельца на две грубо сколоченной перегородкой. Поэтому Ирена заменила две комнаты в описании жилищных условий на одну. Их дочь по возрасту потеряла право на пособие, и Ирена подправила дату ее рождения, сделав ее на шесть месяцев моложе… всего-то на полгода. Свои криминальные деяния она оправдывала, напоминая себе то, чему учил ее отец, убежденный социалист. Сострадание и закон, говорил он, иногда противоречат друг другу, и в этом случае законом всегда нужно считать сострадание. Ведь ее подопечными были Пищеки, а не законодатели-антисемиты. Отец, работая в Отвоцке, тоже тайком таскал из лечебницы лекарства, чтобы раздавать их пациентам из бедных еврейских семей. Она делала почти то же самое – чуть-чуть нарушала закон ради высшего блага.

Начальница показала на одну из строчек документа:

– Этот ребенок… Сара Пищек… в обоих документах указана неправильная дата рождения.

– Какая халатность с моей стороны. Обычная описка. Приходится заполнять так много формуляров!..

Ирена Шульц помолчала, пока мимо них проходила другая работница, а потом показала на «ошибку» Ирены кончиком остро заточенного карандаша и тихонько сказала:

– Вы поменяли всю дату рождения… и день, и месяц, и год. Это сразу же вызвало у меня подозрения. Вы прекрасно знаете, что выделять льготы и пособия людям, не имеющим на них права, противозаконно. Господин Пищек дал вам взятку?

Ирена резко выпрямилась на своем стуле и, стараясь говорить не очень громко, ответила:

– Никаких взяток. Я сделала это, чтобы им было чем кормить Сару. Ей же всего три года.

Она с мольбой посмотрела в небесно-голубые глаза Ирены Шульц.

– А она умирает с голоду.

Они некоторое время сидели молча, сверля друг друга глазами. Наконец Ирена Шульц опустила глаза и обвела кружочком ложную дату рождения.

– В следующий раз меняйте только год. Это будет честная описка по невнимательности, и ее вряд ли заметит даже такой буквоед, как я.

Вот так они стали подругами и заговорщицами. Осенью 1938 года на Варшаву внезапно накатила следующая волна беженцев, и двум Иренам пришлось снова придумывать способы выделения пособий тем из них, кто был беднее всех и не имел на них права. Все это превратилось в некую мрачную игру; правительство вводило новые дискриминационные правила, а две Ирены находили способы их обойти. Они действовали все смелее и увереннее. Они нашли сочувствующих среди работников продуктовых складов, знали, кому доверять, где достать поддельные документы. Это сотрудничество постепенно переросло в странную, но очень крепкую дружбу. Время от времени Ирена Шульц шутливо плакалась Ирене, что мошенничать не в ее характере, что в нормальные времена она чтила букву закона и была образцовым бюрократом.

Смотреть на эту парочку было одно удовольствие. На фоне высоченной блондинки Ирены Шульц темноволосая и розовощекая Ирена казалась еще миниатюрнее, чем была на самом деле. В последние мирные месяцы они работали по 12 часов в день. Два-три раза в день, не исключая суббот

и воскресений, они носили пищевые концентраты, деньги и лекарства в еврейский район города. Ирена Шульц была вооружена поддельным пропуском на склады и письмом за подписью только что назначенного директором службы соцобеспечения Варшавы Яна Добрачинского. Ставя свою подпись на листе бумаги, он думал, что на нем напечатают документ об уровнях зарплат комендантов жилых домов.

К лету 1939 года практически все еврейские дети в Варшаве были лишены права на социальную помощь и пособия. Но две Ирены продолжали придумывать все более хитроумные способы обходить эти ограничения и, практически не оставляя никаких следов, перенаправлять денежные потоки. Они работали в тесном сотрудничестве с Евой Рехтман, бывшей социальной работницей из отделения Ирены, уволенной за свое еврейское происхождение. Ева с Ireной устроились на работу одновременно, в 1932 году, для обеих это был первый опыт работы в сфере соцобеспечения, и они быстро сдружились. Ева отличалась яркой и нестандартной семитской наружностью: оливковая кожа, светлые волосы, крупный, но не слишком, нос, экзотические, широко расставленные добрые светло-карие глаза. Ева Рехтман выделялась в любой толпе, длинные ноги и осиная талия как магнитом притягивали взгляды мужчин. С лица ее никогда не сходила улыбка.

У них в конторе Еву называли не иначе как «этой волшебной еврейкой, способной добиться чего угодно».

– У нее фотографическая память! – восхищались коллеги. – Она никогда не унывает. Иногда даже кажется, что таких идеальных людей не бывает.

Еву сократили зимой 1938–1939-го, когда вышел указ правительства, предписывающий уволить из госорганов опеки и соцобеспечения всех работников еврейского происхождения.

– Не бери в голову, – сказала Ева в последний день работы, – со мной все будет хорошо. Просто такие уж сейчас времена. И Добрачинский тут ни при чем. У него не было выбора. Вот, прочитай.

Она показала Ирене записку, написанную от руки на официальном бланке:

> *Дорогая госпожа Рехтман,*
>
> *я приношу свои глубочайшие извинения за недальновидность и бессердечие своего вышестоящего начальства, настоявшего на вашем увольнении. Я осуждаю такие взгляды и решения. За шесть лет работы в нашем учреждении вы продемонстрировали*

высочайший профессионализм и исключительную преданность своему делу. Мне не оставили выхода, и я вынужден вас уволить. Тем не менее я буду счастлив выдать вам официальное рекомендательное письмо, которым вы сможете воспользоваться при поступлении на другое место работы.

С глубочайшими сожалениями,

Ян Добрачинский.

* * *

…Прозвучал отбой воздушной тревоги, и Добрачинский, угрюмо повесив голову, попросил внимания присутствующих.

– Внимание, друзья. Мне нужно вам кое-что сказать.

В убежище все затихло.

– Пожалуйста, отправляйтесь сейчас все по домам, – сказал он. – Не надо ни заниматься бумагами, ни навещать наших подопечных до понедельника. А там мы и увидим, что принесет нам этот понедельник.

Ирена думала, что он закончил, но он вдруг закрыл глаза, сделал глубокий вдох и запел своим колоритным баритоном «Марш Домбровского», национальный Гимн Польши.

– Еще Польска не сгинела…

К баритону Добрачинского присоединилось яркое сопрано Яги, начала подпевать своим сипловатым голосом Ирена Шульц, потом еще кто-то, еще… В конце концов голоса слились в мощный хор, и воздух завибрировал от звуков Польского гимна. До сего момента Ирена не чувствовала никакой душевной привязанности к «Маршу Домбровского».

> Она всегда считала себя интернационалистом, а не патриотом. Но в этот день она пела гимн своей страны со страстью, гордостью и душевной болью.

Ирена Шульц пела с закрытыми глазами, и по щекам ее катились слезы.

Две Ирены покинули офис вместе. Придерживая висящие рядом с дамскими сумочками противогазы, они шли по изменившейся Варшаве, воздух которой наполнился запахом гари, столбы дыма там и сям поднимались в небо. В городе отключилось электричество, и трамваи застыли на улицах словно насекомые в кусочках янтаря. Они прошли мимо Саксонского сада, кажущегося теперь каким-то абсурдным в своей летней

зелени и буйстве красок на клумбах, а потом мимо своей трамвайной остановки на улице Лешно. Сирены карет «Скорой помощи» и пожарных машин разносились над городом жутковатой полифонией. В расположенном за парком квартале их ждало страшное, доселе не виданное Ireной зрелище: дымящиеся руины, которые еще вчера были трехэтажным домом с магазинчиками на первом этаже. От развалин отъезжали пожарные экипажи, помощь которых срочно требовалась в другом месте. Бойцы гражданской обороны копались в развалинах в поисках раненых, но сомнений в том, что выжить после такого взрыва было невозможно, практически не было. Несколько тел уже лежали рядком на мостовой улицы в ожидании фургона из городского морга.

На Маршалковской царила какая-то неземная тишина… дым, развалины, мертвая лошадь, впряженная в перевернутую коляску, и никаких следов ее кучера. Две Ирены молча свернули на Желязную. На углу Желязной и Злотой они наткнулись на чадящие руины еще одного здания. Внезапно у них над головой заискрили провода, что-то загудело, и с лязгом и скрипом начали оживать трамваи. На водопроводной станции включились электрические насосы, и напор воды в пожарных шлангах внезапно поднялся до нормального уровня. Варшава будто приходила в себя после сердечного приступа. Из бомбоубежищ на белый свет начали выбираться люди, зигзагами среди развалин проехал автомобиль, вернулись к своей работе конные извозчики и велорикши. Пронзая воздух истошной сиреной, промчалась пожарная машина.

К остановке подъехал трамвай № 25, Ирена Шульц двинулась было к дверям, но вдруг сделала нечто, чего не делала до сих пор ни разу в жизни, – она обняла Ирену и крепко прижала ее к груди.

В тот вечер «Радио Варшавы» сообщило, что в первых налетах участвовал 41 немецкий бомбардировщик, что два из них были сбиты и что под бомбами погибло больше сотни мирных варшавян. О состоянии дел на границе не было сказано ни слова, но наступление немцев было названо «массированным и стремительным».

Через два дня Ирена увидела, как в направлении реки потянулись вереницы слишком старых или слишком молодых для армейской службы мужчин, водрузивших на плечи вместо ружей лопаты. Расклеенные на стенах домов плакаты призывали людей встать на защиту Отечества, мэр Варшавы Стефан Старжинский[34] обращался в них к горожанам с просьбой отправиться рыть оборонительные рвы и окопы. Лопаты против

гитлеровских танков.

Трудоспособные мужчины!

Выходите из города!

Переходите Вислу!

Все на строительство оборонительных линий!

Легионы мальчишек и стариков с лопатами на плечах оставили у Ирены гнетущее впечатление. Когда она вернулась домой, звонил телефон. Это был Стефан, учитель истории, с которым она познакомилась в Варшавском университете. Ирене казалось, что у него к ней имеются определенные романтические чувства… да и, если честно, она к нему тоже была неравнодушна. Но она до сих пор была замужем за Митеком, а посему они со Стефаном ограничивались вечерними беседами о социализме, правах меньшинств и авангардных поэтов.

– Я уезжаю из города, – сказал он по телефону, – судя по всему, я отправляюсь перегруппировываться.

Потом он засмеялся, и Ирена услышала того загадочного, циничного в политических вопросах Стефана, который так ее привлекал:

– Мне как-то странно это слышать. Перегруппировываться? Когда мы вообще не группировались?

– Тебе обязательно из всего делать шутку? – спросила Ирена.

На линии воцарилась тишина, и она подумала, что их разъединили или, может, она обидела его своей резкостью.

– Стефан? Ты пойдешь на войну?

– Я не могу отказаться, – в его голосе зазвучала совсем детская уязвимость. – Все подумают, что я трус. Я так думаю, что чувство стыда у меня гораздо сильнее цинизма и страха.

– Это не стыд, – сказала Ирена. – Ты же поляк. Это просто порядочность.

В трубке послышался какой-то треск, голос Стефана пропал, но потом снова вернулся.

– Позвони, когда сможешь, – сказала она. – Будь осторожен. И не строй из себя героя.

О том же самом она мысленно просила Митека.

– Это вряд ли.

На линии опять повисла неловкая пауза, будто он хотел сказать еще что-то, но не решался. Ирена вспыхнула. Она подумала о Митеке и не смогла сказать ничего, кроме:

– Будь осторожен, Стефан.

Днем по «Радио Варшава» объявили, что в войну с Германией вступили Великобритания и Франция. К вечеру на улицах начались спонтанные демонстрации, будто, размахивая польскими, британскими и французскими флагами, можно было сбить немецкие бомбардировщики с курса и заставить их врезаться друг в друга в воздухе. Мать Ирены не отрывалась от радиоприемника – первые за три дня хорошие новости! Ирена была рада снова видеть на ее лице улыбку.

Но поводы для оптимизма иссякли очень быстро. Ранним утром во вторник 5 сентября в дверь заколотили. Офицер полиции ввалился в квартиру и, выпучив глаза от паники и ощущения собственной значимости, приказал немедленно покинуть дом. Синий плащ у него съехал на одну сторону, он был похож на какого-то карикатурного персонажа.

– Немецкие войска, бронетранспортеры и танки, – сказал он, пытаясь отдышаться, – уже почти на окраине города. Там копают окопы. На вашей улице надо построить баррикаду.

Он показал на мебель и книжные шкафы с книгами Ирены:

– Все это… все, что можно вынести из дома… на баррикаду. Сейчас же!

Ирена начала было объяснять, что этого делать никак нельзя, но он выхватил свою дубинку и с силой ударил ею по стене, оставив трещины в штукатурке.

– Мои приказы не обсуждаются! – заорал он, брызгая слюной. – Объявлено военное положение! Улица должна быть перекрыта. Все должны эвакуироваться.

Под его руководством жители дома № 6 по улице Людвики вынесли на улицу все, что годилось для постройки баррикады. Полицейский приказал им встать в живую цепочку и передавать друг другу матрасы, столы и стулья. Больше всего Ирена расстроилась, видя, как ее книги, только что гордо красовавшиеся на своих полках, превратились в простой мусор, разбросанный по жалкому барьеру, возведенному в надежде остановить немецкие танки.

На счастье Ирены, ее жившая неподалеку тетушка Казимира Карбовска любезно согласилась приютить у себя Янину. Сама же Ирена отказалась выполнять приказ и осталась дома. Проведенная в одиночестве ночь превратилась для нее в сплошной вихрь страхов и волнений. Город был обесточен, на

улице не было ни души, звук шагов, когда она ходила по комнатам, разносился по пустому дому зловещим эхом. Она вертелась на брошенном на пол матрасе… Ее мысли по-обезьяньи скакали с одной темы на другую. То она думала о Стефане, то о Митеке, то волновалась о больном сердце матери, то боялась прямого попадания в то бомбоубежище… Единственным ее компаньоном в эту ночь было «Радио Варшавы», а единственным утешением – льющийся из радиоприемника Шопен в исполнении пианиста Владислава Шпильмана.

Ирена беспокоилась за Митека. Сводки с фронта приходили неутешительные, и на стенах домов начали вывешивать первые официальные списки погибших и раненых. Почти из каждой семьи кто-то ушел на фронт, и все родственники тех, кто надел военную форму, с замиранием сердца ждали появления новых плакатов. Ирена искала в списках его имя, боясь, что с ним произошло самое страшное.

Город день и ночь сотрясался от бомбардировок, и к концу первой недели люди заговорили об осаде. Электричества не было, напора воды не хватало, с пожарами просто перестали бороться. Расклеенные на улицах плакаты приказывали людям экономить воду и не принимать ванн. Каким-то образом все еще выходила варшавская ежедневная газета «Работник» («Robotnik» – *польск.*), а срочные новости и важные сообщения печатались в уличных плакатах. Закрылись все учреждения и коммерческие предприятия, работать продолжали только жизненно важные для города службы: пожарные бригады, насосные станции, полиция и служба соцобеспечения.

Немецкое наступление оказалось таким стремительным, что уже к концу первой недели войны люди стали поговаривать, что немецкие пушки стоят уже меньше чем в 30 километрах от города. И вот на Варшаву обрушились артиллерийские снаряды… стало еще страшнее. Во время авианалетов у людей хотя бы было время спуститься в убежище. При артобстрелах все происходило за считаные секунды: короткий свист снаряда, мгновение тишины, ослепительная вспышка и потом взрыв.

Однако Ирена каждый день ходила на работу, где могла если не почувствовать себя нужной, то хотя бы отвлечься… она заполняла формы, писала отчеты, звонила своим подопечным и их домовладельцам. Вместе с ней в офис приходило меньше половины работников, по причине чего кризис соцобеспечения, возникший еще до начала войны, теперь разросся до масштабов гуманитарной катастрофы. Она оглядывалась по сторонам и гадала, что заставляет остальных сотрудников оставаться на рабочих местах. Смелость, нежелание смотреть в глаза

действительности или оптимизм? Или это было простое желание продолжать заниматься привычными делами, хранить верность заведенному графику жизни?

Ирена была старшим администратором, и ей выделили собственный кабинетик. Будто городу было мало лишений и разрушений, принесенных бомбардировками, к концу страшной первой недели войны в Варшаву потянулись сначала тонким ручейком, а затем мощным потоком хлынули беженцы. Ян Добрачинский и его помощница Яга вместе вошли в кабинет Ирены и закрыли за собой дверь. Он с загадочным выражением лица остался стоять, сложив на груди руки. Ирена так и не могла решить, можно ли доверять Добрачинскому. Яга, сегодня заметно потерявшая в росте из-за отсутствия высоких каблуков, вставила в свой черный мундштук сигарету.

Недавно Добрачинский нагрузил Ирену дополнительными обязанностями, попросив оказывать помощь беженцам из Большой Польши (Wielkopolska – *польск.*), т. е. западных регионов страны, через которые уже прокатилась волна немецкого наступления. Теперь, стоя у нее в кабинете, он сказал:

– Боюсь, я передал вам слишком много семей, и в основном еврейских. Яга может вам помочь. Назначить им пособие будет… будет нелегко. Нам нужно расширить контакты с Centos[35] и TOZ[36]. Ваши связи там будут играть особенно важную роль.

Ирена сначала подумала, что он просто хочет поддержать ее и сказал все это, чтобы она не теряла надежды, но потом посмотрела в его глаза и поняла, что он говорит совершенно серьезно.

– Яга расскажет подробности. А у меня назначена еще одна встреча.

Он почти что улыбнулся и ушел.

Яга положила на стол Ирены папку с надписью «БОРОВСКИЕ». Внешне она ничем не отличалась от прочих, но внутри нее лежали пять пустых бланков свидетельств о рождении, приблизительно столько же справок о крещении и свидетельств о браке, а также пачка регистрационных форм.

– Это вам на троих с Иреной Шульц и Ядвигой Денекой. Ян… то есть пан Добрачинский, называет то, что вы делаете, «творческим подходом к социальной работе», – Яга подмигнула. – Если будет нужно, я принесу еще.

Ирена на мгновение почувствовала себя беззащитной, и у нее от испуга даже закружилась голова.

– Яга, я не очень понимаю.

– Я уверена, что вы знаете, как всем этим распорядиться. И больше не будем ничего говорить.

Теперь Ирена уже не сомневалась, что Добрачинского можно считать другом.

* * *

В городе было слишком мало мест для беженцев из провинции, которых гнал в Варшаву блицкриг. Тысячи завшивевших, истощенных, больных беженцев, отчаянно нуждавшихся в еде и крыше над головой, считали, что в Варшаве они будут вне опасности. Ирене удалось найти в каждом из десяти районных отделов соцзащиты по одному надежному сообщнику, готовому, как это делали последние несколько лет они с Иреной Шульц, либо подчистить документы, либо сделать фальшивые. Эти девять женщин и один мужчина были ее связниками. Каждый из них нашел людей, готовых предоставить беженцам, в основном евреям, временное жилье, пока их не удастся разместить где-нибудь на постоянное жительство. Имена этих ангелов были известны только двум Иренам.

Но справиться с потоком людей становилось все труднее, на улицах становилось все больше нищих. Целые семьи одетых в жалкие лохмотья людей просили милостыню, причитая на идише:

– *Haks Rakhmunes!* (Пожалейте! – *идиш.*)

Как-то в середине сентября Ирена подделала подпись Яна Добрачинского, чтобы выдать продуктовые карточки и несколько сотен злотых трем семьям беженцев. Это был акт отчаянья с ее стороны, которому она, тем не менее, находила тысячу оправданий: им нечего есть, до зимы осталось несколько недель, продуктовые склады хорошо укомплектованы, средства службы соцобеспечения лежат без дела на счетах госбанка.

К удивлению Ирены, подделывать документы оказалось очень несложно. Потренировавшись несколько дней, она научилась с легкостью копировать подпись своего начальника. Она отправилась на продуктовые склады сама. Обычно операции на складе тщательно проверялись и аккуратно учитывались, но в тот раз молодой кладовщик так боялся попасть под бомбежку, что быстро выдал все, что требовалось по подложному ордеру, и пустился наутек в бомбоубежище.

Самые тяжелые бомбардировки и артобстрелы обрушились на Варшаву 25 и 26 сентября, в два последних дня длившейся целый месяц осады. Все окружавшие дом Ирены здания были разрушены, под бомбами и снарядами каждый день гибли сотни людей.

Ирена спала в подвале, каждую ночь пугая себя мыслями, что в случае прямого попадания это убежище может стать ее могилой.

В последний день она поднялась наверх, в свою пустую квартиру, чтобы переодеться. Она смотрела в зеркало и почти не узнавала отражающуюся там девушку с темными, опухшими от недосыпа глазами, еще не потерявшими природной яркости, но застывшими в горестной гримасе губами и безвольно висящими жирными кудряшками волос.

К счастью, этот кошмар закончился уже на следующий день, с капитуляцией Варшавы. Когда Ирена вышла на улицу, в городе царила тишина. Воздух был наполнен адской смесью из запаха гари и отвратительной вони разлагающихся тел и гниющего мусора. Она отправилась на Францишканскую, где ей удалось найти временный приют для еще двух семей. В какой бы дом она ни заходила, она видела больных, голодных, грязных детей. Они жались друг к другу, не зная, где достать еды, где укрыться, когда придут зимние холода.

На закате, шагая домой через истерзанный город, Ирена подумала, что когда-нибудь какой-нибудь историк напишет об этих временах и все в его словах будет не так, потому что никакими словами будет невозможно описать то, что пережила Варшава в сентябре 1939 года.

* * *

Подруга Ирены Ева теперь работала в Centos, одной из еврейских организаций самопомощи, финансируемых Объединенным распределительным комитетом[37]. Они пытались хотя бы раз в день кормить самых бедных, раздавая с полевых кухонь бесплатную похлебку с куском черного хлеба. Совсем скоро наступит время, когда и этот скудный обед будет казаться людям недостижимой роскошью. Именно через Еву в Centos поступали перенаправленные двумя Иренами финансовые потоки, продукты и медикаменты.

Природный оптимизм Евы и никогда не сходившая с ее лица улыбка всегда были для Ирены источником покоя, своеобразным оазисом надежды.

– Даст Бог, – снова и снова повторяла Ева, – все будет хорошо. Мне кажется, что ничего в жизни без причины не происходит, пусть даже мы этой причины и не понимаем. Со временем все наладится.

Но по мере того, как ситуация, особенно для евреев, стала все ухудшаться и ухудшаться, Ирену этот вечный оптимизм Евы начал немного бесить. Да есть ли пределы ее благодушию?!.

За несколько дней до капитуляции Ирена отправилась к Еве. Она торопливо шагала по Кармелицкой, до войны самой оживленной, а теперь практически безлюдной улице еврейского квартала. В тот день город уже пережил два авиационных налета. Она несла две холщовые сумки с перевязочными материалами. Под подкладку одной из этих сумок были зашиты 1200 злотых.

Войдя в штаб-квартиру Centos, Ирена чуть не оглохла от какофонии говорящих на идише, польском и иврите голосов. В нос ударил запах мочи и пота, тошнотворная вонь толпы, заполонившей тесное помещение. Семьи беженцев, ругаясь друг с другом, толкались в очередях, плакали дети.

> У этих людей неделями не было крыши над головой, многие из них пешком прошли сотни километров, чтобы добраться до Варшавы в надежде хотя бы помыться и найти еды. Но и здесь ничего этого не было.

Ирена пробралась через толпу к кабинету Евы Рехтман. Дверь была приоткрыта, Ева разговаривала по телефону… связь еще работала. Увидев Ирену, она улыбнулась и взмахом руки пригласила ее войти.

– 135 килограмм… 420 злотых, – сказала она в трубку. – Это все, что я могу предложить. Но не бери в голову! Ты не единственный ворюга в Варшаве. Я поищу еще кого-нибудь.

Она бросила трубку.

– Мерзавец!

Даже разозлившись и расстроившись, она не переставала улыбаться.

Они обнялись.

– Слава Богу, с тобой все хорошо. Твой дом цел? Как мама?

– Да, все с ними хорошо, – сказала Ирена.

Она заметила, что Ева и теперь не отказалась от косметики.

– А как у тебя? Как родители? Брат?

– Пока, слава Богу, все нормально. Но несколько дней назад Адама чуть не убило. Только он вышел из дома на Островской, как в него попал снаряд. Погибло десять человек. Он помогал откапывать выживших. Я за него очень боюсь. Он и раньше был не особенно сдержан, но теперь он просто в бешеной ярости.

– А что он там делал?

– Я послала его с едой и деньгами к одной парализованной женщине. Она тогда погибла…

Их перебила ассистентка, зашедшая подписать какую-то

бумагу. Когда она ушла, улыбка с лица Евы исчезла.

– Сегодня до меня дошли очень нехорошие слухи.

– В слухах сейчас недостатка нет, – сказала Ирена, – только правды в них, как правило, мало.

– Нет, на этот раз все правда, – глаза Евы налились слезами, и она аккуратно промокнула уголки, чтобы не размазать тушь. – Говорят, вчера генеральный штаб и президент Мосцицкий бежали в Румынию.

– И тебя это удивило? – спросила Ирена.

– Я не думала, что до этого дойдет, – она нашла в сумочке пудреницу и поправила макияж.

Ева заглянула в сумки с бинтами.

– Могу я поинтересоваться, где ты их взяла?

– Лучше не надо, – улыбнулась Ирена. – И вот еще 1200 злотых.

Когда она вышла из Centos, на стенах домов и киосков уже расклеивали плакаты с сообщением об «обусловленном тактическими соображениями» перемещении польского правительства в Румынию.

Ирена впервые увидела на улицах солдат отступающей польской армии – небольшие группы усталых, подавленных и небритых людей в мятой форме и покрытых засохшей грязью ботинках. Вели они себя шумно… некоторые были явно пьяны. На поясе у них висели сумки с противогазами, а на плечах у многих небрежно болтались винтовки.

К фонарному столбу прислонился седой солдат, про которого было невозможно сказать, стар он или молод. Ирена заметила на его форме нашивки подразделения, в котором служил Митек.

– Извините меня, – сказала она. Он выпрямился, но вовсе не до стойки «смирно».

– Моего мужа зовут Митек Сендлер. Вы не знаете, что с ним?

Солдат попросил сигарету, и она ему ее дала, дрожащей рукой поднесла к сигарете зажигалку, подаренную ей Митеком в прошлом октябре, на день ангела.

– Нас разгромили наголову, – сказал он, смотря в пустоту, и в голосе его вдруг зазвучал ужас. – Им конца и края не было. Бомбардировщики, танки, пушки, по десять солдат на каждого нашего. Я видел, как польский офицер на белом коне, вооруженный одной саблей, бросился в атаку на немецкий танк.

«Хм… сколько в его рассказе правды, а сколько он выдумал, чтобы она не посчитала его трусом?» – подумала Ирена.

– Митек Сендлер, – повторила она. – Лейтенант Сендлер. Что с ним?

Он задумался, нахмурив брови, а потом кивнул.

– Да, Сендлер. У нас его все уважали.

У Ирены кровь застыла в жилах.

– Он ничего не боялся.

– Что с ним? Он…

– Погиб? Я не знаю. Когда я видел его в последний раз, он был жив. Как я уже сказал, мадам, он был чертовски хороший офицер и настоящий поляк. Но у нас не было шансов. Можно попросить у вас еще сигаретку, мадам?.. на потом?

Глава 9
Очереди за хлебом
Варшава, октябрь 1939 – январь 1940

Ни одного взрыва за ночь. В Варшаве воцарилась неестественная тишина, которую нарушали только крики ласточек и воркование голубей, казалось, не обращающих никакого внимания на дым и гарь. Ирена проспала больше двенадцати часов. Так долго она не спала никогда, но на этот раз она просто провалилась в глубокий сон, где какие-то грандиозные видения ускользали от нее, словно наполненные легким газом воздушные шарики.

Теперь, когда Польша потерпела поражение, Стефан смог вернуться в Варшаву. Он пришел домой к Ирене и уговорил ее не ходить на работу в одиночку. На улицах было пусто и тихо, как бывает ранним воскресным утром, не слышно было ни сирен, ни трамваев, ни автомобилей. Масштабы разрушений поражали воображение. Везде развалины, пепел, под ногами хрустит битое стекло. Все окрашено серым и черным. Под руинами, в каше из отбросов и канализационных стоков, гнили тысячи тел. Страшную вонь отчасти скрадывал дым горящих там и сям зданий…

Сегодня Ирена впервые за две недели решила пройтись с инспекцией по домам своих подопечных. Она видела в этом хоть какое-то возвращение к норме… Еврейские кварталы немцы бомбили особенно активно, и в них разрушенных зданий, до сих пор еще местами чадивших пожарами, было раза в два больше, чем в других районах города. На углу Желязной и Гржибовской двое мужчин срезали пласты серого мяса с трупа лошади. Еще двое, вооружившись длинными дубинками, охраняли «мясников».

– Драгоценное мясо, – сказал Стефан.

На мгновение Ирена почувствовала, как ей хочется мяса, но потом встряхнулась и сказала:

– Она, наверно, уже начала разлагаться.

– Может, и нет. Умирая с голоду, съешь что угодно.

Варшава была отрезана от внешнего мира. Уничтоженное бомбами «Радио Варшавы» ушло из эфира, «Robotnik» перестал выходить еще две недели назад, и даже плакаты больше не появлялись на стенах домов. Беспроводные радиоприемники все еще ловили берлинские и советские радиостанции, где вовсю трубили о германо-советском «освобождении» Польши. Время от времени можно было настроиться на волны BBC[38] или парижского радио. И на каждой радиостанции война выглядела

по-своему.

Мать Ирены с радостью вернулась от тетушки Казимиры домой, но выглядела плохо и постоянно кашляла. Ела она всего раз в день, и только по настоянию Ирены. Однажды ночью Ирена нашла ее на кухне. Янина сидела и при свете свечки рассматривала семейный альбом с карточками из былой счастливой жизни… с фотографиями отца Ирены и тетушек и дядюшек из Отвоцка.

Ирене стало неловко, словно она вторглась в какое-то глубоко личное пространство матери, но тут Янина подняла на нее взгляд. На ее глазах были слезы.

– Ирена, тебе нужно поспать.

– Что ты там такое рассматриваешь?

– Старые карточки… просто убиваю время.

Ирена присела рядом и увидела знакомое фото, сделанное еще до ее рождения. Четыре человека, наверно, во время пикника, сидели перед камерой с каменными лицами. Улыбался только отец Ирены, симпатичный мужчина с тонкими усиками и в островерхой шапочке. Он игриво прилег на колени Янины, а рядом с ним была его сестра, тетя Казимира, и бабушка Констанция.

Янина говорила короткими фразами, с трудом выдавливая их через свист и бульканье в легких.

– Иногда мне очень хочется быть там, с ним. Я скучаю по нему, мне хочется рассказывать ему обо всем, что со мной происходит. Твой отец был хороший человек. Он бы тобой очень гордился…

На следующей странице альбома было фото Ирены в пятый день ангела. Она держала на руках подаренного ей котенка, но тот все время вертелся, и поэтому превратился на снимке в расплывчатую кляксу.

– Ты всегда смеялась, когда смотрела на эту карточку, – сказала Ирена.

– Ты всегда любила животных. Особенно кошек. Ты была сущим чертенком, да и кот был тебе под стать.

* * *

На следующий день мэр города Стефан Старжински официально сдал Варшаву офицеру Вермахта[39], который, не тратя лишнего времени, начал издавать указы.

Приказ от 28 сентября 1939 года

Всем полякам, как находящимся под протекторатом Немецкого Рейха гражданам, гарантируется сохранение всех прав. Также гарантируется соблюдение всех прав еврейского населения, включая имущественные права и право на личную безопасность.

Приказ от 29 сентября 1939 года

Все принадлежащие евреям коммерческие предприятия должны быть переданы под управление немецких «попечителей», которым предписывается немедленно уволить всех работников еврейского происхождения. Евреи лишаются права на пенсионные выплаты. Еврейские «администраторы» жилых домов, принадлежащих евреям, увольняются со своих постов. Евреи-домовладельцы лишаются прав на принадлежавшую им недвижимость. Лицензии на ведение коммерческой деятельности будут выдаваться только тем, кто сможет доказать свое арийское происхождение. Еврейские торговые точки имеют право находиться только на улицах, населенных евреями.

Приказ от 30 сентября 1939 года

Немедленно провести полную перепись населения.

В город вошел Вермахт, и улицы Варшавы сразу же окрасились в зеленый цвет, наполнившись солдатами, грузовиками и оружием. Некоторые жители вышли посмотреть на парады, а 5 октября – и на самого Гитлера, приехавшего в Варшаву отметить свою победу, но в основном варшавяне старались избегать любых контактов с захватчиками, наблюдая за ними из-за задернутых занавесок. Магазины так и не открылись. А трамваи продолжали стоять в депо на Мурановской площади, всего в нескольких кварталах от умшлагплатц, железнодорожного товарного двора, куда каждый день прибывали все новые и новые поезда с оккупантами.

Новая власть начала с акта милосердия: армейские полевые кухни начали раздавать населению горячий суп с черным хлебом. О местах раздачи еды немцы сообщали с медленно курсирующих

по улицам Варшавы бронемашин. В небе над городом кружил самолет, и Стефан сказал, что он, наверно, фотографирует побежденную столицу и ее жителей для архивов Тысячелетнего рейха[40]. Стефан каждый день провожал Ирену на работу, стараясь не встречаться взглядами с солдатами Вермахта, марширующими по булыжным варшавским мостовым.

– Я ожидал, что это будут какие-то сверхчеловеки, – сказал Стефан, – а на самом деле сними с них форму и сапоги, и получатся почти такие же люди, как мы.

– Они нас ненавидят, – сказала Ирена. – Они смотрят на нас, и видят в нас только животных.

Шагая по Сенной улице к конторе Ирены, они приблизились к очереди за бесплатным супом, состоящей из сотен поляков с кружками и жестяными мисками. Сначала все было спокойно, но потом совсем рядом с немецким армейским фургоном вдруг поднялся шум. Кто-то из поляков в хвосте очереди показал на кого-то из стоящих впереди него и повторил по-немецки:

– Ein Jude! (Еврей! – *нем.*)

Два немецких солдата, не из Вермахта, а из Einsatzgruppen[41], отряда спецопераций СС, среагировали немедленно. Один из эсэсовцев[42] выдернул из очереди бородатого еврея и его жену и презрительно сказал им что-то по-немецки.

– Не останавливайся, – сказал Стефан и, положив Ирене на спину ладонь, подтолкнул ее вперед.

– Но, Стефан, эти люди…

– Это евреи.

Договорить Стефану не дал пистолетный выстрел. Ирена попыталась повернуться, но Стефан твердой рукой заставил ее ускорить шаг.

– Не смотри! Просто шагай вперед.

Дальше они шли молча. Ирена сердилась на Стефана, но гораздо больше на себя. С детства она соблюдала родительский завет защищать тех, с кем поступают несправедливо. Особенно крепко засел у нее в памяти эпизод, когда приверженность этой родительской философии привела к небольшому кровопролитию. Ирене тогда было лет 13, и она вступилась за единственную в классе еврейку – Рахелу, стеснительную, замкнутую девочку с темными, постоянно свалявшимися волосами, которая каждый день приходила в школу в одних и тех же самодельных крестьянских чоботах.

Она ясно помнила этот теплый весенний день, в такие дни всегда кажется, что ничего плохого произойти просто не может. Проходя через парк, Ирена увидела, что на Рахелу напали две

крепкие девчонки. Не задумываясь, она бросила на землю свой мешочек с завтраком, запрыгнула на спину той, что покрупнее, и принялась изо всех сил молотить ее по голове. Другая сдернула Ирену со спины подруги, а потом обе принялись метелить ее, повалив на землю. Ирена пыталась вдохнуть, но ничего не получилось, в глазах потемнело, и она потеряла сознание.

Внезапно солнечный свет появился снова, она открыла глаза и увидела над собой лицо учителя истории профессора Пикатовского (среди школьников он проходил под кличкой Пика), сторонника правых взглядов и поклонника Романа Дмовского. Пику откровенно бесили социалистические убеждения Ирены, и он не раз унижал ее, говоря об этом перед всем классом. Но она и не думала сдаваться или извиняться. Сейчас он, впившись жирными пальцами в предплечья Ирены, резким движением поднял ее с земли и поставил на ноги.

– Безнаказанно это вам, паненка, не пройдет.

По окончании занятий Ирена в тот день ждала в школьном коридоре, пока к ней не подошла учительница словесности, молодая женщина, работавшая в школе совсем недавно. Она жестом пригласила Ирену в класс и закрыла дверь.

– Зачем ты устроила драку?

Ирена рассказала ей про Рахелу, про нищету, в которой ей приходится жить, про оскорбления, которые она выслушивает, про избиения… Кто-то ведь должен попытаться восстановить справедливость! Учительница остановила ее на полуслове, и Ирена приготовилась услышать, какое ей полагается наказание.

– Ты все сделала правильно, – сказала учительница, а потом похлопала Ирену по плечу и распахнула перед ней дверь кабинета. Ирена была просто ошарашена. Вместо кары к ней пришло спасение.

После этого инцидента некоторые одноклассники возненавидели Ирену и стали обзывать ее «жидовской рабыней» и «тайной сестрицей Рахелы», другие стали ее избегать. Но и в самые тяжелые моменты она вспоминала своего отца, и в ушах у нее снова звучал его голос:

– Люди бывают только хорошие и плохие. Неважно, богаты они или бедны, какой расы или вероисповедания. Значение имеет только одно: хорошие они или плохие.

Снова в серьезные неприятности Ирена угодила в последний год учебы в школе, уже после того, как ее зачислили на юридический факультет Варшавского университета, куда женщин брали очень редко. И на этот раз сложности возникли с Пикой, который не переставал долдонить своим ученикам о том, что национальные меньшинства, т. е. венгры, цыгане, евреи

и украинцы, «пожирают Польшу, как раковая опухоль». В этот год Ирена написала реферат о нацменьшинствах и озаглавила его «Как починить Польшу». В своей работе она заявляла, что в результате нарастающего и сопровождающегося инфляцией политического хаоса и дробления партий на сцену вышли правые националисты, обвиняющие во всех бедах нацменьшинства и сеющие в обществе панику и ксенофобию. Если этот курс не скорректировать, предупреждала она, Польша придет к нестабильности, военному перевороту и самоуничтожению. Ее кумир, маршал Юзеф Пилсудский, лидер революционного социалистического движения, не раз подчеркивал важность этнического разнообразия для Польши. Главным злодеем, с точки зрения Ирены, был Роман Дмовский, **вождь** националистического движения и Национал-демократической партии, ратовавший за централизованное, унитарное государство, в котором должны доминировать поляки. Он был убежден, что немцев и евреев следует выдворить из страны, а другие нацменьшинства должны ассимилироваться и «либо стать поляками, либо подвергнуться депортации».

В ходе своих исследований Ирена прочитала все, что смогла найти, об антисемитизме в Польше. Она была поражена обилием взаимоисключающих оправданий ненависти к евреям, нередко приводимых одними и теми же партиями или политическими группировками. Диапазон этих доводов простирался от заявлений, что евреи достойны ненависти за то, что говорят на идише, странно одеваются и отличаются от настоящих поляков, до утверждений, что евреев надо ненавидеть за их чрезвычайную похожесть на поляков, т. е. за то, что они хорошо одеваются, грамотно говорят и даже считают себя в первую очередь поляками, а уж потом евреями. Еще нередко говорили, что именно евреи, как банкиры и капиталисты, несут ответственность за постигшие Польшу экономические беды и что именно они, наравне с большевиками и анархистами, угрожают стабильности государства.

Ирена указала, что население Польши на треть состоит из представителей других национальностей и на 10 % из евреев. Антисемитизму, написала она, нет места в Польше, ведь даже сам Пилсудский высоко оценивал героизм и самопожертвование солдат-евреев во время Первой мировой и польско-советской войн. Националисты Дмовского воспользовались переросшим в национализм всплеском национальной гордости, порожденным победой в польско-советской войне. Ирена осудила самое последнее проявление расовой нетерпимости – *numerus clauses*[43], предлагаемую националистами систему прямого квотирования

мест в университетах, имеющую своей целью закрыть двери вузов для представителей нацменьшинств, а особенно для евреев.

В заключительной части Ирена говорила, что «обязательно доживет до тех времен, когда в мире больше не будет ни колоний, ни государственных границ», а потом красноречиво описала свою мечту о мирном мире, которым правят любовь и взаимное уважение людей друг к другу.

Через несколько дней Пика злобно швырнул на стол перед Иреной этот реферат с жирной красной «единицей» на обложке и сказал, что ее вызывают к директору школы.

Директор пан Вышинский приказал Ирене встать по стойке «смирно» перед его столом и не двигаться, пока он не прочитает ее работу. Читая, он делал на полях пометки красным карандашом. Наконец он вернулся к первой странице и зачеркнул поставленную Пикой оценку. Потом он глубоко вздохнул, на несколько мгновений задумался и заменил ее «четверкой с плюсом».

– Ты очень упрямая девчонка, – сказал он, смотря на нее поверх очков с толстыми стеклами, – а мир упрямых девчонок не любит и рано или поздно поймет, что ему проще раздавить тебя, как букашку! Вместе с тем я вижу, что ты пишешь талантливо и убедительно. Но!.. ты отстаиваешь политическую теорию, и теорию, надо сказать, не очень-то популярную. Да, сразу видно, что историю ты изучила хорошо. Но послушай моего совета, юная пани. В Варшавском университете хватает профессоров, разделяющих взгляды пана Пикатовского. Переступи черту, и у тебя опять будут серьезные неприятности.

Совсем скоро так все и вышло.

В начале 1930-х университет Варшавы превратился в арену яростных политических баталий. Вдохновленные Гитлером антисемиты в польском парламенте приняли *numerus clausus*, ограничивающую количество студентов еврейского происхождения. В газетах и журналах стали появляться отвратительные статьи о евреях, цыганах и любых иностранцах. Поначалу евреев выбрали мишенью для интеллектуальных нападок, но совсем скоро маски были сброшены, и в дело пошли кулаки и дубинки. Некоторые студенты, члены партии «Лагерь Великой Польши»[44], подражая немецким нацистам, напялили на себя коричневые рубашки. Однажды они выбросили девушку-еврейку из окна второго этажа. Руководство университета, однако, на инцидент не прореагировало. В другой раз группа коричневорубашечников в присутствии многочисленных свидетелей протащила двух студенток-евреек за волосы вниз по главной университетской лестнице.

В попытках сохранить хоть какой-то мир, университетское начальство приказало евреям сидеть в лекционных аудиториях на отдельных местах… их прозвали «гетто-скамейками» или «жидовскими скамейками». Студенческие зачетки стали маркировать словами АРИЕЦ и ЕВРЕЙ. Ирена вычеркивала слово АРИЕЦ с титульного листа зачетной книжки. А однажды она, войдя в аудиторию, повернула не направо, а налево, и уселась на первый ряд «жидовских скамеек». Стоящий у кафедры профессор подождал, когда стихнет возмущенный гул, потребовал у Ирены объяснений.

– Сегодня я буду еврейкой, – с вызовом сказала Ирена.

На следующий день ее вызвали к декану. Прежде чем пригласить ее войти, профессор Вечоркевич два часа продержал ее в коридоре, а в кабинете оставил стоять перед своим столом.

Кончив просматривать ее личное дело, он даже не поднял на Ирену взгляда.

– Я вижу, вы девушка умная… но не очень-то благоразумная.

Человек он был высокий и, стоя перед Ireной, смотрел на нее сверху вниз.

– Вы проявили неуважение к закону и опозорили университет, испортив свою зачетную книжку и допустив выходку с «еврейской скамейкой». Посему я на неопределенный срок отстраняю вас от занятий.

Ирена знала, что жестоко поплатится за свой протест, но знала, что иначе поступить не могла. Вернувшись вечером домой, она объяснила матери.

– Я просто должна была это сделать.

Родители Ирены были, как и сама Ирена, членами Польской социалистической партии[45]. Ее мать побывала в тюрьме за то, что вела подпольные уроки польской истории и литературы в объявленной в Российской империи вне закона организации «Macierz Polska»[46]. Ее дедушка и прадедушка боролись за независимость родины. А борьба за социальную справедливость и подавно была у них фамильной традицией.

– Я, конечно, не могу за тебя не бояться, девочка моя, – сказала Янина своей упрямой дочери. – Но все понимаю. Ты в этом очень похожа на своего отца.

* * *

Стефан подталкивал ее вперед, в направлении конторы, подальше от очереди за супом.

– Повторяется все, что было в университете, – сказала она, –

фашисты… «жидовские скамейки».

– Ты права, – ответил Стефан, – ты тогда была готова вызвать на бой всех фашистов мира.

– Я не могу просто стоять и смотреть на все это со стороны, – запротестовала Ирена.

– Но тогда тебе грозило только исключение, а теперь это грозит пулей! – горячился Стефан. – Я же за тебя волнуюсь.

– Очень мило…

Они опять замолчали.

Когда они добрались до здания ее конторы, Ирена отвела от себя руку Стефана.

– Я приду за тобой в пять часов, – сказал он.

Она отвела глаза, стараясь не встречаться с ним взглядом.

– Да… это будет очень мило, – сказала она и поспешила вверх по лестнице.

На входе в отдел соцзащиты она чуть не столкнулась с ожидавшим ее невысоким мужчиной с нервно бегающими глазами.

– Пани Сендлер, у нас очень большие неприятности, – затараторил он. – Меня зовут Элиху Гитерман, я председатель домового комитета дома № 20 по улице Новолипки. К нам пришли немцы и, угрожая оружием, выгнали людей из домов № 12, 14, 16, 18 и 20. Вот, я для вас все записал. Без всякого предупреждения… просто приказали убираться прочь. Сотни семей. Нам некуда идти… нам нечего есть. Надо что-то сделать!

Ирена отвела Гитермана в кабинет Добрачинского, где он снова оттараторил свою историю.

– Мне очень жаль, пан Гитерман, – сказал Добрачинский, не вставая из-за стола, – но я не в состоянии указывать немцам, что им можно делать, а чего нельзя.

– Но неужели вы с ними не можете поговорить? Вы же христианин… они к вам должны прислушаться.

– Обратитесь с этим в Юденрат…[47] это в нескольких кварталах отсюда… Гржибовская, дом 26.

– Это новая Kehilla?[48] А что они смогут сделать?

– Я не знаю. Сейчас все изменилось, пан Гитерман. Со вчерашнего дня всеми делами евреев ведает Judenrat. Они подчиняются немцам. Глава совета – Черняков. У него есть связи, у него есть влияние на немцев. А у меня ничего этого нет.

Гитерман, тяжело и быстро дыша, пожевал нижнюю губу:

– Но вы же, черт возьми, отдел соцзащиты! Это ваша работа!

Добрачинский поднялся во весь рост и горой навис над просителем.

– Пан Гитерман! Теперь правила устанавливают немцы. И вам

лучше бы к этому начать привыкать. У вас теперь есть только два пути: либо в Юденрат, либо в приют для бездомных. Всего хорошего.

Ирена понимала, что Добрачинский прав, хоть и излишне резок. Она тоже с раздражением и, может, со страхом наблюдала за тем, как стремительно ухудшаются условия жизни в Варшаве. Но изменить ситуацию они оба были не в силах.

Глава 10
Приказы
Варшава, октябрь 1939 – январь 1940

Приказ от 4 октября 1939 года

Для всех жителей с заката до рассвета устанавливается комендантский час. Нарушители будут расстреливаться на месте.

С момента капитуляции Польши прошла неделя, но в городе все еще не было ни электричества, ни радио, ни газет.

Происходящие в мире события Ирене приходилось реконструировать по слухам и пропагандистским плакатам, которыми были облеплены стены домов и уличные тумбы. Она искала имя Митека в списках погибших и раненых. Конечно, списки были неполными, и одним они приносили горе, другим давали надежду, но всех без исключения заставляли молиться.

Несмотря на сложности отношений, Ирена с теплотой относилась к Митеку, парню, с которым вместе выросла и каталась на коньках в Пиотрковском парке. Они вместе поступили в Варшавский университет, где он добился больших успехов на ниве классической филологии. Тогда он начал за ней ухаживать, и в 1931 году они поженились. Вскоре после свадьбы Ирену отчислили из Университета за инцидент с «жидовской скамейкой». Ей осталось тогда лишь защитить диплом, но пришлось отказаться от учебы и искать работу. В сентябре 1932-го ее приняли на службу во входящий в состав Варшавского Гражданского Комитета социальной защиты Департамент вспомоществования матери и ребенку. Постепенно она научилась слегка нарушать установленные правила, чтобы помочь своим подопечным.

Как ни парадоксально, но крах их брака начался с большой удачи для Митека. Ему предложили место преподавателя в Познани. Отказаться Митек никак не мог. Он посчитал, что Ирена поедет с ним и или доучится в Познани, или удовлетворится ролью домохозяйки. Но Ирена хотела остаться в Варшаве. Она дала себе слово, что восстановится в университете и получит диплом, а еще решила, что посвятит себя социальной работе, потому что чувствовала, что эта деятельность привлекает

ее как никакая другая.

В конце концов Митек уехал в Познань. Ему была нужна жена – Ирене было нужно менять мир к лучшему. Имени Митека не было и в сегодняшних плакатах со сводками потерь.

Несколькими днями ранее в городе начала функционировать почта, и, вернувшись домой, Ирена нашла в ящике надписанный знакомой рукой конверт. Она долго держала в руках нераспечатанное письмо, и из глаз ее лились слезы облегчения и благодарности.

Письмо, скорее лаконичная записка, в которой было больше информации, чем эмоций, было адресовано и Ирене, и родителям Митека. Он был жив, но попал в плен и находился сейчас в лагере Oflag IIC Woldenberg[49]. Митек просил Ирену переслать его письмо родителям, и она послушно отправила его в Пиотрков.

Приказ от 12 октября 1939 года

Эмиграция евреев с территории Генерал-губернаторства строжайше запрещена.

Приказ от 12 октября 1939 года

Принадлежащие евреям вклады и банковские счета заморожены. Работникам еврейского происхождения запрещено платить более 500 злотых. Банкам запрещено выдавать евреям со счетов больше 250 злотых. Еврейским семьям запрещено иметь на руках больше 2000 злотых наличными.

Приказ от 18 октября 1939 года

Льготы и услуги системы социального обеспечения не могут распространяться на лиц еврейской национальности.

Приказ

С 26 октября 1939 года все евреи, проживающие на территории Генерал-губернаторства, обязаны нести трудовую повинность. С этой целью евреи будут

принудительно объединяться в рабочие бригады.

Мусор никто не убирал, и вонь в городе становилась с каждым днем все сильнее. Посетив одну из своих подопечных семей на Простой улице в еврейском районе города, Ирена прошла два квартала до Сенной, где в квартире на третьем этаже жила со своими родителями и братом Адамом Ева Рехтман. У Ирены для подруги был подарок.

До войны Ирена немного завидовала красоте Евы, легкости ее характера и теплым, полным любовью взаимоотношения в семье. Но, несмотря на красоту, у Евы была, как говорили мастера по подделке документов, «неудачная внешность»… слишком семитские черты, явно восточный разрез глаз и слишком крупный нос. Было понятно, что за польку ей не сойти…

Ирена постучала. Дверь открыл Адам – худощавый молодой человек с пронзительными карими глазами, совершенно непохожий на сестру.

Он крепко пожал Ирене руку:

– Я Адам.

Ирене его улыбка показалась слишком уж кокетливой:

– А я Ирена Сенд…

– О да. Я о вас так много слышал. Но вы росточком поменьше будете, чем я ожидал. Если послушать Еву, так вы просто какой-то великан.

– Адам! – Ева вошла в комнату и оттолкнула от Ирены брата.

Он ретировался в кухню, перекинулся там парой резких фраз с матерью, а потом с треском захлопнул за собой дверь.

– Адам очень расстраивает маму, – сказала Ева. – Я говорю ей, что он просто еще слишком молод, слишком горяч, да еще и мужчина. У него в голове сплошная путаница.

– Как у вас всех дела? – спросила Ирена.

– С нами все будет хорошо. Слава богу. Самое худшее уже позади. Я не думаю, что немцы продержатся здесь больше месяца. Англия и Франция уже вступили в войну, может, и Америка тоже. Нам, Ирена, просто необходимо верить, что все кончится хорошо.

Ирене хотелось схватить и хорошенько потрясти ее, чтобы она пришла в себя, но вместо этого она сказала:

– Надеяться надо на лучшее, но готовиться к худшему.

– Аминь! – сказала Ева.

Она помолчала и, словно говоря о каких-нибудь пустяках, добавила:

– Несколько дней назад Адама схватили немцы.

Улыбка исчезла с ее лица.

– Это была просто облава, они брали всех подряд

и отправляли на принудительные работы. Он целых десять часов разбирал кирпичи на развалинах. Я чуть с ума не сошла от беспокойства. Наконец, прямо перед началом комендантского часа, он пришел домой, вымотанный, весь в кирпичной пыли. Он рассказал, что немцы заставили его плясать посреди улицы. Машины остановились, собралась толпа, и над ним потешались люди. Мне кажется, что больнее всего ему именно от унижения. Он и так всегда был очень вспыльчив. Я боюсь, что он наделает каких-нибудь глупостей. Он сказал, что будет их убивать. И я по глазам вижу, что это не пустые слова.

– Надо бы ему быть поосторожнее, – сказала Ирена.

– Ничего, он к немцам постепенно привыкнет. Мы все к ним привыкнем.

Неужели это было все, на что можно было надеяться? Дело близилось к комендантскому часу. Ирена отдала Еве свой «подарок» – несколько тысяч злотых в почтовом конверте.

– Это для твоего начальника Адольфа Бермана…[50] из нашего варшавского бюджета соцобеспечения. Я уверена, что он им найдет хорошее применение.

В октябре вокруг главных улиц еврейского квартала появились первые изгороди из колючей проволоки. Весь еврейский квартал был объявлен «карантинной зоной». Буквально за ночь появились таблички:

Внимание!

Зона эпидемии – вход воспрещен

Немцы панически боялись всякой заразы и болезней, особенно тифа, но в еврейской части города они создали… идеальные условия для эпидемий. Ирена называла их Варшавскими всадниками Апокалипсиса: перенаселенность, антисанитария, крысы и голод. Замерзших и голодных беженцев[51] из Германии, часто с плачущими или оцепеневшими от страха и лишений, выплакавшими все слезы детьми, загоняли в и без того перенаселенную часть города, где не было ни жилья, ни тепла, ни еды.

Ирена сопровождала Яна Добрачинского, когда тот отправился на специально устроенную встречу с главой немецкой эпидемслужбы доктором Куртом Шремпфом, коротеньким лысеющим человечком, настолько толстым, что на нем чуть не

лопалась по швам форма. На столе у него стоял нацистский флажок, а за спиной почти всю стену занимало огромное красное знамя со свастикой. Шрempф говорил с ними через переводчика и первым делом заявил, что он не солдат, а прежде всего ученый.

– Говоря об инфекционных заболеваниях, мы должны уяснить для себя несколько истин, – вещал он. – Нищие, невежественные, грязные, завшивевшие людишки, отвергнутые обществом бесполезные паразиты все еще пытаются цепляться за свои жалкие жизни. Именно евреи являются главными носителями и распространителями тифа. Они ставят под угрозу жизнь всей Варшавы, и было бы просто негуманно их не изолировать в карантинной зоне.

Он, прищурившись, посмотрел на Добрачинского, словно пытаясь заглянуть ему прямо в душу.

– Так? Или вы не согласны?

Добрачинский казался совершенно спокойным, но глаз от своих записок не поднимал. Ирене хотелось верить, что эта сдержанность – своеобразный акт неповиновения, и тоже уткнулась в свой блокнот, чтобы не выдать своего возмущения. За идиотизм Шрempфа придется расплачиваться человеческими жизнями… но, может, именно для этого все и было задумано. Но тут ей в голову пришла одна идея, и она даже немного воспрянула духом: а ведь она может обернуть фобии немцев и их страх перед тифом и туберкулезом на пользу своим подопечным. Но пока за здравоохранение в Варшаве будет отвечать этот имбецил[52]. Она посмотрела в его поросячьи глазки и сказала про себя: «Тебе нас никогда не победить». В руке у нее хрустнул карандаш.

* * *

Электричество так и не появилось, и свечи стали дефицитом. Самым распространенным источником света стали карбидные лампы – запаянные консервные банки, заполненные твердым карбидом. Через трубочку в банку заливалась вода, и вырабатывающийся в результате химической реакции ацетилен горел потом шумным синим огоньком, не колеблющимся от сквозняков и распространяющим характерный резкий запах.

Напора воды почти не было, и для многих варшавян единственным источником воды стали уличные колонки. В большинстве домов еврейского района не было туалетов со смывом. На улицах росли кучи мусора.

Вскоре фашисты начали распространять пропагандистскую

газетенку «Новый курьер варшавский» («Nowy Kurier Warszawski» – *польск.*), в которой публиковали приказы оккупационных властей.

Приказ от 20 октября 1939 года

> Все радиоприемники следует немедленно сдать властям. Обладание радиоприемником будет караться тюремным заключением. Обладание радиопередатчиком карается смертью.

Когда Ирена в тот вечер пришла домой, она увидела, что Янина уже упаковывает в сумку их радио.

– Не надо, мама! – сказала Ирена. – Я спрячу его на чердаке и набросаю на него старых одеял. Если его найдут, мы всегда сможем сказать, что не знаем, откуда он там взялся. Только никому об этом не говори.

– Бога ради, Ирена! В нашем доме все знают, что у нас есть приемник. Они же все время ходили к нам его слушать. Тогда уж лучше пригласи сама немцев и объясни им, что тебе, конечно, жутко неудобно, но приемник ты им отдать не можешь. Они наверняка войдут в наше положение.

– Мама! Сарказм тут не к месту. Я почти уверена, что радио в один прекрасный день очень нам пригодится. А если кто-нибудь из соседей будет спрашивать, скажи, что мы его сдали.

Янина уступила, и Ирена посреди ночи вскарабкалась на чердачок, где нельзя было даже встать во весь рост, и забросала приемник тряпьем.

Приказ от 23 октября 1939 года

> Евреям строго воспрещается торговля текстильными (мануфактурными) товарами и товарами из выделанной кожи, а также вести любую производственную деятельность с использованием этих материалов.

«Новый курьер варшавский» каждый день публиковал статьи о греховной и уголовной натуре евреев, об их нечистоплотности и склонности разносить болезни, о том, что они постоянно нарушают общепринятые нормы поведения. 23 октября 1939 года газета вышла с заголовком

«ПОЛНАЯ ПЕРЕПИСЬ ЕВРЕЕВ»

В следующую субботу всех евреев намечалось переписать и занести в списки вместе с адресами проживания и датами рождения. Вскоре последовало и официальное распоряжение:

Приказ от 25 октября 1939 года

> В субботу 28 октября будет проведена обязательная перепись всех жителей Варшавы еврейской национальности. Ответственность за выполнение сего приказа возлагается на Юденрат и его руководителя, инженера Чернякова.

Теперь, когда закончились активные боевые действия, по дорогам снова стало можно ездить, не опасаясь за свою жизнь, и дети Варшавы впервые за месяц с лишним получили молоко. В городе начала возрождаться торговля, и в очередях зациркулировали слухи о партизанах. Стефан стал ходить на собрания подпольной группы Польской социалистической партии (ПСП), членом которой была и Ирена. Он почти каждый день приходил вечером к конторе Ирены, чтобы проводить ее до дома.

– Присутствие кавалера даже в нынешние времена хоть что-то да значит, – объяснял он.

Снова открылись кафе, рестораны и ночные клубы, но настроение в них нельзя было назвать праздничным. В один из последних теплых дней ноября Ирена со Стефаном сидели за столиком на тротуаре. По Окоповой улице с ревом проехал немецкий грузовик. В кузове сидели эсэсовцы, и закатные лучи блестели на двойных молниях их лацканов.

До войны Стефан с Ireной часто спорили о том, что лучше: его цинизм или ее принципиальный оптимизм. Стефан и теперь высмеивал организации за их любовь к бесконечным совещаниям и прениям.

– Одна болтовня, – говорил он. – И евреи, и социалисты только этим и занимаются.

– Полагаю, – сказала Ирена, – что над социалистами, будучи одним из них, ты издеваться можешь, но смеяться над евреями нельзя.

Стефан достал только что полученную кенкарту[53], продукт

недавно прошедшей переписи, и развернул ее перед глазами Ирены. Внутри стоял штамп «JUDE» («еврей» – *пер. с нем.*). Он откинулся на спинку стула и улыбнулся, с удовольствием наблюдая за сконфуженной Ireной.

– Вот видишь, я так понимаю, у меня все-таки есть право смеяться над евреями.

Ирена не знала, что и сказать. Конечно, говорила она себе, для нее это не имеет никакого значения, но ведь она даже не подозревала об этом!.. Она огляделась, чтобы убедиться, что их не подслушают.

– Стефан… ты держал это в тайне?

– Я когда-то был евреем. Отец с матерью перешли в протестантство, когда я был мальчишкой. Я мало что обо всем этом помню. Да только немцы, судя по всему, знают все это в подробностях и считают меня евреем. Я просто хамелеон: сначала стал протестантом, теперь иудеем. Я думаю, что надо так и продолжать. Может, в следующий раз я обернусь католиком.

– Стефан! Будь серьезнее. Как ты можешь шутить!

Он наклонился к Ирене, почти касаясь ее лица губами.

– Я познакомился с одним художником, – сказал он. – Он работает на ППС. Он может сделать любой документ – *Kennkarte*, разрешение на работу, справку с места жительства, свидетельство о крещении или о свадьбе – так, что его не отличишь от настоящего. Все, что захочешь. Он мастер своего дела. И сочувствует евреям. И цены у него весьма умеренные.

Она допила свой кофе и посмотрела Стефану в глаза.

– Это может быть интересно, – сказала она. – И как же зовут этого художника?

Стефан написал на бумажке имя с номером телефона и передвинул ее через стол в направлении Ирены.

– С деньгами сейчас трудно, Стефан. Мы сами делаем документы. Может, они выходят не так идеально, как у твоего художника из ППС, но пока годятся и такие.

– Будь осторожна, – с искренней заботой сказал он, – ведь любого, кто тебя сдаст, щедро наградят злотыми да свиным беконом. Очень соблазнительно.

– Не глупи, Стефан. Я для немцев слишком мелкая сошка.

– Все так говорят, пока их не поймали… или пока не начали пухнуть с голоду… или пока их не начали пытать.

– А почему ты тогда доверяешь своим социалистам, с которыми сегодня встречался? – спросила Ирена. – Может, кому-нибудь из них тоже захочется гестаповского бекона. Как знать?

– Евреи ничего такого ради бекона не сделают. Ну, по

крайней мере, пока еще. Ты знаешь Рингельблюма?[54] Еврей. Называет себя социальным историком. Личность занимательная. Он сотрудничает с «Джойнтом»… с Объединенным распределительным комитетом. Кажется, он никогда не спит. Я был на встрече представителей всех еврейских политических партий, которую он организовал. Ну и компот получился, я тебе скажу!

Теперь на этих подпольных бюрократов разозлилась Ирена:

– Болтовня ничего не стоит, Стефан. И все эти собрания тоже. А на реальную помощь людям… на продукты, документы, жилье, лекарства… на все это нужно очень много денег.

– Как сказал Рингельблюм, «Джойнт» даст нам денег.

– Нам? Стефан, ты только что сказал «нам»?

– Немцы считают меня евреем. И, наверно, они правы. Я не могу отбросить тысячи лет истории… моего народа.

Из приказов от 23 ноября 1939 года

С 1 декабря 1939 года всем евреям и еврейкам старше 10 лет, проживающим на территории Генерал-губернаторства[55], предписывается носить на правом рукаве повседневного платья и верхней одежды белую повязку шириной 10 сантиметров с изображенной на ней синей звездой Давида. Изготовление повязок, а также маркировка их соответствующим символом является обязанностью самих евреев и евреек.

– Нарушение данного правила карается тюремным заключением.

– Решения о наказании будут приниматься специальными судебными комиссиями.

Приказ от 30 ноября 1939 года

Все принадлежащие евреям магазины должны быть помечены большой звездой Давида, расположенной у входной двери в заведение.

После выхода указа про повязки варшавские евреи перестали считаться людьми, словно превратившись в какой-то другой биологический вид. Ирена не раз видела, как евреев выгоняли из магазинов и на полном ходу вышвыривали из трамваев. Однажды какой-то юнец, проходя мимо еврейской семьи с белыми

повязками на рукавах, с размаху ударил кулаком в лицо отца семейства, и тот просто упал на колени, истекая кровью под плач своих детей.

Пока Стефан не раздобыл себе фальшивые документы, доказывающие его арийское происхождение, ему тоже приходилось носить повязку со звездой Давида[56], и Ирена в его компании чувствовала себя в опасности, ей казалось, что все смотрят только на нее. Поляки-«арийцы» быстро прозвали эти повязки «клеймом позора».

Мать Стефана, жившая у родственников в пригороде Варшавы – Праге, просто отказалась надевать повязку, сказав, что в ее возрасте это уже не имеет значения. Она была уверена, что не значится ни в каких немецких документах, потому что никогда в жизни не работала, не имела трудовой книжки и даже не регистрировалась во время переписи.

– Пусть они меня даже расстреляют, – презрительно фыркнула она, – плевать!

Вскоре после выхода указа о повязках в «Nowy Kurier Warszawski» напечатали интервью с доктором Людвигом Фишером, губернатором Варшавы и области.

– Эти повязки предназначены, например, для того, – разглагольствовал Фишер, – чтобы любому немцу с первого взгляда было понятно, что с ним пытается флиртовать еврейка… так что он сможет защититься от тлетворного влияния похотливых еврейских женщин и избежать греховного и преступного кровосмешения, нарушающего чистоту арийской расы.

* * *

В первую декабрьскую неделю 1939 года распоряжения следовали одно за другим:

Из приказов декабря 1939 г.

Приказ

Смертной казнью будут караться попытки любых граждан польского или еврейского происхождения торговать хлебом по ценам, превышающим довоенный уровень.

Приказ

Евреям запрещается посещать главный почтамт на Варецкой улице.

Приказ

Во всех принадлежащих евреям ломбардах и ссудных конторах должны быть назначены арийские управляющие.

Приказ

Еврейские школы объявляются закрытыми.

Приказ

Ответственность за медицинское и больничное обслуживание еврейского населения возлагается на Юденрат и его председателя Чернякова. Арийским частным лицам и арийским учреждениям здравоохранения оказывать медицинские услуги евреям запрещается.

Приказ от 19 декабря 1939 года

Юристам еврейского происхождения запрещается вести профессиональную деятельность.

Приказ от 22 декабря 1939 года

Запрещается проводить службы и моления в синагогах.

Приказ от 27 декабря 1939 года

Смертной казнью будут караться все, кто не сдал или утаил от оккупационных властей радиоприемники.

В том же самом декабре была введена карточная система. Ирена с матерью получили бумажные листы, разделенные на маленькие разноцветные квадратики, на каждом из которых были указаны тип и количество продукта. Как польки, они должны были зарегистрироваться в ближайшем к дому польском магазине, получившем разрешение на торговлю продуктами питания. Евреям выдавали карточки другого цвета, со штампом в виде звезды Давида, и отоваривать их можно было исключительно в еврейских магазинах.

Немцам полагалось 2613 калорий в день, евреи получали 184[57]. Выжить евреи могли только при помощи черного рынка или покупая ворованные продукты по ценам, раз в десять превышающим довоенные.

Но никакими распоряжениями нельзя было усмирить буйное воображение.

> В народе ходили слухи, один фантастичнее другого. Немецкая армия деморализована, Германия на грани поражения! Немецкие офицеры дезертируют из своих подразделений и бегут к русским! Гитлера убили!

На дворе стоял декабрь, и слухи эти были как подарки, что каждое 5 декабря оставляет под подушками или рядом с кроватями послушных детей Swiety Mikolaj[58].

На 5 декабря пришлось и начало еврейской Хануки[59]. Каждый вечер Ева с домашними (за исключением Адама, с печалью признавалась она) зажигали по свече в память в великом чуде Хануки.

– Я все-таки жду чуда, – говорила она, – ведь самые великие чудеса всегда случаются в самый неожиданный момент.

Ирена просто не решилась ей возразить.

– Ханукальные свечи разгонят любой мрак, – сказала Ева, – как во время чуда у Маккавеев.

Ирена не знала истории про Маккавеев и очень жалела Еву за то, что ей довелось жить в эти времена, когда никаких чудес не происходит.

Глава 11
Оккупация
Варшава, январь – октябрь 1940

Немцы не зря опасались тифа. Первые случаи были зафиксированы уже в январе, на третьем месяце оккупации, а потом количество заболевших начало расти из недели в неделю, и почти исключительно в еврейском квартале. Каждый день мать проверяла одежду Ирены и давила найденных в ней вшей. Ирена боялась, что мама заразится той же болезнью, от которой в 1917 году погиб ее отец, помогая нищим евреям…

А судьба словно сговорилась с немцами, принеся в зиму 1939–1940 гг. рекордные для Польши холода. Уголь был дорог, да и достать его было очень трудно. Ирена привыкла видеть возникающие при каждом выдохе клубы пара не только на улице, но и в помещениях, и не снимала пальто, бывая в домах своих подопечных. Янина свалилась с высокой температурой, и Ирене пришлось потратить два дня, чтобы найти ей врача. Измученный доктор, которому в предыдущую ночь удалось поспать всего пару часов, сказал ей, что такого количества заболевших он не видел со времен пандемии «испанки» в 1918 году.

Ожидая окончания осмотра мамы, Ирена вспоминала, как семилетней девчонкой так же стояла в коридоре, пока отца обследовали коллеги из варшавской больницы Св. Духа. Они выходили из его спальни с мрачными лицами и что-то бормотали друг другу, не обращая внимания на крошечную Ирену. Мама вышла вслед за ними и закрыла за собой дверь. Она смогла сказать лишь:

– Наш папа заболел… ничего серьезного… но он отправляет нас в Варшаву, пока не кончится эпидемия в Отвоцке.

Доктор Сенницкий предложил им остановиться у него. Он был человек одинокий и жил в большом особняке. Мама сказала, что уехать придется на несколько дней, но с собой они почему-то собрали пять большущих чемоданов. Перед отъездом мама снова велела Ирене ничего не бояться, а потом отправила попрощаться с папой. Доктор Сенницкий велел ей держаться подальше от кровати больного.

– К папе не прикасаться! – он погрозил ей своим длинным указательным пальцем. – И не целоваться!

Мрак в отцовской комнате разгоняла только принесенная Иреной свечка. Она навсегда запомнила, как булькало у него в груди, когда он делал вдох или выдох. Ирена подняла свечку

повыше, чтобы увидеть его лицо. Отец одиноко лежал на кровати с полуоткрытыми глазами. Ирена увидела его пожелтевшее лицо и подумала, что его красит в этот цвет пламя свечи.

> Руки отца были покрыты красными пятнами. Ирене было плевать, что сказал доктор, она все равно его поцелует.

Но отец вдруг скомандовал, почти не шевеля губами:

– Нет, Ирена! Я тебя очень люблю, но тебе надо уехать… вместе с мамой. Будь взрослой и береги ее.

Слова, казалось, не шли у него из уст, но он упрямо продолжал:

– Ирена, никогда не забывай того, чему я тебя учил. Все люди одинаковы… в мире существуют только хорошие люди и плохие.

– Я никогда этого не забуду, папа.

Она стояла с мерцающей свечой у подножия кровати и смотрела на отца широко раскрытыми глазами.

– Запомни это. Если видишь, что кто-то тонет, прыгай в воду, даже если не умеешь плавать.

Она уже много раз слышала эти наставления, но никогда не решалась задать один сильно беспокоящий ее вопрос.

– Но разве мы не утонем вместе, если я не буду уметь плавать?

– Просто надо что-то делать, – сказал он. – Нельзя просто стоять и смотреть на тонущего человека.

Через пять дней ее отец умер от тифа.

И теперь, 25 лет спустя, дамоклов меч тифа снова навис над их головами. Ирена мерила шагами свою комнатку, с тошнотворной паникой думая о том, что может отдать тифу и мать… Врач свернул стетоскоп и присел рядом с Ireной у печки-«буржуйки».

– Это не тиф, – сказал он. – Но у нее очень плохо с сердцем. И в легких так много жидкости, что даже обычная простуда грозит серьезными последствиями.

Ирена вытерла с глаз слезы:

– Она поправится?

– Сейчас, наверно, да. Но сердце… Боюсь, что жить ей осталось не очень долго.

Засыпающий на ходу доктор выпил полчашки чаю и ушел.

Закрыв за ним дверь, Ирена задумалась… Плакать она постаралась беззвучно, чтобы не испугать маму.

Приказ от 20 января 1940 года

Во избежание распространения эпидемии тифа в среде еврейского населения закрываются все синагоги, ешивы, еврейские школы и ритуальные бани. Запрещается проводить молебны в общественных местах.

Приказ от 22 января 1940 года

Все мужчины еврейского происхождения от 12 до 60 лет должны зарегистрироваться в Юденрате в качестве кандидатов на принудительные работы. Регистрация проводится в 10-дневный срок с 1 февраля по 10 февраля.

Приказ от 23 января 1940 года

Все организации, оказывающие социальную помощь еврейскому населению на территории Варшавы и Польши, объединяются в единую централизованную Еврейскую организацию самопомощи.

Приказы следовали почти ежедневно… каждый день новое ограничение свобод, каждый день новое унижение…

В Варшаве отремонтировали несколько разрушенных бомбежками улиц, и на них снова появились велорикши, извозчики и автомобили. Но полуразрушенные здания продолжали служить напоминанием о поражении Польши. По Лешно и Кармелицкой, главным городским магистралям, снова людным, как и до войны, пустили трамваи. Если б не вонь от гниющего мусора и не обилие пешеходов с белыми повязками на правом рукаве, можно было бы подумать, что Варшава вернулась в 1938 год. Мужчины-евреи ходили по улицам, низко опустив голову. Помятые и потрепанные костюмы, купленные еще до введения карточной системы, висели на их изможденных телах, будто были на размер или два больше. Женщины перестали носить шляпки, предпочитая им простые платки и старую одежду. Любые признаки материального благополучия могли стать поводом для ареста…

Однажды в конце января Ирена ждала Еву на продуваемом всеми ветрами перекрестке Лешно и Желязной. Они договорились встретиться в середине дня – самое многолюдье. В холщовой

сумке Ирены под вязаньем, клубками пряжи и спицами были спрятаны фальшивые *Kennkarte*, свидетельства о крещении и продуктовые карточки на имена трех погибших поляков. Отец Стимецкий из католической церкви, расположенной в одном из пригородов Варшавы, сообщил Ирене имена, даты рождения, адреса и прочие данные трех погибших в боях поляков, информация о смерти которых еще не была занесена в приходскую книгу. Это давало двум Иренам возможность зарегистрировать евреев под именами поляков, обеспечив их полагающимися льготами, пособиями и «арийскими» продуктовыми карточками.

Имея при себе такие бумаги, Ирена всегда нервничала и старалась держаться подальше от штаб-квартиры Centos и офисов других еврейских организаций самопомощи, где гестаповские агенты нередко обыскивали сумки посетителей и просматривали принесенные ими папки с документами. Арест неизбежно означал допросы и пытки в штабе гестапо на Шуха, 25, а потом смерть в печально известной тюрьме Павяк.

Ева всегда отличалась пунктуальностью, и поэтому, прождав больше получаса, Ирена начала беспокоиться. На стене дома за ее спиной висел красный плакат со списком имен казненных вчера людей… Ирена решила пройтись по улице, понимая, что долго стоять на месте небезопасно. В середине квартала кто-то внезапно протянул к ней руку. Ирена отпрыгнула, столкнувшись с несколькими пешеходами, а потом увидела, что это был нищий с белой повязкой на рукаве, который протянул ей свою перевернутую кепку, а теперь, не дождавшись от нее милостыни, уже обращался к следующему человеку.

– Haks Rakhmunes! A stikel broit! (Пожалейте! Подайте хоть кусочек хлеба! – *идиш.*)

Не один он в городе находился в постоянных поисках куска хлеба. Ирена знала, что практически все находящиеся в эту холодную январскую среду на улице люди шли либо покупать на черном рынке хлеб или уголь, либо продавать спрятанные от фашистов ценности или такие же фальшивые документы, что лежали сейчас у нее в сумке. Все они, и арийцы, и евреи, спекулировали, продавали, покупали, воровали, подкупали, подделывали – словом, вели ту или иную противозаконную деятельность.

Когда Ирена возвращалась к перекрестку, к тротуару подрулил тюремный фургон. Пешеходы бросились врассыпную… как напуганный хищником косяк мелкой рыбешки. Из машины выпрыгнули три крепких эсэсовца. Они врезались в разбегающуюся толпу, размахивая дубинками, наугад

выхватили из нее трех человек с белыми повязками на рукавах и затолкнули в фургон, который продолжил свое движение по Желязной, словно акула в поисках добычи. Все это произошло за считаные минуты, а потом толпы прохожих сомкнулись и снова потекли двумя противоположно направленными потоками.

Кто-то снова железной хваткой схватил Ирену за локоть. Она опять вздрогнула, и у нее перехватило дыхание. Ева держала ее за руку слишком крепко, а шагала слишком быстро.

– Что случилось? – сказала Ирена.

Ева потянула Ирену вниз по улице Лешно, мимо здания городского суда. Ирена взяла ее под руку и вдруг почувствовала, как сильно Ева похудела за последнее время. Наконец они вошли в полутемное фойе театра «Фемина»…

– Извини, Ирена. Дай мне сигарету…

Ирена протянула Еве пачку. Ева неумело прикурила и после первой затяжки закашлялась, на ее глазах выступили слезы…

– Что сегодня произошло? – еще раз спросила Ирена. – Ты ведь никогда не опаздываешь.

– Я шла к тебе. Меня схватили два немца. Они сказали, что я должна помочь убраться в квартире.

> Меня отвели в дом, отданный под постой немецким солдатам, и приказали вымыть уборную, которая просто утопала в… ну, ты понимаешь… Я спросила – чем? Своей блузкой, сказали они и приказали ее снять.

Я сделала, как было велено. Когда я закончила мыть и стала надевать пальто, один из них опять схватил меня за руку и обернул мне лицо и голову грязной блузкой. А потом просто вышвырнул на улицу. Мне пришлось вернуться домой, чтобы отмыться и переодеться.

Приказ от 18 февраля 1940 года

> Еврейскому Совету (Юденрату) предписывается провести регистрацию всех евреек и евреев, перешедших в другую веру, в возрасте от 13 до 59 лет.

Происшествие с Евой обеспокоило и подавило Ирену гораздо больше, чем она ожидала. Все в Варшаве слышали об избиениях и даже убийствах евреев. Но то были незнакомые, безымянные люди. Теперь же все это коснулось ее напрямую, пострадала Ева… ее лучшая подруга Ева. Тяжелым грузом для Ирены были и мысли

о здоровье мамы, но здесь ничего изменить было невозможно и оставалось только искать и покупать на черном рынке дигиталис[60]. А еще Ирена постоянно слышала у себя в голове слова отца о спасении утопающих. Чтобы хоть как-то бороться с отчаянием, Ирена начала придумывать способы обойти установленные немцами ограничения на социальную помощь и карточных норм продуктового снабжения, еле-еле удерживающих людей на грани жизни. Эти мысли порождали в ней странное чувство, чем-то похожее на удовлетворение. Она поняла, что именно так она должна бороться с оккупантами.

В середине февраля Ирена решила рискнуть. Как-то вечером она пригласила к себе домой Ирену Шульц, Яна Добрачинского и Ягу Пиотровску, чтобы «обсудить некоторые аспекты работы, о которых было бы неудобно разговаривать на службе». Она позвала и Еву, с которой не виделась вот уже несколько недель… Кроме того, на 15 февраля приходился ее день рождения, ей исполнялось 30. Она об этом умолчала, но знавшая дату ее рождения Яга рассказала и Добрачинскому, и Ирене Шульц.

Ева пришла первой. Она сняла пальто с позорной нарукавной повязкой.

Ирена подбросила в печку угля, но изо рта по-прежнему шел пар. Ева еще больше похудела. Канатами на ее шее выступали напряженные мышцы. Она сильно постарела, под глазами появились мешки, на круглом некогда лице выступили скулы, потемнели и иссохли золотистые волосы.

Ева, судя по всему, сразу заметила, как шокировал Ирену ее внешний вид.

– Все хорошо, Ирена. Я знаю, что выгляжу ужасно. Пожалуйста, не волнуйся за меня. Твое беспокойство меня очень расстраивает. Даст Бог, все будет хорошо.

…Подарки были под стать недоброму времени. Ян Добрачинский и Яга пришли вместе и принесли по завернутому в вощеную бумагу и перевязанному красной ленточкой куску угля.

– Черная жемчужина, – пошутила Яга. – Самый модный в этом году подарок.

Она была одета в расшитую странными геометрическими узорами юбку. Узоры не бросались в глаза, и красоту их можно было оценить, только присмотревшись. Добрачинский уселся на деревянный стул и сидел на нем напряженно, с абсолютно прямой спиной, словно боясь помять свою белоснежную накрахмаленную рубашку. Он только немного отпустил узел галстука.

Ирена представила Еву Добрачинскому с Ягой:

– Ева не только моя добрая подруга, но еще и сердце и душа Centos, а также горячо любимый воспитанниками руководитель молодежного кружка на Сенной.

Добрачинский немного покраснел, пожимая руку Евы.

– Мы с Евой знакомы, – сказал он.

Ирена сразу вспомнила про письмо, которое он написал Еве, когда ему пришлось уволить ее и других работников еврейского происхождения.

– Я до сих пор храню вашу записку, – сказала Ева, глядя ему в глаза. – Я знаю, что в Польше еще остались честные и достойные люди. В любом случае все получилось к лучшему. Я рада, что работаю в Centos. Я там на месте. А еще я счастлива, что у меня есть возможность заниматься с молодыми людьми в молодежном кружке. Надеюсь, вы с ними когда-нибудь познакомитесь. Они полны надежд, идеалов и планов. Потрясающие ребята. Помогают сиротам и детям беженцев. Растут гуманистами, несмотря на все, что творит вокруг Гитлер.

Наконец, с получасовым опозданием, вошла запыхавшаяся Ирена Шульц.

– Проверка документов, – объяснила она, поправляя свои короткие светлые волосы. – Эсэсовцы остановили трамвай, в котором я ехала. Проверили документы и обнаружили в вагоне еврея без повязки. Они вытащили его из трамвая и начали избивать, а нас заставили на это смотреть. Когда он потерял сознание, его забросили в гестаповский фургон, а нам позволили ехать дальше. Я думала, меня стошнит.

С Евой Ирена Шульц не виделась уже несколько месяцев, и Ирена увидела, как на ее лице мелькнуло выражение ужаса, когда она, обняв Еву, почувствовала ее худобу.

Сбросившись продуктовыми карточками, они наскребли на скромный ужин из супа, хлеба с маслом, яиц и овощей. Скудость меню они компенсировали живостью беседы, которая нет-нет да возвращалась к обсуждению рецептов любимых блюд и особо запомнившихся праздничных столов. Больше всего радости возможность провести вечер в компании «молодежи» принесла Янине, матери Ирены.

После ужина Ирена сказала, что им нужно обсудить кое-какие дела, и предложила маме послушать у себя в спальне фонограф. Она знала, что Янина скоро заснет. Ирена подала черный чай с сахаром – редкостную для того времени роскошь. Она попыталась отдать остатки полученного по карточке сахара Еве, но та отказалась. Ирена не отступала.

– Отдай это своим ребятам из кружка, – убеждала она. – Пусть жизнь у них будет немного послаще.

– Спасибо, Господи, что у меня есть такие друзья, как ты, – сдалась Ева.

– Несколько дней назад я видела Адама, – сказала Ирена. – Я ходила навещать одну из своих семей.

– Он связался с дурной компанией, – сказала Ева.

– Он помог мне достать кое-какие документы и поставить на довольствие семью беженцев. Он твой брат, а поэтому ему можно доверять.

Ирена Шульц сказала Еве:

– Тебе приходится иметь дело с контрабандистами… это, наверно, непросто.

Ева кивнула, хитро улыбнувшись.

– Да, конечно, трудно. Но дело с ними и с черным рынком приходится иметь большинству из нас. Мне говорят, что у меня это получается… ну, торговаться и все такое. Странно, но я этим даже немного горжусь.

– Браво, Ева, – сказала Яга, вставляя очередную сигарету в черный мундштук. – Я в жизни еще не встречала преступника добрее и честнее тебя.

Из соседней комнаты доносились звуки шопеновской «Прелюдии». Кашлянув, Ирена начала серьезный разговор.

– Я знаю, что в последнее время на некоторых из вас срывалась, и прошу за это прощения. Всем нам сейчас очень непросто. Мне в голову пришли кое-какие мысли… как помочь евреям, – она помолчала. – Но все это будет противозаконно.

Ирена Шульц и Яга кивнули. Ева нахмурилась, и с ее лица исчезла улыбка. Добрачинский продолжал сидеть с каменным лицом.

– В каждом из десяти округов, где работает служба соцзащиты, – продолжала Ирена, – я знаю хоть одного сочувствующего евреям работника, готового помогать… выдавать подложные документы, распределять карточки, находить еду, одежду, лекарства и даже деньги.

Ева начала делать заметки в блокноте, с которым никогда не расставалась. Ирена накрыла страничку рукой:

– Не надо, Ева. Никаких доказательств того, что этот разговор вообще состоялся, быть не должно.

– У меня мозги слишком быстро работают, – сказала Ева. – Слишком много мыслей приходит в голову. Они как бабочки… мне надо их ловить и пришпиливать к бумаге.

– Романтичное сравнение, но не беспокойся. Я знаю, что делать. Я надеюсь, вы все мне поможете, потому что одна я не потяну.

Конечно, это риск… и очень большой. Если вы не хотите иметь с этим ничего общего, то сейчас, наверно, самый подходящий момент пожелать друг другу спокойной ночи.

Добрачинский поерзал на стуле, бросив взгляд на Ягу, но с места не двинулся.

– У каждого из нас есть знакомые, у которых есть другие знакомые, – продолжила Ирена. – Мой друг Стефан, тот приятный молодой человек, который часто провожает меня домой с работы, участник того, что он называет «нарождающимся подпольем». Мы можем найти способ получать деньги от нашего правительства в изгнании. Ева, ты знаешь тех, кто работает с Объединенным распределительным комитетом. Пан Добрачинский, вы знаете людей в министерстве. У всех нас есть какие-то связи.

– Это очень опасный разговор, Ирена, – сказал Добрачинский; несмотря на холод в комнате, на лбу у него выступила испарина.

– Я надеюсь, что мы можем доверять друг другу, – сказала Ирена. – Мы все тут заодно, и много чего натворили. Все мы уже и так понемножку подделываем документы. Но этого мало. Нам надо действовать изобретательней. Лучше координировать работу. Ставить перед собой более масштабные цели.

– Что вы предлагаете? – спросил Добрачинский.

– Организовать сеть. По крайней мере по одному работнику в каждом из районных отделений.

– Это вы говорите про «кто», а не про «что».

– Тиф, – Ирена обвела взглядом присутствующих. – Немцы панически боятся эпидемий. Я предлагаю сыграть на этих страхах. У меня есть знакомые в лечебных учреждениях, и они говорят, что сейчас участились случаи заболевания туберкулезом и дизентерией. Как бы ни ужасно это звучало, но тиф открывает перед нами широкие возможности.

Отчасти на использование этой ненавистной болезни в своих целях ее вдохновила память об отце. Ей казалось, что таким образом она восстановит некое равновесие, сделает не напрасной смерть самого близкого и дорогого ей человека.

– И к чему вы клоните? – настаивал Добрачинский.

– Давайте я приведу пример. Чего на текущий момент нам катастрофически не хватает?

– Жилья и продуктов, – сказал он, а все остальные согласно закивали.

– Правильно. Так вот… У нас есть лимиты жилья для поляков-арийцев. Теперь допустим, у нас есть еврейская семья… скажем, Сиповичи. Они участвовали в еврейской переписи,

занесены в списки, и помощи им не полагается. Ну, а если их фамилия согласно переписи арийского населения будет Прелуцкие, а зарегистрированы они будут по адресу в арийском квартале? Я легко получу пособия, деньги и карточки для Прелуцких и передам их Сиповичам.

– А если гестапо станет искать пана Прелуцкого?

– В досье семьи Прелуцких будет подписанная Главным санитарным врачом справка из санэпидемслужбы, свидетельствующая о том, что жена Прелуцкого и ее брат, проживающий по тому же адресу, больны туберкулезом. Ни один немец к ним не сунется. Эту историю за сотню злотых подтвердит и владелец дома.

В комнате повисла тишина, и Ирена подумала, не перешагнула ли она границы допустимого. Сидящие за столом, казалось, погрузились в свои мысли. Яга закурила очередную сигарету. Ева промокнула салфеткой уголки рта.

– Склады забиты под завязку, – продолжила Ирена, – продукты и одежду там получить на удивление просто… даже с топорно подделанными документами.

Первой молчание нарушила Яга.

– Наш санитарный фургон… – сказала она. – В нем можно провозить продукты.

Добрачинский взял на себя роль резонера. Он находил слабые места в предлагаемых стратегиях, а когда женщины находили способы их устранить, снова бросался в атаку, пытаясь разрушить логику придуманной Иреной схемы. Мыслил он просто великолепно, и Ирена поняла, благодаря чему ему удалось так высоко подняться по служебной лестнице.

– Да, риск есть, – соглашалась Ирена, – но какие времена, такие и методы.

Давно уже начался комендантский час, а разговор все продолжался. Им придется провести у Ирены ночь. Добрачинский позвонил жене, чтобы объяснить, что не сможет прийти домой. Ирена слышала натянутость в его голосе и заметила, что Яга отвернулась и смотрит в окно.

Вернувшись к столу, Добрачинский продолжил критиковать план Ирены:

– В конечном счете самым большим препятствием для получения качественных поддельных бумаг являются деньги. Как проводить расходы на все эти операции?..

У Ирены наконец лопнуло терпение.

– При всем уважении, – сказала она, – мы можем обсуждать все это до посинения, но мне нужно знать от каждого из вас, будете ли вы мне помогать?

Ева заговорила первая, тихим и ровным голосом:

– Я тебя поддерживаю полностью… но я почти ничем не рискую, ведь нам, евреям, уже нечего терять.

– Я с тобой, Ирена, – сказала Яга и закурила очередную сигарету.

– Когда-то я была твоей начальницей, – сказала Ирена Шульц, – а теперь стала сообщницей. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

Все посмотрели на Добрачинского… главного резонера в компании. Он сложил ладони, словно в молитве, и нахмурился. Очень медленно, сначала почти незаметно для присутствующих, он кивком дал знать о своем согласии, и Яга импульсивно обняла его.

Было уже далеко за полночь, но Ирена не могла заснуть, думая то об одном, то о другом, то о третьем. В душе ее, как краски на палитре, перемешались и радостное волнение, и сомнения, и страх. Теперь ей придется составить план действий, найти надежных людей и распределить обязанности. Единственным успокоением для нее было ровное дыхание сообщников, спящих под пледами вокруг натопленной печки.

* * *

Весна 1940 года позволила людям вздохнуть чуть поспокойнее после необычайно холодной зимы, но в остальном она принесла одни только катастрофы. В мае под напором немцев пали Норвегия, Голландия и Бельгия. Британская армия отступила после июньского поражения под Дюнкерком, и уже через неделю, 14 июня, полки Вермахта маршировали по Елисейским Полям, украшенным сотнями штандартов со свастикой. В расклеенных по всей Варшаве плакатах немцы трубили о своих победах.

Под страхом смерти евреям предписывалось приходить в Юденрат и получать направление на принудительные работы. Всем этим людям приходилось работать по 12 часов в день, а то и больше, как правило, собирая кирпичи для еврейских каменщиков, занятых на постройке стены, которая должна будет окружить и рассечь на две части еврейский квартал города. Слухов об изолированном гетто становилось все больше. В большинстве польских городов, где имелись еврейские районы, например в Пиоткове, Ченстохове, Лодзи, Люблине, Ковно и многих других, такие гетто уже были.

Стефан превратился в «арийца», т. е. купил себе новую

Kennkarte, новую прописку, свидетельства о рождении и крещении, и исчез из поля зрения немцев. Под новым именем он поселился в запущенной квартире на Марковской, 15, в районе Прага с двумя коллегами из университета. Они заняли эту квартиру, когда с нее съехала еврейская семья, у которой не было денег платить домовладельцу-арийцу. На фоне большинства варшавян Стефан выглядел на удивление здоровым и упитанным. Улыбаясь, он поражал Ирену идеальной белизной зубов. Подложные документы избавили его от необходимости носить белую повязку, и он снова начал почти каждый день приходить к Ирене то на работу, то домой.

В начале 1940 года начали появляться подпольные газеты, и уже к первой годовщине оккупации – к октябрю 1940-го – по рукам ходило больше 50 разных изданий на польском, идише и иврите. Агенты гестапо не единожды проверяли установленный в конторе Ирены мимеограф[61], пытаясь найти признаки его нелегального использования, наказанием за что была смертная казнь.

– Даже не думал, что придется стать мальчишкой-газетчиком, – сказал Стефан весной 1940-го, отдавая Ирене первый номер нелегальной газеты «Бюллетень»[62]. Принес он ее, обернув ею свои голени. Ирена передала свой экземпляр Ирене Шульц, она отдала ее Яге, та потом – Ядвиге Денеке и т. д. Стефан показал Ирене несколько кафе в еврейском квартале, где можно было прокрутить какие-нибудь дела, что-то купить, что-то продать, узнать новости. У каждой из этих кафешек была своя репутация. «Nowoczesna Café» («Современное кафе» – *польск.*) на улице Новолипки славилось своей развлекательной программой, вкусной едой и достоверностью информации, которую можно было там получить. Среди его постоянных клиентов были даже немцы. А вот «Sztuka Café» (кафе «Искусство» – *польск.*) на улице Лешно привлекало к себе остатки среднего класса, там заключали свои сделки торговцы-чернорыночники и самогонщики. Контрабандисты считали это кафе почти что своим офисом и даже назначали там часы приема. Интеллигенция же предпочитала собираться в «Кафе на Сенной».

К марту, чтобы разделить еврейское и арийское население Варшавы, оккупанты возвели вокруг еврейских кварталов деревянный карантинный барьер с воротами на Крохмальной улице и еще в семи других местах. Немецкие газеты и плакаты продолжали поносить евреев как переносчиков тифа и прочих инфекционных заболеваний. Эпидемия тифа ширилась, и больше всего от нее страдали истощенные от недоедания евреи. К апрелю каждый месяц в городе фиксировалось по 500 с лишним новых

случаев заболевания тифом.

В первый день мая Ирене позвонил Главный санитарный врач и директор Санитарно-эпидемиологической службы доктор Майковский.

– Мне надо с вами увидеться, – сказал он. – Жду вас завтра утром у себя в кабинете.

В его голосе Ирене почудились одновременно и зловещие, и заговорщические нотки.

Доктор Майковский – почтенный пожилой джентльмен, лысый и бородатый, с устало опущенными плечами – запер за Иреной дверь своего кабинета. Кожа у него на шее и лице свисала складками, говоря о том, что не так давно он был человеком весьма полным. Доктор вернулся за рабочий стол и посмотрел на Ирену через очки, сильно увеличивавшие его глаза.

– Вы знаете дом № 35 по Крохмальной? – спросил он.

– Да, конечно. У меня там живут подопечные.

– Один из них на прошлой неделе умер, – он открыл перед собой папку с бумагами. – Нахум Смоленски… 18 лет. Квартира 33, третий этаж.

Это было очень печально, но евреи умирали постоянно, и Ирене было непонятно, что в этой смерти было такого, из-за чего нужно было запирать дверь.

– Он умер от тифа.

– Прискорбно слышать, – все еще осторожничая, произнесла Ирена.

– Итак, этот молодой человек умер, и теперь всех, кто живет в квартале… не только в его доме, а в целом квартале… ждет кошмар. Новые карантинные мероприятия… драконовские, надо сказать, меры… и, на мой взгляд, просто варварские. Естественно, исполнение своих приказов они возложат на Юденрат.

Далее он рассказал о новых карантинных правилах и о том, что через несколько дней произойдет на Крохмальной, 35. Еврейская полиция[63], людей в которую нанимал Еврейский Совет, соберет всех живущих там евреев и отконвоирует до расположенных на Лешно, 109, общественных бань, где они пройдут дезинсекцию, а потом будут отправлены в душ. Всех – и мужчин, и женщин – побреют наголо. В это время по квартирам пройдут польские дезинфекционные бригады. Наглухо закрыв окна, они будут жечь в комнатах серу, чтобы обеззаразить тюки с одеждой, матрасы и подушки, в нежилых помещениях – разбрызгивать лизол и креозот и… красть все, что попадет под руку!.. По опыту прошлых дезинфекций люди знали, что у них будут вымогать взятки. За 50 злотых можно откупить от дезинфекции комнату, за 2000 – целый дом. Но в этот раз на

такое надеяться не приходилось.

Как только будет официально засвидетельствовано окончание процесса дезинфекции, людей отконвоируют обратно на место жительства, ворота закроют на цепи с замками, и все жители на 21 день окажутся в профилактическом карантине.

> Никто не сможет войти на территорию карантина или выйти оттуда. Люди будут в полной изоляции… в их дома не будет доставляться продовольствие и почта, из карантинной зоны не будет вывозиться мусор.

– Таким образом, – продолжал он, – через несколько дней немцы проведут на Крохмальной то, что у них называется «Акция»[64], то есть улица будет перекрыта на всем протяжении от Цеплой до Валицов. А это 20 000 человек. Это будет самый крупный карантин. Первый по новым правилам.

– Откуда вы это знаете?

– У меня есть друзья… весьма недешевые друзья. Я так понимаю, что у вас тоже имеются такие недешевые друзья.

Он произнес это таким тоном, что Ирене стало не по себе:

– Я не очень понимаю, что вы имеете в виду.

Он побарабанил пальцами по крышке своего стола.

– Если ничего не предпринять, 20 000 человек на три недели окажутся в карантине, не имея ни крохи хлеба. Мне подумалось, что помочь им сможете вы. Добрачинский о вас очень высокого мнения. Он сказал, что вы детально продумали, как действовать в ситуациях такого рода. Он сказал, что вы способны сделать невозможное.

Она почувствовала, как зарделись ее щеки. Только теперь она поняла, что может доверять Добрачинскому.

– Мы делаем, что в наших силах.

– Я могу выписать пропуски санэпидемслужбы вам и… – он перевернул несколько страниц в папке, – ага… вам и другой Ирене – Шульц. Имея эти пропуска, вы сможете въезжать в карантинную зону. Немцы, думаю, будут держаться от этого района подальше. Так что есть надежда, что вам придется иметь дело только с польскими полицейскими, а им будет уже прилично заплачено.

Ирена знала, что этот момент когда-нибудь наступит, и была к нему готова. Она давно продумала стратегию и тактику, оценила риски, спрогнозировала вероятные проблемы и четко представляла себе, как в подобных обстоятельствах мобилизовать на работу своих помощников. Согласно установленному плану, она начала обзванивать своих сообщников. Представившись *Иолантой*, она говорила им:

– Подготовить процедуру № 5… Крохмальная. Подробности позднее.

Упоминание «процедуры № 5» означало, что в скором времени произойдут некие события, требующие подготовить мешки с зерном, мукой, корнеплодами и добыть фальшивые документы, в которых еврейские имена и фамилии будут заменены на польские.

На следующий день Ирена прошла по Крохмальной. Она заходила в каждый дом и разговаривала с председателями домовых комитетов, предупреждая их о дезинфекционной *Aktion*. В то же время медицинский фургон службы соцзащиты, за рулем которого сидел Антоний Данбровский, начал развозить по району мешки с крупами и корнеплодами. Сверху мешки заваливали использованными перевязочными материалами и грязным постельным бельем. Стараясь не попадаться на глаза еврейским полицаям и «синемундирникам», подростки из молодежных кружков прятали мешки в подвалах и на чердаках. Евреям, боящимся ареста за те или иные проступки, Ирена добыла новые удостоверения личности и нашла временные убежища, где они могли укрыться до завершения *Aktion*.

На Крохмальной улице было зарегистрировано около 30 случаев тифа, и было ясно, что *Aktion* может начаться в любую минуту. На четвертый день после объявленной ею тревоги, в пасмурный, тихий и теплый весенний день 7 мая, выходящая из дома № 35 Ирена услышала то, чего ждала и боялась. Со всех сторон завыли сирены и послышались трели полицейских свистков. Заполнявшие тротуары Крохмальной улицы люди бросились врассыпную. Немецкие войска перекрыли улицу с обеих сторон и медленно двигались навстречу друг другу. Между немецкими кордонами работало подразделение польских «синих мундиров»[65]. Из установленных на грузовиках громкоговорителей разносились приказы.

– *Alle Juden raus!* Всем евреям выйти на улицу! Будет проводиться санитарная обработка! Все, кто не покинет дом в ближайшие 15 минут, будут расстреляны.

Ирена вздрогнула, когда на другом конце квартала раздалась автоматная очередь… «Синемундирники» входили в дома, стучали в двери и выгоняли людей. Немцы «работали» на улице: сбивали выбегающих из домов людей в колонну в центре улицы. Снова раздались выстрелы. В агонии закричала женщина. Немцы нервно поигрывали оружием. Какой-то «синемундирник» схватил Ирену за рукав и потащил на середину мостовой:

– Шевелись, жидовка. На середину улицы! И где твоя повязка?

Ирену взбесила его грубость, но потом она увидела, что жандарм совсем молоденький, перепуганный, наверно, деревенский мальчишка, которому повезло найти хоть такую работу. Вероятнее всего, до войны он и знаться с евреями не хотел, а теперь получал за издевательства над ними деньги.

– Я не жидовка. У меня есть пропуск, – сказала Ирена. – Санэпидемстанция министерства здравоохранения.

Она показала ему выданный доктором Майковским пропуск. Парнишка отпустил ее, казалось, с некоторым облегчением, а через мгновение со всего размаху обрушил свою дубинку на пожилую женщину, пытавшуюся войти в дом. Она упала на мостовую, из раны на голове хлынула кровь. Ирена бросилась к ней… ее схватили солдаты и подтащили к офицеру. Немец окинул взглядом ее фигуру, грудь, ноги и протянул руку за документами. Она изо всех сил постаралась не выдавать своего испуга.

– Чтобы ей помочь, надо сначала попросить у меня разрешения, – с глумливой усмешкой сказал он и стал изучать ее пропуск. – Не сомневаюсь, что это подделка, и совершенно уверен, что вы заняты тут какими-нибудь темными делишками, но у меня просто нет времени с вами разбираться.

Он сплюнул ей под ноги.

– Эта женщина здорова. И вы, соответственно, не в праве оказывать ей помощь. А теперь убирайтесь.

Шагая прочь, Ирена почувствовала, что разгорающаяся в сердце ярость начинает побеждать страх, и поняла, что давно ждала этого.

Приказ от 28 сентября 1940 года

Евреям запрещается находиться в одном трамвайном вагоне с арийцами. Евреи могут пользоваться только трамвайными вагонами с маркировкой «Для евреев». Еврейские вагоны будут прицепляться к каждому третьему трамваю на линии.

Приказ от 4 октября 1940 года

Горничные арийского происхождения, работающие в еврейских семьях, должны пройти регистрацию в органах оккупационных властей.

Приказ от 10 октября 1940 года

Всем евреям при встрече с немцами, как военными, так и гражданскими служащими, имеющими право на ношение формы, предписывается уступать дорогу и не возвращаться на тротуар, пока на нем находится немец. В знак уважения к форме евреи должны снимать кепки, шляпы и прочие головные уборы.

Глава 12
Варшавское гетто
Варшава, октябрь 1940 – январь 1941

Приказ:

Варшава – 12 октября 1940 года

Распоряжение губернатора Варшавы Людвига Фишера 12 октября 1940 года.

Все евреи, живущие за пределами районов компактного проживания еврейского населения, должны приготовиться покинуть свои дома и переселиться в районы, специально отведенные для проживания евреев. С собой можно взять только ручную кладь или ручные тележки. Все остальное имущество должно остаться по месту прежнего проживания. Переселение польского населения из еврейских районов и перемещение всех евреев в еврейские районы должно быть завершено до конца октября.

Прожив больше года в условиях оккупации, варшавяне воссоздали в городе некое странное подобие нормальной жизни, наладили этакое хрупкое равновесие, которое стало для многих если не счастьем, то все же большим облегчением. Люди наладили связи на черном рынке и научились обходить скудные карточные продуктовые нормы.

Ирена не переставала поражаться, к чему только ни приспособится человек, чего ни вытерпит!

Но равновесие оказалось слишком хрупким, и изоляция гетто снова повергла город в хаос.

Ирена продолжала навещать своих подопечных в еврейском районе, а вокруг колесили немецкие грузовики с мощными громкоговорителями, из которых разносились предупреждения евреям и полякам о том, что приближается дата «изоляции еврейского квартала». Дата отделения Варшавского гетто была выбрана немцами не наугад. Оно было назначено на Йом-Киппур, самый важный праздник еврейского календаря, на день, когда

Тора велит евреям поститься и молиться целых 24 часа, на день покаяния, искупления и отпущения грехов. Но еврейским каменщикам, которые должны были как можно скорее закончить строительство 18-километровой стены гетто, не давали ни сна, ни отдыха. Многие соблюдавшие пост еврейские рабочие теряли сознание или даже умирали прямо на строительной площадке. Их тела просто оттаскивали в сторону, а потом отвозили в морг.

Приказ:

Варшава – 28 октября 1940 года

Срок полной эвакуации из жилых зданий продлен с 1 ноября до 15 ноября.

Приказ:

Варшава – 10 ноября 1940 года

Все находящиеся в еврейской части города здания передаются в попечение Юденрата. Арийским комендантам и управляющим предписывается сложить с себя обязанности.

Приказ:

Варшава – 12 ноября 1940 года

Любому еврею, желающему получить право на проезд в трамвайных вагонах для арийцев, надлежит выплачивать сверх платы за проезд ежемесячную таксу в сумме 5 злотых. Любой еврей, не имеющий такого разрешения, оплачивает проезд в четырехкратном размере.

Приказ:

Варшава – 15 ноября 1940 года

Осуществлена полная изоляция еврейского района города.

Слово «гетто» никогда не использовалось ни в немецкой пропагандистской прессе, ни в официальных заявлениях оккупационных властей. Евреи просто подлежали «изоляции» или «секвестированию» внутри еврейского района. В качестве одного из аргументов приводилась санитарно-гигиеническая необходимость – превентивный карантин.

За день до крайнего срока окончательной изоляции района, который в скором времени получит название «гетто» и у поляков, и у евреев, Ирена своими глазами увидела скорбный парад нагруженных тюками и везущих на детских колясках свои пожитки евреев. Они тянулись к своим новым домам в городе, отрезанном стеной от Варшавы, из трущоб Праги через мосты над Вислой. Дети тащили наволочки, набитые одеждой, постельным бельем, иногда любимыми игрушками. День был не очень холодный, но истощенные, голодающие люди, надевшие на себя все, что у них было, по несколько пальто, пиджаков, платьев, штанов, казались тучными…

Подпольная сеть Ирены становилась все больше и сильнее. Она получала денежную помощь от ППС (парашютные выбросы устраивало лондонское правительство в изгнании, а принимали их бойцы Армии Крайовой[66], ей поставляли фальшивые документы (чаще всего из конторы Янины Букольской на Медовой, 11), на нее работали связные (в основном молодые женщины как еврейки, так и арийки), у нее были конспиративные квартиры и возможность получать продукты и медикаменты со складов.

15 ноября в стену, окружившую 400 000 евреев, был положен последний кирпич.

Хотя евреи не имели возможности даже временно покидать территорию, немцы периодически устраивали рейды по гетто и реквизировали из домов мебель и ценные вещи. Эти грабежи закончились, только когда в гетто снова начался тиф.

Но в Варшаву не переставали тянуться потоки голодных, грязных и вымотанных неделями скитаний (нередко пеших) еврейских беженцев. В ответ на звучащий на идиш, немецком, чешском или румынском вопрос, куда им теперь идти, варшавяне направляли их в гетто, где они в самом скором времени вливались в гигантскую армию нищих и чаще всего бездомных людей.

Приказ: Варшава

Работники социальных служб лишаются права посещения еврейского сектора города независимо от причин. Выделение социальных пособий и льгот еврейскому населению запрещается.

Доступ в гетто регулировался блокпостами, установленными у 22 прорезанных в стене ворот. По крайней мере раз в день две Ирены, в форме медсестер, показывали свои пропуска работников санэпидемслужбы и въезжали в гетто. Первые несколько раз Ирена немного боялась, но потом поняла, что к документам, подписанным самим доктором Майковским, придраться невозможно. Чтобы не возбуждать лишних подозрений, они взяли за правило въезжать и выезжать из гетто через разные ворота. Попривыкнув, Ирена начала проносить в гетто гораздо больше контрабанды, чем в начале. Будучи женщиной миниатюрной и худенькой, она могла въезжать в гетто, надев на себя до пяти «одежек», а потом оставлять четыре своим подопечным. Деньги и фальшивые документы зашивали в одежду, прятали в двойное дно брезентовых санитарных сумок и заваливали сверху использованными перевязочными материалами, чтобы у немцев не возникало желания эти сумки проверить.

Каждый раз в гетто Ирене казалось, что она попала в какой-то другой мир. Покидая арийские бульвары, где по-прежнему шумела жизнь, сновали трамваи, автомобили, грузовики, извозчики и раздавались звонки велорикш, она вдруг погружалась в зловещую тишину, ибо в гетто было запрещено автомобильное движение. Здесь, казалось, действовали другие физические законы, атмосфера гуще, а гравитация сильнее прижимала людей к земле. Все в гетто носили на рукавах выполненные в точном соответствии с указанными параметрами белые повязки, и Ирена быстро сообразила, что ей лучше всего делать то же самое – так она становилась практически невидимой. Кроме того, вспоминая свои университетские годы, она ощущала внутреннюю потребность носить эту повязку из чувства солидарности.

Варшавяне довольно быстро изучили цветовую палитру армейских и полицейских подразделений. Солдаты Вермахта ходили в зеленой полевой форме, эсэсовцы носили сине-серую, украинцы – желтую, польские жандармы – синюю, еврейская полиция – черно-белую.

После отделения гетто и введения строжайших норм распределения продуктов, приобретать товары из-под полы стало

гораздо опаснее и дороже, но, с другой стороны, черный рынок стал абсолютной необходимостью. Евреи без него выжить просто не могли, в результате чего появилась целая подпольная армия контрабандистов и прочих преступных элементов. Рядовыми этой армии были молодые евреи, мальчишки и девчонки, бойкие, юркие и бесстрашные. Они находили способы выбираться за стену через подкопы и проломы, выпрашивали еду на арийской стороне, а потом проносили свою добычу обратно. За ними гонялись еврейские полицаи. Поймав такого мальчишку, они вытряхивали из-под гигантского плаща и из просторных штанов репу, морковь или картофель, которые они пытались пронести в гетто, а потом, как правило, избивали и отправляли в тюрьму на улице Генся.

Другие дети занимались мелкими грабежами: они вертелись рядом с продуктовыми лавками, а потом выхватывали, что получится, из рук выходящих покупателей и пускались наутек. Ирена не единожды видела, как на сумевшего украсть хлеб воришку почти сразу же набрасывались другие дети, валили его наземь и дрались между собой за то, что он не успел съесть сам. Они прямо в пылу драки судорожно набивали себе рты, а потом, когда биться было уже не за что, спокойно помогали друг другу встать на ноги.

Условия жизни в гетто были просто невозможные. В одной комнате ютилось по семь-восемь человек. Улицы превращались в два сплошных, движущихся в противоположных направлениях людских потока. Единственным разрешенным внутри гетто видом транспорта были трамваи, помеченные большими звездами Давида. В гетто не было ни одного парка, ни одного сквера или лужайки, и игровыми площадками для детей стали развалины и горы мусора. В ясные дни бездомные семьи и нищие собирались на солнечных кусках улиц, чтобы немного согреться, и продолжали монотонно просить у прохожих куска хлеба, крыши над головой или хотя бы просто элементарного сочувствия.

Ирена постепенно познакомилась с некоторыми нищими. Симпатичный, до невозможности худой молодой человек каждый день очень неумело играл на скрипке на одном и том же углу улицы. На улице Лешно, прямо напротив знаменитого театра «Фемина», зарабатывать на жизнь пытались прихожане синагоги. Синагогальный хор из 15–20 человек пел меланхоличные еврейские молитвы и псалмы, а дирижировал седовласый кантор в потрепанном костюме и черной ермолке. Рядом с дирижером на тротуаре стояла его черная шляпа и табличка со словом *Tzedakah* (Благотворительность – *ивр.*).

Но самым знаменитым из попрошаек был, наверно,

Рубинштейн, которого нередко называли «королем нищих» или, по часто используемой им присказке, Алле Глайх (*Alle Glajch* (все равны) – *нем., идиш*). Алле Глайх был актером от бога, и вокруг него неизменно собирались толпы. Он рядился в самые разные костюмы, шутил и рассказывал анекдоты, которые потом уходили в народ. Однажды он появился на улице в женском платье.

– У меня нет жены, – объяснил он, – и я решил сегодня побыть своей супругой… здорово придумано, а?

Ирена научилась отсчитывать ход времени в гетто, замечая, как исчезают примелькавшиеся нищие. Особенно привлекало ее внимание одно семейство. Казалось, у них не осталось ничего, кроме двух детских колясок. Троих детей возил в коляске отец, и еще трое были в коляске матери. Они волшебными голосами пели на идиш. В ту первую зиму Ирена каждый день слушала их песни и потом оставляла им немного денег. Через несколько месяцев у них осталось четыре ребенка, потом три… потом исчезла одна коляска, а также обувь и верхняя одежда родителей. Наконец остались только отец с матерью. Они продолжали петь, но женщина была худа, как скелет, и настолько слаба, что мужу приходилось возить ее в оставшейся коляске. Потом пропала и женщина. Больше их песен уже никто не слышал.

Судьба детей-беспризорников беспокоила Ирену особенно сильно, она задумалась, как им помочь… К концу декабря переодетые медицинскими сестрами Ирена и Ирена Шульц приезжали в гетто по два-три раза в день. По возможности часто, иногда раз в неделю, кроме прочих дел в гетто Ирена заходила в Centos передать Еве деньги и документы. В один особенно холодный день, увидев Ирену, Ева не смогла сдержать слез.

– Это просто кошмар!.. – всхлипывала она. – С каждым днем беженцев становится все больше. Сейчас такая холодина, а тысячам людей негде жить, негде согреться. Даже бесплатного супа с полевых кухонь больше не раздают. Я вымоталась до предела, а спать не могу. И я боюсь… все время… Страх меня не отпускает ни на минуту.

Ирена обняла Еву, успокаивая, погладила по голове…

– Соберись, Ева. Сможешь пройтись со мной по Лешно? Тебе надо выбираться на улицу, хоть ненадолго. А мне нужно тебе кое-что показать.

– Не понимаю. А куда мы пойдем?

– Прогуляемся… пойдем в здание суда встретиться с одной моей подругой. Может, ты ее знаешь. Изабелла Кучковска. Она закончила Польский свободный университет приблизительно в то же самое время, что и ты.

Ева покачала головой:

– Нет, я с ней не знакома.

– Познакомишься. Она работает в другом районном отделе соцзащиты юристом. Она специалист по апелляциям. Одна из моих связных.

– Сколько их у тебя теперь?

– Тех, кто готов помогать и кому я полностью доверяю, на арийской стороне почти 25 человек. Больше всего у меня болит сердце за сирот. Я вижу их здесь каждый день… – Она сделала паузу и осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что никто их не слышит. – Я решила некоторых из них отсюда забрать. Но мне для этого нужна твоя помощь, Ева.

– Ты с ума сошла?

– Да нет, почему? У меня подготовлены семьи, готовые взять детей… некоторые на время, некоторые на более долгий срок. По крайней мере эти дети не умрут где-нибудь в подворотне. У них будет еда, и спать они будут в тепле.

– Как ты собираешься их отсюда вызволять?

– Пойдем в здание суда, я тебе все покажу.

Они пошли вниз по улице Лешно, и Ирена увидела, что на стенах и киосках расклеили новые плакаты. Они отличались чрезвычайной простотой и прямотой:

Евреи – вши – тиф

К концу недели этими плакатами были оклеены стены чуть ли не всех домов в Варшаве и ее пригородах.

Ирина остановилась, когда они подошли к зданию городского суда.

– Половина этого здания находится внутри гетто, а половина – снаружи. Из гетто в него можно войти с Лешно, а со стороны арийской Варшавы – с Огродовой улицы. Есть способы миновать блокпосты и пройти сквозь запертые двери. Изабела знает коменданта здания Йозефа. У него есть ключи от подвала. Сегодня мы с Изабеллой проведем эксперимент и попробуем выйти через них сами. Я хочу познакомить тебя с Изабелой. Если все пройдет хорошо, ты будешь с ней встречаться очень часто.

После недолгой паузы Ирена добавила:

– Ты знаешь, будет не так-то уж сложно вызволить из гетто и тебя. Я знаю людей…

Ева остановила Ирену, положив свою руку на ее руки.

– А нос ты мне тоже новый достанешь? – со смехом сказала она. – Ты посмотри на меня. У меня же национальность на лице

написана. Гетто может быть для меня тюрьмой или зоосадом, но за этой стеной я превращусь просто в животное, на которое объявлена охота. По крайней мере здесь у меня имя… здесь у меня есть миссия – работать с молодежью… здесь у меня есть хоть осколки человеческого достоинства. Мое место на Сенной, в моем молодежном кружке. Это чудесные, отважные молодые люди. Мне надо служить им примером и быть поддержкой. Неужели ты не думаешь, что я должна быть такой же смелой, как и они? Даст Бог, все с нами будет хорошо. Все когда-нибудь закончится. Вот увидишь.

– Ты моя подруга. Мне очень печально видеть тебя здесь. Я хочу тебе помочь.

– Береги силы, Ирена. Твоя помощь нужна прежде всего нищим и сиротам. У меня есть крыша над головой… мне есть где согреться… у меня есть немного еды. А самое главное, что у меня есть моя семья. И у меня есть Шмуэль.

– Этот чудаковатый парень с дыркой между передними зубами? – Ирена осеклась, но слишком поздно. – Извини, Ева. Это я ляпнула, не подумав.

Ева широко улыбнулась:

– Да, на вид он немножко странный, но человек очень хороший. Сейчас он записался в еврейскую полицию.

Разочарование Ирены, наверно, было написано у нее на лице.

– Нет-нет, – сказала Ева, – в действительности это хорошо. Сейчас в полицию записалось много молодых людей.

Она вдруг покраснела.

– Шмуэль хочет на мне жениться. Сказал, что будет заботиться о моей семье. В полиции дают дополнительные пайки. Моим родителям Шмуэль нравится. Он тоже из ортодоксов и иногда читает им из Торы. Адам же не настолько снисходителен. Он говорит, что Юденрат и еврейская полиция – это немецкие пособники. Но Шмуэль – хороший.

Ирена хотела было сказать еще что-то, но Ева коснулась ее руки своими костлявыми от недоедания пальцами.

– Ты просто не можешь представить себе, каково это жить здесь, Ирена, – тихим голосом проговорила она. – Ты не можешь представить себе, каково это изо дня в день добывать пищу.

> Мы все превратились в преступников. Мы все делаем, что можем и что должны. Те, кто живет по закону, либо уже мертвы, либо умирают.

Ирене стало стыдно.

– Прости меня, мой дорогой дружочек. Я не хотела… Я просто хочу оградить тебя от всего этого.

На лицо Евы вернулась улыбка.

– Милая Ирена, мое место именно здесь. А что до Шмуэля, то тебе просто надо с ним поближе познакомиться. Он сообразительный и щедрый человек. Он приносит нам еду и помогает налаживать связи с арийскими торговцами. Немцы ему доверяют, и он знает, кого из них можно подкупить.

Ирена заинтересовалась. В той части ее мозга, которая была вечно занята придумыванием новых схем и вариантов работы, завертелись мысли о том, как использовать знакомство со Шмуэлем. Ева была права: надо мыслить так, как мыслят преступники.

– Я хочу встретиться с твоим ненаглядным, – сказала Ирена, – узнать его получше. Если ты с ним счастлива, то он и мне должен понравиться.

– А я – счастлива, Ирена. Здесь почти все считают, что даже хорошо, когда полиция состоит из «своих», из наших сыновей и братьев, из людей, говорящих на идише и понимающих, что такое быть в сегодняшние времена евреем. Я думаю, Шмуэль прав. Мы полностью зависим от немцев. И у нас нет выбора, кроме как им подчиниться. Лучше уж невооруженный еврейский полицай, чем немец или поляк-«синемундирник», который антисемитизм впитал в себя с молоком матери.

– Ты его любишь?

Ева отвела взгляд:

– Он очень приятный парень.

Через несколько дней Ирена спряталась от пробирающего до костей ледяного январского ветра в подворотне и принялась издалека наблюдать за Шмуэлем, стоявшим на посту у ворот, расположенных на пересечении Желязной, Злотой и Твардой. Форма у еврейских полицаев была… весьма экстравагантна: в холодное время года они ходили в длинных, подпоясанных ремнем шинелях цвета хаки, летом – в черных куртках, белых рубашках с галстуками, черных фуражках со звездой Давида и надраенных до блеска высоких ботинках. Вооружены они были резиновыми дубинками. На правом рукаве Шмуэля, под обязательной для любого еврея звездой Давида, была еще и бордовая повязка еврейского полицая.

Ворота гетто, где наблюдалось достаточно оживленное движение, охранялись парой немецких солдат, которые проверяли документы, двумя переводчиками из «синемундирников» и несколькими еврейскими полицаями. Иногда на блокпостах присутствовали и солдаты из литовских и украинских подразделений.

Насколько можно было понять, Шмуэль был весел:

посмеиваясь, он болтал о чем-то с «синемундирниками». И что, интересно, нашла Ева в этом коротышке с пухлыми щеками? Росточком он по сравнению с Евой и правда не вышел. Мало того, несмотря на карточную систему, он, в отличие от большинства поляков и евреев, по-прежнему щеголял неким подобием пивного пузика.

Вдруг за стеной послышалась какая-то возня, потом раздался топот ног, и из-за угла в раскрытые ворота метнулся мальчишка лет пяти-шести. Прошмыгнуть мимо Шмуэля ему не удалось: тот схватил его за шиворот драного пальто и поднял в воздух. Когда малыш, взлетев в воздух, беспомощно засучил ногами, Шмуэль подсек его ударом дубинки и бросил на мостовую. Шмуэль ударил истошно кричащего мальчишку еще раз, на этот раз пониже спины, а потом дунул в свисток. С Твардой прибежал еще один полицай, схватил мальчишку и потащил обратно в гетто.

Ирена подождала, пока не восстановится порядок, а потом подошла к блокпосту. Она показала свою *Kennkarte* и пропуск санэпидемслужбы немецкому жандарму. Тот скользнул по ним взглядом, почти не обратив внимания, и, даже не проверяя сумку, махнул рукой, позволяя пройти.

Ирена подошла к Евиному избраннику.

– Вас зовут Шмуэль, я не ошибаюсь? – спросила она.

– И что с того?

– Я подруга Евы.

У Шмуэля были пухлые, почти женские губы и узкий лоб, на голове мелкими червячками кудрявились короткие кофейного цвета волосы. Он не мог сдержать своей щербатой улыбки, которая моментально превратила его из облеченного властью лица в обычного еврейского мальчишку.

– Чем могу быть полезен? – спросил он своим тенорком.

– Можем мы поговорить с глазу на глаз?

– Конечно.

Они прошли по Твардой и смешались с сотнями находящихся на улице евреев.

– Итак, что вам угодно?

Ирена просто не могла не задать этот вопрос:

– Парнишка, которого вы только что поймали. Что теперь с ним будет?

– Верней всего, отправят в Генсиувку[67], – сказал он, прищурившись и приподняв плечи. – Да оно будет ему на пользу. По крайней мере его там будут каждый день кормить, и ему будет где спать ночью.

Шмуэль либо не знал правды, либо врал. Ирене было известно, что малолетние заключенные Генсиувки –

в большинстве своем воришки и контрабандисты, которым повезло не погибнуть от пули, жили впроголодь и спали в холодных помещениях на набитых соломой матрасах. Генсиувка славилась высоким уровнем смертности среди заключенных. Сироты, дожившие до освобождения, отправлялись в детский дом на Дзельной, 39, где чаще всего все равно умирали.

Ирена попыталась включить весь свой шарм.

– У меня есть кое-какие грузы… медицинские материалы… которые мне нужно провезти через этот пост без досмотра. Я хотела спросить, сколько это нынче стоит?

Он осклабился.

– Одноразовая поставка?

– Посмотрим. Моя подруга просто хочет попробовать.

– Да, сегодня всем нужны друзья и подруги. А сколько коробок? Какой вес?

– Десять упаковок… килограмм по 20 каждая… все будет загружено в карету «Скорой помощи».

Ирена подождала, пока Шмуэль прикинул в уме сумму.

– В силу того, что вы подруга Евы и такая красавица, сделаем вам скидку… 2000 злотых, отдать мне при въезде. Когда?

– Завтра.

Это был вовсе не тот стеснительный, иногда неуклюжий «приятный парень» – в форме и с дубинкой на поясе он становится другим человеком. Человеком?..

– До которого часа вы тут будете? – спросила она.

– Только до шести. А послезавтра будет уже 3000 злотых.

– Значит, тогда завтра до шести, – сказала Ирена.

Он снял перчатку, и они пожали друг другу руки. Ладошка у него была маленькая и влажная.

Хоть Ирену и расстраивала мысль о возможном браке Евы с этим человеком, знакомство с ним оказалось для нее большим везением. Он станет частью ее подпольной сети, будет играть специфическую роль и готов приступить к работе почти сразу, без предварительного уведомления. У Ирены уже были помощники среди электриков и сантехников, был и водитель медицинского фургона Департамента соцзащиты Антоний Данбровский.

Данбровский, человек добродушный, веселый и никогда не упускал случая пофлиртовать с соцработницами и секретаршами департамента. Лет ему было уже достаточно много, темные волосы и густые усы были тронуты сединой, но привлекательности он еще не потерял. До войны он часто жаловался на лишний вес, но теперь казался просто крепким мужчиной и выглядел моложе своих лет.

Ирена и раньше просила его выполнять мелкие поручения,

например провезти в гетто продукты или лекарства, всего пару-тройку холщовых мешков, погребенных под горами использованных перевязочных материалов и прочих тряпок. Теперь она спросила, будет ли он свободен на следующий день, чтобы сделать «особенно важный рейс».

– Мое дело – крутить баранку, – ответил он и подмигнул Ирене, – но специально для вас я сделаю так, что вонять наша машина будет как никогда отвратительно.

На следующий день Добрачинский подписал ордера и накладные на десять мешков зерна, муки и картошки и выдал Ирене 2000 злотых наличными.

– Будь осторожна, – сказала Яга, когда Ирена проходила мимо ее стола, стоящего перед дверью в кабинет Добрачинского.

Ирена встретилась с Антонием у складов, когда в кузов его фургона загружали последние мешки с провизией. Благоухал грузовик и впрямь гораздо сильнее обычного. Она уселась на пассажирское сиденье и, чувствуя, как дрожат колени, закуталась в шарф.

Они подъехали к воротам на Твардой незадолго до шести, в момент, когда движение было особенно оживленным, а голодные и усталые после очередного морозного дня часовые были заняты проверкой возвращающихся с принудительных работ бригад.

Антоний подогнал фургон к воротам, и у кабины сразу же появился Шмуэль. Он забрал у них документы и конверт с двадцатью купюрами по 100 злотых. Антоний показал поддельный пропуск с подписью Главного немецкого санитарного врача доктора Вильгельма Хагена, позволяющий его спецмашине въезжать в гетто в любое время. Шмуэль и один из польских «синих мундиров» открыли фургон и сделали вид, что проверяют его содержимое.

> Ирена чувствовала, как колотится ее сердце, пока немецкий жандарм разглядывал их документы. Время от времени взятки не помогали, и контрабандистов и нарушителей просто расстреливали на месте.

По приказу немца Шмуэль распахнул ворота, и Антоний медленно повел машину по Твардой, распугивая толпы прохожих зловещим рыком двигателя. Он сворачивал на все более и более узкие улочки, а потом остановился у отгороженного карантинными кордонами «тифозного» жилого дома. Охраняющим его еврейским полицаям Ирена уже дала взятки, и они на время покинули свои посты.

Из темноты внезапно возникли ребята из Евиного

молодежного кружка на Сенной улице и быстро унесли мешки куда-то в переулки отрезанного карантином квартала.

На следующий день перед походом в гетто Ирена спрятала под подкладку медицинской сумки 10 000 злотых. На этот раз она решила войти через пользующиеся дурной славой ворота на улице Лешно. Со злобной ухмылкой на лице к ней направился немецкий охранник. Раньше она его здесь не видела. Ирена забеспокоилась. Неужели ее кто-то предал?

– Achtung! (Внимание! – *нем.*) – прорычал немец. – Что в сумке?

Переводил сказанное один из «синих мундиров». Немец грубо схватил ее за предплечье и потащил в караулку.

– Мы тебя обыщем, – сказал он на ломаном польском и начал стаскивать с нее пальто.

Второй находившийся в будке немец громко засмеялся.

Ирена схватила его за руку, чтобы остановить, и он отвесил ей пощечину.

– Не сметь! – рявкнул он. – Может, у тебя спрятано что-нибудь запрещенное. Сегодня почти все что-нибудь прячут…

Денег на взятку у нее было с лихвой, но она понимала, что это будет пустая трата. Ее ужас вдруг обернулся жгучей яростью. Она вспомнила, что говорил ей дедушка Ксаверий, рассказывая о том, какими мыслями он поддерживал себя под пытками в русской тюрьме:

– Страх делает человека слабым, а ярость придает силы.

Эсэсовский охранник перевернул сумку и, вытряхнув из нее содержимое, ножом вспорол подкладку. Ирена в ужасе наблюдала за тем, как на стол высыпались 10 000 злотых. Доигрывать свою роль до конца, пыталась решить она, или сознаться и предложить большую взятку?..

Она сердито топнула ногой.

– Мне приказано доставить эти деньги в гетто на санитарно-гигиенические проекты и борьбу с эпидемиями инфекционных заболеваний.

Она показала ему свой пропуск, выданный доктором Майковским.

– А это мы сейчас проверим, – сказал он и поднял трубку телефона. Он позвонил в Министерство здравоохранения и попросил доктора Майковского.

Ирена смотрела, как с лица немца сползала самодовольная ухмылка, пока он получал трепку от доктора Майковского. Он смущенно положил трубку.

– Доктор Майковский подтверждает ваши слова. Можете идти.

Но прежде чем отпустить ее, он вытащил из кучи купюр бумажку в тысячу злотых.

– Это мне за хлопоты.

Уходя, Ирена старалась казаться сильной и невозмутимой, но, повернув за угол и выйдя из поля зрения часовых, она разрыдалась. На какое-то мгновение она забеспокоилась, что на нее будут обращать внимание, но в эти дни плачущие на улице женщины никого уже не удивляли.

Глава 13
Начало ликвидации гетто
Варшава, октябрь – декабрь 1941

Из приказов

Приказ: Варшава – 5 октября 1941 года

Все нечетные дома по Сенной улице должны быть освобождены в соответствии с распространяемыми уведомлениями о выселении. Жители вышеупомянутых эвакуируемых кварталов должны найти новое место проживания в трехдневный срок по получении уведомления о выселении.

Приказ: Варшава

Почтовым отделениям, расположенным в еврейской части города, запрещается обрабатывать любую зарубежную корреспонденцию. Доставка посылок из нейтральных стран в еврейский район города больше производиться не будет.

Приказ: Варшава

Линии электрического трамвая в еврейской части города подлежат демонтажу. Использоваться внутри еврейского района могут исключительно гужевые пассажирские вагоны, произведенные на фабрике Кона и Хеллера[68].

С октября 1941 немцы начали сокращать размеры гетто. Они перестроили стену, отрезав от гетто целые районы, с целью «пресечь деятельность контрабандистов и поставить заслон распространению тифа». Но все прекрасно понимали, что делалось это только для того, чтобы жизнь евреев стала еще более невыносимой. Новая стена рассекала напополам Сенную улицу, где жила Ева, и теперь из окошка на чердаке, где

находился ее молодежный кружок, она могла видеть за стеной свободную жизнь арийской стороны и улицы, по которым сновали трамваи, автомобили, дрожки и велорикши.

Один из мальчишек постарше как-то сказал ей:

– Теперь, когда я могу заглянуть за стену, я чувствую себя животным в клетке зоопарка.

И это было очень близко к правде. В свои выходные дни немецкие солдаты приходили в гетто поглазеть и пофотографировать. Иногда они приводили с собой жен или подружек, чтобы показать им всю глубину падения презренных евреев.

На пике эпидемии тифа, пришедшемся на апрель 1940 года, каждый месяц регистрировалось по пять сотен заболевших. Вторая волна эпидемии началась в феврале 1941-го, и через полгода в месяц заболевало до 4000 человек. Это по официальной статистике. В реальности заболевших было гораздо больше. До тифа вшей просто стеснялись, потому что считали их признаком бедности. Но теперь тифозные вши наводили ужас. Ирена боялась заразиться, и посещая дома своих подопечных, и шагая по запруженным людьми улицам, и заходя в Centos. Но хуже всего ситуация всегда была у ворот, ведущих на Хлодную улицу, арийскую магистраль, отделяющую Большое гетто от Малого. Это был единственный переход с одной территории на другую, и собиравшиеся там огромные толпы иногда по полчаса дожидались, пока немецкие часовые не перекроют движение по Хлодной и не дадут им перейти на другую сторону. (К большому облегчению Ирены, 26 января 1942 года над Хлодной улицей построили деревянный пешеходный мост, который соединил Большое и Малое гетто[69] и избавлял немцев от необходимости то и дело останавливать движение ради переходящих улицу евреев.)

Каждый вечер Ирена по настоянию матери снимала всю одежду прямо у порога. Мать, как правило, находила в ней несколько вшей и давила их пинцетом. Больше ничего делать Янина была уже не в силах. Она изредка ходила на рынок, но после этого ее легкие снова наполнялись жидкостью, и она по несколько часов отдыхала, сидя в кресле.

10 октября ночью выпал первый снег, словно предвещая особенно тяжелую раннюю зиму, и к январю ледяные ветра выкосили улицы гетто. Каждую ночь умирало все больше малолетних попрошаек, а другие сразу же раздевали их тела до последней нитки. Ради приличия обнаженные трупы прикрывали газетами и заваливали битым кирпичом и мусором. Для умирающих ничего сделать уже было невозможно… они так или

иначе должны были скоро погибнуть от холода.

> Смерть в эти страшные времена была гораздо привлекательнее жизни, подумала Ирена, ведь только живые чувствуют боль потерь и лишений. А мертвым ничего уже не нужно, ни одежды, ни ботинок.

Хотя Кармелицкая улица была в гетто самой людной и самой опасной, все говорили, что, зная нужных людей, на ней можно было достать все, что хочешь. А еще в гетто ходила присказка, что если ты чего-то не смог достать на Кармелицкой, то ты скорее всего заслуживаешь голодной смерти.

Кармелицкая дважды в день становилась ареной особенно страшных событий. Именно по ней проезжал тюремный фургон, в котором перевозили заключенных из Павяка на допросы в штаб-квартиру гестапо в доме № 25 на улице Шуха, и обратно. Грузовик проносился по Кармелицкой, сбивая прохожих, не успевших убраться с его пути. Из кабины грузовика неизменно торчал по пояс эсэсовец (говорили, что его фамилия – Шульц) и размахивал утыканной гвоздями дубинкой, которая безошибочно находила свои цели.

В гестапо стало попадать все больше поляков, подозреваемых в помощи евреям. Практически у любого человека теперь были свои секреты и тайны, практически любой был замешан в какой-нибудь противозаконной деятельности. Кто мог сказать, сколько боли он может вынести и насколько боится смерти?

Теперь уже невозможно было понять, кому можно доверять, а кому нет. Евреи, вернувшиеся живыми с гестаповских допросов, становились мечеными… все подозревали, что в обмен на свою жизнь они выдали кого-то из своих соседей. Предательство, конечно, отвратительно, но разве удивительно, что насмерть перепуганный человек рассказывает гестаповцам, где спрятаны меха и бриллианты или кто из соседей приторговывает валютой? Информаторы получали в награду свободу, а иногда в придачу и… кусок сала или свиной колбасы, которую они съедали вопреки религиозным запретам. Какое значение могли иметь эти запреты, когда ты уже отправил на смерть своего ближнего?

Приказ от 10 ноября 1941 года

> Распоряжение губернатора Варшавы Людвига Фишера от 10 ноября 1941 года.
>
> Евреи, без специального разрешения покидающие

городские кварталы, отведенные для проживания еврейского населения, будут казнены. Тому же наказанию будет подвергнут любой сознательно принимающий таковых евреев в своем доме, предоставляющий им еду, транспорт или оказывающий любую другую помощь. Данный приказ будет исполняться без колебаний и снисхождения.

Сразу после сокращения площади гетто началась депортация немецких евреев в Польшу. В последующие недели в Варшаву хлынула новая волна измученных людей, у которых не было ни жилья, ни продуктовых карточек. Поговаривали, что теперь евреев в гетто было уже почти полмиллиона.

В то же время немцев начали беспокоить участившиеся случаи побегов евреев из гетто. В декабре по городу расклеили плакаты за подписью Комиссара по еврейским делам Ауэрсвальда, в которых сообщалось о казни восьми евреев, самовольно покинувших гетто. Среди них было шесть женщин, пытавшихся пронести в гетто продукты для своих семей.

К концу 1941 года в трехкомнатной квартире Евы жили 25 человек, и не все из них друг с другом ладили. Но Ева не жаловалась – наоборот, она была полна оптимизма.

– Американцы вступили в войну, а русские остановили немцев! Наверно, наступает перелом.

– Ты всегда во всем видишь хорошее, да, Ева?

– Знаешь, есть такая древняя еврейская поговорка: «Мессия родится в девятый день месяца Ав, в тот же день, когда был разрушен первый Храм».

Из приказов

Приказ 25 декабря 1941 года

В срок между 26 и 28 декабря евреи должны сдать в Юденрат все принадлежащие им меховые изделия. Отказавшиеся подчиниться этому распоряжению и те, у кого по истечении указанного срока будут обнаружены меховые изделия, будут караться смертной казнью.

Приказ

Газоснабжение еврейской части города будет отключено. Для обогрева домов и приготовления пищи на территории гетто может использоваться только уголь.

Глава 14
Нищие и сироты
Варшава, январь-февраль 1942 г.

Голодали в Варшаве все – и «арийцы»-поляки, и евреи. Умирающие с голоду дети выпрашивали на улицах еду по обе стороны стены.

Однажды в контору с целой свитой помощников и адъютантов ввалился подполковник СС доктор Людвиг Хан и потребовал к себе Яна Добрачинского. Несколько минут из кабинета Добрачинского доносилась брань и яростный топот ногами. Потом дверь приоткрылась, выглянул бледный Добрачинский и поманил Ирену. Он представил ее руководителем районного отдела по делам детей. Подполковник Хан в ответ пробурчал нечто неразборчивое. Он уже сидел в кресле, но был по-прежнему возбужден, ерзал на стуле и курил одну сигарету за другой.

– Нищие – это позорное явление, – сказал он через своего переводчика, – они бросают тень на весь Великий Рейх. Мне плевать на еврейские кварталы, но и на арийской стороне развелось слишком много этих малолетних попрошаек. Это настоящие паразиты, они несут угрозу здоровью населения, нарушают общественный порядок. Их необходимо немедленно убрать с улиц.

– И что нам с ними делать? – спросил Добрачинский.

– Вы что, дураки? – выпучил глаза Хан. – Помойте их, проведите дезинсекцию и сделайте так, чтобы они пропали с улиц.

– Но как же мы уберем их с улиц?

– Герр Добрачинский, кто здесь занимается социальной работой: вы или я? Если вы не в силах сделать это своими методами, я сделаю это своими. В любом случае нищие с улиц исчезнут.

На следующий день несколько грузовиков службы соцзащиты начали колесить по улицам арийской Варшавы и собирать беспризорников. Ирена убедила Добрачинского позволить им с Иреной Шульц руководить процессом дезинсекции, и они приехали в городские бани, как раз когда к ним подошел первый фургон с 25 нищими. Это были в основном мальчишки в возрасте от пяти до пятнадцати. Они тряслись от холода, лица были похожи на обтянутые кожей черепа, у некоторых не было сил даже встать на ноги.

Дверь распахнулась, наполнив помещение холодным воздухом улицы, и в дезинсекционное отделение твердым шагом вошел подполковник Хан.

– Попрошаек уже помыли? – вопросил он.

– Как раз начинаем, господин подполковник! – вытянулся перед ним ответственный за операцию поляк-«синемундирник».

– Снять с них одежду. Сейчас же!

– Но мы же еще только их оформляем, господин подполковник.

– Сейчас же, идиот!

Детям приказали раздеться. Ирена знала, что немцы часто заставляют людей снимать брюки, чтобы выявить обрезанных, и подозревала, что по крайней мере несколько из этих детей сбежали из гетто. В лучшем случае их отправят в Генсиувку, а в худшем подполковник Хан прикажет расстрелять их на месте или сделает это собственноручно. На девочек, если, конечно, они не обладали «неудачной» семитской внешностью, все-таки распространялась презумпция невиновности.

Ирена шагнула вперед и показала ему свое удостоверение работника санитарно-эпидемиологической службы.

– Господин подполковник, эти дети завшивлены до предела. Их надо подвергнуть дезинсекции ради нашей же с вами безопасности. Чтобы их помыть и побрызгать санитарным раствором, понадобится совсем немного времени.

Хан прикурил еще одну сигарету:

– Тогда поторопитесь! Я не могу торчать тут весь день.

Дети разделись в общей душевой и побросали в кучу свои кишащие паразитами лохмотья. Ирена опасалась не зря. Чуть особняком от других держались два обрезанных мальчика, судя по всему, родные братья. Они быстро помылись в душе хозяйственным мылом и перешли в дезинсекционную комнату.

Ирена вынесла из душевой их ботинки, а потом взяла мальчиков за руки.

– Пойдем со мной, – прошептала она сначала на польском, а потом на идише.

Пока Ирена Шульц флиртовала с «синемундирником», отвлекая его внимание, Ирена с мальчиками выскользнули через дверь.

– Прикройтесь руками, – сказала Ирена и показала, как это сделать.

Ирена показала дежурившему в холле «синему мундиру» пропуск, и он пропустил их дальше. Она одела мальчиков, взяв из подготовленных стопок хлопчатобумажные штаны и рубахи.

Ирена знала, что в полутемном заднем коридоре есть еще

одна дверь, через которую можно выйти во двор, а оттуда в лабиринт варшавских переулков. Ее охранял еще один «синий мундир». Она протянула ему 200 злотых, слишком щедрую взятку, от которой он гарантированно не сможет отказаться. Он взял деньги и выпустил Ирену с мальчишками на улицу.

Через двор она вывела мальчиков на Огродову улицу, а там поймала извозчика и назвала адрес Яги: Лекарская, 9. Она просто не знала, куда еще податься. До этого она никогда еще не бывала в гостях у Яги, и поэтому по прибытии на место ее ждал не очень приятный сюрприз. Прямо против дома № 9 располагались казармы войск СС, узкая улица была забита бронемашинами и штабными автомобилями. По улице расхаживали немецкие солдаты, перед входом в казармы стояли два часовых с автоматами. Ирена заплатила извозчику, поднялась с мальчиками по бетонным ступенькам крыльца, позвонила и стала молиться, чтобы кто-нибудь оказался дома.

Щелкнул один засов, затем другой, и дверь приоткрылась. В щелочку выглянула девочка лет 10–12 с длинными каштановыми волосами, разбросанными по плечам в богемном беспорядке. Она высунула голову и повертела ею из стороны в сторону, осматривая улицу. Ирена втолкнула мальчиков внутрь.

– Я – Ирена Сендлер, подруга твоей мамы. Может, она обо мне рассказывала. Ты, наверно, Ханна?

Ханна за спиной Ирены закрыла дверь на оба засова.

– Да. Она о вас очень много рассказывает.

– Эти мальчики должны остаться у вас, пока мама не вернется с работы. И их надо спрятать… на чердаке или в подвале, в общем, там, где ты считаешь будет лучше. Где тут телефон?

Крутя диск, Ирена чувствовала, что дрожит всем телом. Она сделала несколько глубоких вдохов, но отдышаться просто не могла. Ей нужно как можно скорее вернуться в бани на Лешно, 109, но и Ягу о мальчиках предупредить было необходимо. Яга ответила как раз в тот момент, когда Ирена была уже готова положить трубку.

– Яга, – с гигантским облегчением произнесла Ирена, – с днем рождения, дорогая! Я у тебя дома. Я тут принесла тебе два подарочка. Старайся не вынимать их из коробочек, чтобы не испортились. Потом объясню все подробнее.

> К моменту возвращения Ирены в бани привезли еще 25 малолетних попрошаек, и к концу дня в общей массе нищих удалось найти 32 евреев.

Ни в эту, ни в следующую ночь две Ирены не спали. Они обзванивали связных, искали для всех этих детей временные

убежища. Когда одна из них засыпала, другая будила ее, и они продолжали работу. Часть детей на несколько дней согласилась приютить у себя в монастыре сестра Матильда Геттер.

На следующий день Добрачинский вызвал Ирену в свой кабинет и молча показал ей на стул. Она поняла, что что-то случились.

– Сегодня ко мне заходил человек из немецкой полиции. Он сказал, что среди отловленных беспризорников недосчитались 32 человек. Он сказал, что, если я заплачу ему 2000 злотых и докажу, что всех этих детей вернули в гетто, вопрос будет закрыт. Иначе…

– Я знаю, что мы сможем найти для них убежище на арийской стороне. Если б только…

– Ирена! Слушай меня… и не перебивай. Детей необходимо вернуть в гетто… немедленно. Я бы очень хотел, чтобы у нас был другой выход.

Ирена прикусила язык. Альтернативы и впрямь не было… немцы знали о пропавших еврейских детях и шантажом требовали от Добрачинского отчитаться о том, где они находятся.

Но как разместить 32 ребенка в и без того переполненных квартирах жителей гетто? Свободного места там просто не было, а уж еды и подавно. Повинуясь моментальному импульсу, она позвонила в гетто доктору Корчаку, в знаменитый Дом сирот на пересечении Слиской и Сенной улиц. Она сказала ему, что им необходимо встретиться. Он, судя по всему, знал, кто она и чем занимается (во время одной из своих вылазок в гетто она ненадолго забегала в его приют), и сразу дал согласие на встречу.

В Польше Януша Корчака знали буквально все. Ребенком Ирена читала «Короля Матиуша Первого» и другие его детские книжки. В 1930-е Ирена с матерью слушали его радиопрограмму «Старый доктор», сочетающую в себе юмор и философию. Им становилось хорошо на душе, когда они просто слышали его голос. В университете Ирена изучала его теорию морального воспитания детей и прочитала его книги «Как любить ребенка» и «Право ребенка на уважение». Корчак пропагандировал новую концепцию воспитания детей в сиротских домах, основанную на равноправии и взаимном уважении. По этому же принципу он организовал деятельность своего Дома сирот в гетто, в котором жили две сотни детей.

Ранним утром следующего дня Ирена встретилась со «Старым доктором» в Доме сирот на Сенной, 16, в котором кипела бурная деятельность и царило аномальное для гетто веселье. Корчак, худой, пожилой человек с седой козлиной бородкой, после ареста за отказ носить повязку и жестоких избиений в гестапо ходил

с палочкой. Он внимательно рассматривал Ирену своими светло-голубыми глазами, и Ирена чувствовала его силу, несмотря на не очень-то внушительную внешность. Она выразила свое восхищение его деятельностью, а потом рассказала о стоящей перед ней дилемме.

Выслушав ее, он даже засмеялся:

– *Что* вы хотите сделать?

Ирена рассказала о начатой немцами очистке арийской части города от нищих и о том, как она обнаружила среди них детей еврейского происхождения.

– Знаю, это звучит дико, – сказала Ирена, – но мне нужно переправить этих детей *обратно в гетто*.

– Но почему бы им не остаться там, где они сейчас? Не лучше ли продолжать прятать их на арийской стороне?

Она объяснила, что на Добрачинского начали сильно давить и что ему необходимо доказать, что детей вернули в гетто.

– Сейчас они все во временных убежищах… и смогут пробыть там неделю – две от силы. Я просто надеялась, что…

– Все мы надеемся. И только благодаря этой надежде и продолжаем жить, – он вынул из-за уха карандаш, лизнул грифель и начал записывать на бумажке какие-то цифры.

Потом он посмотрел на нее так странно, что Ирене стало как-то не по себе. Создавалось впечатление, что он готов не только отказать ей в ее просьбе, но еще и вынеси какое-нибудь серьезное порицание.

– Почему вы все это делаете, пани Сендлер? Вас же могут расстрелять.

– Я социальный работник. Это мой профессиональный долг.

Корчак снова засмеялся:

– Нет, пани Сендлер. Я уверен, что дело совсем не в этом. Я спрашиваю вас не о профессиональном долге, а об эмоциях. Некоторые люди видят в такой деятельности способ борьбы с немцами… или, если угодно, возможность им мстить. А что видите во всем этом вы?

Она рассказала ему о своих родителях, о том, каким примером служил ей отец.

– Я не могу терпеть чужих страданий, а никто теперь не страдает больше еврейских детей. Я просто делаю то, что должен делать любой порядочный человек.

Корчак снял очки и протер линзы несвежим носовым платком. Он посмотрел на Ирену до невозможности усталыми голубыми глазами.

– *Талмуд* и *Каббала*[70] говорят, что в мире есть 36 праведников, ради которых Бог поддерживает жизнь этого

мира даже в самые варварские времена. Ни один из этих 36 не знает о том, что он таковым является. На самом деле, когда кто-то объявляет себя праведником, можно быть совершенно уверенным, что им не является, потому что демонстрирует свою нескромность. И это блаженное неведение заставляет всех нас стремиться жить так, как должен жить праведник. Может, вы и есть одна из этих 36?

– Я могла бы сказать то же самое и про вас, доктор Корчак. Я так понимаю, что у вас была возможность покинуть Польшу, но вы предпочли остаться ради детей.

– Немцы терпеть не могут, когда люди отказываются их бояться. – Он опустил глаза на бумажку с вычислениями. – Тридцать два ребенка? Это очень большие затраты. А как вы предполагаете переправить их в гетто? Подозреваю, это будет почти так же опасно, как пытаться вывезти их отсюда.

– Я найду способ, – с вызовом ответила Ирена.

Она знала, сколько у него есть причин отказать ей в помощи… это поставит под удар весь Дом сирот, у него и так не хватает сил и средств, ему будет нечем их кормить.

Он закрыл глаза и кивнул:

– Мне надо навести справки. Позвоните мне сегодня немного попозже.

К изумлению Ирены, он согласился принять детей уже на следующую ночь. Мальчишка по кличке Хирш, совсем юный, но уже многоопытный контрабандист, рассказал Корчаку о том, что в стене, окружающей расположенную на арийской стороне церковь Благовещения, на улице Лешно есть пролом. Луна в эту ночь будет совсем молоденькая, и начать операцию можно будет сразу после наступления комендантского часа.

Ирена поручила десяти связникам до комендантского часа забрать по три-четыре ребенка из временных убежищ на арийской стороне и привести к церкви. Ночному сторожу щедро заплатили за то, что он закроет глаза на происходящее. Стена каменным аппендиксом врезалась в квартал гетто, чтобы исключить из него церковь с маленьким двориком и несколькими другими зданиями. Прибыв на место,

> Ирена познакомилась с Хиршем – «очень важным соратником доктора Корчака», как он себя рекомендовал. «Очень важному соратнику» было от силы 10 лет…

Когда дети собрались в церкви, Ирена отправила связных по домам. В стылой алтарной части остались только они с Хиршем и дрожащие от холода дети…

Точно в ту минуту, когда начался комендантский час, Ирена

подала Хиршу знак, и тот, собрав детей, повел их гуськом на задний двор церкви, а потом, через лабиринт двориков и переулков, до того места, где в стене был заложенный кирпичами пролом.

Хирш перекинул через стену камушек, и через мгновение оттуда прилетел ответный. В абсолютной тишине послышались звуки скользящих друг по другу кирпичей, и в стене, словно со стороны гетто работали бестелесные призраки, появилось отверстие. Хирш с Иреной тоже взялись вытаскивать кирпичи, и вскоре дырка увеличилась до размеров, позволяющих пробраться через нее ребенку. Потом они переправили на ту сторону детей. Когда последний из них скрылся в проломе, со стороны гетто донесся взволнованный шепот.

– Пани Сендлер!

Из отверстия показалась худая рука доктора Корчака. Ирена подала свою, и он крепко пожал ее:

– Надеюсь, мы еще встретимся – в более благоприятной ситуации!..

Глава 15
Рискованные операции
Варшава, февраль – апрель 1942 г.

Вот уже несколько дней Ирена замечала на углу Кармелицкой и Лешно новую нищенку – девочку лет пяти-шести… (Хотя в последнее время угадать возраст ребенка стало почти невозможно.) Ничем особенным от великого множества других детей она не отличалась – точно так же дрожала и плакала от холода, точно так же трясла своей кружкой для подаяний… Но всегда, когда мимо проходила Ирена, она встречалась с ней взглядом. В один морозный февральский день Ирена увидела, что девочка при смерти…

Ирена пробилась через толпу на Лешно и начала тормошить девочку.

> Жизнь в ней еще теплилась, но она уже не могла открыть ввалившихся глаз и только постанывала, не двигая потрескавшимися губами.

Ирена повернулась к Яге:

– На днях я спросила у настоятельницы францисканского монастыря Матильды Геттер, сможет ли она взять в монастырь сирот, и она ответила, что «у Божьего стола всегда найдется место для страждущего». Может быть…

Она мотнула головой в сторону маленькой нищенки.

Яга перевела взгляд с Ирены на умирающую девочку:

– А как мы ее отсюда вытащим?

– Через суд.

– Мне кажется, она не доживет до утра.

– Отломи кусочек, – сказала Ирена, показывая на буханку хлеба в холщовой сумке Яги.

– Ирена. Это очень опасно. Где мы ее спрячем?

– У тебя на Лекарской. Оставишь ее у себя один-два дня, а потом ее заберет сестра Матильда. Да… здесь и сутки не протянет… Пронесем ее через переулок, что за твоим домом. И никто ничего не увидит.

Яга ткнула пальцем в сторону висящего неподалеку плаката, напоминающего о том, что всем, кто помогает евреям, грозит смертная казнь. Рядом с ним на стене висела красная листовка со списком расстрелянных в предыдущий день.

Ирена бросила взгляд на девочку. Та лежала на тротуаре под

стеной дома… Ирена снова протолкалась через потоки пешеходов и взяла девочку на руки – как пушинка!.. Она почти не реагировала, хотя потом, наверно, почувствовала, что рядом бьется сердце другого человека.

– Мама… мама… – прошептала она, еле шевеля растрескавшимися губами.

К ним присоединилась Яга, и они все вместе прошли немного вниз по Лешно, к зданию суда. Никто не обращал на них ни малейшего внимания. У входа в суд Ирена присела.

– Найди смотрителя, – сказала она Яге. – Йозефа… знакомого Изабелы Кучковской. Если сможешь с ним договориться, подай мне сигнал. А потом иди к воротам на улице Лешно, найми извозчика и жди нас на арийской стороне на перекрестке Огродовой и Бялой. Через час.

– А если я не смогу его найти… или он откажется?

Ирена склонилась к лежащей у нее на руках девочке и на примитивном идише спросила, как ее зовут.

– Берил, – прошептала та.

– Тогда Берил не доживет до утра.

Ирена прислонилась к бетонной стене здания и стала укачивать Берил, напевая польскую колыбельную.

– Haks-Rakhmunes! Haks-Rakhmunes! – причитали сидящие рядом нищие.

Через несколько минут Яга молча кивнула Ирене, свернула на Лешно и отправилась к воротам гетто.

Ирена вошла в здание суда и влилась в шумную толпу арийцев и евреев, поляков с повязками и без, ищущих помощи или поддержки. Полированный мраморный пол только подчеркивал нищету находящихся в большом зале людей. В дальнем конце огромного фойе Ирена увидела возвышающуюся над морем кепок, шляп и платков лысину Йозефа. Крепко прижав к себе Берил, Ирена сделала глубокий вдох, нырнула в этот человеческий океан и поплыла на ту сторону.

Ирена спустилась за Йозефом по задней лестнице, и какофония голосов постепенно превратилась в смутный шум. Он открыл ключом дверь, при свете фонаря они спустились по еще одной коротенькой лестнице и оказались в полутемном коридоре, в конце которого виднелась слабая полоска света.

– Дальше по коридору, вверх по лестнице, а потом на выход через первую дверь.

Ирена вложила ему в руку 50 злотых. Он покачал головой, отказываясь.

– Благослови вас Господь, – сказала Ирена.

– Нет, – он выключил свой фонарь. – Благослови Господь *вас*.

Потом он растворился в темноте, и Ирена услышала, как за спиной щелкнул дверной замок.

Ирена почти ощупью шла по коридору, не отводя глаз от тонкой полоски света под далекой дверью и смахивая прилипающую к лицу паутину. Дверь была отперта, она толкнула ее и внезапно оказалась, ослепленная ярким светом дня, в маленьком, расположенном чуть ниже уровня земли вестибюльчике. Берил продолжала спать.

Ирена постояла, привыкая к свету, огляделась, чтобы убедиться, что ее никто не видит, потом поднялась по ступенькам на улицу и увидела на Бялой стоящую рядом с извозчиком Ягу.

Они отпустили дрожки на углу Лекарской, у входа в переулок, идущий позади жилых домов. У черного хода дома № 9 их встретила дочь Яги Ханна. Ирена отнесла Берил на второй этаж и положила на кровать, где та на мгновение проснулась.

– Haks-Rakhmunes! – пробормотала она и снова погрузилась в сон.

Спускаясь на первый этаж, Ирена слышала, как Яга объясняла Ханне:

– Если будут спрашивать, кто это, скажешь: больная кузина из Познани. Она поживет у нас день-два.

Ирена вышла на Лекарскую. На противоположной стороне узкой улицы пара немецких часовых стояли на посту у входа в казармы, а рядом на ступенях курили и хохотали отдыхающие солдаты. Ветер был еще совсем холодный, но Ирена расстегнула пальто. Она вдруг поймала себя на том, что впервые за много месяцев на ее лице появилась улыбка.

* * *

Воодушевленная спасением Берил, Ирена решила продолжить делать то же самое. Нищие дети погибали десятками, и никому не приходило в голову искать их, когда они исчезали с улиц. Ирена со своими связниками нашли еще несколько опекунских семей и временных убежищ. Выводить детей через здание суда было несложно, и к началу весны Ирена стала забирать из гетто по три-четыре ребенка в неделю. Если с размещением ребенка в семье возникали сложности или проволочки, его забирали сестры из монастыря Сестер семьи Марии[71].

Но потом пришла беда. Одну из связных Ирены, 19-летнюю Хелену, арестовали с четырехлетним сиротой и не очень качественно подделанными документами. Как это случилось, никто не знал, но по одной из версий ребенок заплакал и позвал

на идише маму. Оказавшийся рядом агент гестапо, проверив документы, засомневался в предъявленной *Kennkarte*. Ребенка отправили в Генсиувку, где он через несколько дней умер от дизентерии. Хелену же отвезли в Павяк.

Ирену охватил в ужас… да, смерть перестала быть явлением из ряда вон выходящим, но ей еще не приходилось терять своих людей. Все знали, чем рискуют, и шли на это. Но сколько знает Хелена? Не допускают ли остальные таких небрежностей? Можно ли на них положиться? Можно ли верить? Не было никаких сомнений, что гестаповцы сделают все, чтобы выжать из Хелены максимум информации.

Ирена обзвонила всех связных и приказала им прекратить работу и уничтожить все улики. Самые страшные, однако, хранились у самой Ирены. Это были списки спасенных детей, в которых вместе с их еврейскими именами указывались новые, арийские, – самый опасный, но и самый важный элемент их деятельности. Только Ирена и Яга знали, где они спрятаны, и по-настоящему понимали, насколько это важно. Прежде всего, зная адреса семей, взявших к себе сирот, можно было гарантировать им ежемесячное пособие в 500 злотых. Немного, конечно, но на хлеб и сливочное масло с черного рынка хватало. Совсем бедным приемным семьям Ирена старалась выделять побольше, обеспеченные получали поменьше или вообще ничего. Но было у списков и другое назначение, может, и более важное. Ирена хотела, чтобы после войны спасенные дети смогли узнать свои настоящие имена и, возможно, воссоединиться с родителями или родственниками. Если же все их родные погибнут, по крайней мере, узнают, что были рождены евреями.

Ирена Шульц поначалу заспорила:

– Это просто ненужный риск. Они же сироты. У них нет родственников. А если эти бумаги найдут?

Ирена упрямо потрясла головой:

– У каждого человека есть право знать свое имя.

Тем не менее она, конечно, понимала, что списки могут стать расстрельным ордером не только для самих детей, но и для укрывающих их семей. Узнав об аресте Хелены, Ирена прибежала к Яге.

– Надо спрятать списки. Закопать… захоронить… так будет безопаснее всего. Может, зарыть их у тебя на заднем дворе?

Яга повернула голову и увидела, что их слушает стоящая в дверях комнаты Ханна.

– Ханна, иди наверх! Сейчас же.

Когда дочь ушла, Яга прошептала Ирене:

– Посиди, пока не заснет Ханна. Не хочу, чтобы она знала…

на случай, если…

Заканчивать фразу не было никакой нужды. Если Ханна попадет в гестапо, немцы найдут средство выбить из нее информацию.

> Один из главных принципов подпольной работы гласил, что человек должен знать только то, что ему действительно необходимо для исполнения своих задач. Рассказать о том, чего не знаешь, невозможно было даже под пытками.

В полночь Яга зажгла карбидную лампу, и они с Иреной на цыпочках спустились по деревянной лестнице в сад. С собой они взяли лопату, большую ложку, кухонный нож и стеклянную банку. Спрятать списки они решили под любимой яблоней Яги. Лопатой копать оказалось слишком шумно, ее лезвие гремело, врезаясь в промерзшую почву. Ирена рыхлила землю ножом, а Яга потом вычерпывала ее ложкой. Наконец они сделали ямку, и Ирена бережно опустила в нее стеклянную банку из-под молока со списками…

– Как часто нам придется ее выкапывать? – спросила Яга.

Ирена посмотрела на темное ночное небо. «Каждый месяц в новолуние». Она погладила рукой место, где они только что закопали банку, а потом сказала:

– Кроме нас с тобой, об этом не должен знать никто. Если банку найдут, детям конец.

Ирена очень беспокоилась за Хелену, представляя, через что ей сейчас приходится проходить и что она может рассказать немцам. Она сожгла несколько комплектов поддельных документов и стала дожидаться гестаповцев. Через два дня имя Хелены появилось на красном плакате со списками расстрелянных в Павяке людей. Увидев этот плакат, Ирена побыстрее выбралась из толпы и отошла в сторону, чтобы никто не видел ее слез. Она считала, что она, только она виновата в смерти Хелены. Она могла бы настоять, чтобы люди действовали осторожнее, добывали более качественные документы, но, ослепленная своим желанием спасти как можно больше детей, она стала забывать о безопасности и вести себя небрежно. Точные обстоятельства ареста Хелены были неизвестны, но почти с полной уверенностью можно было сказать, что подвалы здания суда в качестве дороги жизни и канала переправки контрабанды больше использовать нельзя. По словам Йозефа, на двери подвалов поставили новые замки, а на входе и выходе усилили охрану. Об этом канале спасения можно было забыть.

Подпольщики залегли на дно, но гестаповцы так и не пришли. Ирена решила, что Хелена либо ничего не рассказала немцам даже под пытками, либо успела принять капсулу с цианистым калием… Ирена снова начала каждый день ходить в гетто и проносить туда продукты, деньги и лекарства. Но теперь ей все время казалось, что за ней следят.

Работу возобновили спустя неделю после смерти Хелены. Через связных Ирена узнала, где из стены можно вытащить кирпичи, каких домовладельцев можно подкупить, чтобы они позволили сиротам пролезать через проломы в стене. Связные-евреи приводили детей в подвал и передавали их арийским «коллегам», а те доставляли ребенка во временное убежище. Фантазии и изобретательности этих людей просто не было предела. Один из сирот, Арон Стефанек, был таким худым, что его из гетто смог вынести мужчина, отправлявшийся на принудительные работы. Мальчик вставил свои босые ноги в его сапоги, а руками ухватился за ремень. Застегнули пальто, и изможденный мальчик превратился в невидимку… Кого-то вывозили в мешках с мусором. Другим спасение являлось в виде грузовика, в котором из гетто вывозили трупы. И без того почти неотличимым от трупов сиротам давали снотворное, а потом укладывали в кузове среди мертвых тел.

Ну, и, конечно, был санитарный фургон Антония Данбровского, один из нескольких гражданских польских автомобилей, которым дозволялось въезжать в гетто с арийской стороны. Время от времени Данбровскому доводилось транспортировать заболевших или травмированных арийцев, работающих в гетто, функционеров из Юденрата или членов их семей и ближайших родственников, сумевших договориться о лечении за пределами гетто.

Ирена приходила в гетто раза по три в день навестить своих подопечных или встретиться с Евой. Как-то в конце апреля она зашла к Лее Куцык, у которой буквально умирала с голоду дочь Мина, которой не исполнилось и двух месяцев. С самого ее рождения Ирена еженедельно заходила к Лее в дом номер 14 по вечно кишащей беженцами Островской улице, приносила немного продуктов или денег. И без того истощенная Лея из последних сил пыталась выкормить Мину, но молока почти не было. Девочка стремительно теряла вес и уже не плакала, а лишь мяукала, как котенок. Ей срочно нужна была кормилица, но в гетто об этом не стоило даже и думать.

Но теперь у Леи поднялась температура и открылся жесточайший кашель. Это почти наверняка была пневмония. Судя по всему, Лея не должна была протянуть и пары дней. Распеленав

Мину, Ирена чуть не упала в обморок от ужаса. Сильно похудевшая за время, прошедшее с ее последнего визита, Мина превратилась в крохотный скелет, обтянутый морщинистой, складчатой кожей.

– Заберите ее! – сказала Лея. – Пани Сендлер, сжальтесь, заберите ее с собой.

– А где ваш муж?

– Они увели его… несколько дней назад… на принудительные работы… – она заплакала. – Мне сказали, что обратно его лучше даже и не ждать.

Она подняла сорочку и показала Ирене свою иссохшую грудь.

– У меня нет молока. Возьмите ее, пани Сендлер. Ради бога, заберите ее, пока мы тут не умерли обе.

Ирена связалась с Антонием Данбровским… это было для него и его санитарного фургона очередное «спецзадание». Антоний встретился с ней в конторе.

– У меня для вас, пани Сендлер, есть сюрприз, – сказал он, потирая в радостном возбуждении руки. – Там, в машине.

Фургон «Скорой помощи» стоял у тротуара, Ирена распахнула пассажирскую дверь и с криком отпрянула. В кабине сидела большая собака.

– Это моя деточка, ее зовут Шепси, – сказал Антоний. – Садитесь, пани Сендлер.

Он придержал перед ней пассажирскую дверь с обычным своим шутовским полупоклоном. Большая дворняга обнюхала Ирену с головы до ног.

– Это она с вами здоровается, – сказал Антоний, выруливая на улицу.

– Зачем вы взяли с собой собаку? Лишнее внимание нам совсем ни к чему.

– Не беспокойтесь. Шепси – девочка талантливая и лучше всех дрессированная.

По дороге в гетто Ирена рассказала Антонию про Лею с Миной. Вскоре они остановились у дома Леи Куцык.

Лея настояла на том, чтобы Мину завернули в черно-белую отцовскую молитвенную шаль. Осторожно взяв девочку на руки, Ирена подумала, что свисающие по сторонам шелковые кисти выглядят неуместным украшением. Она всегда носила с собой маленький пузырек люминала, но Мину усыпить не решилась, боясь, что она просто перестанет дышать. Антоний раздвинул в кузове машины коробки с бинтами, ватой и прочими медицинскими материалами, откинул в сторону гору вонючего, заляпанного кровью постельного белья и открыл в полу небольшую нишу, куда Ирена аккуратно уложила девочку.

Антоний закрыл нишу доской с насверленными в ней отверстиями, и завалил тряпьем.

Когда они подъехали к воротам гетто, Ирена услышала слабый плач Мины.

> Если часовые обнаружат девочку, они просто придушат ее и бросят в мусорный бак.

К кабине подошли два немца и поляк-«синемундирник». Они что, глухие, затаив дыхание думала Ирена, почему они не слышат писк Мины?

Еще до того, как немец приблизился к машине, Антоний похлопал Шепси по лапе – собака начала скулить и лаять. Ирена закрыла глаза и мысленно поблагодарила Бога… и Шепси. А та все шумела, и даже Ирена не могла понять, что она слышит: повизгивание собаки или плач обеспокоенного ребенка. Часовые проверили документы, а «синий мундир», испугавшись кровавых простыней и отвратительного запаха, мельком заглянул в фургон и тут же захлопнул дверь.

Один из немецких жандармов подошел к кабине со стороны Ирены и приказал Антонию приструнить собаку. Антоний просто пожал плечами. Молоденький немец с испугом на прыщавом лице вытащил свой «люгер» и направил в сторону собаки.

– Заткни своего пса! – сказал он.

Антоний обнял Шепси за шею и попытался зажать ей пасть, делая вид, что и сам искренне хочет, чтобы она замолчала. Но Шепси продолжала скулить, ерзая на сиденье и стараясь вывернуться из рук хозяина.

Немец зашелся от ярости и, выпучив глаза, направил пистолет на Антония.

– Заткни пса, или я пристрелю не его, а тебя.

Ирена ласково тронула его за руку и ласково посмотрела ему в глаза.

– Офицер, я вас умоляю, – невинным голосом сказала она. – Она у нас совсем еще молоденькая. Мы ее, конечно, дрессируем, но иногда она слишком нервничает.

Другой немец сказал юному жандарму что-то смешное, и тот, поколебавшись, убрал пистолет в кобуру и махнул рукой – проезжайте!..

На арийской стороне Антоний дважды похлопал Шепси по лапе, и она тут же смолкла. Ирена не сдержалась и обняла Шепси, а та принялась вылизывать ее лицо. Наверно, ей понравился вкус слез, подумала Ирена.

Глава 16
Серебряная ложка
Варшава, апрель – июль 1942 г.

К весне 1942 года в Польше выходило больше 50 подпольных газет. Практически все политические, религиозные и этнические организации, невзирая на смертельную опасность, старались заявить людям о своей позиции. Беда грянула 17 апреля 1942 года. Позднее ночь этой пятницы стали называть *Кровавой*. Немцы провели в Варшаве крупномасштабную *Aktion*, во время которой были схвачены и казнены прямо на улицах 60 видных представителей варшавского еврейства. Все они так или иначе были связаны с нелегальной прессой, среди них были и издатели, и журналисты, и распространители, и финансисты. Но самое большое беспокойство вызвали свидетельства очевидцев, говорящие о том, что действовали эсэсовцы по спискам, переданным им руководством еврейской полиции.

В апреле и мае в Варшаве начали появляться беженцы из Люблина, и по городу поползли жуткие истории о том, как евреев загружали в вагоны для перевозки скота, больше чем по сотне в каждый, и отправляли в Бельжец[72]. Слухи о ликвидации Краковского гетто и депортации 30 000 евреев из гетто во Львове распространялись по городу со скоростью гриппа-испанки. Неделю спустя такие же новости пришли из Милеца. А в подпольной газете «Информационный бюллетень» правительства в изгнании сообщили о том, что в сотне километров к северо-востоку от Варшавы, прямо на железнодорожной линии открылся лагерь Треблинка, в котором почему-то почти не было бараков для заключенных.

Ирена постоянно читала нелегальные газеты, особенно часто «Информационный бюллетень». Там сообщалось о существовании лагерей смерти – Хелмно, Бельжеца и Собибора. Беженцы из Рижского гетто рассказывали, что массовые расстрелы происходили прямо в пригородных лесах. Из Люблинского гетто евреев депортировали в Бельжец. Из этого лагеря никто никогда не возвращался, и газета называла его «фабрикой смерти»…

Треблинка тоже могла оказаться фабрикой смерти. Там тоже вместо жилых бараков были видны только высокие кирпичные трубы. Члены Юденрата и еврейской полиции, однако, убеждали, что опасаться нечего – мол, это просто пересадочная станция для евреев, направляющихся в «трудовые» лагеря или в лагеря «для перемещенных лиц» где-то на востоке. Но где же этот «восток»?

Одни говорили об арабских странах, другие – об Украине. Любые, даже самые невероятные слухи передавались из уст в уста до тех пор, пока в них не начинали верить, как в абсолютную истину.

В понедельник после Кровавой ночи Ирена прочитала новый немецкий плакат с описанием преступных деяний и казни шестидесяти евреев. Текст заканчивался предупреждением:

> **Расстрелы будут продолжаться до тех пор, пока будут выходить подпольные газеты. Евреи должны сами положить конец этой преступной деятельности.**

Всех активистов подполья и сочувствующих взяли на заметку, и Ирена даже начала задумываться, а нет ли и ее имени в списках подозреваемых. Но подпольную прессу запугать не удалось, следующий выпуск еженедельной газеты «Yediot» («Новости» – *ивр.*) вышел точно в срок и был гораздо толще, чем обычно.

Весной 1942 года в лексикон каждого еврея вошло новое слово – *депортация*. И это были уже не просто слухи. «Перемещение еврейского населения в трудовые лагеря» активно обсуждалось в официальной прессе. По всей Польше евреев силой «перевозили железнодорожным транспортом» (по определению немцев) или, по словам подпольных изданий, «транспортировали в вагонах для скота»… куда? Эти люди просто-напросто исчезали без следа.

Вечная оптимистка, Ева предпочитала соглашаться с выводами Шмуэля (близкими по смыслу к заявлениям Юденрата и еврейского полицейского корпуса) и верить в трудовые лагеря. Ведь в военное время даже евреи должны представлять для немцев большую ценность. А кроме того, все они были в полной власти у немцев, и гораздо лучше подчиняться, нежели навлекать на себя репрессии. Брат Евы Адам, однако, был убежден в том, что немцы решили полностью уничтожить польских евреев и что депортация была равносильна смертному приговору.

Через неделю после Кровавой ночи Ирена зашла в Centos передать Еве деньги и заметила, что та, похоже, уже много ночей не спала. Ирене подумалось, что за полтора года, прошедшие с момента полной изоляции гетто, Ева постарела лет на десять.

– На следующий день после *Aktion*, – сказала Ева, – из Терезинштадта прибыли тысячи беженцев. У нас не было для них еды, мы не могли их разместить нигде, кроме главной синагоги. Самое странное, что мы дали им лишь крышу над головой, а они были нам благодарны!..

– Как бы я хотела чем-то тебе помочь!

На лицо Евы вернулась ее милая, хоть теперь и печальная,

улыбка. Как же Ирена скучала по былой естественности этой улыбки!

– Дорогой мой, любимый дружочек, – сказала Ева, – никогда не говори мне больше таких слов. Ты мне не просто помогаешь… ты восстанавливаешь во мне веру в человечество.

Ирену смутили эти похвалы, и она поспешила сменить тему, спросив, как идут дела в кружке.

– Я стараюсь не показывать им своего отчаяния. Запасы оптимизма у меня, похоже, на исходе, я все больше и больше верю, что все кончится страшной трагедией. – Ева опустила глаза, будто стесняясь слов, слетевших с губ в момент слабости. – Я перестала надеяться на спасение. Теперь я вижу чудо из чудес в том, что мне удалось прожить еще один день.

Ирена отдала Еве конверт с деньгами на закупки продуктов у спекулянтов:

– Мне надо бежать. Я зашла по пути, иду к Пинкусам.

– На блокпосту на Лешно появился новый немецкий охранник. Его прозвали Франкенштейном[73]. Он расстреливает людей по самому малейшему поводу, а иногда и вообще без повода. Будь осторожна, Ирена!

– Сейчас ходит столько жутких слухов…

– Это не слухи. Я сама видела. Вчера я шла по Лешно и услышала выстрелы. Мне навстречу побежали толпы людей с криками: «Франкенштейн идет! Франкенштейн идет!» Я спряталась в подворотню и увидела, что прямо по центру мостовой идет вроде обычный немецкий солдат и… стреляет в людей. Он остановился перезарядить пистолет, а потом пошел дальше, стреляя во все стороны…

* * *

Через час Ирена уже стояла у двери квартиры, где, кроме Пинкусов, жили еще 15 беженцев. Она пошарила рукой на дне медицинской сумки и нащупала там поддельную арийскую *Kennkarte* на имя Тадеуша Маржеца, подготовленную для Александра Пинкуса. Она уже внесла его в апрельский список:

> Апрель 1942 – Александр Пинкус → Тадеуш Маржец – улица Шасеров, 68

Ирена сразу их увидела. Мама прижималась щекой к щеке своего ребенка. Моменты прощания давались Ирене тяжелее всего.

– Закончится война, и он к вам вернется, – еще раз объяснила

она родителям, давая ребенку небольшую дозу люминала. – Я веду списки. Вот, смотрите, – она показала им листок с новым именем Александра. – Новое имя – Тадеуш – нужно только для того, чтобы спасти ему жизнь.

Пани Пинкус рухнула в дверях на колени и зашлась в рыданиях. Она вряд ли поняла, о чем ей только что говорила Ирена. Люминал подействовал очень быстро, и Ирена, закутав крошечного Александра в одеяло, аккуратно уложила его в медицинскую сумку, в которой были проделаны вентиляционные отверстия. Ирена повесила сумку на плечо и вышла из гетто на улице Генся. Она специально подошла к воротам в момент возвращения в гетто трудовых бригад. В это время почти все часовые были заняты пересчетом возвращающихся рабов и поисками у них контрабанды. На покидающих гетто арийцев они особого внимания не обращали.

Самым опасным участком пути были первые 500 метров от стены гетто. Именно здесь вертелись агенты гестапо, информаторы и *шмальцовники*[74]. Про тех, кто укрывает евреев в арийской Варшаве, теперь стали говорить, что они «держат дома кошек». Если шмальцовники нападали на след еврея, вырвавшегося за пределы гетто, они подходили сзади и «мяукали», сигнализируя о своем намерении выдать беглеца, если им не заплатят. Конечно, никакой гарантии, что они не выдадут свою жертву, чтобы получить вторую награду от гестапо, не было.

* * *

Май 1942 – Авраам Хофман → Людвик Вирский – пригород Прага, Хлодничья, 6

Мужем одной из связных Ирены был пан Леон Шешко, вагоновожатый, который по утрам выводил на маршрут первый трамвай из депо на Мурановской площади, находившейся на территории гетто. В начале мая он согласился помочь Ирене опробовать новую дорогу жизни и вывезти в своем трамвае трехмесячного Авраама Хофмана. В пять утра в квартире на Милой улице, прямо против Мурановской площади, одна из связных Ирены, по кличке Вика, дала ребенку люминал, положила его в картонную коробку, завернула ее в вощеную бумагу и перевязала бечевкой так, чтобы пакет был похож на почтовую посылку. Когда Вика с коробкой в руках вышла на

улицу, еще действовал комендантский час, и она передвигалась, перебегая из одного темного места в другое. Пан Шешко оставил одну из боковых дверей депо незапертой. Вика забралась в стоящий на первом пути трамвай пана Шешко, запихнула ящик с младенцем под сиденье и покинула депо. В пять с минутами пан Шешко проверил, на месте ли коробка, снял вагон с тормоза и повернул рычаг, отправив свой трамвай на линию, прочь из гетто, на первую остановку в арийской Варшаве, куда его вагон всегда приходил совершенно пустым.

Ирена первой вбежала в трамвай и уселась на сиденье, под которым лежала «посылка». Она никак не могла избавиться от ощущения, что все остальные пассажиры не сводили с нее глаз. Наверно, они заметили, что у нее в руках не было никакого пакета.

> Ирена почувствовала, как задергался ящик под сиденьем, и даже вроде бы услышала жалобный писк испуганного ребенка.

На следующей же остановке она подхватила коробку и выскочила из трамвая, чувствуя, как у нее закружилась голова и потемнело в глазах. Как раз в то мгновение, когда ее перестали держать ноги, она нашла рядом с остановкой лавочку, рухнула на нее и глубоко вздохнула… Но что же, подумала она, ощущал Авраам, когда проснулся в трясущейся тесной коробке… в полной темноте?

Приемные родители, согласившиеся было взять ребенка, отказались, узнав, что он мальчик, ведь обрезанные мальчики ставили под удар всю семью. Ирене пришлось через переулок и задний двор принести его к Яге, на Лекарскую, 9. В отчаянии Ирена отправилась к сестре Матильде Геттер, которая через несколько дней нашла для Авраама место в одном из монастырей своего ордена.

* * *

На следующей встрече в штаб-квартире Centos Ирене показалось, что Ева занята своими мыслями. В конце концов Ева вдруг сказала, вроде бы походя, но с нотками вины в голосе:

– Шмуэль хочет на мне жениться.

Глаза у Евы опухли и покраснели, речь не очень внятная, как бывает либо у сильно выпивших, либо у долго голодавших людей.

Ирена промолчала, не желая выдавать своего разочарования.

– Мне бы не помешало подкраситься и привести себя

в порядок, – сказала Ева, стараясь не встречаться с Ireной взглядом, и притворно засмеялась. – Косметика!.. Кто бы мог подумать, что в один прекрасный момент она станет исторической редкостью!

– Похоже, ты очень устала, – сказала Ирена, – и чего-то боишься.

– Шмуэль убеждает меня, что при депортации многих евреев оставят на месте… Юденрат, полицаев, тех, кто работает в магазинах и на заводах, их семьи. Неизвестность страшнее всего…

– А тебе дадут свой Аусвайс[75], если ты за него выйдешь?

– Нет, защитой мне будет его Ausweis. – Она покраснела. – Люди словно с ума посходили… у нас тут новая эпидемия, сплошные свадьбы… все гоняются за теми, у кого есть Ausweis. Даже сестры с братьями вступают в брак, и все ради разрешения на работу. А раввины подписывают брачные свидетельства… и так спасают жизни людей.

– И что ты сказала Шмуэлю?

– Сказала, что подумаю. Я его давно знаю. Он неплохой парень. Мама с папой хотят, чтобы я согласилась.

Ирена не рассказала Еве, как Шмуэль обошелся с малолетним контрабандистом.

– Ева, мне будет очень нелегко вытащить тебя отсюда.

Ева закрыла глаза и покачала головой:

– Ирена, не надо больше об этом. Родители без меня пропадут. Я нужна мальчишкам из своего молодежного кружка. А на арийской стороне я стану просто животным, на которое объявлена охота.

– Тогда выходи за него, Ева.

На несколько мгновений воцарилось неловкое молчание, а потом Ирена спросила:

– А что по этому поводу думает Адам?

– Адам? Он рехнулся, – ответила Ева. – Он переехал на Милую. Пару дней назад я пришла его навестить, и он показал мне пистолет и бомбы из бутылок с бензином. Мы с ним ужасно поскандалили. Он сказал, что раз немцы все равно хотят нас всех убить, то он лучше умрет в бою. Он и сам псих, и общается с такими же психами…

Приказ: Варшава – 15 июля 1942 года

Длительность комендантского часа сокращается на

один час, теперь он действует с 21.00 до 10.00. Рабочие смены в ремесленных мастерских и на заводах продлеваются до 21.00.

К июлю практически всем евреям в гетто стало ясно, что депортация – это просто вопрос времени и состоится она в любом случае. Отчаявшиеся мужчины выстраивались в огромные очереди в попытках получить драгоценный *Ausweis*, разрешение на работу, автоматически исключающее их и членов их семей из списков и позволяющее войти в состав трудовых бригад, работавших на фабриках по пошиву немецкой формы и изготовлению проволочных щеток.

Смотритель здания суда Йозеф добыл ключи от новых замков, установленных на двери подвальных помещений, и суд на улице Лешно снова стал дорогой жизни для детей гетто. Ирена рассчитала, что сил и средств ее организации хватит на спасение от силы десятка детей в неделю. Но депортация, опасалась она, радикально поменяет всю эту математику. Смогут ли они забирать по 15 детей? А по 20? Да и будет ли это иметь какое-то значение?

В середине июля Ирене позвонила Ева… надо было срочно переговорить. Через час Ева безрадостно поприветствовала Ирену у себя в кабинете, а потом плотно закрыла дверь.

– Шмуэль сказал, что появился новый штурмбанфюрер[76]. Он подслушал разговор офицеров еврейской полиции… они обсуждали депортацию… они ее называют «перемещением» или «сокращением населения гетто». Он сказал, чтобы я обязательно сообщила об этом тебе. Видишь, он за нас… он хороший.

Ирена тут же отправилась на блокпост, где дежурил Шмуэль. Он был заметно обеспокоен, но поздоровался с Ireной вроде бы приветливо. Хотя, возможно, он просто притворялся…

– Я слышала, что вы с Евой собираетесь пожениться? – начала она немного издалека.

Он расплылся в своей щербатой улыбке.

– Ну… жизнь-то не стоит на месте!..

– А как же тогда быть с «сокращением населения гетто»?

– Я подслушал разговор офицеров в дежурке на Огродовой, 15… Немцы говорили о трудовых лагерях на Востоке. Вот и все. Если Ева выйдет за меня, что-нибудь придумаем…

– А когда, Шмуэль? Когда?

– Я… Я не знаю, – замялся Шмуэль. – Но очень скоро.

– Ева будет рада слышать, как сильно ты мне помог, – улыбнулась ему Ирена.

Вернувшись к себе, Ирена сообщила Ирене Шульц тревожную

новость.

– Я точно знаю, что нам нужно делать, – сказала Ирена. – Наша результативность повысится вдвое, если сократить срок пребывания детей во временных убежищах с 5–6 дней до 2–3. Кроме того, мы можем привозить туда сразу по несколько детей. Сестра Геттер готова принимать больше, связные в гетто у нас есть, работает канал спасения через здание суда. Мы можем выводить из гетто в два или в три раза больше детей… а то и в десять раз больше.

– А тебе не страшно? – спросила Ирена Шульц. – Одно дело вытаскивать оттуда по несколько сирот в неделю… но в десять раз больше… да еще и не сирот… это совсем другое. Такое в тайне держать будет очень трудно. Тебя кто-нибудь сдаст. А это расстрел…

Ирена была изумлена. Конечно, ей было страшно, а кому в Варшаве не страшно? Раз так, надо просто делать свое дело, и будь что будет. Ирена не сомневалась, что ее организация способна и на большее. Им только не хватало денег, но она была уверена, что их можно выбить из Армии Крайовой, правительства в изгнании и «Джойнта».

– Ты мой самый верный и надежный союзник, – сказала она Ирене Шульц. – Депортации начнутся очень скоро. Надо просто засучить рукава.

Ирена Шульц просто пожала плечами:

– С богом, Ирена! Только дай сигнал.

Женщины обнялись.

– Я поговорю с Ягой и Добрачинским, – сказала Ирена. – Времени терять нельзя.

* * *

Ирена постучала еще, на этот раз громче. Темный коридор пропах мочой и отбросами.

– Что вам угодно? – послышался приглушенный дверью голос.

– Меня зовут Иоланта, – сказала Ирена.

Дверь не открылась, пока Ирена не добавила:

– Подруга Евы Рехтман.

Дверь открыл Исраэль Коппель. По его покрасневшим глазам было видно, что он только что плакал. В квартире стояла удушающая жара и царила тишина, нарушаемая только жужжанием жирных мух. Тишина стала еще заметнее, когда Ирена увидела, каким количеством изможденных, бледных людей

была набита трехкомнатная квартирка – три семьи, в общей сложности 23 человека. До предела изношенная одежда, как и у всех остальных варшавских евреев, купленная еще в старые добрые времена, висела мешком на скелетоподобном теле пана Коппеля. На руках у него агукал завернутый в грязные пеленки младенец.

Июльское солнце насквозь прожаривало дом, и Ирена подумала, как жаль, что через маленькие окошки в квартиру не проникает солнечный свет… Одетая в форму сестры милосердия, Ирена взмокла за считаные секунды.

Пан Коппель отступил от двери, пропуская Ирену в комнату.

– Ева сказала, вы можете спасти нашу девочку, – он показал на крохотный сверток в своих руках. – Ее имя Эльжбета Коппель… мы зовем ее Бета. Она родилась полгода назад во время страшной снежной бури. Станислава Буссольдова… акушерка… пришла к нам, несмотря на снег и холод, и не взяла с нас ни гроша.

Исраэль Коппель раздвинул складки одеяла, чтобы Ирена смогла получше рассмотреть его дочку.

– И вы скажете мне, что это не самый прекрасный ребенок на свете? – произнес он. – Она, конечно, очень худенькая, но кушает и растет хорошо, поэтому карточная система ей нипочем. Страдает в основном ее мама.

Сзади к Коппелю подошла его жена Хеня. На ее исхудалом лице сверкали изумрудно-зеленые глаза, светлые волосы потускнели от недоедания. Ей 31 год, то есть она всего на год моложе Ирены, и какой же она некогда была красавицей!..

– Ваш ребенок будет жить в любящей приемной семье… пока не закончится война. Первые дни она побудет у знакомой вам Станиславы Буссольдовой. А потом мы отвезем ее в Отвоцк, в семью Румковских.

Бета завозилась в руках отца, и Коппель стал качать ее… После паузы он спросил:

– А какие гарантии?

Какие тут гарантии!.. На вопрос о гарантиях Ирена давала один и тот же ответ, и каждый раз, как впервые, чувствовала жестокость своих слов:

– Если Бету заберут в Треблинку, она точно погибнет. Если останется в гетто, то скорее всего умрет от голода или инфекционных болезней. Такова горькая правда…

Каждый раз, уговаривая родителей расстаться с детьми, Ирена сомневалась, права ли она? Как, не имея собственных детей, вообразить, что чувствует Хеня, отдавая ей ребенка? Как ощутить абсолютную беспомощность Исраэля Коппеля?

У родителей возникли и другие вопросы:

– Ее будут крестить? Ее будут воспитывать в католической вере? Будем мы знать ее новое имя? Увидим мы ее снова? Сможем ли забрать ее обратно после войны?

– Я все записываю, – сказала Ирена и показала им списки за текущую неделю. В самом конце длинного списка на тонком листе бумаги стояло имя Беты.

18 июля 1942 – Эльжбета Коппель → Стефя Румковска – Отвоцк – Радосна, 5

– Вы должны принять решение прямо сейчас, – сказала она Коппелям, – ведь нам нужно все подготовить, сделать документы…

Казалось, пан Коппель уже готов дать согласие, но Хеня схватила его за руку и посмотрела на Ирену своими сверкающими зелеными глазами.

– Завтра, – сказала она, – мне нужно побыть с ней еще одну ночь. Пожалуйста, всего одну ночь.

Ирена очень надеялась, что завтра еще не будет поздно. Провела она эту ночь беспокойно, то и дело просыпаясь и думая о Коппелях. Наутро она сразу отправилась к ним. Подойдя к двери и еще не успев постучать, она услышала рыдания Хени… Дверь открыл Исраэль с Бетой на руках. Он хотел что-то сказать, но не смог выдавить из себя ни слова. Вышел дедушка Беты Арон Рохман – жилистый старик в очках с погнутой металлической оправой.

– Мы вас не знаем, – глухо произнес он, глядя Ирене прямо в глаза, – но Ева сказала, что вы человек надежный… Берите нашу Бету. Забирайте прямо сейчас, пока мы не передумали.

– Я вернусь через два часа, – сказала Ирена. – Подготовьте ее к десяти.

В назначенное время Ирена вернулась в квартиру Коппелей с пустым ящиком для плотницкого инструмента. Похожие на призраков беженцы молча наблюдали, как Хеня в последний раз кормит дочь. Насытившись, Бета сонно улыбнулась. Хеня глубоко вздохнула… Последние объятия, последний поцелуй – самые страшные для Ирены мгновения – а потом… Хеня осторожно положила дочь в ящик, на чистое одеяльце. Как только Бета успокоилась, Ирена капнула ей в рот люминала и хотела было уже закрыть ящик, но Хеня отвела ее руку и наклонилась поцеловать свою дочь… и еще раз, в самый последний… погладить по щеке. Она что-то вытащила из кармана… Присмотревшись к блеснувшей рядом с головкой Беты вещице, Ирена увидела, что это серебряная ложечка с гравировкой:

Хеня отвернулась. У Беты начали слипаться глазки. Исраэль Коппель прокашлялся и сказал:

> – Пани Сендлер, пообещайте нам, что новые родители будут хранить эту ложку. – На глаза его набежали слезы, и он вытер их рукавом. – Она должна знать, что это был подарок… от мамы с папой.

Хеня прижалась к его груди и зарыдала.

Ирена закусила губу… Она знала, что в течение месяца-двух они будут депортированы в Треблинку… Она проверила, не перекрыты ли вентиляционные отверстия ящика, и вышла из квартиры. Ящик оказался тяжелее, чем она думала, но останавливаться и отдыхать было нельзя. Младенцы реагировали на люминал по-разному, а поэтому не было никакой гарантии, что Бета проспит достаточно долго.

В самом темном углу заднего двора ее дожидался каменщик Хенрик. Поляки часто приезжали в гетто набрать кирпичей на развалинах. Грузовик Хенрика ждал их на выходе из двора. Ирена вышла на улицу первой, чтобы посмотреть, нет ли там патрулей, а потом Хенрик бережно уложил плотницкий ящик в нишу, сделанную в кирпичном штабеле, и завалил ведущую в нее дырку.

Они хотели выехать через блокпост на улице Налевки, откуда можно было попасть к парку Красинских, но там оказалась длинная очередь. Ирена поискала глазами Шмуэля, но в этот день там не было ни одного еврейского полицая. Внезапно где-то рядом прогремели три пистолетных выстрела. Ирена испуганно вскрикнула. Хенрик взял ее за руку.

Поворачивать было поздно. Встречи с польскими «синими мундирами» и немецкими солдатами было не избежать. Один из них уже увидел грузовик и взмахом руки приказал подъехать на досмотр. Ирене показалось или из горы кирпичей действительно послышался слабый плач? Может, она дала девочке слишком мало люминала? Ирена почувствовала, что обливается холодным потом. Немецкий часовой приказал Хенрику с Иреной вылезти из кабины и взялся тщательно изучать их документы, пока один из польских «синих мундиров» проверял груз. Подошедший украинец обыскал Хенрика, проверяя, нет ли у него оружия. От испуга Хенрик говорил громче, чем обычно, и продолжал что-то болтать даже после того, как «синий мундир» получил ответы на все свои вопросы.

Это разозлило немецкого часового, и он, бросив документы Хенрика на землю, заставил его подбирать их, встав на колени.

Потом он схватил Хенрика за ворот рабочей куртки и толкнул к грузовику. Несколько мгновений немцы о чем-то совещались, но тут к воротам, у которых и без того образовалась пробка, подошла очередная еврейская бригада, и им пришлось идти делать перекличку и обыски. Стальные решетки ворот наконец поднялись, и грузовик Хенрика выехал на большую землю. Ирена боялась, что ее вот-вот стошнит от страха.

Хенрик остановил грузовик с другой стороны парка, выскочил из кабины, достал из кузова ящик и со стуком поставил его на мостовую, явно желая побыстрее покончить со всем этим делом. Ирена дала ему пачку злотых, и он даже не стал их пересчитывать – прыгнул в кабину и помчался прочь…

Ирена подхватила коробку и торопливо вошла в парк. Выбрав безлюдную дорожку, она осторожно поставила ящик на лавочку и открыла. Увидев свет, Бета перестала плакать. По дороге она как-то высвободила руки из пеленок и схватила сверкающую под солнечными лучами серебряную ложечку.

Ирена оставила ящик под лавочкой, взяла Бету на руки и отправилась через Вислу в Прагу, на Калушинскую, 5, к дому ее временной приемной мамы Станиславы Буссольдовой, той самой акушерки, которая помогала ей появиться на свет. Квартира Станиславы была одним из временных убежищ, и на этой неделе к ней уже приводили нескольких сирот. Одного она передала постоянным приемным родителям, двоих отдала матери-настоятельнице Матильде Геттер, а еще двоих – монашкам-кармелиткам.

По новой *Kennkarte* девочку звали Стефя, но Ирена сказала Станиславе:

– Ее имя Бета. Когда будешь ухаживать за ней и держать ее на руках, зови ее Бетой.

Глава 17
Ликвидация
Варшава, июль-август 1942

19 июля, на следующий день после спасения Беты, Ирена пришла к Станиславе.

– С размещением Беты возникли сложности, – сказала она. – У пани Румковской нашли туберкулез. Она не может ее принять. Может, девочка побудет пока у тебя?

– Ирена, я без ума от нее. Но здесь я ее оставить не могу. Я – сорокалетняя вдова, дети у меня давно выросли, и у соседей уже возникают подозрения. Меня уже пытались шантажировать. Но у меня есть знакомая – Ольга. Работает няней, а живет в Михалине. Своих детей у нее нет. Давай я поговорю с ней.

В тот же день к Ирене зашел Стефан и сказал, что депортация состоится в ближайшее время.

– Я слышал об этом от очень надежных людей в Армии Крайовой. Разведчики сообщили, что в Треблинку начали приходить поезда, набитые людьми. Туда поступают тысячи, но обратно никого не вывозят. Там нет бараков и не ведется никаких работ. Люди просто исчезают. Это фабрика смерти.

20 июля председатель Юденрата Черняков заявил, что слухи о депортации или перемещении населения – ложь, распространяемая вредителями и предателями. Гестаповские плакаты сообщили, что распространителей слухов ждет смертная казнь.

Ночью Ирене позвонила Ева и с ужасом в голосе сказала:

– Шмуэль говорит, что депортации начнутся уже завтра.

– Он уверен?

– Сегодня солдаты окружили Юденрат… украинцы и латыши. Говорят, что эсэсовцы уже арестовали некоторых членов Юденрата… одних расстреляли прямо дома, других – на улицах.

Сделать Ирена уже ничего не могла… вот-вот начнется комендантский час.

– Выходи за Шмуэля, – сказала она.

Приказ:

Варшава – 22 июля 1942 года

По приказу немецких оккупационных властей все проживающие в Варшаве евреи независимо от пола и возраста подлежат эвакуации. Действие сего приказа не распространяется на:

• евреев, трудоустроенных в органах власти или в немецких коммерческих предприятиях;

• евреев, работающих на немецких промышленных предприятиях;

• членов Юденрата и вспомогательного персонала Юденрата;

• работников еврейской полиции, сотрудников еврейских медицинских учреждений и санитарных бригад;

• работоспособных евреев, не включенных в трудовой процесс, которым предписывается переместиться в специальные жилые бараки на территории сокращенного гетто и ожидать направления на работы;

• евреев, госпитализированных в еврейские медицинские учреждения в первый день эвакуации и не подлежащих перемещению по состоянию здоровья;

Действие сего приказа не распространяется и на членов семей (жен и детей) лиц, относящихся к вышеперечисленным категориям.

Подлежащим эвакуации евреям разрешается взять с собой до 15 кг личных вещей, включая такие ценности, как золото, ювелирные изделия, наличные деньги и пр.

Ответственность за организацию процесса эвакуации возлагается на Юденрат, исполнять сей приказ надлежит отрядам еврейской полиции под руководством специальных подразделений войск СС.

Чтобы еще больше унизить евреев, немцы часто назначали самые жестокие и кровавые свои *Aktion* на самые святые для евреев дни. Например, на 22 июля 1942 года приходился девятый день месяца Ав – дата разрушения Первого и Второго Иерусалимских Храмов и изгнания евреев Испанской Инквизицией[77].

* * *

Ирена знала, что этот день рано или поздно придет… В ту среду 22 июля, когда она увидела расклеенные на стенах домов плакаты с текстом приказа, она попросила Ирену Шульц

оставаться на рабочем месте и не отходить от телефона. Еще Ирене Шульц нужно было разыскать всех десятерых связников и сообщить им, что организация начинает действовать по экстренному плану. У каждого из связных по обе стороны стены имелись собственные сети, как правило, состоящие из молодых женщин, готовых приступить к выводу детей из гетто и размещению их во временных убежищах. Всего надо было предупредить около 25 человек, в основном находящихся на арийской стороне.

Ирена зашагала в сторону гетто. Улицы города были наэлектризованы предчувствием беды. Поляки собирались у плакатов, чтобы обменяться последними слухами… Ирене пришлось пройти через дополнительный кордон вспомогательных войск – украинцев, латышей и литовцев, – выставленный немцами вокруг гетто. Через ворота проехал грузовик с эсэсовцами. Ирена почувствовала, как изменилась обстановка в гетто, как только ступила на его территорию. Улица Лешно, обычно одна из самых оживленных, была пуста. Из окон выглядывали перепуганные люди, ищущие взглядом подразделения немцев или «синемундирников». Ирена зашагала еще быстрее. Где-то вдалеке непрестанно звучали полицейские свистки. Слышались автоматные очереди.

А еще везде были перья. Они кружились в воздухе, словно хлопья снега. Перья были везде, и порывы летнего ветра закручивали из них маленькие смерчи. Ирена подняла голову и успела увидеть, как высунувшийся из окна третьего этажа мужчина вытряхивал из пухового одеяла набивку. Ирена не знала, какие районы гетто подлежат депортации в первый же день, а поэтому давным-давно решила, что просто будет ходить искать родителей, готовых отдать ей своих детей, в первых попавшихся домах. Депортируемым позволялось иметь всего 15 кг вещей. Они потрошили одеяла и подушки, а потом аккуратно складывали шелковые или хлопчатобумажные наперники, чтобы взять с собой. Отказывающиеся отдать Ирене своих детей люди убеждали ее, что после переезда «в трудовые лагеря на Востоке» жизнь станет только лучше, и к зиме они снова набьют эти наперники пухом.

Ирена свернула на Желязную и увидела, как по ней почти бегом гонят евреев колонной по четыре к платформам товарного двора железной дороги, к умшлагплатц.

> Колонну сопровождал конвой из еврейских полицаев, то и дело подгонявших отстающих кнутами и дубинками.

А в Centos царил абсолютный хаос. Ирену хватали за одежду и за руки, умоляя дать еды, денег, выписать Ausweis, приютить на время депортации… Ирена уже была готова уйти, как вдруг увидела Еву на лестнице. Та пыталась пробиться через толпу с двумя тяжелыми свертками в руках.

Они с трудом пробились друг к другу.

– Слава богу, ты нашлась! Твои связные должны быть готовы доставить детей к точкам перехода. Я сейчас пытаюсь выяснить, какие кварталы будут депортироваться первыми, чтобы заранее вывести оттуда детей…

Только закончив давать указания, взволнованная Ирена заметила, что на Еве нет лица.

– Тебе плохо, ты нездорова? – спросила она.

– Я только что вернулась с умшлагплатц, – сказала Ева, пристально смотря поверх плеча Ирены. – Их загоняли в теплушки… по сто с лишним человек в вагон. Плакали дети. Я видела, как кто-то попытался отказаться, и его застрелил украинец. – Ева закрыла глаза и помассировала пальцами виски. – Я смотрела с улицы Ставки. На площадке у платформ еще осталось не меньше тысячи человек. А в поезде было всего девять вагонов. Наши же еврейские полицаи хватают людей прямо на улицах и отправляют на умшлагплатц.

– Ева. Сейчас каждая секунда на счету. Оповести своих курьеров. Я позвоню тебе в Centos или забегу сама. Сегодня из кабинета никуда не уходи!

Глаза Евы наполнились слезами. Ирена взяла ее за руки.

– Дорогая моя! Сейчас не время оплакивать обреченных или бояться. Пожалуйста, Ева, сделай, как я сказала. Время – золото.

Ирена сунула ей в руки конверт с деньгами.

– Попозже я тебе позвоню… либо в Centos, либо домой. Но осторожнее: телефон могут прослушивать, особенно в Centos.

Ирена почти летела через гетто, а в голове ее так же стремительно мелькали мысли, планы, идеи и страхи. Она не чувствовала усталости, хотя провела на ногах уже больше семи часов, а была еще только середина дня. Пошли слухи, что последний на сегодня поезд уже ушел и что теперь можно было не бояться выйти на улицу и заниматься обычными делами… Улица Лешно снова заполнилась людьми.

В самое жаркое время дня Ирена нашла Шмуэля у ворот на Лешно. Он стоял немного в стороне от новоприбывших украинских и литовских солдат. Очереди на вход в гетто не было. У Шмуэля был такой вид, будто он перегрелся на солнце. Он узнал Ирену и пошел ей навстречу. Самоуверенности в его походке сильно поубавилось.

– Сколько? – спросила Ирена.

– Сегодня? Я слышал, шесть тысяч. – Он опустил глаза от чувства вины и стыда. – Самое страшное было, что мне пришлось конвоировать их на умшлагплатц.

– Шесть тысяч!.. Шмуэль! Мне надо знать, в каких кварталах будет проводиться следующая *Aktion*.

– Это знают только немцы. Я что, похож на немца? – съехидничал он.

– Тогда и не веди себя как немец.

Он недовольно оскалился:

– Пани Сендлер… не надо ко мне цепляться. Я могу сказать всего одно слово, и вы загремите в Павяк, а то и хуже.

Ирена глубоко вздохнула и заговорила помягче:

– Шмуэль, пожалуйста, я же только хочу помочь детям. Меня просто поразила цифра… 6000 за один день! Как такое может быть?

Ирена дала ему сотню злотых, и он быстро спрятал деньги в карман.

– Я не сомневаюсь, что Еве будет приятно услышать, как ты мне помог. Какие кварталы? В какое время?

Пауза показалась Ирене бесконечной, но потом он стрельнул глазами по сторонам…

– Облавы будут проводиться каждый день по утрам. Поезда будут уходить с умшлагплатц с утра до середины дня. До следующего утра никого трогать не будут. Те, кто не поместится в поезда, остаются на ночь на умшлагплатц и отправляются первым утренним поездом.

– Куда идут поезда?

– Не знаю.

Ирена придвинулась вплотную к Шмуэлю:

– Сейчас не время врать.

– В Треблинку, – сказал он и уставился на свои пыльные ботинки. – Не думай, что я такой плохой, Ирена. Все мы, в еврейской полиции, в безвыходной ситуации… в ужасном положении.

> Мы не только должны помогать немцам депортировать людей, но каждому из нас еще и назначили персональную квоту… каждый день доставлять по пять евреев на умшлагплатц, или нас тоже депортируют.

Неужели им недостаточно просто убивать, подумала Ирена. Откуда это страстное желание усугублять свое варварство, заставляя евреев вставать против евреев? Но Ирена не могла

позволить себе жалеть Шмуэля, только потому, что понимала, в каком «ужасном и безвыходном положении» он оказался. В эти дни все были в «ужасном безвыходном положении». А завтра? – упорно спрашивала она.

– У меня есть одно условие, – сказал он.

Она закрыла глаза и кивнула, ожидая услышать какую-нибудь банальную личную или меркантильную просьбу.

– Пообещай, что не будешь предупреждать жителей тех кварталов о том, что планируется *Aktion*… люди взбунтуются, и немцы поймут, что где-то есть утечка информации.

Ирена снова кивнула:

– Даю слово.

– Первая цель – это Малое гетто. Завтра – район Генсиувки, центр размещения беженцев, дома престарелых и Цепла улица.

Ирена поняла, что для начала немцы решили выбрать самые легкие цели – малолетних заключенных, беженцев, слабых, больных стариков и всего один жилой квартал – наверно, чтобы солдаты вспомогательных подразделений могли отработать технику перемещения больших количеств людей. Что же делать? Поднять на ноги всю сеть. Найти Еву. Разыскать сестру Геттер. Позвонить Ирене Шульц. День уже давно перевалил за середину, но если поторопиться, то они со связными еще успеют вывезти с Цеплой хоть несколько детей. Она побежала по Лешно, продираясь через толпы перепуганных людей, и в конце концов добралась до штаб-квартиры Centos.

Ирене снова пришлось пробиваться через орды просителей в кабинет Евы. Ева сидела за своим столом и даже не пыталась отбиваться от пяти чрезвычайно взволнованных, одновременно орущих ей что-то мужчин в сильно потертой одежде…

Ева подняла голову и встретилась с Ireной глазами.

Мужчина, стоящий ближе всего к столу Евы, повернулся к Ирене и прорычал:

– Жди своей очереди!

Ирена жестом показала, что ей нужен телефон, и Ева подвинула его на край стола. Ирена дрожащей рукой набрала номер Ирены Шульц.

– Это Иоланта, – сказала Ирена в трубку. – Я хотела напомнить тебе, что сегодня у нас на Цеплой улице крестины. Приглашай всех-всех, кто сможет прийти.

Она положила трубку и показала Еве, что будет ждать ее в женском туалете.

Когда они оказались наедине, Ева начала говорить:

– Ирена! Слава бо…

Ирена перебила ее и зашептала:

– Завтра облава на Цеплой улице. Поднимай всех сейчас же, – и убежала.

Весь тот жаркий день Ирена и девушки-связные ходили по домам, стучали в двери и умоляли родителей отдать детей. Если родители соглашались, ребенка забирали сразу же… на размышления и повторные визиты времени не было. Замечая, что родители сомневаются, Ирена старалась не вести долгих разговоров, сразу отправлялась дальше. На сердце Ирены камнем лежало знание, заключенный со Шмуэлем сатанинский договор – спасти несколько детей, не предупреждая о смертельной опасности их родителей. Зло во имя добра. Она гнала от себя эти мысли, но они все равно не давали ей покоя.

Слухи о том, что какая-то женщина (некоторые говорили, что она не в своем уме) и ее помощники ходят по домам и уговаривают родителей расстаться с детьми, разнеслись по всей Цеплой улице. Усыпленных люминалом в тот день из гетто выносили и вывозили всеми способами: через проломы в стенах подвалов, в мешках для мусора, через тоннели под зданием суда, через дырку за церковью Благовещения, в картонных коробках под горами окровавленных бинтов в «Скорой помощи» Данбровского и в мертвецком фургоне… На рассвете из депо на Мурановской площади вышел трамвай Леона Шешко, под одним из сидений которого была спрятана коробка со спящим младенцем. И в этот момент в гетто началась депортация жителей Цеплой улицы…

Спасенных детей распределили по одиннадцати экстренным временным убежищам, где им предстояло пробыть несколько дней, пока не будут готовы документы и не найдутся места в монастырях, детских домах или приемных семьях.

Списки Ирены начали быстро расти. Теперь в них было уже почти 250 имен. А скольких спасти не удалось!.. Ирена тешила себя мыслью о том, что количество спасенных детей хоть приблизительно соответствует количеству погибающих, и в этом был некий намек на симметрию и равновесие. Но после начала депортаций смерть начала выигрывать с гигантским перевесом. Однако больше всего беспокоило то, что уже сегодня не хватает денег… А это значило, что, даже если они каким-то чудом смогут выводить из гетто гораздо больше детей, чем сейчас, большинство из них все равно погибнет.

Возникли сложности с размещением… не хватало даже временных убежищ. Некоторые из соседей Яги по Лекарской улице позволили на несколько дней оставлять у себя детей. Одним из самых загруженных убежищ стала квартира акушерки Станиславы Буссольдовой, где почти постоянно находились

четыре-пять детей.

> Очень странным, но надежным и безопасным временным убежищем для спасенных детей не раз становился частично разрушенный бомбежками зоопарк.

Чтобы выписать Бете настоящие документы, Станислава Буссольдова решила ее крестить. Ирена спросила у Шмуэля про родителей Беты Хеню и Исраэля Коппелей, и он узнал, что им удалось выжить в первой волне массовых депортаций. Дедушка Беты Арон Рохман был членом трудовой бригады и, имея Ausweis, каждое утро уходил из гетто на работу в арийскую Варшаву. Ирена помогла Станиславе устроить деду встречу с внучкой. Для этого подкупили двух польских «синемундирников», охранявших еврейских рабочих.

После двух таких коротких свиданий Ольга, взявшая на себя заботу о Бете, рассказала Ирене удивительную историю.

– На первой встрече я сказала пану Рохману, что мы хотим крестить Бету ради документов, ради ее безопасности. Я думала, ему будет больно это слышать, но он только спросил, что для этого потребуется. Я ничего не понимала. Как мы можем ждать какой-то помощи от родителей Беты? Я сказала ему, что нужно будет белое платьице и распятие… но беспокоиться об этом не стоит, потому что я все достану. На втором свидании он положил в коляску сверток, погладил внучку по щеке и ушел. Я открыла пакет и нашла в нем белое платьице, белые туфельки и золотой крестик на цепочке. – Ольга опустилась на парковую скамейку и заплакала. – Даже представить не могу, сколько продуктов они отдали за все эти вещи. Недели через две мне позвонила Хеня Коппель – услышать голос своего ребенка. Я поднесла трубку к уху Беты, и та заулыбалась, загулила, словно узнала мамин голос, даже зачмокала и потянулась к трубке, а потом вытянула вперед руки, будто пытаясь схватить голос Хени.

* * *

В начале сентября Шмуэль сказал Ирене, что Коппелей депортировали.

– Отца два дня назад застрелили на умшлагплатц, – доложил он. – Он отказался идти в вагон. Мать отправили в лагерь в Понятове рядом с Люблином. Наверно, ей повезло… ненадолго.

Глава 18
Депортация
Варшава, 22 июля – август 1942

23 июля 1942 – Гута Этингер → Зофья Вацек – район Прага, Марковска, 21

Когда Ирене открыли дверь квартиры 32 в доме 12 по Цеплой улице, 8-летнюю Гуту уже собрали. Она испуганно стояла с маленьким потертым чемоданчиком, и ноги ее были настолько худы, что с них все время сползали чулки. Ее явно только что помыли, но заплетенным в косички темным волосам все равно было далеко до того, чтобы назваться чистыми. Мать Гуты повязала на одну косичку красный бантик и заботливо поправила на ней поношенное и покрытое пятнами платье.

Ирена отвернулась – она так и не привыкла к расставаниям.

– Уводите ее быстрее, – внезапно охрипшим голосом сказал пан Этингер. – Мы больше не можем обо всем этом думать.

Ирена на миг замялась, а потом повторила слова, которыми убедила родителей пойти на этот шаг:

– После войны вы снова будете вместе.

– Я так не думаю, – прошептал отец, – но благодарю вас за эту надежду, милая девушка.

Ирена взяла девочку за руку и повела по Цеплой, потом через деревянный пешеходный мост над Хлодной, а затем вверх по Желязной к зданию суда. Чем ближе к центру гетто, тем плотнее, шумнее и подвижнее становились толпы людей. По дороге Ирена подкармливала Гуту кусочками хлеба. Девочка сжимала руку Ирены с такой силой, что она время от времени даже морщилась от боли.

На красных плакатах были перечислены имена казненных вчера людей, среди которых были и члены Юденрата… и таких длинных списков Ирена еще не видела. В сутолоке кто-то протиснулся между Иреной и девочкой и разорвал их руки. Гута вскрикнула, когда стремительный людской поток подхватил ее и понес прочь, как щепку во время половодья. Ирена бросилась в гущу людей и еле успела ухватить ее за краешек плаща. Они пробились в полутемное фойе суда, почти столь же людное, как и улица.

Там их уже ждал Йозеф, и побег через подвальные коридоры прошел как по маслу. Они вышли на Огродовой, в относительно спокойный мир арийской части города. Когда остановился

трамвай номер 25, Ирена легко подхватила на руки Гуту, которая в свои восемь лет весила, как четырехлетний ребенок, и забралась в вагон. Галантный молодой поляк, сидевший рядом с вагоновожатым, уступил место даме с ребенком. Гута сидела у Ирены на коленях, уткнувшись лицом в ее плечо.

> В спешке и суматохе Ирена не успела рассказать Гуте, которая говорила только на идише, как себя вести в дороге.

Покачивание вагона немного успокоило Ирену, и она вдруг почувствовала, что сидящая на ее коленях Гута трясется всем телом и плачет. Другие пассажиры трамвая уже начали обращать на них внимание.

Ирена прошептала ей на ухо заученную фразу на идише:

– Успокойся, малышка. Тебя зовут Зофья. Не забудь – Зофья.

Гута подняла голову, посмотрела на Ирену полными слез глазами и зарыдала еще громче.

– Haks Rakhmunes! – воскликнула девочка.

В гетто этот жалобный клич на идише стал настолько обычным явлением, что на него никто не обращал никакого внимания. Но в трамвае он был равносилен признанию в преступлении, наказуемом смертной казнью. Пассажиры начали перешептываться. Гута заплакала громче, а тело ее одеревенело, словно сведенное судорогой.

Внезапно, без предупреждения, вагоновожатый затормозил посреди улицы, и некоторые пассажиры даже потеряли равновесие. Он бросил взгляд на Гуту, а потом начал громко кричать:

– Всем покинуть вагон! Всем немедленно выйти! Возникла очень опасная неисправность! Находиться в трамвае опасно! Пожалуйста, покиньте вагон как можно быстрее!

Он начал бегать по трамваю, подгоняя людей к передним и задним дверям. Ирена уже хотела встать и выйти вместе с Гутой из салона, но подбежавший вагоновожатый прошептал:

– Нет, не вы. Пожалуйста, останьтесь.

Когда вагон опустел, он закрыл двери.

– Спуститесь с сиденья на пол! – приказал он.

Трамвай снова отправился в путь, со скрипом завернул за угол, чуть не повалив Ирену с Гутой на пол, и понесся по улицам, а потом остановился в безлюдном переулке.

Водитель повернулся к Ирене:

– Это очень тихий квартал. Теперь вы в безопасности. Храни вас Бог.

Ирена посмотрела в глаза этого обычного, рядового поляка.

– Почему? – спросила она. – Почему вы это сделали?

– Не знаю. Я даже не успел ни о чем подумать. Теперь вам лучше уйти.

Ирена снова взяла Гуту за руку, и они зашагали через арийскую Варшаву, через мост над Вислой в Прагу, где для девочки было подготовлено убежище. Гута смотрела на мир огромными от изумления глазами, будто никогда доселе не видела ни чистых улиц, ни автомобилей, ни красиво одетых женщин. В этой части Варшавы в магазинах продавались кое-какие продукты, и Ирена купила Гуте булочку с сахарной глазурью, взяв которую она наконец перестала плакать.

* * *

Ирена каждый день встречалась со Шмуэлем и, обмениваясь с ним любезностями и комплиментами, выясняла, в каких кварталах планируются зачистки и депортации. Как правило, ему удавалось узнавать планы немцев на два, а то и три дня вперед.

– Я очень волнуюсь за Еву, – сказал Шмуэль после второй или третьей немецкой *Aktion*. – Первой целью они выбрали Малое гетто. Но ведь это только вопрос времени… – У него перехватило в горле, он поднял голову к небу и по-мальчишечьи шмыгнул носом. – Через два дня депортируют Цегляну. Ирена, ты должна втолковать Еве, что, если она выйдет за меня, она будет в безопасности. Мне дали лишних полфунта сливочного масла… это будет для нее, для ее родителей. Я ей принесу. Пожалуйста, Ирена!

Ирена, конечно, сказала. Она тоже хотела, чтобы Ева осталась в живых.

На следующее утро две Ирены, одетые в форму сестер милосердия, пошли прямиком на Цегляну, где их уже дожидалась пятерка связных. Спустя почти неделю каждодневных облав и депортаций Ирена и ее сообщники старались забрать любых детей. Время долгих уговоров и тщательного планирования прошло. Списки службы соцзащиты безнадежно устарели, десятки тысяч новоприбывших беженцев оказывались в гетто, даже не успевая встать на учет, многие мыкались по разным квартирам.

Связные рассыпались по улице и начали обходить подъезд за подъездом. Две Ирены постояли в дворе-колодце дома 8 по Цегляной, смотря в яркий квадрат неба, со всех сторон запертый стенами здания. Под грязными окнами сушилось белье.

– Сколько было вчера? – спросила Ирена Шульц.

– Мы вывели 15, немцы вывезли 6000. Печально понимать,

что для нас это был удачный день. Если б нас было больше, если б у нас было больше времени и денег… Нам так нужны деньги…

Ирена Шульц коснулась плеча Ирены:

– Ирена, прекрати. Мы не можем двигаться вперед по жизни, постоянно оплакивая тех, кого были не в состоянии спасти.

Ирена стояла в центре двора, обводила взглядом громаду дома, пока еще бурлящего жизнью, и чувствовала себя крошечной шлюпкой, способной спасти считаные единицы жизней. Она знала, что, если получится выжить в этой войне, она *будет* оплакивать тех, кого не смогла спасти, и горем этим будет окрашен весь остаток ее жизни. Уже теперь ей снились матери, прощающиеся с детьми. Конечно, снились ей и отцы, и дедушки с бабушками, но материнские слезы обжигали душу особенно сильно.

* * *

В конце первой недели депортации Ирена пришла на Сенную, 40, к Еве. С собой она принесла настоящие сокровища: четыре банки сардин и полфунта сливочного масла.

На вид в Еве осталось не больше килограмм 40 весу, глаза ввалились, белки пожелтели, а некогда стройные ноги распухли. Старшие Рехтманы, тоже страшно исхудавшие, тепло обняли Ирену.

– Адам дома бывает редко, – сказала Ева, – но когда я сказала ему, что ты, возможно, сегодня зайдешь, он захотел с тобой о чем-то переговорить… так что мы его, может быть, сегодня увидим.

Мебели в квартире осталось мало… часть ее зимой пришлось пустить на дрова. Теперь вместо четырех человек тут проживало целых восемнадцать.

– Это тебе, Ева, – прошептала Ирена, – и твоим родителям. Пожалуйста, не отдавай их ребятам из молодежного кружка. Ты мне нужна сильной и здоровой, я без тебя не справлюсь.

Убедившись, что не смотрит никто из новых жильцов, Ева сунула банки в карман халата. Буквально через несколько мгновений в квартиру ввалился тяжело дышащий после стремительного подъема по лестнице Адам. За время, прошедшее с их последней встречи, он отпустил бороду.

– Трусы и идиоты! – прорычал он, захлопывая за собой входную дверь и бросая на пол рюкзак. Потом он заметил Ирену и сказал: – Ах, наша чудесная пани Сендлер. Ева сказала, что вы можете сегодня зайти, – он протянул ей сложенную в несколько раз записку. – Это Стефану. Очень важная информация.

Обязательно ему передайте… желательно, прямо сегодня.

– А почему ты думаешь, что я знаю, где Стефан и как с ним связаться?

– Люди говорят, что если вы что задумали, то сделаете даже невозможное. Нам нужно наладить как можно больше контактов с ППС и Армией Крайовой. Я знаю, что вы встречаетесь с ним в Праге.

Его перебила Ева:

– Адам, ты сегодня зол больше, чем обычно… если это вообще возможно.

– В день после первой *Aktion* у нас было совещание… Общественный Совет Комитета Трудящихся или как-то так. Собрались активисты гетто, левые и правые сионисты, коммунисты, Бунд[78], ортодоксы… в общем, вся честная компания. Руководители Бунда потребовали сопротивляться, вооружаться, делать диверсии. А нас, Хе-Халуц[79] и Хашомер хацаир[80], единственных, требующих начать активное сопротивление, даже не стали слушать.

Ева скорбно покачала головой, словно уже хоронила брата:

– Шмуэль говорит…

Адам яростно ударил кулаком в стену.

– Мне плевать, что говорит твой Шмуэль. Он коллаборационист. Слышать не хочу про твоего сраного Шмуэля.

– Адам!

Все находящиеся в комнате люди наблюдали за их противостоянием.

– Твой дружок… – он с презрением бросал слова в лицо Еве, – все его доппайки, все привилегии – это плата за предательство, за то, что он каждый день водит нас, как овец, на бойню. Ты видела эти парады обреченных? Сходи посмотри. Они у нас проводятся каждый день.

> А твой приятель избивает кнутом женщин и детей, у которых уже нет сил поспевать за остальными! И нael жирную морду – а мы превратились в скелеты.

И этот твой Centos ничем не лучше. Неужели тебе не стыдно?

Ева выпрямила спину.

– Нет, не стыдно! Я даю людям еду. Я работаю с молодежным кружком. Мы заботимся о детях и сиротах. По крайней мере, я хоть что-то делаю! – она скривила губы. – А что сделал ты? На что ты способен, кроме этих воплей?

– Я способен убивать сраных немцев! – прошипел он. – Мы не хотим быть овцами и достаем оружие, делаем гранаты и бомбы.

– Нельзя, Адам! За каждого убитого вами немца они

расстреляют сотню наших.

Мать втиснулась между детьми:

– Ева… Адам, я вас умоляю. Ведите себя как цивилизованные люди.

Адам отвернулся от матери.

– Цивилизованные? Здесь? Все это осталось в далеком прошлом.

Он сунул в рюкзак пару брюк и рубашку.

– Больше я вас не побеспокою. Я буду жить со своими товарищами по Ha-Shomer ha-Za'ir. Наш командир, Анелевич, – достойнейший и отважный еврей. Нам всем надо равняться на таких, как он.

Он повесил рюкзак на плечо.

– Как-нибудь забегу. До свидания, мама.

Он быстро поцеловал ее в щеку. Она попыталась заключить его лицо в ладони, но он резко отпрянул от нее. Отец беспомощно стоял у двери. Ирена увидела, как на его глазах блеснули слезы, когда он на несколько мгновений обнял сына. Уходя, Адам обернулся:

– Я тебя прощаю, Ева. Надеюсь, и ты когда-нибудь сможешь меня простить.

Она отвернулась.

Адам почти по брови натянул берет и вышел вон.

* * *

В первое воскресенье августа на подернутом легкой дымкой небе сверкало жаркое солнце. В этот день, который еще четыре года назад Ирена встречала бы с большой радостью, в 6 часов утра позвонил Шмуэль. Звонил прямо из отделения еврейской полиции.

– Во вторник. Евин квартал. Она меня не хочет слушать. Уговори ее. Еще есть время. Пожалуйста! – у него перехватило в горле. – Я люблю ее.

Ирена побежала на Сенную, 40. Встретившая ее в дверях Ева прижала к губам палец и вышла на лестницу, закрыв за собой дверь.

– Шмуэль уже звонил. Не надо расстраивать маму с папой. А Адама я не видела с той нашей ссоры. Он где-то прячется… думаю, в Большом гетто, – глаза Евы налились слезами, и она закусила губу. – Я поверить не могу, что все это действительно происходит.

Ирена прижала ее к себе, но думать могла только о том, что,

возможно, обнимает лучшую подругу в последний раз в жизни.

Ева вытерла глаза.

– Я устала все время бояться. Я устала от всех этих страданий. Я пытаюсь вспомнить те времена, когда Варшава была моим городом, когда мы с тобой ходили по концертам, и получается это у меня все хуже и хуже. Я уже не могу вспомнить запаха цветов или вкуса субботнего чолнта.

Ирена взяла Еву за плечи и пристально посмотрела ей в глаза.

– Шмуэль сходит с ума от беспокойства и хочет тебя спасти… я тоже. Либо выходи за него замуж, либо сегодня же уходи со мной на ту сторону. Пожалуйста… я тебя умоляю.

Ева отвела взгляд и покачала головой:

– Лучше возьми ребенка. Для меня нет ничего важнее моей семьи и ребят из молодежного кружка. Они – мои дети, мои братья и сестры.

– Но ты так много еще можешь, – Ирена не скрывала слез, – и ты моя подруга.

Сколько раз Ирена уже умоляла ее? Казалось, в последнее время она все время кого-то упрашивает: матерей – расстаться с детьми, бабушек и дедушек – с внуками, Еву – выбраться из гетто.

– Времени остается совсем мало, Ева! – плакала Ирена. – Может, я смогу вывести кого-нибудь из твоих ребят… может…

– Ирена, – сказала Ева, и теперь уже она обнимала и успокаивала Ирену, – они не согласятся. Они будут продолжать помогать детям, точно так же, как делали каждый день до этого. Да и, кроме того, тебя или кого-нибудь из твоих помощников могут арестовать, а это будет для меня печальнее всего.

Ева прижала свои ладони к щекам Ирены и пристально посмотрела ей в глаза.

– Послушай меня. Постучи в соседнюю дверь, потом в следующую, потом в следующую. Найди ребенка, который ничего обо всем этом не будет помнить. А ты… ты… смотри и запоминай.

Под Иреной подкосились ноги, и она рухнула на *пол*… Она бродила по темным коридорам дома, спрашивая себя, что бы сделала она, окажись на месте Евы. Она выполнила просьбу Евы и нашла двух детей, 9-месячного младенца и его старшую сестру, 4-летнюю Алису. Они вышли из гетто через подвал здания городского суда.

* * *

К концу второй недели немецких *Aktion* в облавах перестали участвовать еврейские полицаи. Шмуэль сообщил, что всеми операциями руководят исключительно офицеры СС. Сами облавы и зачистки кварталов выполняли немецкие жандармы, украинцы, латыши и литовцы. Выгнав людей на улицы, группы солдат обыскивали здания, расстреливая всех, кто пытался в них спрятаться.

А во вторник 4 августа Еву, ее родителей, всех жителей ее дома и половины других домов по Сенной депортировали в Треблинку. Ирена, конечно, понимала, что спасти с умшлагплатц никого невозможно, что все кончено и Ева скоро погибнет, но все-таки пошла к Яну Добрачинскому. Она просила его вмешаться, сделать хоть что-нибудь!..

На следующий день Ирена пришла в контору на час раньше, а потом четырежды сходила в гетто, каждый раз с таким количеством денег и продуктов, словно бросала вызов немцам.

* * *

Шмуэль уже сообщил Ирене о депортации врача-педиатра Януша Корчака[81] и воспитанников его Дома сирот.

– Корчаку и его сиротам не помочь, – предупредил Шмуэль. – Решение принималось на очень высоком уровне. Даже не трать время.

Через два дня после депортации Евы Ирена вошла в гетто через блокпост на Твардой улице. Она торопливо шагала по Слиской к Дому сирот, выполняя данное Еве обещание «смотреть и запоминать». Вдруг откуда-то со стороны стены, с другого конца заваленного мусором пустыря, послышался тихий плач… странные приглушенные прерывистые горестные звуки, немного похожие на мяуканье кошки. Вдоль стены метнулась какая-то тень… это была одетая в коричневые и серые лохмотья женщина с замотанным в грязное тряпье младенцем на руках. Женщина склонилась к земле, подняла небольшой камень, перебросила его через стену и снова спряталась в тени. Мгновение спустя с арийской стороны прилетел точно такой же камень, и женщина решительно поднялась на ноги, прижимая к груди младенца. Даже на таком расстоянии Ирена услышала, как женщина сделала два резких глубоких вдоха, а потом нагнулась вперед, трижды раскачала сверток с ребенком, держа его обеими руками, а потом перебросила через стену. Ребенок перелетел над стеной в считаных сантиметрах от вмонтированных в ее верхнюю часть острых осколков стекла. С той стороны не донеслось ни звука.

Женщина рухнула на колени и начала гладить стену – камни, навсегда разлучившие ее с ее ребенком. Потом она поднялась на ноги и крадучись скрылась в темной тени…

Добежав до Дома сирот Корчака на Сенной, Ирена с изумлением увидела, что все кончено…

> Она даже представить себе не могла ужас детей, которые просыпаются под наводящие ужас свистки и слышат три немецких слова, слишком хорошо знакомых всем евреям: «Alle Juden Raus!» (Всем евреям выйти!)

Потом они, наверно, начали выглядывать в окна и увидели там одетых в серое эсэсовских офицеров, приказывающих украинцам в желтой форме очистить здание от людей.

К приходу Ирены дети Корчака в синих выходных костюмчиках были выстроены на улице в колонну по четыре. Ирена подошла вплотную к эсэсовскому кордону, показав свой пропуск работника санэпидемслужбы сначала немецкому жандарму, потом солдату-украинцу, а затем двум еврейским полицаям. Она встала рядом со Шмуэлем, которого вместе с другими определили во второе кольцо оцепления за спинами эсэсовцев. Офицер начал перекличку и зачитал список, состоящий почти из двух сотен имен. У каждого ребенка, словно они собрались на пикник, была фляжка с водой. У некоторых в руках любимые книги. Смертельно бледный Корчак ходил туда-сюда вдоль колонны, успокаивая своих детей. Ирена слышала, как он рассказывает им, что они едут в место, где будут сосны и березы, как у них в летнем лагере, где будут петь птицы, бегать белки и зайцы. У одного из детей постарше в руке был зеленый флажок Короля Матиуша, символ детской свободы из знаменитой книги Корчака «Король Матиуш Первый», сказки о мальчике, всегда добивавшегося победы.

По сигналу доктора Корчака дети отправились в трехкилометровый путь до умшлагплатц. Учителя и воспитатели шли вместе с ними. Вскоре тротуары заполнили тысячи людей. Корчак шел во главе колонны, неся пятилетнюю Ромцю и держа за руку десятилетнего Шимонека. Дети пели походную песню:

– Пусть буря бушует, но мы не отступим!

Шмуэль стоял неподвижно, лицо его превратилось в каменную маску. А по смертельно бледной щеке катилась одинокая слеза.

Ирена смотрела с мрачной решимостью, снова и снова слыша наказ Евы – смотри и запоминай. Она пошла вслед за маленьким

войском Корчака мимо детской больницы, вниз по Слиской улице, а потом через деревянный пешеходный мост, соединяющий Малое и Большое гетто. Под мостом, на арийской Хлодной какой-то поляк выкрикнул со злорадством:

– Туда вам и дорога, жиды!

Во время других маршей депортируемых подгоняли кнутами и дубинками. Но во время последнего парада Корчака все было по-другому. Ни немцы, ни поляки, ни еврейские полицаи не посмели тронуть ни одного ребенка, словно дети были окружены незримой стеной. Не задержали ни одного из собравшихся на тротуарах людей.

Поднялось жаркое солнце, и самые маленькие начали терять силы. Ирена слышала, как некоторые начали плакать, проситься в туалет. Им было жарко, они хотели пить, но не переставали петь все слабеющими голосами свою походную песню. Еврейские полицаи, не сговариваясь, организовали вокруг колонны защитное оцепление. Ирена слышала, как Корчак подбадривал своих воспитанников.

Через три часа они пришли на умшлагплатц и оказались лицом к лицу с подразделением эсэсовцев и шеренгой украинских солдат, держащих кнуты, винтовки и поводки, с которых рвались рычащие собаки. Через железные ворота детей пропустили на большую грунтовую площадку рядом с железнодорожной линией. Еще не наступил полдень, а на товарном дворе уже толпились несколько тысяч евреев. Люди плакали, читали молитвы, но в большинстве своем просто стояли молча, смотря перед собой невидящими глазами. Некоторые, все еще надеясь на спасение, выкрикивали через изгородь тщетные просьбы, просовывали руки, предъявляя какой-нибудь бесполезный документ, удостоверение личности, уже ни на что не годный Ausweis, пригоршню злотых…

Толпы зевак начали рассасываться на подходе к зловещей умшлагплатц, и Ирена тоже решила не подходить слишком близко. В случаях, когда не выполнялась дневная норма, немцы начинали без разбору хватать и грузить в вагоны всех находившихся рядом с товарным двором. Ожидающим погрузки в поезда людям не давали ни воды, ни еды. Они сидели на площадке, окруженные потертыми чемоданами и перевязанными веревкой тюками со своими жалкими пожитками. Нужду люди справляли прямо там, где стояли, боясь потерять в толпе мужа, жену или детей. Там и сям в толпе гуляли эсэсовцы и украинские солдаты. Они выкрикивали оскорбления, смеялись, избивали людей дубинками и кнутами.

Погрузка в красно-коричневые вагоны для перевозки скота началась сразу после полудня. Заскрипели двери вагонов,

и Ирена почувствовала едкий запах хлорки. Командующий еврейской полиции Шмерлинг, к которому особенно благоволили немцы, приказал загружать воспитанников Дома сирот. Корчак дал детям сигнал подняться на ноги. Старшие помогали младшим.

В этот момент офицер СС вдруг приказал остановить погрузку. Он двинулся через толпу, рассекая ее, как нож масло, и подошел к Корчаку. Над товарным двором повисла тишина. Даже те, кто находился на пороге вагонов, остановились и повернулись посмотреть. Эсэсовец вручил Корчаку какой-то документ. Корчак развернул бумагу и прочитал ее. Потом снял очки и, подняв голову, посмотрел на жаркое летнее солнце, и, как от надоедливой мухи, отмахнулся от эсэсовца.

– Я останусь с детьми, – сказал он ровным голосом, сначала на польском, а потом на немецком.

В неестественной тишине Корчак дал сигнал воспитанникам, и те вновь встали в колонну по четыре. Еврейские полицаи стояли по обе стороны колонны по стойке «смирно» и отдавали честь, когда Корчак и его несломленные дети входили в вагоны.

* * *

Депортации продолжались, и теперь все, кроме полных безумцев, осознавали неизбежность смерти. Теперь почти все, к кому обращалась Ирена, были готовы отдать детей, и сеть работала на пределе возможностей. Но потом произошло нечто совершенно неожиданное. 15 августа вышел приказ, которым устанавливались новые границы гетто, и вход в здание суда – самый безопасный и надежный канал – был со стороны гетто перекрыт.

Она встретилась с Адамом на Милой, 18, где в полуподвальном помещении жил он и его соратники по боевой группе ЖОБ[82]. Адам не говорил про Еву и родителей, с момента депортации которых прошло уже десять дней, но она видела, что под маской стоика он прячет свою боль и ярость. Он показал Ирене свой «Браунинг ФН» (и даже дал подержать в руках), а потом похвастался:

– Меня в Треблинку им не отправить! – сказал он и рассказал об отлаженной схеме переправки контрабанды через канализационные сети.

В тот день они уже вывели из гетто пятнадцать детей – приблизительно столько же, сколько получалось в среднем. Ирена вернула Адаму пистолет и сказала:

– Мы тоже хотим пользоваться канализацией. Нам нужна карта… и связные.

Адам искоса посмотрел на нее, а потом прошептал что-то другому молодому человеку, который минуту спустя вернулся с картой в руках.

– Я делаю это ради Евы, – сказал Адам и развернул большую схему Варшавы, на которой от руки была нарисована система канализационных каналов. – Вот три главные магистрали, второстепенные каналы, вот колодцы, через которые туда можно попасть. В общем, нарисовано достаточно правильно. Хотя мелкие неточности, конечно, есть. Связных найду. Но действовать предельно осторожно… канализация – это кровеносная система нашей организации. Ваши операции не должны нарушать наших планов и мешать передвижению грузов и людей. Понимаешь? Мы используем канализацию в основном днем. Вам остаются ночи.

После депортации Евы Шмуэль при встрече с Ireной стыдливо опускал глаза. Он исхудал, его некогда шустрые, суетливые глазки подернулись дымкой отчаяния. Он перестал шутить и улыбаться и просто каждый день сообщал Ирене адреса домов, жители которых подлежали депортации. Списки, которые вела Ирена, становились все длиннее, и теперь им с Ягой приходилось выкапывать и закапывать банки уже не каждый месяц, а каждую неделю.

Глава 19
Сопротивление
Варшава, август – декабрь 1942

Войдя в кабинет Ирены, заплаканная Яга закурила и уставилась на тлеющий кончик своей сигареты.

– Что случилось? – спросила Ирена.

– Нам нужны деньги. Сегодня мне пришлось заплатить 200 злотых часовым на Хлодной. Шмальцовники обычно берут по 500, но ходят слухи, что у кого-то просили уже 1000.

– Но это же не повод для слез.

Яга тяжело вздохнула:

– Вчера застрелили Марту, связную… а еще забрали в Павяк Стефью Пыжек.

Ирена резко выпрямилась. Какой бы трагичной ни была смерть Марты, арест Стефьи гораздо опаснее. Если она заговорит, под угрозой окажется вся организация.

– Как это произошло?

– Ее арестовали, когда нашли несколько тысяч злотых и 25 пустых *Kennkarte*.

– Что ей известно? Кого она знает?

– Деньги были от Ирены Шульц. Она знает адреса нескольких убежищ, знает, где живу я. Ханну я пока отправила к своей кузине.

– Сколько ей лет?

– Шестнадцать… может, семнадцать.

– Не хочется даже думать, что с ней сейчас делают.

В воздухе между ними повис невысказанный вопрос: сломается ли Стефья под пытками? О том, что творится в пыточных камерах этого средневекового замка, стоящего в центре Большого гетто, тюрьмы, находящейся внутри другой тюрьмы, даже думать было страшно…

> Многие члены ее организации носили с собой ***cjank*** – капсулу с цианидом.

Ирена была одной из немногих, кто этого не делал, но в такие моменты она была готова передумать и очень надеялась, что у Стефьи такая капсула была.

– Сколько стоит жизнь Стефьи? – спросила она Ягу. – Я знаю… звучит это ужасно. Но сколько, по-твоему, нужно заплатить, чтобы вытащить ее оттуда?

– Я задала Яну тот же вопрос, – ответила Яга, – а он усмехнулся и сказал, что даже у Бога нет таких денег. Но даже если б они у нас были, этот хорек Майссен обязательно найдет нестыковки.

Майссен был назначен комиссаром Ауэрсвальдом[83] вести надзор за финансовыми документами службы соцзащиты. Попытки тайно манипулировать финансовыми потоками пришлось прекратить.

Яга погасила сигарету и собралась уходить, но передумала и снова закрыла дверь кабинета:

– У меня очень нехорошие предчувствия, Ирена. Я все время гадаю, нет ли среди нас предателя. Я завидую тебе, потому что у тебя нет детей. А я больше всего боюсь за Ханну… Ну, то есть я никогда себе не прощу, если с ней что-нибудь случится.

После нескольких мгновений неловкой тишины Ирена сказала:

– Яга, скажи мне откровенно. Ты еще можешь работать? Ведь мы все знаем, чем рискуем.

Яга бросила на Ирену сердитый взгляд.

– Не глупи. Конечно, да. Мне просто время от времени нужно выплакаться. Кто же еще пойдет с тобой закапывать банки? – ей вроде удалось взять себя в руки. – И, если уж на то пошло, яблоня-то – моя.

Ирена долго сидела в своем кабинете, разглядывая через открытую дверь секретарш и ассистенток. Кто из них мог бы стать предателем? Она задумалась о том, как уязвима ее организация… одно предательство потянет за собой другое… и вся сеть начнет рушиться по принципу домино. Как же зыбко и ненадежно все было… а ведь на ниточке висели тысячи жизней в одной только Варшаве. А события прошлой недели заставляли думать, что на этой ниточке не тысячи, а миллионы жизней.

В одно душное августовское утро в ее дверь робко постучали. На пороге Ирена увидела двух мужчин. Один из них был ей хорошо знаком – юрист Леон Фейнер[84], социалист и один из лидеров еврейского Бунда. Он назвался своей кличкой – *Миколай*. Своего товарища – щуплого, небритого человека в плохо сидящем шерстяном костюме – Фейнер представил Яном Карским[85], дипломатическим представителем правительства в изгнании и связным Армии Крайовой. Ирена пожала ему руку и заметила шрамы на запястьях. Он делал попытки покончить с собой. Миколай объяснил, что задача Карского – собрать свидетельства о массовых убийствах евреев, стать очевидцем событий, а потом донести эту информацию до сведения Рузвельта и Черчилля. Бомбардировками железнодорожных магистралей, ведущих

в концлагеря, союзники могли бы спасти сотни тысяч жизней. Леон Фейнер попросил Ирену устроить Карскому экскурсию по гетто, и они отправились туда немедленно…

В дверь кабинета снова постучали. Это была одна из ее секретарей, она странно посмотрела на Ирену и вручила ей напечатанный документ. Ирена закрыла за ней дверь и задумалась: сколько стоит Ирена Сендлер?

* * *

Массовые депортации закончились в священный для евреев день Йом-Кипур[86], который в этом году пришелся на 21 сентября. Опустошенное гетто превратилось в город-призрак. На пике население гетто превышало 450 000, но теперь на легальном положении в нем осталось всего 30 000 человек. Они жили на четырех островках, состоящих из фабрик и мастерских, окруженных домами, отведенными для проживания самих рабочих, их жен и детей. По словам Стефана, приблизительно столько же в гетто оставалось «дикарей» – нелегалов, тайно живущих в подземных городах и заброшенных домах, окруженных колючей проволокой и отрезанных от электро– и газоснабжения.

С момента гибели Евы Ирена виделась с Адамом только раз. В эти два месяца все старались не попадаться немцам на глаза. Но теперь, через месяц с лишним после отправления последнего поезда в Треблинку, Ирена подняла связи с подпольщиками швейной фабрики Вальтера Теббенса[87] и договорилась встретиться с Адамом.

> Ей были срочно нужны карты тех участков гетто, где в подземных бункерах прятались «дикари». Именно они находились в самой большой опасности, и именно у них было больше всего шансов забрать детей.

Перемещаться в этих зонах было опасно – немцы открывали огонь по всему, что двигалось, – и связным нужно было точно знать, где и как там найти людей.

В воздухе уже чувствовались признаки скорой зимы… Ирена подошла к полуподвалу на Милой улице, в котором находилась «Лавка Ландау». В подворотне ее встретила связная Зося, девочка лет 15, с лихо заломленным набок беретом, одетая в подвязанные веревкой старые мешковатые штаны и побитую молью кофту поверх мужской рубахи. Темные волосы ее были коротко подстрижены кем-то, у кого чудом сохранились ножницы, но не было никаких парикмахерских навыков. На случай, если нужно

будет срочно предупредить людей о начинающейся *Aktion*, у нее с собой был маленький колокольчик.

Ирена поднялась вслед за Зосей по лестнице и оказалась в темном чердачном помещении, из которого в случае опасности можно было выбраться на крышу. Под штукатуркой местами виднелась дощатая обшивка стен. Адам сидел за старым письменным столом и чистил антикварный «Браунинг ФН». Когда вошла Ирена, он даже не поднял глаз.

– Адам, – сказала Ирена, – мне нужна твоя помощь.

На неотапливаемом чердаке было холодно даже в наглухо застегнутом пальто, и каждое слово клубилось в воздухе облачком пара. После нескольких секунд неловкого молчания он сказал:

– Я не смог помочь даже собственной сестре, – и поднял взгляд на Ирену. – Мы же везде расклеили листовки. Мы всем сказали, что *umilagplatz* – это верная смерть.

У одной из стен, накрывшись одеялами, сидели еще три исхудавших боевика.

– Ева знала, – почти шепотом сказала Ирена. Она замолчала, и слова повисли в морозном воздухе. – Сначала я думала, что она сама себя обманывает… ну, знаешь, смотрела на мир через розовые очки. Но в конце концов она все поняла. Она просто решила остаться со своими ребятами из молодежного кружка.

– Знаешь, что меня больше всего беспокоит? – Адам оставил пистолет в покое и пристально посмотрел на Ирену. – Когда я думаю про Еву, я понимаю, что у меня с ней не связано никаких хороших воспоминаний… я помню только, как она злилась и ругалась… как она спорила про оружие и бомбы.

Он снова принялся за пистолет, как ребенок, которому подарили первое охотничье ружье.

– Наверно, во всей Польше не найдешь более ухоженного оружия… – сказал он.

– Откуда он у тебя? – спросила Ирена.

– Армия Крайова. Мы теперь еврейское боевое подразделение – ЖОБ, то есть *Zydowska Organizacja Bojowa*. 20 октября. Эту дату надо запомнить всем школьникам. Я – командир отряда, и поэтому мне дали пистолет и десять патронов.

Адам сунул пистолет за пояс. Он развернул карту Варшавы и пометил кружочками места, где прячутся нелегалы, прозванные «дикарями», где любой родитель будет готов отдать Ирене своего ребенка.

– Про официальное гетто даже не думай, – предупредил он. – Там верят, что Ausweis будет защищать их вечно. Они снова

получили квартиры… на десять душ комнату… Конечно, это – самообман, но им так легче…

Адам достал еще одну карту.

– Ходить придется через канализацию. – Он поднял над нарисованной от руки схемой канализационных магистралей карбидную лампу с жужжащим синим огоньком. – Я познакомлю тебя с человеком, который знает всю систему как свои пять пальцев. Тариф – 50 злотых с человека. По нынешним условиям плата весьма умеренная. И ему можно верить. Он уже много месяцев помогает нам транспортировать оружие, патроны, продукты, водит в гетто и на ту сторону наших бойцов и агентов.

Да, дешево, но где же взять эти деньги? На карте уже и так слишком много карандашных кружочков, а куда направлять спасенных детей? Хорошо, если удастся спасти каждого двадцатого… Ирена свернула карту и спрятала ее в двойном дне своей медицинской сумки.

Выходя из гетто, она вдруг поняла, что оккупация закончилась и началась война.

Прокламация: 30 октября 1942 года

Сим документом Еврейская Боевая Организация ЖОБ информирует население о том, что нижеперечисленные лица обвиняются в преступлениях против еврейского народа:

Варшавский Юденрат и его президиум обвиняется в коллаборационизме с захватчиками и преступном участии в депортациях населения.

Управляющие «шопов»[88] и члены Еврейской Полиции обвиняются в преступной жестокости в отношении рабочих и «нелегального» еврейского населения.

Все эти преступники приговариваются к исключительной мере наказания.

За день до расклейки и распространения этой листовки, по пути из полицейского участка домой на улице Генся был застрелен заместитель командира еврейской полиции Якоб Лейкин[89], рьяно выслуживавшийся во время ликвидации. Не Адамов ли пистолет увидел предатель в последний миг своей жизни?

* * *

В начале ноября Ирена обнаружила у себя на столе записку: «Я знаю, что ты делаешь. Могу помочь. С. Дыбчинска».

Со Стефанией она была знакома с университета – вместе учились у профессора Радыньского, но особо близки не были. Стефания и теперь держалась особняком. Собравшись домой, Ирена задержалась у стола Стефании. Они обменялись понимающими взглядами и покинули контору вместе.

Когда они оказались на улице, Стефания сказала:

– Я знаю, что ты помогаешь евреям. Я слышала, что «держать кошек» стало очень накладно и что тебе нужны деньги. Один человек, его имени я тебе назвать не могу, поручил мне сообщить тебе о новой организации – Жеготе. У них есть деньги. Через несколько дней к тебе придет связной. Пароль – *Троян*.

Ирена смотрела на шагавшую прочь Стефанию и гадала, сколько еще тайн хранят варшавяне.

* * *

Помощники Ирены больше не ходили по домам. Дети-«дикари» (в народе их звали «дикими котами»), у которых не было документов и продуктовых карточек, ютились кто где. Ирена и ее связные перелезали через горы мусора, проползали по темным, вонючим тоннелям, протискивались через дырки в потолке в забытые всеми межэтажные помещения, пробирались в каморки, замаскированные фальшивыми стенными панелями и шкафами. Грязные, изъеденные вшами «дикари» неделями жили под землей без солнца, туалетов, иногда в таких дырах, где нельзя было встать в полный рост.

Адам свел Ирену с Вандой Гарчинской, матерью-настоятельницей монастыря Непорочного Зачатия, которая согласилась приютить пятерых детей. Во время подготовки к операции Ирена пришла в монастырь и поговорила с одной из монашек, сестрой Марией Эной, о размещении детей. На следующий день дети выберутся из расположенного неподалеку от монастыря канализационного колодца ровно в пять утра. После этого связной отведет их в монастырь, постучит в двери особым образом и передаст ожидающей монашке.

– А кто принимал решение? – спросила Ирена сестру Марию Эну.

Та, казалось, была удивлена вопросом.

– Все вместе, – сказала она. – Мать-настоятельница зачитала нам из Евангелия от Иоанна:

> *Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих… Сие заповедаю вам, да любите друг друга*[90].

Она сказала, что мы сделаем это только при единогласном решении. Мы помолились – и все было решено. Как же могло быть иначе?

* * *

Ирена унюхала знаменитого проводника по канализационным магистралям задолго до того, как показался огонек его карбидной лампы. Они встретились в подвале дома 41 по Мурановской улице. Никто об этом человеке не знал ничего, кроме того, что он – ариец, и Ирене, когда она его увидела, показалось, что он больше тень, чем человек из плоти и крови. Поговаривали, что он и живет в канализации. Он был не в восторге от того, что ему придется вести пятерых детей: слишком шумные, не слушаются и вообще… но Адаму удалось его уговорить. Когда дело дошло до оплаты, он попросил за пятерых всего 50 злотых.

– Больно уж они все маленькие, – улыбнулся он, и зубы его блеснули в свете карбидной лампы…

…А утром ей позвонила сестра Мария Эна:

– Спасибо вам, дорогая. Мы получили посылку с одеждой.

Глава 20
Жегота
Варшава, ноябрь 1942 – февраль 1943

В ноябре 1942-го Варшаву сковали самые сильные за всю историю холода. Цены на уголь, продукты и лекарства взлетели до невиданных высот. Чтобы оставаться в тепле, легальные жители гетто, т. е. рабочие немецких предприятий и их семьи, набились в комнаты десятками душ.

В конце ноября, незадолго до комендантского часа, Ирена вздрогнула от громкого, но вместе с тем какого-то стеснительного стука в дверь. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и распахнула дверь – на пороге стояла девчонка с грязным, угловатым от голода лицом.

– Меня зовут Ванда, у меня для вас есть послание.

Ирена втащила ее в квартиру, надеясь, что их голоса не привлекли внимания соседей. Девушка стянула с головы некогда щегольской берет, растрепав при этом свои темные, заскорузлые от грязи и по-мужски коротко подстриженные волосы.

– Я принесла деньги, – сказала она, дрожа от холода и стреляя по комнате большущими кроличьими глазами.

Ирена не торопилась ей верить, потому что гестаповские провокаторы могли принимать любое обличье.

– Я не очень вас понимаю, – сказала она.

– От Делегатуры…[91] от Польского правительства в Лондоне. Для тех, кто прячет еврейских детей.

– А кто вам сказал, что я прячу еврейских детей?

– Троян.

Ирена успокоилась.

– Тсс! – прошептала она. – В соседней комнате спит моя мама. Хочешь чаю? Я вижу, ты замерзла.

– Хочу, – быстро ответила она, – но мне скоро нужно будет идти.

Девушка развязала веревку, которой были подпоясаны ее брюки, и запустила руку куда-то в нижнее белье.

– Пять тысяч злотых, – заговорила она, словно повторяя заученный текст. – Я буду вашим связным, я буду доставлять вам деньги, лекарства, документы и «прочие материалы», которые необходимо тайно переправлять на территорию гетто.

Ирена пересчитала купюры и положила конверт в карман халата.

– Очень неожиданный сюрприз. И как нельзя вовремя.

Она налила девушке чашку чая и сделала бутерброд с джемом, который Ванда мгновенно съела.

– Сколько тебе лет? – спросила Ирена.

– Семнадцать, – ответила девушка, дожевывая бутерброд.

– А как ты стала… – Ирена замешкалась, не зная, как лучше сформулировать свой вопрос.

– Я знаю Варшаву лучше всех. До войны я была скаутом. Я выигрывала соревнования по скалолазанию, бегу и ориентированию…

– Но это не повод рисковать жизнью.

Девушка подняла взгляд от своей тарелки.

– Я ненавижу немцев. Они убили всех моих родных. А у вас нет еще кусочка хлеба?

Ирена в очередной раз поразилась тому, в какую отвагу могут перерасти ярость и горе. После ликвидации гетто работа связных, как правило, молодых евреек, стала исключительно опасной. Многих арестовывали, пытали и расстреливали.

Ирена открыла дверку буфета и вытащила полбуханки крестьянского хлеба. Она подвинула хлеб и банку с джемом поближе к девушке и кивком приказала есть:

– А что случилось с Мартой?

– Застрелили… – ответила девушка, спешно набивая рот едой, – пару дней назад… в пригороде. Жаль. Мы с Мартой хорошо ладили. Я слышала, у нее нашли 20 000 злотых… из последней выброски.

Она вытащила из рюкзака журнал и разрезала ножом липкую ленту, склеивавшую его страницы.

– Чуть не забыла… это тоже вам.

Она вручила Ирене две поддельные *Kennkarte*. Ирена мысленно пересчитала, сколько теперь будет стоить жизнь человека. До ликвидации гетто на 500 злотых пять человек могли протянуть недели три. Теперь тех же денег им с натяжкой хватило бы на неделю. Любая встреча со шмальцовником обойдется в 2000…

Откинувшись на спинку стула, Ванда уронила голову на грудь. Ирена испугалась, что она вот-вот заснет.

– Ты сказала, что для меня есть какое-то послание.

Девушка вздрогнула и очнулась.

– Да. От Жеготы. Я должна вас отвести на встречу с писательницей Зофьей Коссак[92], – глаза девушки потеплели, – я все ее романы читала!

– С Зофьей Коссак?

Ирена тоже прочитала несколько работ Коссак… но это была

не беллетристика. Пару месяцев назад Стефан принес Ирене замусоленный множеством рук ПРОТЕСТ, вышедший из-под пера Зофьи Коссак. До войны она была весьма сложным и спорным литератором… писала талантливые исторические романы, а также славилась своим антисемитизмом. Теперь она умоляла поляков прийти на помощь евреям. Самыми главными врагами истинного поляка и католика, писала она, являются лицемерие и подлость. Она во всех красках описала ликвидацию гетто, поезда, Треблинку, а завершила свое воззвание так:

> *Погибнут все. Богатые и нищие, старые и молодые, женщины, мужчины, подростки, дети… Их вина только в том, что они родились евреями и принадлежат к национальности, приговоренной Гитлером к уничтожению.*
>
> *Молчит Англия, молчит Америка, молчат даже влиятельные интернациональные еврейские круги, всегда так остро реагировавшие на любые выступления против своего народа. Молчит Польша. Погибающие евреи оказались в кольце из умывающих руки Пилатов.*
>
> *Молчаливый свидетель убийства становится сообщником убийцы, тот, кто не осуждает преступника, – его пособником.*
>
> *Бог велит нам протестовать. Тот самый Бог, который запретил нам убивать друг друга. Протестовать нам велит совесть. У любого человека есть право на любовь со стороны других людей. Наш святой долг – отомстить за кровь, пролитую убийцами. Тот, кто не присоединится к нашему протесту, не имеет права называться католиком.*

Появление ПРОТЕСТА вызвало у немецких оккупационных властей откровенную ярость, и они расклеили по улицам Варшавы напоминания об изданном еще год назад приказе:

ВНИМАНИЕ

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

за помощь евреям, покидающим районы

компактного проживания еврейского населения

без соответствующего разрешения!

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

всем, кто предоставит приют, еду или окажет любую другую помощь вышеуказанным евреям!

Через два дня Ирена, взволнованная перспективой знакомства с известной писательницей, отправилась с Вандой в дом 24 по Журавьей, что рядом с улицей Новы Свят. Ванда постучала в дверь условным стуком и прошептала пароль. Дверь открыла невысокая седоволосая женщина с глазами, добрее которых Ирена не видела за всю свою жизнь.

– Дорогая пани Сендлер, меня зовут Галина, – сказала она таким же добрым голосом. – Позвольте, я возьму ваше пальто. Мы с мужем Юлианом столько о вас слышали. Пожалуйста, проходите.

Ирена сразу узнала Зофью Коссак – она сидела за журнальным столиком. Еще в университете она однажды побывала на чтениях Зофьи и помнила ее лицо.

Стоящий за спиной Зофьи Коссак иссушенный голодом и болезнью мужчина протер стекла очков носовым платком, на котором виднелись пятна крови. Ирена угадала в нем туберкулезника.

Он улыбнулся и подал Ирене маленькую, костлявую руку.

– Я муж Галины – Юлиан Гробельный, Троян.

Его глаза, как и глаза его жены, лучились добротой и юмором.

– А это – Вероника, – сказал он, показав на Зофью Коссак. – Ее знают все, меня не знает никто. Но в нашем деле это только плюс.

– В миру мы пользуемся псевдонимами, но здесь можем быть сами собой.

Он познакомил Ирену с другой находящейся в комнате женщиной:

– Журналист Янина Раабе, или *Ева*.

Он жестом пригласил Ирену сесть.

– Я только сегодня узнал, что вы – дочь доктора Станислава Кржижановского. Великий человек! Я знал его по ППС. Поэтому я совершенно не удивлен видеть здесь его дочь. Сколько вам удалось вывести из гетто?

В Ирене зашевелилась привычная подозрительность:

– Больше 650.

– Откуда вы знаете?

– Я веду записи.

– Зачем?

– Чтобы они смогли когда-нибудь узнать свои настоящие имена. – Ирене не очень нравилось находиться в центре внимания. – И чтобы знать, куда посылать деньги на содержание детей.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – сказал Гробельный. – Вы же знаете Зофью Коссак?

– Конечно, – Ирена отвесила в ее сторону почтительный полупоклон. – Зофью Коссак знают все. Вы славитесь свой смелостью.

От улыбки округлое лицо Зофьи стало еще круглее.

> – Моя дорогая пани Сендлер, я родилась без страха, а когда у человека нет страха, его нельзя назвать смелым.

Моя мама, Царство ей Небесное, говорила, что я отличаюсь полным отсутствием здравого смысла.

– Вы очень рискуете, – сказала Ирена.

– То же самое делаете вы… и другие. Беда нашего времени в том, что человек не может оставаться человеком, не рискуя собственной жизнью.

Ирене оставалось только гадать, сколько они знают.

Юлиан отвернулся, зашелся в судорожном кашле. Когда приступ закончился, он вытер губы окровавленным носовым платком и сказал:

– Пани Сендлер, я бы посоветовал вам не вступать с Зофьей в споры на темы смелости. Впрочем, и на другие темы тоже. Все равно проиграете.

– Юлиан – безнадежный романтик! – засмеялась Зофья. – Я даже не знаю, почему мы именно его выбрали нашим председателем.

– Потому что все остальные отказались, – он повернулся к Ирене. – Мы пригласили вас, пани Сендлер, потому что нам нужна ваша помощь, а вам, как мы думаем, нужна наша. Вы помните Яна Карского… в августе вы показывали ему гетто. Судя по всему, к его просьбам никто из союзников не прислушался. Поэтому наше правительство решило действовать самостоятельно, объединив силы подпольных организаций и гражданских лиц типа вас. В прошлом месяце мы создали тайный Совет Помощи Евреям, или Жеготу. Насколько мне известно, ничего подобного Жеготе нигде больше не существует. Это партнерский союз арийцев и евреев, благотворительных

организаций, центристских, правых и левых политических партий – коммунисты, правда, в него не вошли, – сионистов, молодежных групп, профессиональных, политических и так далее… то есть все группы, до войны даже враждующие, теперь объединились вокруг единой цели.

– А что значит *Жегота*? – спросила Ирена.

Зофья снова улыбнулась, и яркий свет голой лампочки заиграл на ее лице.

– Жегота? Ничего… и все сразу.

– Просто выдуманное слово, – сказал Юлиан. – Наша организация названа в честь вымышленного персонажа – Конрада Жеготы.

Зофья подалась вперед, чтобы посмотреть в глаза Юлиану:

– Юлиан, это не совсем так.

– Видите, что я имел в виду, пани Сендлер? Ее хлебом не корми, только дай с чем-то не согласиться.

– Помолчи, Юлиан. Буквально вчера один из моих университетских коллег, большой ценитель интересных слов, сказал мне, что древнее слово *zegot* означает «гореть». Я полагаю, мы стали этакими хранителями огня.

– Как обычно, – сказала Галина и пояснила Ирене: – Зофья и на цементном поле непременно найдет хоть один цветок.

– Я так понимаю, это был комплимент.

– Как бы то ни было, – продолжал Юлиан, – и Жегота, и ваша подпольная сеть, пани Сендлер, занимаются одним и тем же – пытаются спасти евреев. Я знаю, для вас, равно как и для нас, эта задача практически неподъемная. Спасти мы можем единицы, но это драгоценные единицы…

У него снова случился приступ кашля, и Галина принесла ему стакан воды. За Юлиана продолжила Зофья:

– Жегота – общенациональная организация, она работает в Кракове, Львове, Радоме, Кельце и Пиоткрове. Мы сотрудничаем с Армией Крайовой, нас поддерживает Делегатура и правительство в изгнании из Лондона, они посылают нам деньги… много денег.

– Перед нами стоят две важнейшие задачи, – сказал Юлиан, – и они ничем не отличаются от ваших: вывести как можно больше детей из гетто и прокормить тех, кого уже укрывают на арийской стороне. Успехи здесь у нас очень умеренные… Нам, пани Сендлер, сегодня нужны вы.

– И ваша подпольная сеть, – добавила Зофья. – Ведь вы достигли просто поразительных успехов.

Зофья наклонилась к Ирене и положила ей на плечо руку:

– Мы бы хотели, чтобы вы стали координатором деятельности

Детского отдела Жеготы.

Ирена подумала, что ослышалась. Как они могут доверить такое дело человеку, которого знают только по слухам? Та часть души Ирены, которая все время боялась провала, сопротивлялась. От Жеготы можно ждать неприятностей: чем больше народу, тем больше вероятных предателей.

– У вас есть готовая подпольная сеть, – сказала Зофья, – у нас есть деньги… на свои нужды вы сможете получать из Лондона больше 100 000 злотых в месяц. Слишком мало у нас времени. У меня есть связи в католической церкви и среди состоятельных землевладельцев. Мы поможем размещать детей на территориях, принадлежащих этим людям, и в монастырях. А у вас есть организация, медработники, проводники, сантехники, гробовщики… уж бог знает, кто еще… и вы знаете все входы и выходы из гетто.

Ирена почувствовала, что эти люди говорят ей правду. И ей были очень нужны деньги.

– Обдумайте наше предложение, – сказал Юлиан, – но не слишком долго.

Ирена решительно расправила плечи.

– Мне не нужно это обдумывать. Но я настаиваю на полной автономии. Делаться все должно по-моему. Я просто точно знаю, как надо действовать.

Она посмотрела сначала на Юлиана, а потом на Зофью. Не слишком ли резко? Не примут ли они ее за строптивицу, с которой лучше не иметь дела? Юлиан улыбнулся и снова промокнул губы платком.

– Прекрасно.

Он протянул Ирене свою костлявую руку, чтобы скрепить договоренность. Сидящие за столом заулыбались, и Ирена вдруг подумала, как редко в эти дни доводится чувствовать радость от успехов.

– Вам тоже потребуется псевдоним, – сказала Зофья. – Сами придумаете или мы?

– У меня он уже есть, – сказала Ирена. – *Иоланта*.

* * *

Несколько месяцев подряд боевая организация ЖОБ, в которой состоял Адам, совершала дерзкие убийства шантажистов, коллаборационистов и офицеров еврейской полиции. В морозное утро 18 января немцы нанесли ответный удар и провели облаву на «дикарей». В гетто вошли войска СС,

и к середине дня вверх по улице Заменгофа в сторону умшлагплатц потянулась колонна подгоняемых кнутами и дубинками евреев. Но этот марш смерти закончился не так, как другие. Боевики ЖОБ проникли в колонну обреченных, и когда она приблизилась к перекрестку Милой и Заменгофа, они выскочили из колонны, стреляя из пистолетов и бросая ручные гранаты. Началась паника, солдаты открыли беспорядочную стрельбу по разбегающейся толпе… Следующие четыре дня ЖОБ вела самую настоящую партизанскую войну, стремясь уничтожить как можно больше немцев. Впервые за все время оккупации немцы не бросились в погоню за евреями на чердаки и в подвалы, многие из которых превратились в хорошо укрепленные бункеры…

После четырех дней боев ворота гетто открылись, и Ирена смогла пройти на его территорию. Было очень холодно и совершенно безлюдно. Звуки шагов Ирены эхом разносились по пустым переулкам…

Дети поступали к Ирене через ЖОБ, ставшую по сути «временным правительством» гетто. Тысячи людей теперь просили вывести своих детей за стену, и подпольная сеть работала на пределе возможностей. Временные убежища были заполнены под завязку, и две Ирены сбились с ног, подыскивая новые. В деятельность по спасению детей включилась мать-настоятельница Матильда Геттер из францисканского ордена Сестер семьи Марии.

Проверки и обыски на блокпостах у ворот проводились столь тщательно, что тайно провезти через них детей было невозможно. Помощникам Ирены оставалось рассчитывать только на проломы в стене и канализацию. По всей Варшаве на стенах домов стали появляться символы сопротивления и Армии Крайовой, похожие на якорь значки из буквы «P», стоящей на средней части буквы «W», – первых букв слов *«Polska Walczy»* – Польша борется.

После январского восстания слова «перемещение населения»

продолжали служить поводом для ожесточенных споров внутри гетто. Немецкие плакаты и арийские владельцы фабрик и предприятий на территории гетто, особенно Теббенс и Шульц, убеждали рабочих согласиться на перемещение под Люблин, в трудовые лагеря в Понятове и Травниках, но листовки ЖОБ опровергали лживые обещания немцев:

Добровольная депортация – всего лишь способ тотального уничтожения гетто!

Однако часть рабочих согласилась, и 16 февраля начался вывод из гетто промышленных предприятий и принудительное перемещение несогласных. ЖОБ в ответ подожгла фабрики. Перестрелки в гетто стали обычным делом, и немцы входили в него только в боевых порядках и со всеми предосторожностями. Самыми опасными для них были бункеры «дикарей». Боевые группы ЖОБ получали через канализационную систему оружие и боеприпасы, сами конструировали автоматы и пулеметы, производили в тайных оружейных мастерских бутылки с зажигательной смесью, ручные гранаты и противопехотные мины.

* * *

Как-то раз на Журавьей, 24, Ирена встретила Зофью Коссак. Та посмотрела на нее с материнской озабоченностью.

– Ты, похоже, совсем измоталась, – сказала она. – Тебе нужно побольше спать.

Зофья была права, но даже в детстве Ирена спала меньше своих сверстников. В ней будто работал какой-то моторчик, который не давал ей спать и заставлял все время о чем-то думать, болтать ногами под стулом, барабанить пальцами по крышке стола, то и дело облизывать языком губы.

– Зофья, нам так много еще надо сделать. Так много детей…

– Не надо ничего объяснять, – сказала Зофья. – Это во мне говорит эгоизм. Ведь чем сильнее ты устаешь, тем больше вероятность какого-нибудь ляпа, который может стоить нам очень дорого. Поверь, я все понимаю. Делай свое дело, Ирена Сендлер. Я все понимаю, и очень нас всех жалею.

Ирена чувствовала себя так, будто Зофья заглянула ей в душу и увидела, как она бьется в тисках обезумевшего мира, но не

позволит себе опустить руки…

Зофья положила руку на плечо Ирены:

– И ты, и я, мы обе до конца жизни будем спасать кого-нибудь из гетто… пусть мы даже и не знаем, в чем это будет выражаться лет этак через двадцать или сорок.

Ирена вздохнула. Она снова вспомнила слова отца о том, что люди по сути своей – хорошие. Ей оставалось только верить, что, узнав о том, что тут происходит, хорошие люди всего мира положат этому конец. Но сказала она Зофье совсем другое:

– Наши временные убежища переполнены. Мне нужно найти приют для младенца и восьмилетнего ребенка. У тебя нет никого на примете?

Зофья посмотрела на Ирену, словно взвешивая все «за» и «против», а потом написала адрес:

– Попробуй обратиться к доктору Восу. Он из сочувствующих.

Ирена задремала в трамвае и проспала остановку. Пришлось возвращаться пешком. Доктор Вос жил в просторных апартаментах на втором этаже величественного здания, построенного еще до Великой или, как ее стали называть теперь, Первой войны. Дом 13 по улице Новы Свят не получил во время бомбардировок в сентябре 1939 года ни царапины, тогда как от соседнего здания осталась только выгоревшая коробка. Ирена постучала, и из-за двери послышался мужской голос:

– Кто там?

– Доктор Вос? Мне нужно обсудить с вами один очень важный вопрос.

– Кто вы такая?

– Меня зовут Иоланта, – Ирена наклонилась к двери и добавила, стараясь говорить тише: – Я из Жеготы.

Дверь открылась, и мужчина буквально втащил ее внутрь:

– Не надо так об этом кричать, барышня!

– Мне вас порекомендовали Зофья Коссак и Юлиан Гробельный. Я так поняла, вы сочувствуете евреям…

Он окинул ее оценивающим взглядом:

– Вы пришли уговаривать меня кого-нибудь у себя спрятать, да?

– Двух детей… это сестры… одна совсем младенец, другой восемь лет. Всего на несколько дней. Я вас очень прошу, доктор Вос. Зофья Коссак думает…

– Мне плевать, что думает Зофья Коссак, – прошептал он. – Мы с ней почти незнакомы… она совершенно ничего не понимает… Я не могу… Мы не можем. У нас своих детей двое. Если гестапо вдруг… В общем, уходите!

– Доктор Вос, Зофья сказала, что вы – человек честный

и смелый. Я знаю, что вы с супругой уже давали приют другим людям.

Если я не найду этим детям убежища сегодня, завтра они умрут.

Пани Вос, стоящая в дверях гостиной, сказала:

– Хенрик, у нас есть свободная спальня. К нам вполне могут приехать дети родственников из провинции.

Доктор Вос помолчал, переводя взгляд с жены на Ирену и обратно, а потом вздохнул:

– Приводите детей… – он вытер выступивший на лбу пот. – Иоланта, вы либо очень смелый, либо очень глупый человек… скорее всего и то и другое. Будьте осторожны. Рано или поздно они вас поймают. Я буду за вас молиться.

* * *

Состояние Янины за зиму сильно ухудшилось. Как-то утром она сказала:

– Ирена, я за тебя беспокоюсь. Ты в последнее время стала очень раздражительной. А еще среди соседей ходят слухи, что твое имя есть в гестаповских списках.

– Не читай мне нотаций, мама. Во время Первой войны ты сама занималась с детьми в подпольной школе. А папа единственный из врачей лечил нищих евреев. Яблоко от яблони…

– Что ж поделаешь, я же твоя мать. Ты уже много сделала. Неужели нет человека, который мог бы продолжать все это без тебя?

Да, мама права. Она *действительно* стала чаще срываться, нервничать и, что страшнее всего, терять веру в себя. Каждый раз, проходя через блокпост в гетто, она боялась, что этот раз – последний. Вечером она страдала от головных болей, хотя, конечно, она никому об этом не рассказывала. А еще она бесконечно устала… Стоило присесть, и она засыпала, от бесконечной ходьбы у нее к вечеру жутко болели ноги. В иной день ей казалось, что не вынесет больше ни минуты такой жизни.

– Я не хочу с тобой обо всем этом разговаривать, мама. – Ирена отодвинулась от кровати матери. – Я сегодня купила немного угля. Гупта опять поднял цены. Он просто какой-то кровопийца.

В глазах матери появились слезы, и Ирене пришлось отвести взгляд.

– Ты занята богоугодным делом, – сказала Янина, делая

паузы после каждой фразы, – точно так же, как и твой отец. Я очень рада, что вы с ним такие порядочные и отважные люди. Но я лишилась мужа. Ты лишилась отца. Я не выживу, если мне придется потерять еще и тебя.

Дожидаясь трамвая, Ирена изводила себя мыслями о том, что ставит жизнь детей совершенно незнакомых людей выше жизни собственной матери. Перед мамой она всегда оправдывалась тем, что так поступать «просто правильно». Но для себя она знала, что гонит ее в гетто сила гораздо более мощная и первобытная, сила, которой она не могла ни противостоять, ни дать какого-либо объяснения.

* * *

Январь 1943 – Изек Рознер → Александр Бороский – Хлодна, 89

Случались и убийственные неудачи. Ирена уговорила Рознеров позволить ей вывезти их детей – 8-летнюю Мириам и грудного Изека – в мертвецком фургоне. Но они не нашли в себе сил расстаться с обоими детьми в один день и упросили Ирену оставить дочку до следующего утра дома.

Пан Стаховяк каждый день собирал на улицах гетто тела умерших в предыдущую ночь людей. Только что выпал снег, и машина оставляла на улицах четкие следы колес. Он остановился у дома № 10 по Волынской и сказал, что ждать сможет не больше десяти минут.

Пан Рознер жестом подозвал к себе Мириам и прошептал что-то ей на ухо. Ирена не слышала его слов, но увидела, как побледнела Мириам и как округлились в испуге ее глаза. Она уткнулась лицом в грудь отцу. Она, как и все дети гетто, научилась плакать, не издавая ни звука. Ирена заметила на ее темных волосах точно такую же деревянную заколку с завитушками, какая была в детстве у нее.

Изек спал на груди у матери. Пани Рознер укачивала его, закрыв глаза и напевая колыбельную. Пан Рознер легонько коснулся ее плеча, как делают люди, приглашая даму на танец. Она поджала губы и горестно вздохнула. Стараясь не разбудить Изека, она отдала его мужу. Ирена достала из кармана «люминал» и пару раз капнула из пузырька в рот младенцу. Изек поморщился и скривил губы, но проглотил лекарство.

– Это просто снотворное, – сказала Ирена. – Оно ему никак не повредит.

Пани Рознер откинулась на спинку стула и закрыла лицо руками. Мириам молча смотрела в опустевшую колыбель брата. Через грязное окно Ирена увидела, что пан Стаховяк уже открыл задние двери фургона, завернул замерзший труп в брезентовое полотнище и, взяв его, как бревно, принялся загружать в кузов машины. Он бросил взгляд на окно квартиры Рознеров, а потом посмотрел на часы.

– Пора, пан Рознер, – сказала Ирена. – Другого шанса может и не быть. За Мириам я вернусь завтра.

Пани Рознер метнулась к мужу и выхватила Изека из его рук. Она прижимала к себе его безвольно обмякшее тельце и покрывала голову и лицо поцелуями. Пан Рознер нежно, но решительно отобрал у нее младенца и пошел вслед за Иреной вниз по лестнице.

> Ирена старалась держаться как можно ближе, по опыту зная, что именно в этот момент многие обезумевшие от горя отцы отказываются от принятого решения.

У двери подъезда пан Рознер в последний раз посмотрел на сына. Он тронул дрожащим пальцем щеку сына, провел по лбу, вокруг глаз, по другой щеке, по губам, которыми сразу же зачмокал малыш, и снова по нежной теплой щеке. Потом он протянул Изека Ирене и отвернулся, чтобы скрыть слезы.

У Ирены не было времени на сантименты. Пан Стаховяк увидел ее с ребенком на руках в дверях парадного и вылез из кабины фургона. Он посмотрел вверх и вниз по улице и кивнул в сторону машины. Ирена спрятала Изека под пальто и рванулась через уже превратившийся в слякоть снег к дверям фургона, где Стаховяк уже развернул брезентовый саван только что загруженного покойника. Ирена положила усыпленного люминалом Изека между ног трупа. Труп одеревенел от мороза, но в фургоне было тепло – достаточно тепло, чтобы ребенок не замерз за время путешествия через блокпост на улице Генся до находящегося на арийской стороне города еврейского кладбища.

Ирена вручила Пану Стаховяку 200 злотых на тот случай, если понадобится дать взятку, но страх немцев перед тифом был настолько силен, что мертвецкий фургон обыскивали очень редко. На еврейском кладбище их будет ждать Ирена Шульц с новыми документами Изека. Через потайную калитку она выйдет через соседнее христианское кладбище в город и сядет на трамвай.

Фургон двинулся в путь, и Ирена вернулась к пану Рознеру, который следил взглядом за удаляющимся грузовиком, роняя

слезы в свою бороду.

Ирена тронула его за руку.

– Завтра я приду за Мириам.

Она поспешила уйти, пока он не передумал.

* * *

На следующее утро Ирена вошла в гетто через ворота на Лешно. Украинский солдат дежурно нахамил ей, чтобы выслужиться перед офицером, и тщательно проверил ее документы. Она почувствовала, что сердце уходит в пятки, сразу же, как свернула на Волынскую. Мостовая улицы была усеяна вещами… детский башмачок, носовой платок, трость, Тора, обломки выброшенной из домов мебели… и поняла, что здесь недавно завершилась немецкая *Aktion*.

Поднимаясь на третий этаж в квартиру 3Б, она слышала, как ее шаги разносятся эхом по пустым коридорам. Двери квартир были распахнуты настежь, на ее зов никто не откликнулся. Окна были разбиты, а посреди пустой комнаты так и осталась висеть колыбель Изека. Под ногами хрустели осколки стекла. Рядом с колыбелью Ирена нагнулась и подняла с пола заколку… ту самую, что видела вчера на голове Мириам.

Глава 21
Теплая ванна
Варшава, январь 1943 – октябрь 1943

После январского восстания в гетто отключили последние телефонные линии, и из средств связи остались только письма (ненадежно), курьеры (опасно) и устные сообщения (возможны неправильные интерпретации). В гетто начали строить подземные бункеры. Даже в районах легального проживания Ирене не раз приходилось беседовать с матерями, добывающими на черном рынке кирпичи, цементный раствор и мешки песка. Многие сушили сухари и запасались другими продуктами. Но оптимизма это людям не прибавляло.

Сеть Ирены работала на пределе, спасать детей изо дня в день становилось все опаснее. Ирена все чаще обращалась к бойцам ЖОБ за помощью в составлении маршрутов спасения. Ее же все чаще просили достать капсулы с цианидом.

* * *

Январь 1943

Эстера Штроссберг → Зофья Бодысь – Монастырь Сестер Семьи Марии, Плуды

Рахела Аптакер → Ядвига Шишко – Монастырь Сестер Семьи Марии, Плуды

Петр Цеттингер → Хенрик Жмуда – Монастырь Сестер Семьи Марии, Плуды

Изак Коперман → Витольд Гернер – Монастырь Сестер Семьи Марии, Плуды

В три часа ночи Ирену разбудил еле слышный стук. Она сразу открыла дверь, чтобы не успела проснуться мать или соседи. В квартиру хлынула удушливая вонь канализации. На пороге в огромном плаще стояла девочка-подросток с коротко стриженными темными волосами и посиневшими от мороза губами. Она тряслась от холода, из рваных рукавиц торчали кончики пальцев. За ее спиной еще четыре ребенка сгрудились в сплошную темную массу из лохмотьев, рук, ног и клубов пара.

– Меня… меня зовут Тереза, – сказала она дрожащим голосом. – А вы Иоланта, да? Мы отстали от других. Проводник… ну, тот, что вел нас через канализацию… он был пьяный. Кто-то

крикнул про газовую атаку, и мы побежали. Извините, что я вас беспокою… Но я больше никого не знаю…

Она не могла справиться с охватившей ее дрожью, а потом вдруг заплакала.

– Прекрати! – прошипела Ирена и затащила ее в квартиру.

Вслед за ней гуськом, словно чумазые птенцы, последовали и хнычущие дети.

Уже закрывая дверь, Ирена увидела, что через приоткрытую дверь за ними наблюдает пани Маржец. На мгновение они встретились взглядами, и соседка поспешно закрыла дверь. Пани Маржец жила одна, вела себя, как правило, вежливо и приветливо, но была фольксдойче[93], т. е. полькой с немецкими корнями, а многие этнические немцы охотно сотрудничали с оккупантами. Они с Иреной просто вежливо здоровались и никогда не разговаривали о политике. Если даже она до сих пор ни в чем не подозревала Ирену, то теперь у нее не будет никаких сомнений в том, что Ирена «держит дома кошек».

Всем в Польше было известно, что происходит с семьями, преданными информаторами, или *шмальцовниками*. По свидетельствам очевидцев, всю семью выводили на улицу и выстраивали в шеренгу. Сначала расстреливали отца семейства, потом на глазах у матери одного за другим убивали детей… сначала еврейских детей, которых скрывали эти люди, а потом и их собственных. Мать расстреливали последней. Тела казненных оставляли на улице в назидание другим, и только утром их забирал мертвецкий фургон.

– Быстро в ванную, все вместе! – прошептала Ирена. – Снимите всю одежду. До нитки!

Ирена подбросила в буржуйку угля, а потом, невзирая на ночной холод, распахнула все окна. Они с Терезой раздели детей, которые, лишившись своих вонючих лохмотьев, превратились в живые скелеты с белыми пятнами глаз на замурзанных лицах. Им было от четырех до семи лет, но худы они были до такой степени, что, даже встав вчетвером в ванну, не заняли ее полностью. Тереза передала Ирене список, в котором были указаны имена и возраст детей. Особенно выделялся среди них самый маленький 4-летний мальчик. Ирена приказала им сесть, наполнила ванну теплой водой и стала отмывать…

– Тебя зовут Петр? – спросила она самого маленького.

Он посмотрел на нее впалыми от голода глазами:

– Да. Петр Цеттингер.

– Я знаю твоего папу.

Она полила ему на голову теплой водой из ковшика. Мальчик закрыл глаза и улыбнулся, словно никогда доселе не чувствовал

такого абсолютного блаженства.

– Его отец – юрист, – сказала Ирена Терезе. – До войны мы работали в отделе социальной защиты.

Внезапно дверь ванной распахнулась, впустив холодный воздух из комнаты. На пороге стояла мать Ирены. Она держалась за дверной косяк, щурилась, чтобы глаза привыкли к яркому свету, и морщилась, чувствуя неприятный запах.

– Ирена, в чем дело?

Ирена продолжила намыливать спину ребенка.

– Евреи из канализационных тоннелей, мама. Не беспокойся. Когда придет Пани Ворчиская, их здесь уже не будет.

Пани Ворчиская – вдова расстрелянного эсэсовцами инженера – ухаживала за Яниной. Конечно, строить догадки было очень сложно, но Ирене казалось, что ей можно доверять.

За три с половиной года оккупации Ирена ни разу не рисковала жизнью матери и не приводила домой спасенных из гетто. Она не сомневалась, что мать догадывается о ее связях с подпольем, но Янина никогда ни о чем не расспрашивала. Всем было ясно, что на случай гестаповских допросов подробностей о нелегальной деятельности лучше никому не знать. Особенно самым близким…

Ирена повернулась к матери:

– Мама, не стой просто так. Принеси еще мыла!

Потом обратилась с девушке:

– Тереза, куда нужно отвести этих детей?

– Через Вислу… к сестре Геттер… в монастырь Сестер семьи Марии в Плуды.

Янина вернулась с маленьким кусочком мыла, которого явно не хватит, чтобы вымыть детей и Терезу, а потом еще и выстирать их одежду.

– Давай-ка я помогу, – сказала Янина и, опустившись на колени, начала намыливать спину Петру.

– Прости меня, мама. Все это произошло случайно.

– Нужно где-то достать еще мыла, – ответила Янина.

Надо было идти к пани Маржец… Столько лет все шло как по маслу, и вот какая глупость!.. Ирена тихонько постучала в дверь, и соседка тут же открыла, будто ждала. На лице ее читался испуг.

– У вас не найдется мыла, пани Маржец? Мне что-то не спалось, я затеяла стирку, а мыло вдруг кончилось.

Лучше уж дать хоть такое дурацкое объяснение, чем никакого вообще.

– Да, конечно, – ответила соседка, бросив на Ирену косой взгляд.

Она вручила Ирене мыло и заперла дверь. Ирена несколько

мгновений постояла в коридоре… Может быть, соседка уже набирает номер гестапо и с минуты на минуту в дверь ее квартиры вломятся эсэсовцы. На всякий случай Ирена положила текущие списки и несколько поддельных *Kennkarte* поближе к печке, чтобы их можно было уничтожить в считаные секунды.

Ирена посчитала, что, успев почти полностью вытравить из одежды канализационную вонь и уже к семи утра отправить Терезу с четырьмя детьми, 1200 злотыми и прилично подделанными *Kennkarte* в дальнейший путь, они с матерью совершили настоящее чудо. Но, работая весь тот день в гетто, она не могла избавиться от страха, что найдет у подъезда дома черный немецкий седан, а потом будет обыск и допросы на Шуха, 25…

Поднимаясь по лестнице на свой этаж, она чувствовала, как у нее дрожат ноги… Так, дверь квартиры на месте… Кажется, пронесло… Когда она открыла своим ключом дверь, ее встретила мать, странно улыбаясь.

– Сегодня я столкнулась на лестнице с пани Маржец. Она сказала, что очень удивилась, когда ты в три ночи разбудила ее, чтобы занять мыла. Я сказала, что у тебя муж в тюрьме и ты по нем очень тужишь. Особенно по ночам. И вот ты стираешь, чтоб забыться.

* * *

Теперь, шагая по улицам Варшавы, Ирена все время представляла себе схему подземных коммуникаций, паутину вонючих рек, превратившихся в дорогу жизни. Магистраль А под Товаровой и Окоповой улицами. Магистраль Б под Маршалковской и магистраль В под улицей Новы Свят. Эти три главные артерии сходились под Гданьским вокзалом. Чаще всего использовался люк «К-74» на пересечении Простой и Вроньей улиц.

Дети часто выходили из гетто группами по пять-десять человек в сопровождении одного-двух связных. Ее связные, в основном еврейские девушки, все чаще натыкались в основных канализационных магистралях на плавающие в вонючей жиже трупы. Приходилось пробираться через второстепенные каналы, диаметр которых не достигал и метра. Нередко приходилось ставить над люком, через который дети должны были выйти, грузовик… Все эти маневры требовали точной координации по времени.

Еврейский Песах[94] 18 апреля 1943 года совпал с Вербным

воскресеньем[95]. Выходя из гетто через блокпост на улице Налевки, Ирена заметила скопление немецких жандармов, польских «синих мундиров», литовских и украинских солдат. А ночью в гетто началась перестрелка, загремели взрывы… Утром на площади перед воротами стояла гаубица, методично – снаряд за снарядом – посылая в гетто смерть. Вокруг собралась толпа зевак. Ирена слышала обрывки разговоров.

– Жиды и трех дней не продержатся.

– А я их даже зауважал. Кто бы мог подумать, что евреи возьмутся за оружие?

– Сегодня они взялись за евреев, завтра примутся за нас.

Ворота распахнулись, и из гетто начали выбегать штурмовики СС, вынося своих раненых и убитых.

Ирене стало не по себе. В обывателях было что-то невыносимо, омерзительно бесчеловечное. Она отошла в сторону…

Бой разгорался, в гетто потянулись танки и бронетранспортеры. С самолетов полетели зажигательные бомбы. Первый рассказ очевидца – выбравшейся из гетто через канализацию девочки лет пятнадцати – Ирена услышала только спустя три дня. Она рассказала Ирене об ожесточенных боях между боевиками ЖОБ и штурмовыми подразделениями СС[96]. Люди ушли под землю, в обширную систему укрепленных бункеров, построенных в ожидании неминуемой финальной немецкой *Aktion*.

Евреи оказались для немцев очень непростым противником. Совершая вылазки, они немедленно уходили в запутанные лабиринты недавно построенных подземных городов. Через неделю после начала восстания немцы начали выжигать в гетто кварталы. По ночам над гетто висело кроваво-красное зарево. Ирена продолжала помогать тем, кому удавалось выбраться из зоны боевых действий, и поддерживать остающихся в убежищах.

В Пасхальное воскресенье над гетто все еще висели тучи черного дыма… Однако, подходя к нему, Ирена услышала… звуки музыки. На площади красовалась карусель и гигантские качели. Рядом со стеной гетто под вальс из *Веселой вдовы*[97] на карусельных лошадках катались визжащие от восторга дети и влюбленные парочки. Качели-лодочки уносили детей высоко в небо, и они, оказываясь на самой верхней точке, могли на какое-то мгновение заглянуть на территорию гетто. Карусель была окружена наспех сколоченными ярмарочными павильонами. В одном торговали сосисками с жареным луком, из другого доносился цирковой марш, в тире хлопали пневматические ружья… а из-за стены слышались очереди, выстрелы танковых

пушек и полицейские свистки.

Крутилась карусель, летали качели, а празднично одетые люди поздравляли друг друга с Воскресением Христовым.

Приказ: Варшава – 26 апреля 1943 года

> Во исполнение приказа главы полиции Варшавы, польские граждане, сознательно оказавшие любую помощь евреям, совершившим побег из еврейского района города, будут расстреляны без суда и следствия. Польские граждане, уличенные в сокрытии любой информации о евреях, находящихся за пределами еврейского района города, будут отправлены в концентрационные лагеря.

Все понимали, что восстание может закончиться только полным уничтожением гетто, а поэтому, даже несмотря на строгость последнего приказа, все меры предосторожности были отброшены в сторону. По всему городу из канализационных люков стали внезапно выскакивать дети. Немцы начали пускать в уже и без того забитые гниющими трупами канализационные тоннели ядовитые газы, но дети продолжали выбираться из гетто, а поляки – их укрывать. Все временные убежища на Лекарской были забиты под завязку.

Деньги для Жеготы падали с неба – пачками купюр обвязывались парашютисты-курьеры, засылавшиеся из Лондона Польским правительством в изгнании. Средства поступали и от американских евреев через Объединенный распределительный комитет. Но даже располагая миллионами злотых, Ирена еле успевала размещать спасенных детей. На содержание по крайней мере половины из 2000 уже размещенных детей требовалось полмиллиона злотых ежемесячно. Когда *шмальцовникам* удавалось «спалить» временное убежище, найти другое было нужно в тот же день. Иногда дети уходили в леса. Но там было опаснее всего: дети становились живыми мишенями не только для немцев, но и для антисемитски настроенных партизан. Теперь Ирене было нужно вдвое больше связных, вдвое больше временных убежищ и вдвое больше семей, готовых оставить у себя спасенных детей надолго или навсегда.

* * *

27 февраля 1943 – Натан Гросс → Александр Ракоч – Паланта, 5

27 февраля 1943 – Давид Гросс → Йозеф Ракоч – Паланта, 5

Во вторник после Пасхи Ирена занесла деньги на содержание некогда Натана и Давида Гроссов, а теперь Александра и Йозефа Ракочей их приемным родителям на Паланта, 5. Она уже собралась уходить, когда в кухню с корзинкой пасхальных яиц в руках вбежал старший из братьев Натан.

– Иоланта! – сказал он. – Хочешь посмотреть на наши пасхальные яйца? Вчера мы с Давидом… – начал было он, но потом осекся и стыдливо опустил голову, – я хочу сказать, с Йозефом. Мы пошли в церковь освятить яйца. Мне показалось, что все на нас как-то странно смотрят, и я послал Йозефа вперед, посмотреть, что нам надо делать и как себя вести. Йозеф вернулся и сказал, что ничего там сложного нету. Священник просто освятил яйца, и все. Мама… она хочет, чтобы мы ее звали мамой… сказала, что нам очень важно было все это сделать.

Ирена полюбовалась пасхальными яйцами и сказала:

– Ты очень храбрый мальчик.

– А ты видела маму с папой? А мы скоро поедем обратно домой?

Из окна квартиры была видна туча дыма над горящим гетто, а запах гари чувствовался даже в комнатах.

– Я не знаю, – сказала Ирена. – Это как ждать, пока из яиц вылупятся цыплята. Надо просто верить, что это когда-нибудь случится.

– Но из этих яиц никто никогда не вылупится… даже если вернется мама-курица и будет их высиживать. Они вареные.

* * *

Пятидневная *Aktion* по окончательной ликвидации гетто превратилась в трехнедельный «штурм бункеров». До восстания стена позволяла полякам притворяться, что они не знают о творящихся за ней ужасах. Но восстание встряхнуло поляков и пробудило национальную совесть.

За время восстания списки Ирены пополнились таким количеством имен, что им с Ягой снова пришлось выкапывать и закапывать банки раз в неделю. После одной такой операции, убрав карбидную лампу и лопату, Яга вытащила и укромного места и развернула на столе стопку грязных машинописных

листов.

– Я получила это от нашей связной из гетто. Это дневник ее друга, бойца ЖОБ. Я не знаю его имени, но послушай, что он пишет:

> *«Все мысли только о том, чтобы глотнуть свежего воздуха. Жара в бункере неимоверная. Воздух пропах плесенью. Воздуха просто нет. От недостатка кислорода сами собой гаснут свечи. Я сижу с широко раскрытым ртом. Слишком много здесь людей. Говорить невозможно. Все продукты испортились. Больше суток мы не ели ничего, кроме засохшего хлеба. Все запасы воды протухли».*

– Эти слова, эти документы, – задумчиво сказала Ирена, – напоминают мне свет погибших звезд. Мы его еще видим, а сами звезды давным-давно погасли.

* * *

Вечером последнего дня Восстания в гетто, в 20.15, варшавяне услышали грохот мощного взрыва. На следующий день, проходя мимо площади Толмацкой, Ирена увидела дымящиеся руины Большой варшавской синагоги, гигантского неоренессансного символа польского еврейства, выведенного за пределы гетто еще год назад. Развалины, словно разбитая чашка, накрыл большой купол…[98] Гетто перестало существовать. Столбы дыма все еще поднимались в небо, крася в черное низко висящие облака. Но теперь уже не было слышно ни взрывов бомб, ни стрельбы, ни сирен карет «Скорой помощи», ни прочих звуков жизни и смерти. Перестали появляться и дети, которых нужно было спасать. Казалось, кто-то просто перекрыл канализацию, повернув какой-то огромный кран, и в одночасье наглухо запечатал все проломы в стене. Ирена не могла найти себе места. Что же теперь делать? Миссия, ставшая смыслом ее жизни, внезапно оказалась завершенной.

> Теперь, после уничтожения гетто, Ирена понимала, что на каждого спасенного ее организацией ребенка приходилось по 50–100 депортированных и погибших в лагерях, и смерть каждого из этих безымянных детей до конца жизни будет лежать на ее сердце тяжелым камнем.

Она чувствовала себя бегуном, рухнувшим на землю сразу за линией финиша.

Ирена вернулась в свою контору и долго сидела за столом, уставившись на бумаги и папки. Да, еще много нужно было сделать для тех, кто уже находился в убежищах, надо было заботиться о маме, но спасать было уже некого, и она поняла, что именно возможность спасать людей делала хоть насколько-то осмысленным окружающий ее мир хаоса и жестокости.

– Неужели тебе не было страшно? – спрашивали ее люди.

Она отвечала очень просто:

– Да, мне было страшно, но ярость моя была сильнее страха.

Но гораздо ближе к правде был другой, менее понятный ответ:

– Так мне велело сердце.

Через пять месяцев Ирену Сендлер арестуют и приговорят к смерти.

Глава 22
Павяк
Варшава, октябрь 1943 – январь 1944

Еще много дней после подавления восстания над трехметровой стеной гетто стелился черный дым. Главной задачей Ирены в следующие пять месяцев была финансовая и другая поддержка 2500 спасенных детей. В большинстве своем они находились в самой Варшаве и ее пригородах, но некоторых вывезли далеко, например в Турковице. Ирена навещала детей и разносила по домам фальшивые документы и тысячи злотых, зашивая их под подкладку пальто. В среднем прячущим евреям семьям выплачивали по 500 злотых в месяц; кто-то на этом неплохо зарабатывал, кто-то укрывал детей бескорыстно.

Вечером 20 октября, в день св. Ирены, Янина Грабовская принесла своей подруге подарок. Польские дети ждут своих именин с большим нетерпением, чем Рождества, Пасхи и даже дня рождения. Но пять лет оккупации и лишений превратили для Ирены день ангела в болезненное напоминание обо всем, чего лишилась она сама и ее родина.

Янина, стройная, темноволосая женщина, со стильной прической, раньше работала с Ireной, теперь ее квартира на улице Людвики служила одним из временных убежищ. В настоящий момент у нее скрывался маленький еврейский мальчик и два почти взрослых молодых человека. До войны Янина открыто осуждала нацизм и польских фашистов. Ирена помнила, как в день их знакомства Янина рассмешила всех присутствующих в конторе, приставив к верхней губе черную расческу и маршируя среди столов с выкриками фраз на ломаном немецком. Сегодня она принесла с собой банку с самогоном.

Из-за комендантского часа Янина осталась ночевать. Ирена вытащила раскладушку. Перед тем как лечь спать, Ирена положила на подоконник два написанных на папиросной бумаге списка.

– На всякий случай, – объяснила она Янине. – У меня прямо под окном мусорный бак.

Через два часа Ирена очнулась от глубокого сна, потому что кто-то громко забарабанил в дверь.

– Macht auf! (Открыть! – *нем.*)

Ирена вскочила, метнулась через комнату, ударившись ногой о раскладушку Янины, и схватила списки.

Она смяла бумажки так, чтобы они были похожи на простой мусор, резко распахнула окно и уже хотела выбросить их на улицу, когда увидела, что снизу, из двора, на нее смотрят два эсэсовца.

– Дай сюда, – прошипела у нее за спиной Янина и, выхватив из рук Ирены комок бумаги, засунула в лифчик. – Они пришли в твой дом, и ищут тебя, а не меня.

У Ирены заныло сердце. Она вела себя непростительно беспечно… у нее под кроватью была спрятана большая сумма денег для монастыря, поддельное свидетельство о рождении, две *Kennkarte* и свидетельство о крещении. Прятать их уже не было времени.

– Останься с мамой, – сказала она Янине. – Скажи ей, что все будет хорошо.

Ирена сделала глубокий вдох и поспешила открыть дверь, чтобы ее не выломали. В квартиру ввалились десять эсэсовских солдат.

– Пожалуйста, не трогайте маму, – с мольбой в голосе сказала она старшему по званию. – У нее больное сердце.

Солдаты вытряхнули ящики шкафов и комодов, сорвали со стен картины и зеркала, перевернули ковер. Когда обыск закончился, в квартиру вошел агент гестапо… рослый, крепкий мужчина в черном кожаном плаще, черных же перчатках и высокой фуражке. Ирена увидела, что в его стальных глазах нет ни капли сострадания. Он сделал круг по их двухкомнатной квартире, а потом жестом приказал матери Ирены подняться с кровати. Другим взмахом руки он подозвал к себе одного из эсэсовцев, и тот штыком своей винтовки вспорол матрас и проткнул подушки. Во все стороны полетели перья. Он показал матери Ирены, что можно вернуться в кровать, и наконец произнес:

– В ваших интересах сидеть спокойно. Я пришел не за вами.

В соседней комнате один из солдат взял Ирену и Янину на мушку, а остальные возобновили обыск. С пола маленькими смерчами поднимались потревоженные ногами солдат перья, эсэсовцы вскрыли паркет, вытряхнули ящики бюро, выбросили вещи из шкафов, распотрошили матрасы, проверили каркасы кроватей, сломав ножки у кровати Ирены. Они пока не нашли ни деньги, ни документы, но Ирена не сомневалась, что это всего лишь вопрос времени. И это будет верная смерть. Как ни удивительно, она не столько боялась за себя, сколько переживала за маму. Что для матери может быть страшнее гибели своего ребенка, особенно когда его казнят за доброту и порядочность,

превратившиеся в преступление!

– Одевайтесь! – приказал гестаповец.

Когда у кровати Ирены сломались ножки, солдаты не стали ее переворачивать, и поэтому не нашли денег и поддельных *Kennkarte*! Она вспомнила совет, который сотни раз слышала в детстве от дедушки Ксаверия: не показывай своего страха!

– Куда вы меня повезете? – спросила она.

– На Шуха, 25.

Ноющая боль в груди сменилась резкими уколами, словно в сердце втыкали острые булавки. Шуха, 25, – страшное место, где гестаповцы допрашивали, пытали и расстреливали. Оттуда редко кому удавалось вернуться.

Помня о спрятанных Яниной списках и накрытых сломанной кроватью безоговорочных доказательствах ее вины, Ирена не стала тянуть время – набросила на плечи пальто и позволила вывести себя из дома. Уже шагая к тюремному фургону, она услышала за спиной крики Янины:

– Ирена! Ирена! Возьми ботинки.

Агент гестапо разрешил Ирене переобуться. Надевая ботинки, Ирена смотрела на мать, которая стояла в своей белой ночной рубашке в дверях подъезда, держась рукой за дверной косяк, и чувствовала, как страх и ярость в ее душе уступают место неизбывной тоске.

Солдат грубо поднял Ирену на ноги и втолкнул в полицейский фургон. Ирена приникла к маленькому окошку, затянутому проволочной решеткой, и думала, что, может быть, видит их в последний раз в жизни. Теперь ее беспокоил единственный вопрос: сколько она продержится под пытками, пока не придет спасительная смерть?

> Ирена сунула замерзшие руки в карманы пальто и сделала повергшее ее в ужас открытие… один из списков каким-то образом отделился от остальных и остался в кармане!..

Один из охранников, мальчишка лет восемнадцати, задремал, второй смотрел на улицу в окошко и не обращал на Ирену внимания. Ирена повернулась к ним спиной и притворно расплакалась, прижавшись лбом к металлической рамке своего окошка. Папиросная бумага была такой тонкой, что Ирена с легкостью порвала ее в кармане на мельчайшие кусочки, а потом схватилась за решетку и позволила ветру унести их из ее руки. Когда улетел последний обрывок, она в изнеможении откинулась на спинку и почувствовала, как у нее раскалывается голова. На этот раз она плакала уже по-настоящему.

* * *

В штабе гестапо на Шуха, 25, ее отправили в *трамвай*, камеру предварительного заключения, в которой, кроме нее, в ожидании вызова на допрос уже находились несколько женщин и мужчин. Воняло рвотой и мочой. Разговоры между арестованными были строго запрещены. На стенах – нацарапанные надписи:

Я ничего им не сказал!
Мама, я люблю тебя. Зофья В.

Выкрикнули ее имя. На пороге камеры ее схватили за руки и втолкнули в мрачную комнату без окон, где стоял только темный деревянный стол со стулом и скамейка. Через мгновение в нее вошел высокий, подтянутый офицер средних лет в отутюженной эсэсовской форме. Он сел за стол, открыл папку с делом и начал читать, вроде бы не обращая внимания на стоящую перед ним Ирену.

– Пожалуйста, садитесь, – наконец сказал он на вполне приличном польском, в котором, однако, слышался немецкий акцент. – Ни вам, ни мне находиться здесь совсем не хочется, но в этом есть необходимость.

Он отлистал документы в папке к началу.

– Рано или поздно мы все равно все узнаем, – почти добрым голосом проговорил он, – так что просто расскажите мне все, что знаете о Жеготе, и вы свободны. Поверьте, так будет лучше… и для вас, и для вашей больной мамы.

Ирена начала рассказывать заранее подготовленную историю:

– Я простой социальный работник. Может, я и допускала какие-нибудь нарушения от излишнего желания помочь своим подопечным, но ни в какой вредительской деятельности я не участвовала. Я никогда в жизни…

– Пани Сендлер, прекратим этот маскарад, ладно? Жегота. Имена и адреса. Больше нам от вас ничего не нужно.

Он дал Ирене папку с несколькими подписанными доносами и признаниями, касающимися спасенных из гетто детей. Во всех документах ее имя было подчеркнуто черными чернилами. С первой же страницы Ирене стало ясно, кто ее предал. Одной из явок Ирены была прачечная на Брацкой улице. Владелицу прачечной арестовали по совершенно другому делу. Было ясно, что под пытками она назвала несколько имен, среди которых было и имя Ирены, и рассказала о некоей «тайной организации». И все же название Жегота нигде не фигурировало. К протоколу допроса была пришпилена справка с датой ее казни.

– Кто эти люди, пани Сендлер? Откуда поступают деньги?

Чтобы унять панику и дать себе время подумать, Ирена притворилась, что внимательно вчитывается в каждую страницу дела.

Никто, кроме них, с Ягой не знал, где спрятаны списки. Если эта тайна будет раскрыта, погибнут дети и приютившие их поляки. Что стоит ее жизнь в сравнении с жизнями нескольких тысяч? Ни в одном документе не говорилось, что она руководитель детского отдела Жеготы, и это давало надежду, что немец по сути не знает, кого допрашивает. Она заставила себя забыть о его вежливости и видеть в нем обычного *шмальцовника*, понимать, что у него нет улик и что он просто пытается принудить ее бояться собственного страха.

– Я расскажу вам все, что знаю… – Ирена постаралась притвориться беспечной, безнадежно глупой пустышкой. – Но я знаю не так-то много. Я просто обычный социальный работник, у меня больна мама, и на ее лечение у меня уходит вся жизнь. Откуда мне взять время на всякие безобразия?

– Мы знаем, что вы всего лишь посредник. Возможно, эти преступники просто использовали вас. Вам же будет лучше, если вы все нам сейчас же расскажете. Тогда вы сможете вернуться домой к маме. Вы ей очень нужны.

Он вручил ей лист бумаги с машинописным текстом.

– Посмотрите-ка этот список. Знаете кого-нибудь из этих людей?

Ирена читала бумагу, с ужасом понимая, сколько известно гестапо о Жеготе. Рядом с ее именем стояла пометка «заговорщик», но без подробностей. В списке был и Стефан, и другие члены подполья. Имена руководителей Жеготы Юлиана Гробельного и Зофьи Коссак стояли первыми.

– Если наша беседа закончится ничем, в Павяке вас будут допрашивать с большим пристрастием. И следующий дознаватель может оказаться не таким добрым, как я.

– Но я же не могу сказать вам ничего, кроме правды, – сказала она.

– Пани Сендлер, больше вам таких сговорчивых людей, как я, не встретится, – в последний раз предупредил он и добавил: – *Arpes moi, le deluge*[99].

По завершении допроса охранники повезли Ирену и еще десять арестантов в Павяк. Разговоры были запрещены. Одного мужчину в бессознательном состоянии бросили прямо на пол фургона, из его разбитой головы сочилась кровь, а лицо распухло от побоев так, что даже не открывались глаза. Когда они проехали через то место, где когда-то был блокпост на Лешно, уже

стемнело. Немцы уничтожили на территории гетто практически все, кроме расположенного в северном конце мрачного замка тюрьмы Павяк. Фургон подпрыгивал на кирпичах и мусоре, покрывавшем мостовую этого некогда главного бульвара гетто. Даже в темноте Ирена узнавала выжженные коробки домов, куда когда-то ходила к своим подопечным, театр «Фемина», больницу на углу Лешно и Желязной. Когда они подъехали к воротам Павяка, Ирена подумала, как странно возвращаться в гетто уже не спасительницей, а заключенной. Каждый день она изводила себя мыслями о том, как мало успела сделать, и теперь ей придется заплатить за это жизнью. Грузовик остановился у освещенных мощными прожекторами и укутанных колючей проволокой тюремных ворот, в островке яркого света среди мрачных развалин. Мужская тюрьма, длинное четырехэтажное кирпичное здание с черепичной крышей, примыкало к прачечной и казармам охраны. Мужской корпус от «Сербии» (так называли женскую тюрьму) отделял центральный двор, где часто расстреливали заключенных.

Ирене выдали серую арестантскую униформу с черными полосками. Завтра же она должна была выйти на работу в тюремной прачечной. Надзирательница провела ее через полутемный коридор в камеру номер 23 к семи другим женщинам. В тесном помещении размером 3 на 4 метра не было окон и стояли всего две кровати. Кажущиеся в почти полной темноте призрачными тенями женщины неохотно потеснились, чтобы освободить для Ирены немного места. На кровати ложились по очереди, по двое, «валетиком». Остальные четверо в это время сидели на полу. Перепуганная Ирена не спала уже почти двое суток. Она погрузилась в неспокойную дрему, но каждый час просыпалась под далекий звук церковного колокола и осознавала, что весь этот кошмар – не сон, а реальность.

Познакомилась она с сокамерницами только утром. Больше всего Иреной заинтересовалась самая старшая из семи арестанток, Бася, добрая и приветливая женщина в возрасте Ирениной матери. В следующий вечер они допоздна разговаривали, вспоминая довоенную жизнь.

– Я о вас слышала, – сказала Бася. – Вы спасали еврейских детей.

Первой реакцией Ирены на эти слова был страх. Ведь и Бася, и любая из остальных соседок по камере вполне может быть информатором. По сведениям Жеготы, такие подсадные были в каждой камере Павяка. На второй день Ирену отвели на допрос к плотному немцу в круглых очках с черной оправой. Этот по-польски не говорил и вел допросы через переводчика. Он ходил

в наполовину расстегнутом кителе, с трехдневной щетиной на лице, и дышал перегаром.

– Меня зовут герр Бах, как композитора… мне нравится думать, что мы с ним дальние родственники.

Он запер дверь, а потом наклонился и приблизил свое лицо вплотную к лицу Ирены:

– Ирена Сендлер, мне нужны имена, адреса, подпольные клички и явки. Если вы поможете мне, я помогу вам. В ином случае…

Он показал ей черную кожаную плеть.

– Обычно я женщин не бью, но от вашего признания зависит моя собственная жизнь. Если я не смогу вытащить из вас эту информацию, меня отправят на Восточный фронт. Короче, либо ваша жизнь, либо моя.

Ирена упрямо повторяла свою легенду о том, что она обычный работник службы соцзащиты, что у нее дома лежит больная мать… что она никто, пешка. Во время этого первого допроса он ее не бил, но пообещал, что сделает это на следующий раз.

Вторую ночь в Павяке Ирена опять не спала от страха и голода. Бася присела рядом с ней, и они начали вспоминать свои любимые блюда.

– Удивительно, как человек ко всему привыкает, – сказала Бася с печальной улыбкой. – Даже к тому, что все внутри болит от голода.

Двадцать лет она работала воспитательницей в детском саду, но в последнее время была директором популярного у варшавян Иордановского ботанического сада. Именно там она каким-то образом нарушила закон и теперь вот уже несколько недель находилась в Павяке. Почти все заключенные Павяка действительно были преступниками, и преступлением их было либо сострадание, либо доброта, либо человечность.

У четырех сокамерниц Ирены были наголо обриты головы. Этой унизительной процедуре немцы подвергали проституток. В тот вечер в камере царило оживление… тщательно скрываемое, но тем не менее заметное. Хелене, одной из проституток, передали письмо от матери. По этому случаю женщины выкурили на всех две сигареты. Когда от второй сигареты почти ничего не осталось, в замке лязгнул ключ. В камеру ввалилась немка-надзирательница и потребовала сказать, кто пронес табак. Все молчали. Женщин вывели в коридор и выстроили у сырой каменной стены. Надзирательница ходила вдоль шеренги, пристально всматривалась в глаза, ища виновницу.

– Я могу приказать вас всех за это расстрелять, и никто вас

даже не вспомнит.

Она жестом приказала наголо обритым женщинам выйти из строя, а потом ударила каждую из проституток по лицу.

– Вы же просто животные. Убирайтесь обратно в камеру!

Когда надзирательница скрылась в дальнем конце коридора, одна из проституток сказала:

– Фрау Вельзевул[100]. Польские охранники ведут себя добрее. Они даже приносят нам записки с воли.

Бася поинтересовалась, любит ли Ирена петь.

– Не знаю, – сказала Ирена, – я после школы, наверно, ни разу и не пробовала.

– Может, вступишь в наш маленький хор? Ночами мы пытаемся петь…

У Баси был приятный голос. Женщины на три голоса спели Ирене с детства знакомую польскую колыбельную, и она вдруг почувствовала, что в ней снова зашевелилась надежда и вера… Они часто говорили о довоенной жизни, о еде… с чего бы ни начиналась беседа, заканчивалась она непременно рецептами блюд и рассказами о праздничных трапезах. У двух женщин были дети, по которым они очень скучали. Еще они говорили о мужьях, и Ирена упомянула, что ее Митек тоже в тюрьме, но не сказала о том, что они фактически разошлись и что в ее жизни есть Стефан. Но она все время пыталась придумать способ отправить весточку Стефану.

> На ежедневные допросы к Баху Ирену забирали прямо из прачечной, где она по 12 часов в сутки драила проволочной щеткой нижнее белье немецких солдат.

Дважды в день женщин строили в колонну и вели в «туалет», комнату с четырьмя дырками в цементном полу, где они за несколько минут должны были справить нужду. Все это время за ними наблюдали немки-надзирательницы, и это унижение для Ирены было гораздо неприятнее страшной вони.

В начале второй недели в Павяке Ирена проснулась от какого-то шума и топота сапог коменданта и охранников в коридоре.

– Не бойся, – прошептала Бася, – это не за тобой.

Комендант выкрикнул двенадцать имен, с лязгом открылись и захлопнулись двери камер. Ирена услышала женский крик:

– Нет! Нет! Пожалуйста!

Другая просто жалобно рыдала, пока ее тащили по коридору мимо их камеры.

Бася обняла Ирену за плечи:

– Расстрельная команда. Говорят, они все делают очень

быстро. Они приходят рано утром. После этого можно уже не бояться. Конечно, это ужас, а не жизнь, но так уж тут все устроено.

Позднее тем же утром Ирена уже была в кабинете герра Баха, ее руки и ноги были пристегнуты к стулу. Каждый день Бах задавал одни и те же вопросы. Поначалу он бил ее не очень сильно, в основном дубинкой по ногам, но потом взялся за плеть, с размаху стегал по ногам и бедрам, рассекая кожу. Через час он приказал развязать ремни, и Ирену отвели обратно в прачечную, где ей пришлось еще десять часов простоять на распухших, окровавленных ногах, к которым прилипали и присыхали штаны арестантской формы.

Предсказать, как пройдет допрос, было невозможно. Все зависело от настроения Баха. Каждый новый день он старался прицельно бить по рубцам и ранам, оставшимся на ногах Ирены с предыдущего допроса. Она пыталась держаться, представляя себе лица Стефана, отца, матери, Евы. Иногда она представляла себе Стефана, который, словно ангел мщения, врывается в камеру и расстреливает, бьет ножом или душит герра Баха. (Плеть обожгла ее бедра, и она услышала свой крик.) Она автоматически отвечала на его вопросы, а сама мысленно уносилась в Отвоцк и гуляла в воскресное утро по набережной Вислы, держась за руку отца. Она играла с котенком на дворе санатория, где работал отец. (Еще один удар плети по бедрам. Неужели это она издает такой страшный вой? Звук доносился, казалось, откуда-то издалека.) В девичестве у мамы была фамилия Гржибовская. Дедушку звали Ксаверий Кржижановский и жил он в Тарчине. Прадедушку тоже звали Ксаверием, он был героем восстания 1863 года. Его пытали русские. (Бах дышит перегаром прямо ей в лицо.)

– Мы знаем, что ты связана с Жеготой!

Она отвечает то же, что и раньше. (Плеть вспарывает кожу на ногах.) Папа был единственным в Отвоцке врачом, который лечил евреев. Он говорил, что все люди одинаковы независимо от языка и национальности. (Бах бьет дубинкой по ступням.) Люди бывают только хорошие и плохие. В большинстве своем – хорошие. В большинстве своем люди – хорошие. Люди – хорошие…

Каждый день перед допросом Ирена выбирала, за какое из детских воспоминаний будет цепляться во время пыток, и строго приказывала себе быть сильной…

Каждый день она выцарапывала на стене камеры палочку. Это был ее календарь, один среди множества оставшихся от тех, кто был здесь до нее. Судя по этим календарям, мало кому удавалось протянуть больше 30 дней. На 35-й день герр Бах избил ее

особенно жестоко. Он был пьян, с трудом передвигался по камере, сквернословил, еле ворочая языком, и самозабвенно орудовал плетью. Мама часто рассказывала Ирене, что в 2 года она чуть не умерла от коклюша, а в восемь – от абсцесса головного мозга, ставшего осложнением после гриппа-испанки. Неужели она выжила тогда, только чтобы умереть сегодня здесь? Ирена потеряла сознание и очнулась на цементном полу туалета в луже собственной запекшейся крови.

* * *

К середине второго месяца работы в прачечной боль в ногах стала просто невыносимой. Ирена была так слаба, что стоять без посторонней помощи она могла только опираясь на раковину или гладильную доску. Из носа каждый день шла кровь. С самого детства у нее была аллергия на чистящие средства и стиральные порошки. Она работала в составе большой бригады, занятой стиркой черного и серого белья заключенных и белого исподнего тюремных надзирателей. Трусы немцев часто бывали перемазаны фекалиями, и женщины шутили, что оккупанты живут в таком страхе, что гадят себе в штаны.

Некоторым заключенным еврейкам позволяли взять с собой в тюрьму детей, если дома некому было о них позаботиться. Дважды в день детей выпускали побегать во двор, что немало забавляло эсэсовцев. Однажды, оттирая проволочной щеткой дерьмо с очередной пары трусов, Ирена взглянула на гуляющего по двору маленького еврейского мальчика. Ему было года три-четыре, и он бегал, играя с двумя подобранными на земле палочками. Один из офицеров СС присел перед мальчиком на колено, протянул ему несколько конфет и жестом показал, что их можно взять. Мальчик взял по конфете в каждую руку и радостно улыбнулся. Охранник погладил ребенка по голове, и тот пошел на другой конец двора. Эсэсовец вытащил из кобуры свой «люгер», небрежно прицелился и нажал на спусковой крючок…

Иногда на нижнем белье гестаповцев протирались дырки. Как-то днем в прачечную ввалились четверо охранников и приказали всем 20 работающим там женщинам построиться в шеренгу на дворике, где расстреливали заключенных. Один из офицеров держал в руках трусы, больше похожие на расстрелянный из дробовика флаг. Высоко подняв их над головой, его помощник прошелся вдоль шеренги, выкрикнул десять имен и приказал названным сделать шаг назад. Ирену охватила дрожь, в груди молотом колотилось сердце. За ее

спиной прогремел выстрел… Потом еще девять выстрелов… Она слышала, как падали убитые. Сквозь мутную пелену слез Ирена видела, как мертвые тела, будто мешки с грязным исподним, оттащили в дальний угол двора. Когда они вернулись в прачечную, доктор Ханна Чуперская сказала:

– Девочки! Вы что, готовы сломаться? Это вполне нормальный день в Павяке. Все как обычно.

* * *

Доктор Чуперская была права. Ближе к Рождеству, спустя 70 суток заключения в Павяке, ужас повседневного существования стал для Ирены почти нормой… по крайней мере, постоянный страх был вполне предсказуем. Чудом можно было считать, что она так долго остается в живых. С другой стороны, она была практически уверена, что не выйдет из Павяка живой, и почти смирилась с этой мыслью. Все бывшее до тюрьмы отодвинулось куда-то на задворки сознания, чувства как-то притупились. Наверно, думала она, именно это и ощущаешь, исчезая из мира.

Прямо перед новым годом в камере Ирены делали дезинфекцию. Одна из санитарок – ее знакомая Ядвига Йедржейовская – дала Ирене указание сходить к стоматологу.

– Но у меня с зубами все нормально, – не поняла Ирена.

– Сходи к зубному!

Сверля совершенно здоровый зуб, стоматолог Ханя Сипович тихонько сказала Ирене на ухо:

– Я положу тебе за щеку записку… от Жеготы.

Вернувшись вечером в камеру, Ирена прочитала полученное письмо.

Не бойся. Мы делаем все возможное, чтобы тебя спасти. Жегота.

Для Ирены эта записка стала лучом света в кромешной тьме отчаяния. Впервые за 70 дней в ее душе затеплилась надежда. Она оторвала от записки кусочек со словом Жегота и проглотила его, а потом написала ответное сообщение, которое позднее отправила точно таким же образом, положив за щеку перед посещением зубоврачебного кабинета:

– Списки в безопасности!

Ирена знала, что из Павяка живыми не выходят… Почти невесомая надежда на спасение, принесенная этой запиской, не

могла перевесить сто пудов уверенности в том, что совсем скоро ее казнят.

Как-то вечером Бася вела себя очень неспокойно и сказала, что не сможет петь этой ночью.

– У меня душа болит за детей. Меня завтра расстреляют.

– Не глупи, – сказала ей Ирена, – откуда ты можешь знать?

– Я просто знаю. Чувствую.

На следующее утро гестаповский офицер остановился у двери их камеры:

– Бася Дитрих приговорена к смертной казни. Выйти из камеры!

Через полчаса Ирена услышала прогремевший в тюремном дворе ружейный залп. Вечером, по возвращении из прачечной, она заметила на своем лежащем на полу камеры сером матрасе маленькое цветное пятно. Это был прощальный подарок от Баси – маленькая иконка. Такие иконки носили с собой многие поляки. На обороте были написаны три слова: *Jezu ufam tobie* (Иисус, уповаю на Тебя. – *Пер. с польск.*). Ирена спрятала ее под одежду поближе к сердцу…

> Единственным поводом праздновать новый год был тот факт, что она смогла дожить до 1944-го. В тюрьму привезли новых заключенных, еще 12 расстреляли.

В прачечной польская надсмотрщица передала Ирене записку от Ирены Шульц:

> *«Дорогая Иоланта,*
>
> *Я приводила к твоей маме доктора. Дела у нее идут не очень хорошо. Дигиталиса больше не достать.*
>
> *Он предложил увеличить прием water pills*[101] *с четырех до пяти в день. Мама не хочет, чтобы я тебе об этом рассказывала… она очень за тебя волнуется и не хочет тебя расстраивать. Но я подумала, что тебе лучше об этом знать.*
>
> *Держись, мы тебя любим,*
>
> *Янка».*

Это письмо было единственным напоминанием о том, что ее по-прежнему зовут Ирена Сендлер, что у нее есть мать, Янина Кржижановская, медленно умирающая от болезни сердца…

У Ирены страшно болели ноги, и она просыпалась каждый раз, когда их касалась какая-нибудь из сокамерниц, ворочаясь во сне. С каждым новым днем Ирена все яснее понимала, что

избавлением для нее может быть только смерть, и беспокоилась только о том, что ее смерть приблизит кончину матери. Она часто рассматривала маленькую иконку и думала о Басе, о силе любви, которую она сохранила даже в Павяке, и эти мысли успокаивали ее и даже придавали смелости.

Во время допросов и пыток она снова и снова говорила себе:

– Я уже мертва. И ничего страшнее этого им со мной уже не сделать.

Утром 20 января, как и все предыдущие 100 дней, Ирена вышла на перекличку. В коридор вошел гауптштурмфюрер[102] и зачитал имена приговоренных.

– Ирена Сендлерова!

Каждое утро Ирена со страхом ждала этого момента, и вот он наступил – ей показалось, что она падает в глубокую пропасть. Когда ее выводили из строя, Ирена успела сунуть иконку в руку «новенькой» сокамерницы, молодой мамы, арестованной за контрабанду продуктов, и шепнула ей:

– Ради детей будь сильнее и наберись отваги…

Немецкие охранники с грубой руганью отвели два десятка обреченных до тюремного фургона, в который им помог забраться польский охранник.

– Осторожнее, – шепнул он Ирене, – не ударьтесь головой. Храни вас Бог.

У Ирены стало немного легче на душе, когда она почувствовала сострадание соотечественника.

Когда они приехали на Шуха, 25, Ирену вытолкнули из фургона прямо во входную дверь. От нестерпимой боли она еле волочила ноги. Она надеялась, что смерть будет быстрой и безболезненной. Женщины плакали, молились… Охранники выкрикивали имена и одну за другой уводили женщин в левую дверь.

– Ирена Сендлерова!

Часть третья
Канзас и Варшава, февраль 2000 – май 2008

Глава 23
Национальный День Истории
Канзас, февраль – май 2000

В конце февраля Лиз отправила в Еврейский Фонд Праведников письмо с просьбой сообщить, где похоронена Ирена. А на следующее утро она прочитала ответ от Дэвида Уайнстайна:

> *«Дорогая Элизабет,*
> *я был немного удивлен вашим вопросом относительно места упокоения Ирены Сендлер. В наших предыдущих сообщениях мы забыли сказать вам, что Ирена Сендлер жива. Ей сейчас 90 лет, она проживает в Варшаве. Ее адрес: площадь На Роздрожу[103], 3, квартира 22, 00-584, Варшава, Польша. Как Праведнику Мира, наш Фонд ежемесячно высылает ей финансовое пособие. Попробуйте с ней связаться сами».*

Не веря своим глазам, Лиз несколько раз перечитала сообщение… Она сидела у компьютера, боясь выдохнуть, словно письмо могло раствориться в воздухе от неверного движения. Очень тихо, почти про себя, она пробормотала:

– Мистер К…

Прозвучал звонок, и в аудиторию хлынули ученики – полетели рюкзаки, хохот, болтовня, топот…

Лиз, не отводя взгляда от экрана, сказала еще раз, немного повысив голос:

– Мистер К.!

Она звала все громче и громче, пока не обнаружила, что кричит в голос, а окружающие, смолкнув, уставились на нее. Мистер К. присел рядом с ней и прочитал сообщение на экране.

– Чтоб меня!.. – пробормотал он. – Чтоб меня… Это же все в корне меняет.

Лиз бросилась из класса за Меган с Сабриной. Потом они втроем прибежали обратно в аудиторию 104, и Мистер К., прервав занятие, показал им на дверь видеостудии.

– Идите писать письмо! – сказал он.

Февраль 2000

> *Дорогая Ирена,*
> *мы – три школьницы из Канзаса: Сабрина, Меган*

и Лиз. Нам 17, 15 и 15 лет. Мы вместе написали короткую пьесу о Вашей жизни и Холокосте. Лиз в этой пьесе играет Вас. Мы с этим спектаклем участвуем в историческом конкурсе.

Мы увидели Ваше имя в журнале, и за последний год провели историческое исследование. Мы получили информацию о Вас из Еврейского Фонда Праведников и из израильского мемориала Яд Вашем.

История Вашей жизни вдохновляет нас и наших одноклассников. Мы восхищаемся Вашей смелостью. В нашей пьесе мы попытались показать события, происходившие в Варшавском гетто. Мы считаем Вас одной из величайших женщин XX столетия.

Мы хотим задать Вам несколько вопросов. Говорите ли Вы по-английски или по-немецки? Живы ли Ваши родные? Поддерживаете ли Вы связь с кем-нибудь из спасенных вами детей? Если да, то не могли бы Вы дать нам их адреса или телефоны, чтобы мы могли с ними связаться? Написаны ли про Вас какие-нибудь книги? Как Вы живете теперь?

Может, Вам нужно послать денег на почтовые расходы? Мы посылаем Вам наши фото: Меган (в синем свитере и очках), Сабрина (белая кофточка и очки) и Лиз (саксофон, темные очки).

Спасибо Вам. Вы стали для нас примером.

Сабрина Кунс, Меган Стюарт и Лиз Камберс.

P.S. Нашего учителя, который помогает нам работать над проектом, зовут мистер Норман Конард.

На всякий случай они вложили в конверт $3 на почтовые марки.

Девочки не знали, почему на их письма не ответил сын Ирены Адам. У него, как у его отца Стефана и бабушки Янины, было слабое сердце. 23 сентября 1999 года, в возрасте 49 лет, он скоропостижно скончался от сердечного приступа. Он умер в тот самый день, когда в канзасском Юниондауне Лиз нашла в папке журнальную вырезку, положив, таким образом, начало работе над Проектом *«Ирена Сендлер»*.

* * *

Девушки каждый день проверяли почту, ожидая отклика из Польши, но суеверно избегали любых разговоров об этом. Дни

шли за днями, минул месяц, а ответа все не было. Девочки старались отвлечь себя от ожидания подготовкой к запланированному на конец апреля выступлению на Канзасском Дне Истории, правили и переписывали пьесу, репетировали, возились с костюмами и декорациями.

В конце марта, через шесть недель после отправки письма Ирене, они собрались на очередную репетицию и рассматривали недавно найденное фото, сделанное в ноябре 1940-го, на котором была запечатлена длинная очередь евреев на входе в гетто. Меган положила на стол увеличительное стекло и, вздохнув, спросила:

– Как вы думаете, она нам ответит?

– Обязательно, – сказала Лиз. – Мне просто необходимо узнать, как ей удалось сбежать из Павяка.

Сабрина уныло опустила плечи:

– Она же совсем старенькая. Может, у нее просто нет сил или она уже плохо соображает.

– А может, просто не хочет, чтобы ей напоминали об этих жутких временах, – сказала Лиз.

Меган снова взяла в руку лупу и наклонилась над снимком:

– Я вот все думаю, знали ли эти люди, что скоро умрут? Мама говорит, что Ирена, наверно, больше думала не об этой жизни, а о том, что будет после нее.

Последнее слово, как это часто бывает, осталось за Сабриной.

– Она делала свое дело. Не обращая внимания на фашистов. С какой же стати она должна обратить внимание на наше письмо? – сказала она.

* * *

На улице лило как из ведра. Это был один из тех апрельских ливней, после которых воздух наполняется густым, но приятным запахом перегноя и прерии за одну ночь покрываются зеленью. Сабрина забежала в школьный офис посмотреть почту. Секретарша вручила ей толстый конверт. Увидев обратный адрес – Варшава, Польша, – Сабрина завопила «ура!» и полетела в аудиторию 104.

Она потрясла в воздухе конвертом:

– Лиз! Польша! Ирена Сендлер!

Лиз выхватила из руки Сабрины тяжелый конверт и, перевернув, посмотрела на обратный адрес – *Ирена Сендлерова*.

– Боже мой! От нее! Поверить не могу! От нее!

Бережно держа обеими руками конверт и не отрывая взгляда от обратного адреса, она метнулась к двери.

– Надо найти Меган!..

Вскоре все девочки собрались в аудитории 104. Щеки Меган горели, как у вручную расписанной фарфоровой куклы.

Они снова уединились в звуконепроницаемой видеостудии.

– Ну, открывай же, Лиз! – взмолилась Меган. – Чего ты ждешь?

Лиз взяла ножницы и бережно, словно хирург во время операции, вскрыла конверт и вытащила из него написанное от руки письмо, какие-то документы, фото и разложила на столе. Приглядевшись к письму, она сначала нахмурилась, а потом расхохоталась.

Меган схватила письмо и сказала:

– О нет!

Через мгновение ее тоже разобрал смех, и она передала письмо Сабрине.

– На польском, – сказала Сабрина. – Ну, то есть я хочу сказать, что похоже на польский. Куча букв «z» и почти без гласных!..

Лиз взялась рассматривать фотографии и по одной передавать из Меган.

– Это, должно быть, она, только очень давно… может, во время войны. А какая красавица! Ей здесь лет не больше, чем нам с вами. А вот, смотри, она в форме медсестры. Это, наверно, тоже она, только, я так думаю, через много лет, разговаривает с детьми. А вот она уже старенькая. Мамочки, какая печальная!..

– А чего там еще есть, Лиз? – спросила Меган.

– Какое-то свидетельство на… ну, не на английском.

Лиз подошла к стеклянной стене студии и замахала руками Мистеру К. Когда тот вошел в студию, она вручила ему бумаги.

– Тут написано на иврите, а тут на французском, – сказал он. – Это документ из Яд Вашема. На французском, если я правильно понимаю, написано что-то вроде «Память – это секрет искупления», а потом

> «Свидетельство Ирены Сендлер. Она рисковала своей жизнью ради спасения евреев во время Холокоста. В честь нее на Аллее Праведников 5 апреля 1983 года посажено дерево».

А следующая страничка тоже документ из Яд Вашема. Так… 19 октября 1965 года Ирене Сендлер присвоено звание Праведника Народов Мира. На медали девиз: «Спасающий одну жизнь, спасает всю Вселенную»[104]. А вот и на английском. Здесь говорится, что в 1985 году Ирена стала почетным гражданином Израиля «в знак уважения и признательности народа Израиля

к тем Праведникам Народа Мира, которые своими благородными деяниями не давали угаснуть огню гуманизма в темную эру нацизма в Европе».

Меган с озадаченным видом вертела в руках документы:

– Ничего себе, столько наград и почестей от Израиля, а от Польши?

– Странно, – сказала Лиз. – Прошло уже 60 лет, а в Польше имя Ирены Сендлер – это, ну, как большой секрет.

– Да я думаю, там ее все знают, – сказала Сабрина.

– Мне кажется, это называется как-то по-другому, – сказала Меган, – а не большой секрет.

Лиз перевернула последний документ:

– На польском. Похоже на расписку.

Мистер К. сказал им, что недавно познакомился с польской студенткой и рассказал ей об Ирене Сендлер. По ее словам, в университете Канзаса учится еще один поляк. Он полистал свой ежедневник.

– Вот они. Анна Красинская и Кшиштоф Жысковский… – Он бросил взгляд на часы. – А пока, девочки, давайте-ка в класс.

* * *

Спустя две недели они получили переводы…

Уважаемые Мистер Конард, Сабрина, Меган и Лиз!

Я был очень рад узнать об Ирене Сендлер – героине Польши.

Почему я о ней ничего не знал?

Кристоф

Кшиштоф Жысковский

Музей естествознания – отдел орнитологии

Университет Канзаса, Дайч-Холл, Лоренс, Канзас, 66045

ПИСЬМО:

Дорогие мои, любимые, близкие моему сердцу девочки!

Я была очень тронута вашим письмом. Больше всего мне интересно, что повлияло на выбор темы вашего проекта.

Мне хотелось бы также узнать, вы исключение или в вашей стране многие молодые люди интересуются трагедией Холокоста?

Я думаю, вы делаете большое дело, и о нем должно узнать как можно больше людей. Я с нетерпением жду возможности получить от вас вашу пьесу и прочитать ее.

Несмотря на то, что мировая история знает случаи жестокого притеснения евреев, ни одна другая страна не ставила себе задачей уничтожение целой нации.

По этой причине то, что вы делаете, имеет для всего мира огромное значение. Эти чудовищные злодеяния не должны повториться!

Мои родители учили меня, что, видя тонущего человека, ты обязан спасти его. Во время войны в роли тонущего оказался весь польский народ, трагичнее всего было положение евреев. Поэтому сердце велело мне помогать самым униженным.

Я не стала писать вам обо всем, что делала. Я посылаю вам несколько документов, описывающих мою деятельность.

Я говорила с несколькими людьми, которым удалось выжить во время Холокоста, потому что их спасла Жегота. Некоторые из них живут в Польше. Другие разъехались по всему миру. Как правило, они не хотят вспоминать об этих ужасах, даже думать о них… Что до меня, то достаточно будет сказать, что меня спасли из тюрьмы Павяк, когда я провела там 100 дней. Это было настоящее чудо.

Последние 10 лет я сильно болею. Мне 90 лет. Я почти не могу ходить. Многие из моих болезней стали результатом пережитого во время войны, заключения в гестапо. Я считаюсь ветераном войны.

Я живу с невесткой и внучкой, дочь живет неподалеку. К сожалению, остальные мои близкие уже ушли из жизни.

Присланные вами на почтовые расходы $3 я пожертвовала организации, помогающей детям из бедных семей (расписка прилагается). Вам не нужно присылать мне деньги, потому что я получаю пособие. У меня всегда найдутся деньги на общение с друзьями.

Посылаю вам свои наилучшие пожелания, самые сердечные приветы вашим родителям и глубочайшую благодарность профессору Норману Конарду за поддержку и помощь, которую он оказывает вам в ваших начинаниях.

Искренне ваша,

Ирена Сендлерова

ПРИЛОЖЕНИЯ

ФОТОГРАФИИ

Фотография 1: Госпиталь Варшавского восстания. «Дочь полка» Иренка, сестра писателя Богдана Войдовского.

Фотография 2: Ирена Сендлерова выступает перед школьниками в Израиле.

Фотография 3: Я с Вандой Роттенберг, представительницей партии Поалей Цион.

Фотография 4: Ирена Сендлерова в августе 1999 г.

ДОКУМЕНТЫ

Диплом Праведника Народов Мира.

Свидетельство о посадке памятного дерева на Аллее Праведников.

Почетная грамота Ирене Сендлеровой от жителей Монтвилля, штат Нью-Джерси.

Свидетельство о присвоении звания Почетного Гражданина Израиля.

Расписка в получении $3 от Комитета Друзей Детей, которой подтверждается факт передачи пани Иреной Сендлер нашему учреждению денег в сумме $3 (три доллара США) на благотворительные цели.

С уважением, Ян Лековский, Президент Комитета.

– Странно, – сказала Меган. – Она первым делом спрашивает, интересуются ли другие молодые люди в Америке тем, что происходило во время Холокоста? Я хочу сказать, есть же тысячи книг, сайтов в Интернете, спектаклей, фильмов. Может, в Польше все совсем не так?

Меган положила рядом две фотографии. На одной из них была молодая, темноволосая красавица Ирена с целеустремленным взглядом в форме сестры милосердия, в которой она ездила в гетто, а на другой – седая старушка с черной ленточкой на голове. Меган переводила взгляд с одной карточки на другую. Удивительно: один и тот же человек! Как

воспринимает жизнь каждая из этих двух Ирен? Какой была жизнь в промежутке между этими фото?

Сабрина нахмурилась:

– Кто мы такие, чтобы указывать людям в Польше, как относиться к своей истории?

– Этот вопрос встает перед каждым историком, – сказал Мистер К. – Кто должен писать историю? О чьей жизни рассказать или, что не менее важно, о чьей умолчать? Какие воспоминания потревожить, а какие лучше не трогать? Что из прошлого спасти для потомков, а что потерять навсегда? История – это не только факты, это еще и их интерпретации… история пишется теми, кто о ней рассказывает. Вот, например, вы, девочки, сейчас пишете историю… вы рассказываете историю жизни Ирены, когда о ней молчат все, даже сама Ирена. Это очень интересная проблема.

– Она же спасала детей, – сказала Меган. – Весь польский народ должен ею гордиться. Почему же они не хотят помнить о тех, кто спасал детей?

Мистер К. подался вперед и наклонился к девушкам:

– Не забывайте, после войны Польша целых 45 лет была коммунистической державой… польские антифашисты, какой была, например, Ирена, в большинстве своем были еще и антикоммунистами. Те, у кого достает смелости бороться с одним тоталитарным режимом, обязательно будут бороться и с любым другим. Может, за 45 лет былое просто выветрилось из народной памяти. Сабрина задала очень важный вопрос. Вправе ли мы напоминать им обо всем этом? Лиз, а ты что думаешь по этому поводу?

– Ну, это, реально, просто нормальное человеческое поведение. Когда происходит что-то нехорошее, потом об этом не хочется ни думать, ни вспоминать. Я это понимаю.

– Я могу понять, – сказала Меган, – как странно будет видеть, что это делаем мы… какие-то американские девчонки. Но почему сама Ирена не рассказала свою историю? Или ее родственники? Думаете, из скромности… как святая или что-то типа того?

– Может, она и хотела, – сказал Мистер К., – но при коммунистах лучше было этого не делать. Или, может, поляки просто не могли услышать эту историю непосредственно от нее. В письме она говорит, что сделанное вами имеет для мира огромное значение. Мне кажется, ей хочется, чтобы вы продолжали рассказывать людям о том, что было во время войны.

Меган взяла со стола расписку за три доллара, пожертвованных Иреной детскому дому:

– Прошло столько лет, она столько всего пережила и до сих пор думает, как бы помочь детям. Я хочу рассказать о ней всему

миру.

* * *

Дебра Стюарт после химиотерапии пошла на поправку, и жизнь Стюартов приблизилась к тому, что Меган называла «дораковой эпохой».

Теперь, когда девушки узнали, что Ирена жива… когда «услышали» ее голос… Лиз на репетициях стала чувствовать в себе какую-то непонятную ей самой то ли неловкость, то ли стеснительность. Как-то она призналась Меган, как глупо чувствует себя на сцене, притворяясь Иреной, женщиной, которая еще жива и вполне могла бы сама поведать о себе миру…

В первую субботу мая они загрузили декорации и костюмы в школьный фургон. Меган с Лиз поспорили, как грузить железные ворота с табличкой «ВАРШАВСКОЕ ГЕТТО», потом Лиз уронила задник сцены и прорвала в нем дырку… Дорога до Эйзенхауэровского Центра в Абилине, где проводился Канзасский День Истории, была долгой и полной тревог.

– А если мы проиграем? – спросила Лиз, забравшаяся на самое заднее сиденье.

Меган, уже не раз думавшая о возможности такого исхода, сказала:

– Мы уже победили. Что бы ни случилось, мы уже нашли и рассказали людям историю Ирены Сендлер. Я уж не знаю, что мы будем делать с ней дальше, но опять на 60 лет ее точно не забудут.

* * *

В Эйзенхауэровском Центре царила суматоха. Один за другим шли коротенькие конкурсные спектакли, а в зале стоял приглушенный, но постоянный шум, создаваемый приходящими и уходящими представителями других команд, гримирующимися и переодевающимися актерами. Меган загримировалась под умирающую в гетто еврейку с грязным и изможденным лицом, а Лиз возилась с формой и шапочкой сестры милосердия. В комнату заглянул отец ученицы какой-то другой школы и сказал:

– Это вы, девочки, играете пьесу про спасительницу детей? Я слышал, это потрясающе. Удачи вам!

В этот момент на сцену вызвали участниц Проекта *«Ирена*

Сендлер». Девушки отыграли идеально пьесу и вышли на поклон под бурные аплодисменты.

На спектакль впервые пришел отец Сабрины. Он появился с большим пластиковым пакетом и занял место в ряду прямо за спинами девушек.

Они взяли первое место. Когда они под овацию вышли на сцену за медалями, отец Сабрины открыл пакет и положил по букету роз на сиденья девочек. Вернувшись на свое место, Сабрина взяла в руки букет и, повернувшись к отцу, увидела, что он, как и все в зале, бешено аплодирует, не скрывая слез.

* * *

Всю долгую дорогу домой девочки сочиняли новое письмо Ирене, в котором хотели сообщить ей о своей победе. Кроме того, они хотели задать ей несколько вопросов, чтобы подкорректировать сценарий и исправить возможные ошибки к выступлению на Национальном конкурсе, до которого оставалось меньше шести недель. Теперь в пьесе уже упоминалось о том, что Ирене удалось выжить в тюрьме Павяк, но каким образом произошло это чудо, у девочек не было ни малейшего представления. Они составили список вопросов. Как она решилась забрать из гетто первого беспризорника, зная, что рискует собственной жизнью и жизнями своих близких? Как вывозила из гетто детей? Что потом стало с Жеготой? Что произошло со списками? Но больше всего девочкам хотелось узнать, почему в Польше никто не знает об Ирене Сендлер? Почему ее все забыли?

Уже на въезде в Юнионтаун Лиз спросила:

– Как, по-вашему, люди принимают такие серьезные решения? Ну, скажем, Ирена – спасать детей? Или родители – отдать ей своих детей?

Лиз не могла не задуматься о том, как это решение принимала ее мать.

> Ей хотелось бы верить, что уходить матери было трудно, но, зная, что она была наркоманкой и проституткой, Лиз все-таки была почти уверена, что она на эту тему не особо задумывалась.

Насколько помнила Лиз, мать просто разозлилась и ушла, хлопнув дверью. Даже не попрощавшись. А причина? Скорее всего она уже ничего не соображала и никакой причины ей было не нужно, и это для Лиз было больнее всего.

– Ирена была занята делом Божьим, – уверенно сказала Меган.

– Но я все равно хочу знать, как она на это решилась, – упрямо повторяла Лиз.

– Я читала, – сказала Сабрина, – что люди принимают такие решения за считаные мгновения… почти не задумываясь… ну, знаешь, импульсивно. Может, если б у них было время думать, они этого и не сделали бы.

– Она говорила, что ей так велит сердце, – сказала Меган. – Пастор сказал, что так с нами разговаривает Бог… через сердце.

Сабрина пожала плечами:

– Меня больше всего беспокоит другое… А я смогла бы сделать то же самое, окажись я на месте Ирены?

* * *

Через несколько недель пришел ответ от Ирены:

6 июня 2000

Дорогие мои, любимые всем сердцем девочки!

Спасибо вам за письмо и за присланную мне пьесу «Жизнь в банке», а также за второе письмо, в котором вы сообщили мне, что на конкурсе штата заняли первое место. От всего сердца поздравляю вас с победой! Когда вы прислали мне пьесу, я написала вам необычайно длинное письмо, но пока не смогла закончить его, потому что сильно заболела. Сейчас я на несколько недель отправляюсь в больницу и допишу письмо сразу по возвращении. А пока я посылаю вам самые сердечные и добрые пожелания и прижимаю вас к сердцу.

Преданная вам, любящая

Ирена (Иоланта)

* * *

Поездка на Национальный День Истории в Вашингтон сложилась совсем не так, как ожидали девушки. Студенческий городок университета Мэриленда в Колледж-Парке заполонили 5000 школьников, родителей и учителей. Перед ними выступила директор Национального Дня Истории Кэти Горн:

– Сегодня вы присоединяетесь к армии из 800 000 студентов, уже участвующих в этом великом приключении. Национальный

День Истории похож на отель «Калифорния» из знаменитой песни: если в нем прописался, то уже никогда с ним не расстанешься.

У девушек был свободен весь день, и они решили пойти в Музей Холокоста. У них были бесплатные пропуска, и Меган с Лиз настаивали на посещении музея. Сабрина пожала плечами, ладно.

Они повернули на улицу Рауля Валленберга, названную в честь шведского дипломата, спасшего тысячи евреев, и подошли к музею.

При входе они увидели огромные портреты людей, спасавших евреев, и сразу же узнали фотографию молодой Ирены… ту же самую она прислала им в письме.

– Мамочки! – воскликнула Меган. – Это же она! Может, здесь про нее есть какая-нибудь информация?

Они остановились перед черно-белой фотографией ворот Аушвица (Освенцима)[105]. Они были похожи на бутафорские ворота Варшавского гетто, которые они использовали в спектакле, только на верхушке этих находилась надпись

> «Arbeit Macht Frei» («Труд освобождает» – *нем.*). Этой ложью Аушвиц встречал евреев, прибывавших в лагерь, чтобы найти там свою смерть.

Девочки разбрелись по залам… Фотоматериалы, записанные на видео рассказы, железнодорожный вагон с намалеванными на красно-коричневых дощатых стенках белыми буквами и цифрами. Меган почувствовала, что вышла за пределы защитной стены из книг и картинок на экране компьютера и вплотную подошла к ужасу Холокоста.

Сабрина остановилась перед монитором: женщина, выжившая в Аушвице, почти обыденным тоном рассказывала о том, как погибла ее мать.

– И из шеренги выбрали ее… – говорила она.

Сабрина закусила губу, как можно сильнее обняла себя руками, но не смогла сдержаться и заплакала…

Рядом с ней возникла Меган и повела к стоящим в соседнем зале креслам.

– Да нет, все нормально, – сказала Сабрина. – Правда, я нормально. Я просто подумала, как эта женщина на экране день за днем и раз за разом рассказывает свою историю темному залу, в котором иногда и людей-то нет.

– Может, посидим тут? Сделаем перерыв. Очень уж все это тяжело.

– Я просто сама себе удивилась. Я хочу сказать, ведь обычно

со мной ничего такого не случается.

– Если бы не случалось, это было бы ненормально.

Где-то через час к ним присоединилась Лиз с покрасневшими глазами.

– Интересно, что еще о ней знают в Музее? – спросила Меган.

Они обратились с этим вопросом к администратору. Он пообещал поискать информацию, но в результате нашел только короткую биографическую справку с неправильной датой рождения и пометкой, что ни дальнейшая судьба Ирены, ни дата ее смерти неизвестны. Он был рад услышать от них все, что они знали об Ирене, и попросил прислать имеющуюся у них информацию, а также копии ее писем и официальных документов директору Музея по научно-исследовательской работе.

Выходя из здания музея, Меган сказала подругам:

– Мы знаем об Ирене больше, чем работники этого музея. Нам надо рассказать историю ее жизни… и им, и вообще всем.

* * *

Выступление на Национальном конкурсе прошло не очень удачно.

> Потрясенные и подавленные увиденным в Музее Холокоста, девочки путали и забывали реплики. И все же *«Жизнь в банке»* получил очень высокие оценки, но победителем Национального конкурса не стал.

По окончании спектакля Кэти Горн подошла к канзасским школьницам.

– То, что вы сделали, выходит далеко за рамки Национального Дня Истории, – сказала она. – Ваш проект – это то, каким я вижу Национальный День Истории в своих самых безумных мечтах. Вы начали с простого изучения истории, а потом превратились в людей, через которых эта самая история говорит с миром.

Один из волонтеров передал Мистеру К. записку от Стенли Шталь, исполнительного директора Еврейского Фонда Праведников. Госпожа Шталь приглашала их сыграть *«Жизнь в банке»* в главном офисе Фонда в Нью-Йорке. Девочки уже настроились, что у них будет дополнительный выходной день, и хотели походить по городу. Пожертвуют ли они этим выходным? Мистер К. напомнил им, что именно Еврейский Фонд праведников помог им связаться с Иреной.

– Там же будут, типа, настоящие знатоки всего, что касается

Холокоста, да? – спросила Лиз. – Может, они смогут ответить на наши вопросы… ну, знаете, про Польшу, про людей, которые там живут, и все такое?

– На такие вопросы мы с вами, может быть, исчерпывающих ответов от них не получим, – сказал Мистер К., – но для нас гораздо важнее смотреть в будущее… показывать *«Жизнь в банке»* людям.

Они отправились все в одной машине, не взяв с собой ни костюмов, ни декораций, постояли на Седьмой Авеню в обычной для Манхэттена пробке, а потом взмыли в скоростном лифте на 19-й этаж. В таких высоких зданиях девочки еще не бывали. Их встретила подтянутая коротко стриженная женщина средних лет, одетая в консервативный, но модный деловой костюм.

– Меня зовут Стенли Шталь, я директор-распорядитель фонда. Добро пожаловать.

Девочки последовали за ней в зал заседаний правления фонда и выпучили глаза, увидев раскинувшуюся за стеклянной стеной панораму Манхэттена.

Госпожа Шталь представила гостей из Канзаса присутствующим в комнате, а потом попросила представиться всех сидящих за большим столом для совещаний.

– Рахель Симкович – прошла через Аушвиц.

– Това Кон – Берген-Бельзен[106].

– Бернард Майер – выжил в Дахау[107].

Конечно, они уже встречались с ветеранами Холокоста в Региональном Центре изучения истории Холокоста в Канзас-Сити, но исполнять свой спектакль для таких людей, да еще и в такой неформальной обстановке им пока не доводилось. Меган было очень не по себе… ведь они сейчас будут притворяться, оставаясь в повседневной одежде, делать вид, что переживают кошмар, через который эти люди прошли в реальности, для которых все эти события – не какой-то школьный проект, а часть жизни. Вдруг им не понравится, и они раскритикуют спектакль, а вдруг что-то в пьесе оскорбит их чувства или разбередит старые раны. Места для представления между большим столом и панорамным окном было мало, девочки находились слишком близко к публике. Не было ни света, ни декораций, ни грима. Хотя в зале для совещаний работал кондиционер, Меган пришлось утереть выступившие на лбу и верхней губе капельки пота. Слишком уж много всего может пойти не так, подумала она.

Все притихли, и Мистер К. коротко рассказал о спектакле, и Сабрина начала читать своим гипнотическим голосом авторский текст…

Ирена: *Пани Рознер?*

Пани Рознер: *Я поговорила с мужем. Забирайте наших детей… Вы должны их забрать. Здесь мы все умрем.* (Длинная пауза.) *В жизни нет никаких раз и навсегда установленных правил. Мы все время говорим себе, если я буду жить по тем или иным законам, со мной все будет хорошо. Но вчера я видела, как немецкий солдат застрелил проходящую мимо него женщину. Он вышел на крыльцо дома, вытащил пистолет и выстрелил в нее. Я не могла понять, в чем она провинилась.* (Замирает с горестно опущенной головой.)

Заглянувший в кабинет молодой работник фонда передал кому-то из сидящих за столом записку и… остался стоять и смотреть у двери.

Мария: *Ирена, что ты делаешь?*

Ирена: (что-то пишет) *Я записываю имена последних спасенных нами детей, а потом спрячу списки в стеклянных банках.*

Мария: *Ты с ума сошла? Нам нельзя оставлять улик! Ты же знаешь, что укрывательство евреев карается смертью. Да и как ты найдешь этим детям приемных родителей?*

Ирена: *Нам поможет сопротивление. Есть люди, готовые рискнуть жизнью во спасение других. Нам помогают в детских приютах и в монастырях. Любой человек может изменить мир. Любой человек может найти в себе смелость.*

Мария: *А что ты будешь делать с этими банками потом?*

Ирена: *Сегодня же закопаю их в безопасном месте. А когда все это закончится, я достану списки, найду детей и скажу им их настоящие имена.*

Спектакль закончился финальной репликой Меган:

Мария: *Это была история о жизни в склянке и об Ирене Сендлер, изменившей наш мир.*

В зале повисла тишина. Меган показалось, что перестало двигаться даже само время. Далеко внизу шумел транспортными пробками и людскими толпами грязный и пыльный город, но с высоты 19-го этажа он казался тихим и чистым, как картинка с открытки. Зрители молчали…

И вдруг зал взорвался аплодисментами!.. Один из ветеранов с усилием страдающего от артрита человека поднялся на ноги, выпрямился, положив на стол обе руки, и заговорил:

– Сказать правду можно многими способами… Услышав о вас и вашем спектакле, я подумал: чему эти детишки из Канзаса смогут научить меня – человека, прошедшего через ужасы Холокоста? Ваша пьеса напомнила мне о том, что пришлось пережить мне и моим родным. А вспоминать это очень грустно. Наверно, иногда поплакать и вспомнить, что с нами случилось, полезно. Но плачем мы все по разным причинам, и слезы слезам рознь. Ваша история проста… и трагична… вы несете людям простую и трагическую правду. А иногда именно самые простые истории производят самое мощное впечатление… например, сказки… только эта история говорит о том, что происходило на самом деле.

Глава 24
Меценаты
Канзас, июль 2000 – май 2001

Приглашения показать *«Жизнь в банке»* посыпались со всех сторон, и девочки решили отправиться в гастроли, чтобы *«Жизнь в банке»* увидело как можно больше людей. На обсуждении плана выступлений Меган со смехом сказала:

– Слушайте, а может, махнем в Польшу и покажем спектакль Ирене?

– Ага, – сказала Лиз, – только выиграем кучу денег в лотерею, и вперед!

Все засмеялись: их район был одним из самых маленьких и бедных в Канзасе…

Гастроли оказались хлопотным делом. Слишком о многом нужно было позаботиться: тут и жилье, и еда, и транспорт, и аппаратура… В результате в труппе появился гастрольный менеджер – Джессика Шелтон, такая же школьница, как они сами. Джессика считала, что справится, потому что у нее имелся опыт: она подрабатывала начальником смены в мексиканском ресторанчике.

Вскоре к коллективу присоединился Ник Кейтон (играть немца все-таки должен был парень), и они сняли короткое промовидео с двумя сценами из спектакля и нарезкой из телеинтервью участников спектакля. На гастролях девушки стали встречать тех, кто выжил во времена Холокоста, их детей и внуков, слушать их простые до ужаса истории о смерти, голоде, страхе, любви и самоотверженности…

Однажды по дороге домой Меган вдруг сказала:

– Со мной что-то не так… Когда я впервые услышала эти жуткие истории, мне было физически плохо… А теперь они кажутся мне не такими уж и страшными. Боюсь, я начинаю к этому привыкать. Это неправильно…

Девочки взяли за правило перед началом спектакля выставлять в зале стеклянную банку, а рядом с ней ставили табличку, поясняющую, что пожертвования зрителей будут отправлены в Польшу Ирене на жизнь и лечение. Но, получив очередной чек, Ирена немедленно передавала его в благотворительную организацию или детский дом, а девочкам высылала расписки. Она не единожды писала девушкам, что жалеет в жизни только о том, что слишком мало сделала…

Количество приглашений выступить с *«Жизнью в банке»* резко

подскочило в июле 2000-го, после того как в газете «Вичита Игл»[108] появилась статья известного журналиста Стэна Фишера.

Три ученицы Юнионтаунской средней школы, – писал Фишер, – *прославили на всю страну Ирену Сендлер, рассказав удивительную историю ее жизни в театральной постановке, подготовленной к конкурсу на Национальный День Истории, состоявшемуся в Вашингтоне, округ Колумбия.*

С первых же дней работы над проектом девушки обнаружили, что почти никто не слышал имени Ирены Сендлер. Когда Меган Стюарт рассказывала перед началом Национального Дня Истории в Вашингтоне о своей постановке участнику конкурса, представлявшему штат Нью-Джерси, он сказал:

– Ах, Оскар Шиндлер! Я о нем слышал!

На что Меган ответила:

– Нет, это женщина, и ее зовут Ирена Сендлер.

По завершении конкурсных выступлений их учитель Норм Конард тоже отметил:

– Люди постоянно спрашивают нас, почему они никогда не слышали об этой женщине.

Ученицы надеются продолжить сбор денег для Сендлер, здоровье которой в последнее время сильно пошатнулось, а также навестить ее в Польше. В процессе работы над проектом, говорят девушки, они смогли многому научиться, но самым важным для себя результатом они считают понимание того, что называют «силой одиночки».

– Даже один человек, – говорит Сабрина Кунс, – способен изменить мир.

* * *

В начале сентября от Ирены пришло очередное письмо, к которому были приложены выписанные работниками двух детских домов расписки в получении денег, собранных девушками. Через неделю они получили перевод письма на английский:

Дорогие мои, близкие моему сердцу девочки,

Спасибо вам огромное за письмо, пьесу, фотографии и эмблему вашей школы. Я очень внимательно прочитываю все, что вы присылаете. Частично мне

переводит моя внучка, а что-то помогает перевести моя знакомая. Я уже три года не могу читать сама. Я почти потеряла зрение из-за диабета, и раньше читала при помощи увеличительного стекла. Прежде чем перейти к главной теме, т. е. к содержанию пьесы «Жизнь в банке», я хочу сказать вам, что вы необычайно мудрые, интересные и думающие девочки, глубоко переживающие ужасы войны. Вы интересуетесь темой Холокоста. А понять ее трудно не только тем, кто не был свидетелем злодеяний нацистов, но и тем, кто сам стал их жертвой. Осознать и понять, что фашисты сделали с несколькими миллионами людей, среди которых было шесть миллионов евреев, почти невозможно.

О Второй мировой войне написано очень много, но понять масштабы преступлений нацистов не под силу никакому здравомыслящему, психически здоровому или просто нормальному человеку. По велению своих тонко чувствующих несправедливость сердец вы заглянули за фасад этих преступлений в поиске правды, и это желание узнать истину, а также почти незаметный след, оставленный мной в истории, привели вас ко мне.

Я думаю, вам нужно знать, что 23 сентября 1999 года, за несколько месяцев до того, как вы написали мне свое первое письмо, скоропостижно умер мой сын Адам. Ему было всего 49. Для матери не может быть ничего страшнее потери своего ребенка, и теперь мне пришлось понять это еще раз и совсем по-новому. Смерть сына разбила мне сердце… К сожалению, мне необходимо лечь в больницу.

Кроме того, я некоторое время не смогу переписываться с вами из-за серьезной болезни одной из работниц Еврейского института[109], *пани Голены Гобоской, которая печатает мои письма на машинке. В результате я пока не могу дописать те материалы, которые начала для вас готовить. Другие люди не могут перепечатать мои письма, потому что из-за слабого зрения я пишу не очень разборчиво.*

Я пишу вам это письмо, чтобы вам была понятна причина моего долгого молчания. Извините меня за него.

Все, что вы делаете, – уникально. С моей точки зрения, ваша искренность, несгибаемость и редкостное упорство в достижении поставленной цели заслуживают восхищения.

Я предрекаю и верю, что вы обязательно достигнете

во всех своих начинаниях того успеха, к которому стремитесь. Ведь, в конце концов, я 55 лет работала с молодежью, особенно с вашими ровесниками, подростками в возрасте 14–16 лет. И именно опыт общения с молодыми людьми позволяет мне верить, что все вы, несмотря на любые жизненные трудности, достигнете очень многого. Я посылаю от всей глубины моего сердца самые добрые пожелания и самые нежные приветствия вам, вашим близким, профессору Норману и польскому студенту, который переводит мои письма.

Искренне ваша, с огромной любовью,

Ирена-Иоланта из Жеготы.

Сообщение о смерти Адама приглушило радость от полученного от Ирены письма.

Заглянув в свой «дневник проекта», Меган обнаружила, что Проект *«Ирена Сендлер»* начался именно 23 сентября 1999 года – в день смерти Адама.

– Это что, знамение? – спросила Меган.

Лиз повернулась обратно к Меган и сказала:

– Вообще-то логично, что свои дети появились у Ирены только после войны. Я хочу сказать, если бы у нее были свои дети, как бы она могла забирать детей у других родителей?

Сабрина еще раз пробежала глазами письмо Ирены:

– Я где-то читала, что у большинства женщин из Жеготы не было детей.

* * *

Начало нового учебного года было тревожным. Кто-то начал разрисовывать маркерами афишки *«Жизнь в банке»* или срывать с досок объявлений… Один из школьников громогласно заявил как-то в рекреации:

– Ненавижу черномазых, жидов и педиков!

Чаще всего доставалось Меган, которую дразнили «еврейской подстилкой» и «жидолюбкой». Меган старалась не реагировать и думала про себя, что ненавидеть надо грех, а не грешника.

– Они просто идиоты, – сказала ей после очередной репетиции Лиз, – и завидуют, что мы стали привлекать столько внимания.

После 25-го представления *«Жизни в банке»* один из членов школьного комитета заявил Мистеру К. о «серьезной озабоченности», которую вызывает у него Проект *«Ирена Сендлер»*.

Он потребовал сообщить, сколько денег девочки зарабатывают за каждый спектакль, существуют ли скрытые источники финансирования, а также по какому праву они используют школьный фургон в своих не связанных с учебным процессом целях. Неужели Мистеру К. наплевать, что, играя эти спектакли, девушки рискуют загубить свою спортивную карьеру?

– А вы видели спектакль? – спросил Мистер К.

– Чтобы понять, что происходит, мне это ни к чему, – ответил тот. – Этот политический проект не имеет ничего общего с американской историей, преподавание которой является вашей прямой обязанностью.

Вскоре после этого известный бизнесмен Говард Джейкобсон и его супруга Ро – очень влиятельные члены еврейской общины Канзас-Сити, написали директору школы и председателю попечительского комитета письмо, в котором подчеркнули, как важно школьникам, а также их родителям – американцам – вообще понимать, что может сделать один человек ради спасения жизни других людей. «Эти школьницы являются примером того, какой должна быть наша молодежь. К этом письму я приложил несколько статей из «Канзас-Сити Стар»[110] и выдержки из церковных бюллетеней и хроник еврейских общин. Эти школьницы стали героинями нескольких теле– и радиопередач. Их достижения – самая лучшая реклама вашей школы». Чтобы покрыть школьные расходы, связанные с постановкой *«Жизни в банке»*, он прислал чек на $1000 и пообещал ближайшие 5 лет продолжать выделять школе такую же сумму.

Больше возражений со стороны попечительского комитета не было.

* * *

Мистер К. иногда просил зрителей объяснить, почему, по их мнению, пьеса производит на людей такое мощное впечатление.

– Девушки-протестантки из сельских районов Канзаса возвращают людям память о польской католичке, спасавшей еврейских детей от нацистов. Все это дает повод надеяться на лучшее будущее.

– Этих девочек можно назвать американскими послами доброй воли.

– Почему никто не знает об этой женщине? Узнавать такие важные исторические факты от детей как-то особенно трогательно.

– Я не знаю. Меня пьеса просто очень сильно задела… и во

мне вдруг словно прорвало плотину печали. Я даже не предполагала, что во мне вся эта печаль есть.

– Я сама из Польши, и мне уже очень много лет. Нас сегодня осталось слишком мало. И таким людям, как вы, выпало хранить нашу память… рассказывать о тех ужасах, которые нам довелось пережить, чтобы больше ничего подобного не повторилось.

– Я даже говорить сейчас не могу.

Девочки не уставали снова и снова давать ответы на одни и те же вопросы, но на некоторые из них они ответить просто не могли. Чаще всего их спрашивали:

– А вы поедете в Польшу навестить Ирену Сендлер?

Всю осень Мистер К. был очень занят, но почти каждые выходные выезжал с девушками на представления *«Жизни в банке»*. Технические аспекты гастролей ребята отточили до совершенства, каждый четко знал свои обязанности. Участники спектаклей встречались с ветеранами Холокоста и их детьми, которые делились с ними воспоминаниями, словно *«Жизнь в банке»* была неким алтарем, дающим им возможность увековечить свою память и пережитое горе.

Заказов на спектакли стало так много, что исполнить их все физически не хватало времени. Кроме того, впереди маячили выпускные экзамены, и девушкам приходилось отклонять многие из приглашений. В январе 2001-го Мистеру К. позвонил заместитель директора Уэстбриджской средней школы из Канзас-Сити Барт Альтенбернд и стал умолять сыграть спектакль для учеников восьмых классов. С Бартом Мистера К. связывала давняя дружба, и он не мог ему отказать. Это представление было не лучше и не хуже прочих, но среди зрителей оказался один необычный человек – Джон Шукарт. Успешный бизнесмен, он взял длительный отпуск в своей компании, чтобы добровольно поработать учителем в школе и «вернуть долги родному городу». Джона тронула история Ирены Сендлер и спектакль вообще, и вечером он пригласил девушек, их родителей и Мистера К. на ужин в шикарный китайский ресторан.

Когда они уселись вокруг огромного стола, Шукарт спросил:

– А где еще вы бы хотели выступить со своей постановкой?

– В Польше! – мгновенно среагировала Меган. —

> Мы очень хотели бы навестить Ирену, узнать о ее жизни поподробнее, а потом рассказать всю ее историю американской публике.

Мы уже начали собирать деньги на поездку… продаем на спектаклях конфеты. Вроде даже получается.

Шукарт приподнял бровь:

– И сколько уже удалось собрать?

Меган покраснела:

– Ну, мы только начали. Где-то 81 доллар.

– Ей уже 90, – сказал Шукарт. – Вы говорите, что она нездорова. Времени нельзя терять ни минуты. Ехать нужно немедленно. Я попробую что-нибудь придумать.

Спустя пару дней он позвонил:

– Я нашел деньги. Вы едете в Польшу.

* * *

В мае 2001 девушки отправились в Польшу в сопровождении Дебры Стюарт (Дебра неплохо себя чувствовала и даже снова отрастила свои густые и кудрявые волосы), дедушки Билла и бабушки Филлис. Дорогу они и супруга Мистера К. Карен оплатили самостоятельно. В начале марта девочки сообщили Ирене о возможности увидеться в Польше.

В ответ от Ирены пришло семистраничное послание, начинавшееся, как обычно, словами «*дорогие мои, близкие моему сердцу девочки*». Их переписка, призналась она, стала для нее самым лучшим лекарством, и теперь она не чувствует такой *«душевной депрессии»*, как раньше. Она написала о своих соратниках, таких же социальных работниках, как и она, о своих связных внутри и снаружи гетто, *«в основном, это были девочки примерно вашего возраста»*, подробно описала способы спасения детей. Но в письме опять не было ни слова о том, как ей удалось выбраться из тюрьмы Павяк.

Лиз немного обеспокоил один фрагмент:

> *«А еще я хотела бы попросить вас никогда не делать ничего, что могло бы быть для вас опасным, потому что это принесет мне большое горе. Все, что делала я, было сделано по велению сердца и потому, что я была так воспитана. Мои родители научили меня двум правилам. Первое: людей можно делить только на хороших и плохих независимо от религии, расы, национальности и происхождения. Второе: когда видишь тонущего человека, спасай его».*

– Как вы думаете, – спросила Лиз, – почему она предупреждает нас не делать того, что делала сама? Она говорит с нами, как всегда говорят матери или что-то типа того.

– Ага, – сказала Меган. – Это типа как «делай, как я говорю, а не как делаю», только тут все как-то наоборот по сравнению

с тем, как обычно бывает.

– А если б наши школьные ублюдки сказали, что убьют нас, если мы не прекратим играть *«Жизнь в банке»*? – сказала Сабрина. – Когда страшно, начинаешь вести себя не так, как думала… или не так, как считаешь правильным.

Меган закрыла свой рюкзак и сказала:

– Могу поспорить, что именно с этого все и началось в Германии и в Польше… с простых обзывательств и оскорблений. Конечно, трудно понять, в какой момент нужно дать грубияну отпор. Но Ирена просто не хочет, чтобы мы шли на такой же риск, как она. Лиз права… она хочет защитить нас, как настоящая мать.

Меган была уже в дверях, но вдруг остановилась и повернулась к подругам:

– Она говорит, что действовала по велению сердца. Но ведь защищать детей… ну, я хочу сказать, разве не в этом веление любого человеческого сердца?

* * *

Боженна Гилбрайд, специалист по истории Жеготы, жила на Лонг-Айленде в Нью-Йорке. Посмотрев спектакль, она прислала девочкам книгу об этой организации. Однако Боженна не имела ни малейшего представления, как Ирене удалось выйти живой из Павяка. В 1965 году Боженна брала у нее интервью, а в начале 1990-х помогла выпустить два документальных фильма о Жеготе, в одном из которых в роли рассказчика выступил знаменитый актер Илай Уоллак. Фильмы, однако, прошли малым экраном, и ее очень расстроило, что почти никто не обратил на них внимания. Всего за три недели до рождения Проекта *«Ирена Сендлер»* еще одно интервью с Ireной сделала Рената Зайдман, одна из сирот, спасенных ею. Но и на сей раз история Ирены осталась незамеченной. Спектакль девочек из Канзаса оказался самой последней по времени попыткой «обнаружить» историю жизни Ирены и донести ее до людей.

Боженна помогла девочкам разработать программу поездки в Польшу, составить график интервью и спектаклей, а также договорилась с переводчиками в Варшаве. Она поддерживала контакт с Эльжбетой Фицовской, которую Ирена полугодовалым ребенком вывезла из гетто. Бета пригласила школьниц выступить на ежегодном собрании Польской Ассоциации Детей Холокоста.

За несколько недель до вылета девочек в Польшу Мистеру К. позвонила из Варшавы Боженна: ее знакомый Марцин Фабьянский, репортер из «Газеты выборчей» и «Голоса

Варшавы»[111], получил задание съездить в Юнионтаун. Мистер К. встретил Марцина в Канзас-Сити и привез в Юнионтаунскую школу. Марцин взял интервью у девушек и их родителей, посмотрел видео *«Жизнь в банке»*…

Вечером они беседовали с Мистером К. на открытой веранде.

– Знаете, что беспокоит меня больше всего? – спросил Марцин. – Я полез в Интернет, перерыл все архивы «Газеты выборчей» и не нашел ничего об Ирене Сендлер, только одно-единственное упоминание ее имени. Я еще молод и полон идеалов. Но иногда боюсь, что, насмотревшись всякой чернухи, я превращусь в старого циника-репортера. Однако, побыв здесь, с вами, я снова начинаю верить в людей. То, что вы воспитываете в своих учениках, – это большое благо для всего мира.

– Есть старая индейская притча, – сказал Мистер К., – о мальчике, который пришел как-то к своему деду и рассказал, как он разозлился на друга. Дед сказал, что он тоже когда-то ненавидел тех, кто так много отнял у него самого и у его народа. Но, объяснил он потом, ненависть лишает сил тебя, но никак не вредит твоему врагу. Это вроде как пить яд, желая смерти своему противнику.

Мальчик никак не мог понять, о чем говорит дед, пока тот не сказал, что внутри каждого человека будто бы живут два волка, яростно воюющих за власть над его душой. Один волк жаждет злобы и ненависти, а другой – доброты и желания прощать.

– Так какой из них победит, дедушка? – спросил мальчик.

– Тот, которого я буду кормить, – с улыбкой ответил дед.

* * *

Канзасские школьницы не знали, что их путешествие в Польшу совпадает по времени с 60-летием погрома в польском местечке Едвабне, где от 200 до 1000 евреев были убиты не немцами, а их соседями-поляками. Провокативная книга Яна Томаша Гросса «Соседи: История уничтожения еврейского поселка» (опубликованная в 2000 г. на польском и в 2001 г. на английском) разбередила раны. При коммунистическом режиме участники движения Сопротивления и люди, спасавшие евреев, не только не считались героями, но иногда даже и объявлялись преступниками… Вслед за обличениями Гросса (а в Едвабне была проведена эксгумация и экспертиза) последовало официальное расследование, породившее множество споров и возмущенных опровержений. Польша, страдающая от потревоженных военных ран, искала своих героев.

Большая статья Марцина вышла в «Газете выборчей» за два дня до прилета американских школьниц из Канзаса в Варшаву. Спустя 60 лет история Ирены оказалась на первых полосах газет.

Глава 25
Мы уже не в Канзасе
Варшава, май 2001

В международном аэропорте им. Фредерика Шопена царило обычное столпотворение.

– Лиззи! Не торопись! Не хватало нам тут всем порастеряться! – прикрикнул дедушка Билл и обратился к Мистеру К.: – А как по-польски будет *no comprende*?

Мистер К. вытащил из заднего кармана брюк польский разговорник:

– *Nie rozumiem (*Не понимаю – *польск.*).

– А как спросить, где туалеты?

– *Gdzie sa toalety*?

– Эй, Мистер К.! А что, если нас никто не встретит? – весело спросила Лиз.

– Успокойся, все будет хорошо, – ответил он, хотя сам никакого спокойствия не чувствовал.

Эльжбета Фицовская написала ему, что в аэропорту их будут встречать ее «юные друзья». Хм… весьма определенно…

> Удивительно, как Ирене Сендлер удалось создать сложнейшую подпольную сеть, когда прилет восьми американцев из Канзаса в Варшаву вызвал столько всяких сложностей!

Пройдя таможенный досмотр и получив свой багаж, канзасцы сразу оказались в окружении возбужденной толпы. Со всех сторон микрофоны, лампы видеокамер, щелчки затворов фотоаппаратов, кто-то дергает за одежду… Говорили все одновременно, и понять, что они говорят, было невозможно.

Внезапно над толпой поднялась табличка с надписью «Sendlerova Girls» (Девочки Сендлер – *англ.*).

Меган помахала человеку с табличкой:

– Девочки Ирены Сендлер – это мы!

Перед ними возник оператор, а протиснувшийся вслед за ним через толпу репортер сунул в руки Лиз букет цветов и подставил прямо под нос микрофон.

– Как вы ощущаете себя, – спросил он, – в роли человека, открывшего миру историю польской героини?

На девушек обрушилась лавина вопросов на самых разных вариациях и мутациях английского языка. Меган обернулась

и встретилась взглядом с Мистером К.:

– И что теперь?!.

Он пожал плечами:

– Держаться поближе друг к другу и отвечать на вопросы!

Потом нарисовал указательным пальцем гигантскую улыбку у себя на лице:

– И улыбаться!

Девочки не смогли удержаться рядом, и каждая давала интервью отдельно. Их внимание попыталась привлечь женщина с надписью «Wall Street Journal»[112] на бейджике:

– Снаружи вас ждут лимузины! Пожалуйста, следуйте за мной.

Ее перебил темноволосый молодой человек:

– Пожалуйста, послушайте меня, я – Адам, а это моя сестра Мария. Нас прислала наша мама Зофья.

Через толпу с трудом прорвались две женщины средних лет. Та, что пониже ростом, показала на Адама с Марией и, тяжело дыша, сказала на безупречном английском:

– Эти двое – с нами.

Она протянула девушкам руку.

– Рената Зайдман из Монреаля. Мы с вами переписывались. А это моя подруга Эльжбета Фицовская. Она по-английски не говорит. Пошли. Машины уже ждут.

Эльжбета улыбнулась, а потом со слезами на глазах обняла каждую из девочек, будто давно и близко их знала. Она вручила Мистеру К. конверт.

– Новое расписание мероприятий, – объяснила Рената. – От Ирены.

Молодая корреспондентка из «Wall Street Journal» вмешалась в разговор и еще раз повторила, что лимузины ждут. После короткой перепалки на польском журналистка, презрительно фыркнув, отвернулась, и Адам с Марией повели компанию к четырем крошечным польским «фиатам», припаркованным у терминала. Фотографы снова защелкали камерами, а оператор стал снимать, как они запихивают багаж и театральные кофры.

Лиз повернулась к Мистеру К. и опасливо спросила:

– Как-то это все страшновато. Но у нас ведь все нормально, да?

– У нас все нормально, Лиз, – кивнул в ответ он.

* * *

В отеле «Ибис» Мистеру К. передали целую стопку сообщений

и записок. Самая срочная пришла от посла Кристофера Хилла: состоится ли 25 мая запланированная встреча с Иреной Сендлер? Остальные записки в большинстве своем были просьбами дать интервью новостным агентствам, радио– и телестанциям.

Оказавшись в номере, девочки наконец перевели дух.

– Сабрина, скажи, ты тоже нервничаешь? – спросила Лиз.

– Ага… То есть я хочу сказать, все это какое-то безумие. Как мы вообще сюда попали? Все же рано или поздно поймут, что мы и сами не знаем, что делаем.

* * *

Меган разбудил телефонный звонок. Еле разлепив глаза, она нащупала трубку и бросила взгляд на часы – 6.45.

Ее поприветствовал энергичный мужской голос:

– Доброе утро. Я с польского телевидения. Не сыграете ли вы фрагмент своей пьесы? Совсем маленький! Мы бы сняли вас на фоне памятника Героям гетто.

Меган села на кровати и убрала с лица спутавшиеся за ночь волосы.

– Не могли бы вы… не могли бы вы подождать минутку? Лиз! Лиз! Просыпайся. Какой-то мужик с польского телевидения хочет, чтобы мы сыграли сцену из спектакля.

Лиз спряталась под одеяло.

– Я сплю, – пробормотала она.

Меган снова взяла трубку.

– А вы не могли бы позвонить нашему учителю? Он живет в номере 534. Пять… три… четыре.

Через несколько минут им позвонил Мистер К.

– Меган, нам надо это сделать… сейчас. Сцену с пани Рознер, – сказал он. – Пять минут на сборы.

Прошло несколько минут, и он постучал в их дверь.

– Вы готовы? Они ждут внизу. Торопитесь!

В десять утра вся группа должна была быть на встрече Польской Ассоциации Детей Холокоста в синагоге Ножиков. В лучшем случае это неожиданное предложение позволит им встряхнуться и собраться… оправиться от смены часовых зон и долгого перелета. В худшем – будет испорчен весь день. У портье отвисла челюсть, когда он увидел в фойе Меган в образе пани Рознер – девушку с грязным, изможденным лицом в поношенном, драном платье 1940-х годов, грязном крестьянском платке и потрескавшихся бабушкиных лаковых туфлях с квадратными каблуками. Несмотря на ранний час

и усталость после перелета, она прошла мимо них гордой, энергичной походкой. Следом за ней плелась полусонная, наряженная в белую форму сестры милосердия Лиз, которую никак нельзя было назвать ранней пташкой. Сабрина пошла с ними, хотя в этой сцене не участвовала. Нет, она не расстроилась, что ей не придется сейчас играть свою роль.

– Это лучшая сцена в спектакле, – сказала она. – Ни пуха вам!

Фургон польского ТВ пробрался через утренние пробки и резко затормозил, погрузив пассажиров во внезапную скорбную тишину, окружающую памятник Героям гетто – 10-метровый гранитный блок, похожий на гигантское надгробие.

– Мы находимся в гетто, – сказал им продюсер передачи. – Милая улица, где находился штаб еврейского сопротивления, в квартале отсюда.

Меган выбралась из фургона, но попала не в Варшавское гетто, а в утреннюю прохладу небольшого городского парка, в тишину и спокойствие зеленых полей и живых изгородей.

> Меган подумалось, что где-то под ногами у нее лежат человеческие кости и наверняка вокруг витают души погибших.

Тем не менее это был обычный парк, каких много в любом городе, все вокруг было слишком обыденно, слишком спокойно. Невозможно было даже представить, что именно здесь происходили все те неописуемые ужасы, о которых она теперь так много знала… Было еще достаточно рано, и семь рвущихся из гранита героев гетто отбрасывали длинные тени в лучах восходящего за монументом солнца. По еврейской традиции люди приносили к подножию монумента камушки. Телевизионщики поставили свет, проложили кабели и достали камеры.

Переводчик показал на памятник:

– Эти большие гранитные блоки, из которых сделан монумент… они из Швеции. Как ни парадоксально, изначально они были заказаны личным скульптором Гитлера Арно Брекером для постройки памятника Гитлеру в Берлине.

Он взглянул на часы и что-то спросил у режиссера.

– Они скоро будут готовы, а я пока расскажу об этом месте. Монумент был построен в 1948-м, в год моего рождения. «Добро» на это дал сам Сталин, известный юдофоб. Родители рассказывали мне, что, когда начали строить памятник, здесь почти до горизонта были развалины. Только представьте себе, – он обвел рукой окрестности, – не было вообще ничего, только этот памятник… как надгробный камень. Никто не мог понять,

почему коммунисты построили всего один монумент, напоминающий о войне, и почему именно этот.

– Скажите, – перебила его Лиз, – почему никто в Польше не знает об Ирене Сендлер?

– Может, немногие знают именно об Ирене Сендлер, но почти каждый поляк знает людей, которые делали то же, что и она. Думаю, проблема в том, что у нас, поляков, притупились чувства. Мы знаем даты и исторические факты. Но некоторые из нас говорят, что не хотят, чтобы их тыкали носом в эту выгребную яму… прошлое осталось в прошлом, и надо двигаться вперед. При коммунистах нужно было вести себя очень осторожно. В те времена было два главных правила: не говори дурного о Советском Союзе и не говори хорошего о польских партизанах и восстании 1944 года. Любому поляку было известно, что русские предали польских борцов с фашизмом. Красная армия стояла за Вислой и не шла в наступление, пока немцы не убили больше 200 000 мужчин, женщин и детей и не оставили камня на камне от Варшавы. Потом Сталин переписал историю, и все стали воспевать освобождение Польши Красной армией и Советским Союзом. А польские партизаны, наши герои, превратились в преступников. Лет десять назад я бы угодил в тюрьму за то, что вам все это рассказал. И Сталину удалось перекроить человеческую память. Этот мемориал… как это называется… это метафора. Когда его возвели, здесь ничего, кроме него, не было. Его было просто невозможно не заметить. А теперь – посмотрите, – он снова показал рукой на окружающие их городские кварталы, – русские построили вокруг этого памятника «новую» Варшаву, и совсем скоро этот монумент перестал быть надгробием в мертвом городе и превратился в еще одну каменную коробку в городе, сплошь состоящем из каменных коробок.

– Я все-таки не понимаю, – сказала Меган, – если это единственный памятник партизанам и Сопротивлению, то почему коммунисты выбрали именно восстание евреев? Зачем тогда вообще было ставить памятник?

> – Сталин одобрил постройку монумента сразу после войны… Это был этакий циничный подарок нам, полякам, видевшим в этом еще одно предательство русских…

Он поддерживал антисемитские настроения. Каждый год, несмотря на официальную антисемитскую политику, коммунисты проводили здесь мероприятия. Но, по иронии судьбы, теперь этот памятник стал символом сопротивления. Именно здесь

в 1983 году Солидарность начала проводить митинги и возрождать дух восстания в гетто.

Мистер К., прищурившись, посмотрел на темный силуэт монумента:

– Я думаю, наш приезд разбередит много старых ран. Мне хотелось бы верить, что это будет не так.

– Конечно, так будет, – спокойно ответил переводчик, – но ведь это еще и знак надежды… что Польша меняется. При коммунистах вас бы вообще сюда не пустили[113].

Он показал через зеленый газон в сторону памятника.

– Видите, везде разбросаны маленькие черные камушки? Это символические надгробия. Это кладбище. Здесь погибло очень много людей.

Меган всматривалась в каменные лица Героев гетто, словно рвущихся из объятий гранита. Особенно ее привлекло лицо девушки приблизительно ее возраста. Она держала в руках винтовку. Возможно, она была связной Ирены… Меган окинула взглядом спокойные зеленые поляны парка, совершенно безлюдные, если не считать нескольких спешащих на работу поляков и мамы с ребенком, пустые скамейки, шахматные столики и попыталась представить, что именно эти места не так давно были полем битвы евреев с нацистами. «Насколько уместно будет здесь наше лицедейство?»

Но вот оператор дал сигнал. Телерепортер постучал пальцем по циферблату своих часов, и они начали играть сцену с пани Рознер на гранитном фундаменте мемориала.

Начали останавливаться прохожие и спрашивать, что происходит. Сабрина заметила, что за ними наблюдает стоящая в тени двух лип старушка с палочкой. Во время войны она была совсем девочкой. Она понимающе кивнула головой в момент, когда Ирена забирала у пани Рознер ребенка. Она стояла достаточно близко, и Сабрина видела ожерелье с золотой звездой Давида на ее шее и слезы на щеках. Когда сцена закончилась, она отвернулась и, прихрамывая, пошла прочь по аллее…

Переводчик пожал девушкам руки:

– Очень трогательная сцена. Мне не терпится посмотреть весь спектакль целиком.

Меган спросила его о памятном камне необычной формы справа от большого монумента.

– Это памятник Жеготе, – ответил тот. – Вы знаете про Жеготу?

– Мы знаем, что с Жеготой была связана Ирена Сендлер.

Переводчик заглянул в свой путеводитель.

– Да, вот тут написано. Поставлен в сентябре 1995 года

американскими друзьями Жеготы. В церемонии официального открытия участвовали Главный Раввин Варшавы и Польский епископ.

Они прочитали выгравированную на нем на польском и английском языках надпись:

1942 – ЖЕГОТА – 1945

Организация, основанная Польским подпольным правительством для спасения евреев.

Это была единственная в оккупированной немцами Европе организация такого типа, общее руководство и финансирование которой осуществлялось правительством страны в изгнании.

Меган вдруг оживилась.

– Боженна! Нам надо сфотографироваться здесь, у памятника, для Боженны, – объяснила она переводчику. – Это наша американская подруга польского происхождения. Этот памятник установлен здесь и ее стараниями тоже!

Пока они фотографировались, Мистер К. думал, какая же грандиозная история скрывается за простым текстом, выбитым на этой табличке. Он размышлял, чем же их попытка рассказать историю Холокоста отличалась от всех прочих, ведь их было так много, будто души мертвых требовали от живых создать хотя бы какой-то архив памяти. Может, их заметили благодаря упорству и невинной простоте девочек? Или благодаря и тому и другому? Может, они просто сделали это в нужный момент? Он знал, что ответить однозначно на эти вопросы вряд ли возможно, да и нужно ли? Тем более что главное ясно: будущее знать невозможно, но если тебе в руки передали факел истории, его нужно честно нести – людям. Чтобы оставаться человеком.

Глава 26
Рассказы
Варшава, май 2001

Пресса в тот день не отставала от них ни на секунду: Си-эн-эн[114] и «Ассошиэйтед пресс»[115], немецкое телевидение, польские журналисты… В то же утро гости из Канзаса познакомились с польскими документалистами – режиссером Михой Дудзевичем, его дочерью Марией и звукорежиссером.

Впервые они сыграли *«Жизнь в банке»* от начала до конца для ветеранов Холокоста, спасителей и спасенных, т. е. для Польской Ассоциации Детей Холокоста. С момента падения коммунизма эти люди ежемесячно встречались в синагоге Ножиков. Это величественное здание, построенное в конце 1880-х, стало единственной синагогой Варшавы, пережившей войну. И расположена она была в гетто! Позднее они узнали, что синагога не была разрушена только потому, что эсэсовцы устроили в ней конюшню. Встреча проходила в банкетном зале. Выжившие, в основном женщины, сидели за длинным столом. Они встретили гостей из Канзаса теплыми улыбками и аплодисментами.

Председатель Ассоциации Зофья Жакс попросила присутствующих представиться. Люди назвали свои имена, сначала 20 мужчин и женщин, спасенных еще детьми, а потом семеро спасителей. Лиз начала хлопать, но ей стало почему-то неловко… И тогда один из стариков поднялся на ноги и поддержал ее, аплодируя своими узловатыми от артрита руками – и вдруг захлопали все…

Зофья Жакс рассказала американским гостям, что их Ассоциация была основана в 1991 году, сразу после падения коммунизма.

– Удивительно, но до недавних времен в Польше не было ни одного учебника, в котором говорилось бы о Холокосте. Многие польские герои до сих пор не решаются рассказывать о своих подвигах… это отголоски страха, который они испытывали при коммунистах. Другие даже не имеют представления, что были в детстве спасены поляками и потом воспитаны в христианской вере. Наша цель – собирать воедино все эти воспоминания и бороться с любыми проявлениями расовой нетерпимости, особенно антисемитизма.

При коммунизме эта встреча просто не могла бы состояться. Тема спасения евреев тогда была запретной. После войны Ирену

Сендлер не раз допрашивали в госбезопасности. Она считалась одним из самых опасных врагов государства. Ее детей лишили возможности получить образование, а самой угрожали тюрьмой.

Но дело не только в коммунистах.

> Удивительно, но даже сейчас никто не прославляет спасителей евреев по причине… нашего собственного стыда! Антисемитизм все еще бродит по Польше.

Некоторые поляки открыто сотрудничали с немцами, некоторые с ними молчаливо соглашались. Очень нелегко взглянуть в зеркало истории и увидеть в нем собственную трусость или жестокость. Но самые отважные из нас, те, кто был честен и вел себя достойно, держат перед всей Польшей зеркало, в которое она должна посмотреть.

Они сыграли *«Жизнь в банке»* без театральных костюмов, грима и декораций. С кухни им принесли банку от молока. Мистер К. медленно, фраза за фразой, чтобы за ним успевали польские переводчики, прочитал вводный комментарий… Он и девочкам сказал:

– Говорите медленно… и делайте все медленно. Как в замедленной съемке…

Поначалу спектакль шел немного нескладно, но совсем скоро из карманов поношенных габардиновых костюмов и бесформенных платьев были извлечены носовые платки. А в финале все, кто был в состоянии, медленно поднялись со своих мест, а другие аплодировали из своих инвалидных кресел.

Девушки преподнесли Зофье Жакс подарки – свою фотографию и канзасский гобелен с подсолнухом. Меган объяснила, что подсолнух – символ штата Канзас.

А потом люди начали рассказывать…

– Я был в партизанах, – наговаривал сидящий в инвалидной коляске жилистый мужчина на диктофон Сабрины. – После войны мы были полны надежд, но пришли коммунисты и русские. Они объявили всех партизан предателями… даже фашистами. Можете представить? Фашистами! Служба в Армии Крайовой считалась преступлением, за которое можно было сесть в тюрьму. До войны многие евреи были большевиками, и люди стали винить именно евреев в том, что Польшу захватили коммунисты. Я вел двойную жизнь и скрывал то, чем больше всего гордился. Даже когда мои дети выросли, я не решился рассказать им о Жеготе. Как сейчас помню судебные процессы над членами Жеготы. Многих героев отправили в тюрьму, сослали в Сибирь и даже расстреляли. Кардинала Стефана Вышинского, лидера Польской церкви, посадили под домашний арест в одном из монастырей на юге

страны…

Меган разговаривала с худым, лысым джентльменом, который, казалось, до сих пор не мог поверить, что в Варшаве поставили памятник Жеготе.

– Ирена была на его открытии в 1995 году, – сказал он, – но не выступала. Она очень скромная. После войны членство в Жеготе стало позорным клеймом. Человечность снова стала считаться преступлением!

Маленькая, седовласая женщина рассказывала Лиз:

– После окончания войны я жила в городке Тарнов. Заметьте, это было через год после победы над Гитлером! Я выжила только потому, что в начале войны мы убежали в Советский Союз. Нас там особо не жаловали, но хоть не убивали. После войны Польша встретила нас отнюдь не распростертыми объятьями. Наша община, все, кому удалось выжить, купила в центре города, на улице Гольдхаммера, здание, которое служило нам и синагогой, и ритуальной баней *миквой,* и школой. Но однажды нам приказали освободить здание… И мы снова испугались за свои жизни.

Какой-то старик нерешительно положил перед Лиз пожелтевшее от времени удостоверение личности.

– Это мое разрешение на работу… № 102466, выдано 5 июля 1945 года региональным отделом службы занятости в Даброва Горнице… мне его выписали, когда я вернулся в Польшу *уже после войны.* Вот… – он ткнул в документ костлявым пальцем, – видите этот круглый штамп с соответствующей буквой? Это значит, что я еврей.

Женщина в инвалидной коляске рассказывала Сабрине:

– Нашу синагогу во Влодаве переделали в кинотеатр, где показывали пропагандистские фильмы.

Меган в это время слушала другой рассказ:

– Одна семья приютила у себя младенца из еврейской семьи, а после войны они отказались вернуть его родителям. Они сказали, что теперь это их ребенок.

Петр Жисман Цеттингер, некрупный, лысеющий мужчина, специально приехал из Швеции.

– Я хочу рассказать вам, как я принимал ванну, – начал он. – Большего счастья я потом не испытывал. Ирена спасла меня, когда мне было четыре года… Я помню, как в одну холодную ночь в 1942 году шел по варшавской канализации… Девушка, совсем еще подросток, все время держала меня за руку. Стоило ей отпустить мою руку, я начинал плакать, а плакать нельзя – любой звук разносился очень далеко. Я вымок до нитки и трясся от холода… А потом мы пришли к Ирене. Со мной было еще трое

детей, но я был младше всех. Ирена поставила нас всех в ванну и стала мыть теплой водой. Вот этот момент я помню во всех мелочах. Это было счастье… словно я родился заново и оказался в мире, где нет ничего, кроме любви.

– А мама? – спросила Лиз.

– Тогда я этого еще не знал, но ее тоже удалось спасти, и много позже мы нашли друг друга.

Лиз вспомнила путь своего спасения. После побега матери социальные работники отвезли ее в здание суда, где все вокруг были заняты своими делами. И ей оставалось только покрепче прижимать к себе любимую куклу… Может быть, на ее пути было много теплых ванн, но, в отличие от Петра, она ни одной из них не запомнила…

Петр посмотрел на Лиз:

– Девушка, вам плохо?

Лиз встрепенулась и тряхнула головой:

– Нет. Все нормально… А… как вы жили до войны?

– Ну, я был совсем маленький… Знаю только, что мой отец, Йозеф Жисман, был знаком с Иреной с 30-х годов… А вот эпизод из послевоенных времен. Весной 1968 года наш «вождь», Владислав Гомулка, мерзавец, каких мало, выступил с печально известной антиеврейской речью. И я пришел к Ирене, и она мне сказала: «Петр, я сохранила связи с теми, кто помогал мне во время войны, и если ситуация ухудшится, мы готовы начать действовать снова. И ты, и все твои родные можете на нас рассчитывать». Вот такая она, Ирена.

Потом Лиз попросил с ним сфотографироваться щуплый мужчина.

– Мне было лет шесть или семь, когда мои родители прятали трех евреев, – сказал он. – Мы жили в деревне под Варшавой. В конюшне вырыли яму и накрыли соломой. Мне не было по-настоящему страшно, потому что я был слишком мал… А эти люди боялись очень… все время. Они жили у нас в сарае больше года, до конца войны. Они сидели в яме почти без движения, и когда все закончилось и им можно было выйти, они просто не могли стоять. Не знаю, откуда они взялись и куда потом делись, но до сих пор думаю о них каждый день. Я, конечно, не спаситель – спасали их мои родители. Они так и не объяснили мне, почему и зачем. Об этом просто было не принято говорить. Но я здесь… чтобы рассказать вам эту свою историю.

Ближе к полудню девочкам устроили экскурсию по синагоге Ножиков[116], а потом им предложили отведать бесплатный обед, которым кормят неимущих стариков. В меню в тот день был капустный суп, салат из тертой свеклы и перловая каша

с куриными котлетами. Поначалу тихие и стеснительные старики постепенно включились в оживленную беседу с девочками. Зофья Жакс с солнечной улыбкой завершила программу встречи:

– Я уже и не помню, когда у нас царило такое оживление. Ваш визит воодушевил нас всех. Иногда год идет за годом, и кажется, что никому нет дела до того, что нам всем пришлось пережить, но потом вдруг появляются люди вроде вас, которым не все равно. Для нас это словно благословение свыше.

Вернувшись в гостиницу, девочки решили привести в порядок записи в своих дневниках. Сабрина повесила на дверь номера табличку «Не беспокоить».

Меган вздохнула:

– Все истории такие печальные. Через какое-то время я уже не могла больше ничего записывать, просто слушала. А теперь ужасно виню себя за это… а вдруг все эти истории окажутся забыты только потому, что я их не записала.

– Так странно, – отозвалась Лиз. – Два человека попросили, чтобы я не делилась их историями с прессой… просто не хотели, чтобы о них кто-нибудь знал. Они не сказали, почему…

– Но как им всем очень хотелось выговориться! – сказала Меган. – Один старик мне рассказал, как на его глазах расстреливали его родителей. И я подумала, ведь он видел этот кошмар вот этими самыми добрыми глазами, в которые я сейчас смотрю… Эти глаза… даже не знаю, как сказать… не дают мне покоя.

Сабрина подняла голову от своего дневника:

– Одна журналистка сказала, что воспоминания – это все, что остается жить после человека. Она специально говорила очень медленно, чтобы я успевала записывать. И проверяла, чтобы я не наделала ошибок в именах и названиях. – Сабрина полистала свою тетрадку. —

> Она сказала, что ее спасла Ирена… ей было 6 лет, когда Ирена вывела ее из гетто и передала в детский дом в монастыре городка… она сказала мне по буквам… Турковице.

Ирена дала ей свидетельство о рождении с именем умершей польской девочки ее возраста…

Сабрина помолчала, а потом вдруг заметила:

– Эти рассказы, эти люди… Иногда кажется, что для меня это все как-то чересчур, понимаете, да? Быть здесь, в Варшаве, с этими людьми, в синагоге, которая стояла в гетто, это… это… не знаю, как сказать…

– А знаешь, что меня бесит? – сказала Лиз. – Камеры,

микрофоны… Ну, герой-то Ирена, а не мы!..

– Точно, – согласилась Меган. – Поначалу вроде бы интересно, а сейчас уже раздражает.

Сабрина кивнула:

– И меня тоже.

– А ну-ка, дамочки, – сказала Лиз, выпрыгивая из кровати, – пойдем жаловаться… сейчас же.

…Выслушав девочек, Мистер К. развернул стул и сел на него верхом.

– Знаете такое выражение «где кровь, там и новости»? Журналисты обожают человеческие трагедии и драматические события: перестрелки, автокатастрофы, похищения детей или… *«Жизнь в банке»*… на этом делаются тиражи и рейтинги. Вы девочки-протестантки из маленького городка в Канзасе, где нет ни евреев, ни людей другого цвета кожи. Если бы вы были еврейками из состоятельных семей и жили бы в Канзас-Сити или Нью-Йорке, эта история была бы для них не столь привлекательна. Так устроена пресса. К худу ли, к добру ли, но вы, юные леди, и впрямь очень интересная троица. Начинайте привыкать. И постарайтесь обернуть все это себе на пользу. Я уж не говорю о том, что все сделанное вами действительно *заслуживает* такого внимания.

– Но ведь история Ирены в сто раз удивительнее нашей… – сказала Лиз.

– Никто не спорит. Но ведь ваша задача – рассказать историю Ирены людям, так? В одни моменты вы будете рассказывать ее своими спектаклями, а в другие – через журналистов, по сто раз отвечая на одни и те же вопросы. Но, говоря о *вас*, журналисты рассказывают миру и историю Ирены. И сердиться на них за это нельзя. Наоборот, их за это надо кормить самыми вкусными тортиками!

Он покопался в своем портфеле и вытащил из него толстую папку.

– Эти письма мы получили за полтора года… В них говорится о вас и о том, какое воздействие вы оказываете на людей. Помните, с чего все началось? Всего одна заметка. А теперь… посмотрите, какие события происходят только благодаря вам.

Меган взяла в руку пачку писем и прошептала:

– Пути Господни неисповедимы…

– Мистер К., – спросила Лиз, – объясните, почему нам нужно ждать еще три дня до встречи с Иреной?

– Это было ее решение, Лиз. Расписание визита, которое передала мне в аэропорту Бета, было составлено самой Иреной. Я уверен, что у нее на то были веские причины. Может, ей уже

и 91 год, но организаторских способностей она не потеряла.

– Я так долго ждать не смогу.

– Ты уже прождала полтора года. Так что еще три дня протянешь.

* * *

На этот вечер гостей из Канзаса пригласила Эльжбета Фицовска. По пути к ней Рената рассказала, как крошечную Бету вывезли из гетто в ящике для плотницкого инструмента. Перед тем как закрыть крышку ящика, мать Беты положила туда серебряную ложку, на одной стороне которой было выгравировано имя Беты, а на другой – дата ее рождения.

Большая квартира Эльжбеты была полна людей.

– Добро пожаловать в Польшу, – сказала она через переводчика. – Зовите меня Бетой. Все друзья зовут меня так.

С одной из книжных полок на присутствующих взирало чучело сокола. Стены были украшены гобеленами, среди которых висело заключенное в рамку письмо от Марка Шагала, с которым дружил муж Беты Ежи Фицовский, известный поэт. Ежи показал им три гравюры погибшего во время войны еврейского писателя и иллюстратора Бруно Шульца.

Главный раввин Польши Михаэль Шудрих временно покинул раскопки в Едвабне, месте массового убийства евреев в июле 1941 года, чтобы присутствовать на этой встрече.

Дебра Стюарт возле Беты. Когда прозвучал первый тост, Бета повернулась к ней:

– Я так понимаю, вас тоже можно назвать победившей смерть.

– Да, – покраснев, ответила Дебра Стюарт, – наверно.

– Тогда вы понимаете, какой особый груз мы с вами несем по жизни. Ведь мы с вами знаем о ней нечто, что может быть известно только нам.

Лиз спросила Бету, почему так долго нужно ждать встречи с Иреной.

– Не знаю, – сказала Бета. – Она очень скромный человек и, наверно, считает себя наименее важным пунктом программы вашего визита. Ирена всегда говорит мне, что настоящими героями были наши родители и родные.

> Очень многие из спасенных Иреной не знают, что обязаны своей жизнью именно ей. Многие даже не знают о своем еврейском происхождении.

Во время войны об этом не говорили… это могло стоить

жизни всей семье спасителей. А при коммунистах никто не хотел признаваться в том, что помогал евреям. Я сама узнала о том, что меня вывезли из гетто только лет в 17, когда одноклассники начали дразнить меня еврейкой. Я ничего не понимала и спросила свою приемную мать, Станиславу Буссольдову, акушерку, благодаря которой я, кстати, появилась на свет. После войны, когда мне было три с половиной года, она забрала меня у няни Ольги, которая заботилась обо мне во время войны и удочерила. Мама позвонила Ирене, та сразу же пришла к нам и рассказала историю моей жизни. Сегодня я рассказываю вам свою историю без стыда и страха. Но так было не всегда. Слишком многие в Польше предпочли об этом не вспоминать. Но теперь в стране появляются ростки нового отношения к истории, и отчасти этим пробуждением мы обязаны тому, что делаете вы втроем. В один прекрасный день все поляки поймут, в каком долгу они перед Ireной и другими такими же людьми. Моя дочь знает эту историю, потому что Ирена для нее как родная бабушка. Два моих внука тоже знают Ирену. Когда-нибудь и они тоже поймут, чем мы все обязаны ей.

Она замолчала, чтобы перевести дух и утереть с глаз слезы…

После десерта все собрались в большой комнате.

– В моем доме много прекрасных и дорогих моему сердцу произведений искусства и книг, – обратилась она к Лиз, Меган и Сабрине. – Но вот мое самое главное сокровище…

Она протянула руку – на ее ладони лежала маленькая деревянная коробочка темно-синего цвета.

– Это все, что осталось у меня от родителей. У меня нет даже их фотографий.

Бета открыла коробочку – там на лиловой бархатной подушечке лежала серебряная ложка с гравировкой:

Эльжбета

Она протянула ложку Сабрине, которая, перевернув ее дрожащими от волнения руками, увидела с другой стороны: *5 января 1942* – дату рождения Беты.

Лиз рассматривала реликвию и размышляла о том, из какого множества больших и маленьких, зримых и незримых фрагментов состоит человеческая память. Одни думают о них постоянно, другие стараются забыть. Но ей-то было прекрасно известно, что забыть ужасное, как ни старайся, не получается…

Глава 27
Оно прямо у вас под ногами
Варшава, май 2001

Теперь в соответствии с составленной Иреной программой они отправились в Аушвиц. Они доехали от Варшавы до Кракова на скоростном поезде, там пересели на автобус и наконец, взявшись за руки, вошли в ворота под печально известной надписью «Arbeit Macht Frei» («Труд освобождает» – *нем.*). Лиз будто выпала из реальности: не было ни весеннего солнца, ни теплого ветерка, ни птиц – был только Аушвиц и зловещий хруст гравия под ногами. Они миновали некогда электрифицированную двойную изгородь из колючей проволоки.

– Всего год назад, – прошептала Меган, – в музее Холокоста… мы видели фотографии этих ворот, а теперь проходим через них сами…

В первом строении – невзрачного вида офисного корпуса – входы в газовые камеры, на стенах – карты, фотографии эсэсовских охранников, сортирующих прибывших евреев: эти – работать, те – умирать… Под каждым экспонатом таблички с пояснениями на польском, английском и иврите.

Во втором корпусе за дверью в правой стене начинался узкий коридор, освещенный только дневным светом, поступающим через выходящие в него открытые двери комнат. Идти по коридору можно только по одному. В первой комнате, за стеклом, – горы человеческих волос… светлых, темных, седых, черных… иногда свалявшихся в комья, иногда так и оставшихся заплетенными в косы. В следующей комнате – неровная стопка матрасов. Один шишковатый и грязный матрас стоит рядом, согнувшись и привалившись к ним, словно человек, у которого болит живот. Оболочка его распорота, и из дырки торчат человеческие волосы. Это матрасы охранников – на человеческом волосе им мягче спалось… Следующая комната забита чемоданами с именными бирками или нацарапанными прямо на боках именами, адресами… Потом идет комната с горами протезов, за ней – комната, заваленная очками, дальше – с грудами кастрюль и сковородок и, наконец, комната с детскими игрушками…

На улице экскурсовод остановилась у небольшого строения с высокой трубой.

Здесь был крематорий. На руинах печей лежали горы

свежесрезанных цветов.

Затем девушек отвезли к «рампе», где евреев выгружали из теплушек и сортировали: женщин с детьми, стариков и инвалидов – налево, в газовые камеры, работоспособных женщин и мужчин – направо. Коричневая кирпичная арка, через которую в лагерь въезжали поезда, казалась разверстой пастью безжалостного зверя.

Конечно, девочки читали об этом, но только здесь знание превратилось в трехмерную реальность, в настоящие здания, колючую проволоку… Позднее их отвели в реконструированные бараки, в каждом из которых на многоэтажных нарах должны были размещаться до 800 человек. Сабрину добили именно эти многоярусные нары… эти нависающие друг над другом узкие деревянные спальные полки. Она представила себе, как измученные заключенные, больше похожие на живые скелеты, втискивались в эти крошечные пространства… как им было страшно… как их изводила неизвестность и мысли о том, доживут ли они до утра…

Сабрине тоже однажды довелось спать на таких нарах и, как она ни гнала от себя мысли об этом и о том, в какую нищету низверг ее семью развод родителей, избавиться от них у нее никак не получалось. Такова уж была природа плохих воспоминаний. Они приходят, когда их меньше всего ждешь, когда нет сил им сопротивляться. Она училась во втором классе, и им пришлось переехать в крошечную хижину, и они с Сарой спали вместе на такой вот деревянной полке. За год до этого их родители разошлись, и отец со старшим братом уехал в Оклахому. Она осталась с матерью, тремя сестрами и вторым братом в Айдахо…

До того ужасного утра мать Сабрины ходила на три работы, и они с ней виделись очень мало. По ночам Сабрина забиралась к маме в кровать, прижималась к ней и спала, пока ту в предрассветный час не поднимет будильник. Мама вставала, на цыпочках выскальзывала на крыльцо дома, и в спальне оставался только запах ее духов. В одно такое утро ее машина заскользила на льду, три раза развернулась и врезалась в кирпичную стену.

Во время долгой реабилитации мама не работала. В результате они лишились дома и переехали в сарайчик на заднем дворе дома тетушки Кэти. В этой хижине, которую они называли «летним домиком», было две комнатки. В одну втиснули шезлонг, диванчик и кресло-грушу. Деревянные нары, где они спали, мама отделила от остального пространства занавеской…

В конце второго класса родители Сабрины помирились и переехали в Вирджинию, и новая жизнь, пусть и не очень-то счастливая, показалась ей по сравнению с этими временами поистине райской. После этого офицера Кунса каждый год или два переводили на новое место службы, и теперь Сабрина просто не могла сказать, где же ее настоящий дом.

От воспоминаний перехватило в горле, и из глаз Сабрины хлынули слезы. Дико закружилась голова, и чтобы не упасть, Сабрина присела на корточки и обхватила колени руками. Лиз и Меган опустились рядом с ней на колени и обняли ее с двух сторон… Сабрина уткнулась лицом в плечо Лиз и выплакивала слезы из наглухо запертого от всех уголка своей души, вскрыть который оказалось под силу только Аушвицу…

Ближе к вечеру, когда они уже дожидались поезда на краковском вокзале, Меган сказала Мистеру К.:

– Помните, Ирена написала, как мучает ее мысль о том, что она не смогла спасти больше людей? Я тогда не понимала, что она имеет в виду. Ну, то есть она и без того сделала так много, как же можно о чем-то сожалеть? Но теперь, мне кажется, я эти ее слова понимаю лучше. Она была ангелом небесным, но на каждого спасенного приходилось по сто, а то и по тысяче тех, кого она спасти не могла. Конечно, от этого горя разрывалось сердце.

* * *

На следующий день они отправились в Треблинку. Впечатления от поездки остались совершенно другие, хотя настолько же мощные и бередящие душу. Варшавских евреев уничтожали именно в Треблинке, в сотне километров к северо-востоку от города. На этот раз экскурсоводами были Рената Зайдман и дочь Беты Аня.

Треблинка – это своеобразный алтарь памяти. Над Аушвицем постоянно висит жуткая тишина – здесь же, в сосновом бору, весело щебечут птицы. Тут нет ни крематория, ни колючей проволоки, никаких физических напоминаний о лагере – только шесть мемориальных камней с надписями на разных языках. На камне с английским текстом говорилось, что лагерь смерти Треблинка существовал с июля 1942-го до августа 1943-го. За 13 месяцев в нем было уничтожено 800 000 евреев. Такими же камнями обозначен периметр лагеря. Девушки прошли через символические ворота лагеря, два гранитных столба, склонившихся друг к другу подобно окаменевшим часовым

памяти. Они прошагали по череде гранитных блоков, выложенных, как железнодорожные шпалы, и напоминающих, что именно здесь проходила железнодорожная линия, по которой в лагерь доставляли обреченных на смерть. Каменное железнодорожное полотно заканчивалось у бетонной платформы. Буквально через два часа после выгрузки на эту платформу все прибывшие в лагерь евреи были уже мертвы.

И вот девочки оказались перед восьмиметровым гранитным монументом – гигантского, расколотого на две части могильного камня. В трещине стоят поминальные свечи и лежат цветы. За этим надгробием огромная зеленая поляна с ямой, в которой сжигали трупы, и братской могилой, окруженной кольцом из 17 000 камней разных цветов и размеров.

– А почему именно 17 000 камней? – спросила Лиз.

– Столько еврейских городков и деревень было уничтожено во время Холокоста, – ответила Рената. – На 130 камнях выбиты названия поселков или городов, из которых депортировались евреи.

Меган остановилась у одного из мемориальных камней:

– Смотрите, Отвоцк… где выросла Ирена.

Они не заметили единственный камень, на котором было высечено не название города, а имя человека. Это был камень погибшего здесь детского врача Януша Корчака. Через несколько дней Ирена расскажет им о том, как познакомилась с ним и как шла вслед за ним и колонной детей из его Дома сирот во время их последнего марша через Варшавское гетто до умшлагплатц, железнодорожной платформы, где евреев загружали в отправлявшиеся в Треблинку вагоны для перевозки скота.

Возвращаясь по булыжной дорожке, Лиз заметила, что Аня с Ренатой поотстали, и, обернувшись, увидела, что Аня плачет в объятиях Ренаты. Где-то здесь покоился и прах их родных и близких.

* * *

На следующий день Ирена запланировала для них пешеходную экскурсию по гетто с известным историком и исследователем Варшавского гетто профессором Яцеком Леоцяком и Ренатой. Тур начался в Еврейском историческом институте, музейно-исследовательском учреждении, занимающемся изучением и документированием жизни, истории и культуры польских евреев.

Яцек Леоцяк, невысокий, по-мальчишески симпатичный

мудрец в расстегнутой спортивной рубахе и с рюкзаком на спине, встретил их в главном выставочном зале института. По-английски он говорил с мелодичным британским акцентом, выразительно жестикулируя.

– Чтобы вам были понятны масштабы… представьте себе. В Варшаве было 1800 улиц… только 73 из них находились на территории гетто. 380 000 евреев – 30 % населения Варшавы! – втиснули в 2,5 % ее площади. Внутри гетто в каждой комнате жили по восемь человек. Это все сухие цифры… территория холодного разума. Но скоро мы с вами отправимся на сами улицы. Гетто будет прямо у вас под ногами. Вы не увидите его остатков, его границы не отмечены знаками или табличками. Как ни удивительно, в Польше до сих пор не написана и не издана полная история Варшавского гетто… И ведь нельзя сказать, что о нем забыли – о нем знает любой поляк. Его просто игнорируют…

Перед началом экскурсии профессор Леоцяк показал документальный фильм, смонтированный из снятой нацистами в гетто хроники. Когда на экране появились первые черно-белые кадры, он предупредил девушек:

– Фильм сделан нацистами в мае 1942-го. Люди часто забывают об этом. Чрезвычайно важно понимать, что здесь нет ни нейтральности, ни объективности. Здесь мы видим мир извращенным взглядом. Кадры полны насмешки и презрения. Это сродни тому, как смотрит на экзотических животных охотник, путешествующий по каким-нибудь диким местам и фотографирующий разные биологические виды на свою камеру. Именно так относились к евреям немцы. И нам нельзя забывать о преступности такого видения мира.

Профессор достал из рюкзака три собственноручно изготовленные карты Варшавского гетто. В результате кропотливых исследований ему удалось нанести на них все дома и строения гетто на каждой из трех стадий его ликвидации. На каждой следующей карте периметр гетто становился меньше. Он показал редкие сохранившиеся до сих пор здания, а также несколько мемориальных табличек. Одна из них находилась рядом с Институтом. Ею было отмечено место, где стояла Большая синагога на Толмацкой, взорванная в мае 1943 года, в последние дни восстания.

– Если вы хотите понять гетто, – объяснял он, пятясь, чтобы не отворачиваться от своих слушателей, – вы должны знать, что гетто было маленьким городом больших контрастов. Население гетто разделилось на несколько социальных слоев. В нем были богачи, этакие нувориши, зарабатывавшие на контрабанде, и те,

кто умирал от голода. Конечно, всем евреям была уготована одна судьба, но до начала депортаций они жили на совершенно разных уровнях.

Сейчас мы проходим через одни из 22 ворот, ведущих в гетто. Стена гетто была построена из кирпичей, привезенных с развалин зданий, разрушенных во время немецкого вторжения 1939 года. Евреев заставили своими руками построить собственную тюрьму: кирпичи брали с руин домов в еврейских кварталах, работали на строительстве евреи, все расходы по возведению стены оплачивали тоже евреи. Стена, на вершине которой в цемент были вмонтированы осколки стекла, протянулась на 11 миль.

Нацисты уничтожили гетто после Восстания 1943 года, но корни гетто – вот они, под нашими ногами. Мы с вами сейчас будто бы идем по закрашенной черной краской стеклянной поверхности. А под ней реальный город. Руины гетто отсюда не вывозили, а просто разровняли. На руинах гетто построили целые кварталы, из них сделали живописные холмы. И даже здания в этих кварталах строились из кирпичей, которые добывались на руинах гетто. Строители собирали битый кирпич, переплавляли его в специальных печах и получали так называемый шлакокирпич.

Вот здесь находился дом № 2 по улице Лешно. В нем была штаб-квартира организации Centos, где Ирена часто встречалась со своей соратницей, еврейской социальной работницей Евой Рехтман. А еще здесь же располагалось самое известное в гетто артистическое кафе-кабаре «Штука» («Sztuka» – *польск.*, «Искусство»).

Леоцяк вытащил из рюкзака фотоальбом.

– Вот фотография этой улицы времен войны. Сегодня на табличках написано, что это аллея «Солидарности», но в 1940-е тут проходила улица Лешно. Она была раза в два уже нынешнего бульвара. Мы с вами сейчас шагаем над улицей Лешно, над Варшавским гетто. И этот поразительный факт не отмечен ни табличкой, ни памятным знаком.

> А ведь если сейчас начать копать, то прямо под слоями асфальта мы начнем находить битые тарелки, жестяные кружки, ложки и человеческие кости.

Они прошли вслед за Леоцяком через арку во двор обшарпанного жилого дома. В центре двора дома 13 по улице Лешно профессор Леоцяк остановился и, широко раскинув руки, обвел ими все, что было вокруг.

– Это одно из полностью сохранившихся зданий. Именно в такие дома 60 лет назад приходила к своим подопечным Ирена.

Мы с вами сейчас в том самом доме, в том самом дворе, где бывала Ирена. Разница только в запахе – тогда здесь стояла жуткая вонь, и в количестве людей – в те времена тут яблоку было негде упасть. Здесь вы можете увидеть, как с довоенных времен была организована жизнь людей: закрытый двор с воротами, этакий микромир. В гетто было приблизительно 2000 таким микромиров, и в каждом из них выбирался «домовый комитет», представлявший всех жильцов этого дома.

Меган робко подняла руку, и Леоцяк кивнул ей.

– Ирена написала нам, что многие из евреев не хотели отдавать ей своих детей, потому что не верили, что немцы их убьют. А когда им стало понятно, что смерти не избежать?

– Трудно сказать. Первые сообщения о массовых убийствах в Восточной Польше, например в селе Понары под Вильно, достигли Варшавы где-то за год до ликвидации гетто. Но в гетто такие новости доходили только до очень ограниченного круга людей. Архивы Рингблюма говорят, что уже осенью 1941-го некоторые люди в это верили, особенно участники сопротивления. В марте 1942-го, когда началась «Операция Рейнгардт»[117], т. е. уничтожение евреев на территориях Генералгубернаторства, многие обычные люди с востока посылали своим родственникам и друзьям в Варшавском гетто письма, в которых писали: «Они нас убивают. Будьте осторожны. Прячьтесь, потому что они убивают нас».

Жители гетто получали эти письма и… не верили! Может, немцы и способны уничтожить какой-нибудь маленький городок, но ведь Варшавское гетто – самое большое в Европе! Здесь это невозможно! Стандартный механизм психологической защиты… своеобразная самооборона или, если вам угодно, отрицание очевидного. А потом начались депортации.

Размышляя о смерти, мы всегда думаем, что умереть может любой другой человек, но не мы сами. Мы считаем себя неподвластными смерти. Важно понимать и то, как трудно вообразить себе, что 400 000 человек можно послать на смерть. В это невозможно поверить. Кроме того, не было прецедентов… до сих пор такого никогда не случалось. Мне кажется, что человек просто не в состоянии в такое поверить.

– Но почему же так мало евреев пыталось убежать? – Сабрина, казалось, вконец запуталась. – Я хочу сказать, что вы же сами сказали, что поначалу выбраться из гетто было довольно легко.

Леоцяк согласно закивал.

– Как ни странно, но многие евреи в гетто чувствовали себя безопаснее. Люди убегали на арийскую сторону, но потом

возвращались, потому что не могли прожить за стенами гетто дольше месяца-двух. И не столько потому, что у них не было денег, сколько из-за того, что они не могли жить в постоянном напряжении и каждодневном страхе.

– То есть, чтобы спрятаться вне гетто, нужно было быть богатым человеком? – сказала Меган.

Леоцяк улыбнулся:

– Именно это чудо и творит Ирена. Она дает шанс на спасение самым бедным, у которых по причине отсутствия денег и знакомых такого шанса просто нет. Она – луч света… луч духовного света в полном мраке. Она выстраивает целую структуру… обеспечивая дружескими связями и убежищами тех, кто никогда не смог бы найти их сам. Ирена не помогает богачам. Богатые могут позаботиться о себе сами, а сироты и дети из бедных семей обречены. Ирена начинает с уличных беспризорников – тех, у кого вообще ничего нет. Она начинает с самых беспомощных.

Они миновали здание суда, служившее одним из многих каналов спасения. На его стенах до сих пор видны следы пуль времен восстания 1944 года. Чуть дальше Леоцяк остановился у театра «Фемина». Теперь в нем кинотеатр, но во время войны это был практически Карнеги-Холл[118] гетто…

– Еще вы должны понять, какими были звуки гетто, – сказал Леоцяк. – Сейчас мы с вами окружены машинами и грузовиками, но в гетто не было автомобилей. Звук мотора в гетто – это сигнал опасности. Автомобилями в гетто пользовались только гестаповцы, и если они появлялись на улицах, это значило, что скоро кто-то умрет.

Через несколько кварталов, на перекрестке, Рената остановилась и показала на крышку канализационного люка.

– Здесь я спустилась в канализацию, когда бежала из гетто, – сказала она.

Чуть дальше она показала на угол улицы:

– А там я рылась в карманах мертвеца в надежде найти хлеба.

Меган попыталась представить Ренату 14-летней – девочкой, которой было всего на год меньше, чем ей самой сегодня, и вообразить себе, каково ей всю жизнь носить в себе эти воспоминания.

– А что вы делали все эти дни? – спросила Меган.

– Я находила книги и читала их, сидя в здании склада среди трупов. До того, как я спустилась в канализационные тоннели, единственным способом убежать отсюда для меня были книги.

К середине дня у девочек от ходьбы по горячему асфальту заболели ноги.

– Что ж, – сказал Леоцяк, – вы сейчас чувствуете то же, что чувствовали люди, ходившие жаркими летними днями по улицам гетто. Не забывайте, гетто прямо у вас под ногами.

Теперь они находились в сварной части гетто, на тенистых улицах, ничем не отличающихся от улиц любого другого города.

– Я вырос в коммунистической Польше, – продолжал Леоцяк, – совсем недалеко от этого места. Я родился в 1957-м, и мальчишкой бегал смотреть кино в «Фемину». Вон там была моя школа. А там – детский сад. Как-то я копался в земле во дворе своего дома и нашел вилку и разбитую чашку. Именно после этого случая я заинтересовался историей вообще и историей гетто в частности и посвятил ей всю свою жизнь. Это, конечно, странно, но почти все, что мне известно о войне и о гетто, я узнал при коммунистах. Я жил рядом с тем местом, где обнаружили Архив Рингельблюма. После войны здесь повсюду были холмы из развалин гетто, и мостовые улиц почти везде находились ниже первых этажей домов, потому что дома строили на этих руинах. Здесь же собирали материал для изготовления шлакокирпича. Видите маленькую площадку на той стороне улицы? Именно там, по адресу Новолипье, 68, был обнаружен захороненный в земле Архив Рингельблюма. Смотрите, там до сих пор нет ни памятной таблички, ни мемориальной доски…

В войне удалось выжить двум близким соратникам Рингельблюма, Гершу Вассеру и Рахели Ауэрбах. Герш Вассер был секретарем Рингельблюма и точно знал, когда и где были спрятаны архивы… 3 августа 1942 года. Двум подросткам, имена которых до нас не дошли, поручили отнести десять металлических ящиков с бумагами в подвал дома 68 по улице Новолипье и закопать их там в землю. Они очень торопились, потому что уже началась ликвидация этого района. У них не было времени герметизировать контейнеры с документами. Вот почему эти коробки, когда их нашли, были заполнены водой. Охраняли документы еврейские подростки, активно участвовавшие в подпольной работе… именно им и было поручено захоронить контейнеры. Но перед тем, как закопать архивы в землю, они написали на листе бумаги несколько слов от себя, этакое завещание потомкам, и положили его в один из ящиков. Мы нашли его.

Они написали его за несколько минут до того, как начать копать. И чего же они просили? Нет, не спасения собственных жизней. Они понимали, что все кончено. Они просили потомков прочитать этот архив и помнить его. Они написали это письмо вам, мне, всем остальным людям. Эти еврейские мальчишки обратились в августе 1942-го ко всем нам… они попросили нас

сохранить этот архив и прочитать его в будущем мирном мире. И вот он, вечный вопрос: прислушались ли мы к этим словам из прошлого?

Меган казалось, что все самое важное в Варшаве оказывается закопанным в землю – списки Ирены, архивы Рингельблюма, само гетто.

– Но когда я смотрю на вас, девушки из Канзаса, – продолжал Леоцяк, – мне кажется, что это наследие нашло своих адресатов.

Они прошли еще один квартал и оказались у фрагмента стены с колючей проволокой наверху. Неподалеку стояло одетое в бронзу дерево с с голыми ветвями и множеством табличек на металлической оболочке ствола.

– Это все, что осталось от печально известной тюрьмы Павяк. Построенная в 1835 году, она была тюрьмой для польских патриотов, боровшихся против царской России, таких же партизан, каким был прапрадедушка Ирены. Во время немецкой оккупации Павяк стал одной из самых страшных тюрем в Польше. Во время отступления фашисты взорвали здесь все. Уцелел только фрагмент ворот да это дерево. Я помню его с детства, тогда это был еще живой вяз, на нем росли листья… он был, пожалуй, единственным живым напоминанием о тех временах. Потом он умер, и его заковали в бронзу. На табличках написаны имена погибших в этой тюрьме людей.

Он сделал небольшую паузу, прикидывая, насколько утомила девушек эта долгая прогулка под жарким солнцем, а потом спросил:

– Вы же хотите узнать, как Ирене удалось выбраться из Павяка?

Воздух вдруг будто наэлектризовался. Лиз вздрогнула. Девочки, не сговариваясь, сделали шаг вперед.

Глава 28
Побег из Павяка
Варшава, май 2001

Табличка на входе в «Мавзолей-музей Павяка» гласила, что экспозиция производит тяжелое впечатление и дети до 14 лет сюда не допускаются. Профессор Леоцяк попросил девочек подождать во дворе, а сам спустился по зловещей железобетонной рампе, ведущей к подземному входу в музей. Девушки присели на скамейку. Лиз показала на торчащую из трещин в асфальте зеленую траву:

– Не перестаю удивляться, когда смотрю, как траве удается пробиваться даже через бетон.

В этот момент вернулся профессор Леоцяк в сопровождении черноволосой женщины в темном платье. На солнце сверкнула серебряная цепочка ее очков. Леоцяк представил ее:

– Это Мария Вержбицка, экскурсовод по Павяку. Она ответит на все ваши вопросы. Я же сейчас с вами попрощаюсь, а завтра мы встретимся и пойдем на Умшлагплатц. Я знаю, что день получился очень длинный и прошу у вас прощения, но вы приехали ненадолго, а мне так много нужно вам рассказать.

Они спустились за Марией вниз по рампе и погрузились в скованную каменными стенами холодного, сырого и полутемного музейного фойе тишину… Длинным, похожим на тоннель коридором они прошли в тюремную камеру.

– В такой камере Ирена провела три месяца. Изначально камеры были рассчитаны на двоих, но немцы размещали в них по восемь-десять человек.

Мария показала на глазок в двери:

– Немцы называли это отверстие «жидовской дыркой». Эсэсовские охранники нередко развлекались, вставляя ствол пистолета в этот глазок и наугад стреляя в переполненную камеру.

Мария провела их в большую комнату с витринами, в которых были выставлены орудия пыток. Встав спиной к свету и превратившись в четко очерченный силуэт, Мария достала конверт и вынула из него несколько машинописных листов.

– Ирена не любит говорить о Павяке – это слишком больно… Но она надиктовала свои воспоминания, и профессор Леоцяк попросил меня прочитать их вам именно здесь. Присядьте на скамейки. На эти самые скамейки сажали заключенных, всех лицом в одну сторону. Немцы подходили к ним со спины

и требовали выдать товарищей. В случае отказа они стреляли в затылок… Вот что написала вам Ирена:

> *«Дорогие мои, любимые девочки,*
>
> *Мне очень трудно говорить о Павяке, и по этой причине я решила рассказать о том, что там произошло, в письме. Во время войны для варшавян не было слов страшнее, чем «Павяк» и «Шуха, 25», где находилась штаб-квартира гестапо. Оттуда не возвращались… Я выжила чудом».*

Мария прочитала рассказ Ирены об аресте в день ее именин, 20 октября 1943 года, о Басе и прачечной, о застреленном в тюремном дворе мальчике, об избиениях и унижениях. Но это было больше, чем письмо. Слушая рассказ Ирены на арестантской скамейке в полутемном подвале Павяка, того самого здания, где творились все эти ужасы, Лиз чувствовала, что каждое написанное Иреной слово отчаянно жаждет быть услышанным. Какой бы страшной ни была эта история, Лиз просто должна была дослушать ее до конца.

Мария продолжала читать:

> *«Вместе со мной в тот день должны были расстрелять еще 10 или 15 женщин. Надзиратели запихнули нас в грузовик. Но вспоминается мне и неожиданное проявление доброты. Польский охранник помог мне забраться в фургон и сказал:*
>
> *– Осторожнее. Не ударьтесь головой. Я буду за вас молиться.*
>
> *Казни часто проводились на Шуха, 25, и поэтому я не сомневалась, что меня этим утром расстреляют. Смерть будет избавлением… ее я боялась меньше, чем пыток. Я не назвала никаких имен, ничего не сказала ни о нашей организации, ни о списках с именами детей. Ведь если б им удалось меня сломать, в опасности оказался бы весь Детский отдел Жеготы.*
>
> *Фургон остановился у дома 25 по улице Яна Шуха. Нас затолкали в комнату с двумя дверями: одна справа, другая слева. Немцы начали перекличку… Отозвавшуюся женщину уводили в левую дверь. Затем раздавался пистолетный выстрел… Кто-то плакал. Одна женщина потеряла сознание. Я услышала свое имя, шагнула вперед, но меня повели в правую дверь. «О Боже, – подумала я, – нет, не надо больше пыток!..»*
>
> *Унтерштурмфюрер СС*[119] *втолкнул меня*

в комнату, и я упала на колени, потому что ноги у меня распухли так, что мне казалось, на них вот-вот начнет лопаться кожа…

Офицер отпустил часового. Сердце у меня ушло в пятки. Ни одного мгновения боли я уже перенести не смогу. Он поднял меня с пола и повел через комнату. Он открыл ключом другую дверь, которая вела в переулок. Я помню, как почувствовала холод этого январского утра. Я не видела солнца уже сто дней, и когда оно вышло из-за тучи, я ослепла и споткнулась. Унтерштурмфюрер подхватил меня под руку и повел через Уяздовскую аллею, а потом мимо Уяздовского парка, где мы с мамой однажды устроили пикник около пруда. Он подталкивал меня вперед, а ноги у меня еле двигались. Я ничего не понимала. Мы повернули за угол на тихую Вейскую улицу, где он ослабил свою хватку, и я чуть не упала, когда он отпустил мою руку. А потом он сказал по-польски:

– Ты свободна. Проваливай побыстрее.

Я подумала, что либо я сплю, либо меня уже убили. Он потряс меня за плечи:

– Ты что, не поняла? Вали отсюда!

Он тяжело дышал и, кажется, был испуган… Я молчала и не двигалась с места. Тогда он отвернулся и зашагал прочь.

– Мне нужна моя Kennkarte, – как можно решительнее сказала я.

Он изумленно повернулся ко мне. Я почувствовала, что ко мне возвращаются силы, и потребовала:

– Отдайте мне мою Kennkarte.

Он подошел вплотную ко мне, и я увидела, как страх в его глазах сменился яростью. Он с размаху ударил меня по лицу рукой в черной перчатке, и я упала, чувствуя во рту привкус крови… Он ушел.

Я с трудом поднялась, окинула взглядом пустынную улицу, а потом доковыляла до ближайшей аптеки. К счастью, в ней не было покупателей, потому что я до сих пор была одета в полосатую тюремную робу. Из-за прилавка на меня ошеломленно смотрела молодая женщина. Не задав ни единого вопроса, она отвела меня в подсобку, дала мне стакан воды и каких-то успокоительных капель, а потом сказала:

– Меня зовут Хелена.

Я автоматически ответила ей:

– А я – Ирена.

Хелена как могла расчесала мои свалявшиеся волосы, потом одеколоном продезинфицировала раны на лице, шее, руках и животе. Ноги обрабатывать было слишком больно. Она нашла для меня какую-то старую одежду, дала палку и денег на трамвай. Где-то с час я отдохнула у нее, а потом села на «пятерку» и поехала домой.

Сердце у меня по-прежнему колотилось как сумасшедшее. Сил не было никаких, ноги горели, мысли путались. К счастью, мне удалось сесть. Я смотрела в окно и, чувствуя мерное покачивание трамвая, понимала, что возвращаюсь в нормальную жизнь, домой…

Вдруг на подножку трамвая запрыгнул мальчишка-газетчик.

– Вылезайте! – крикнул он. – Облава!..

У меня не было ни бумаг, ни Kennkarte, т. е. ничего, что могло бы спасти меня от ареста. Люди стали выпрыгивать прямо на ходу. Мне помогал какой-то мужчина, он держал меня за руку, но я все равно упала на колени, на них лопнула кожа и пошла кровь… Наконец я дотащилась до дома, дверь мне открыла мама… Я была так измотана, что в первый момент даже не заметила, как она осунулась.

Позднее я узнала, что Жегота подкупила отпустившего меня унтерштурмфюрера. Еще я узнала, что через несколько недель его расстреляли. Это была одна из самых крупных взяток за всю историю Жеготы. Должно быть, мои друзья по-настоящему любили меня, раз пошли на такое. На следующий день мое имя появилось на красных плакатах в списках казненных.

Дорогие мои, любимые девочки, скоро мы увидимся. То, что вы делаете, дает миру надежду на то, что ужасы не повторятся. Конечно, мои слова относятся и к вашему учителю, профессору Норману. Также я посылаю наилучшие пожелания вашим родителям.

Искренне ваша, любящая вас,

Иоланта-Ирена».

* * *

Экскурсия закончилась в таком же полутемном, как и все остальные помещения Павяка, музейном зале. Здесь девочки увидели прощальные письма, написанные заключенными родным

и любимым перед казнью, записки, тайно переправлявшиеся на волю, шахматные фигурки, вылепленные из заплесневелого хлебного мякиша. Одна арестантка нарисовала акварелью свою камеру, и на рисунке расписались все 18 ее сокамерниц. В живых не остался никто. Особенно долго Лиз, Сабрина и Меган стояли перед крохотными синими пинетками, сшитыми матерью для родившегося в тюрьме ребенка.

Лиз чувствовала себя раздавленной. Что была их простенькая пьеса на фоне трагической истории Польши, что были ее переживания по сравнению с тем, что помнят те, кто выжил в этом аду, кем были они, американские тинейджеры нового тысячелетия, по сравнению с поляками, увязшими в тысячелетии предшествующем?.. Разве могла она хотя бы надеяться понять, какой болью наполнено их прошлое? Разве было у нее право заставлять их его вспомнить? Мы, думала она, сыграли пьесу уже раз 40, но ведь им нужно будет выступить еще 200, а то и 2000 раз, чтобы об Ирене узнал весь мир.

Лиз нащупала в кармане распечатки писем зрителей, посмотревших *«Жизнь в банке»*, и решила, что не позволит Павяку сломать себя, как не позволила ему сломать себя Ирена. Она поклялась, играя Ирену, вспоминать Павяк, чувствовать на своих плечах его холодный груз, слышать его могильную тишину, видеть крохотные синие пинетки. Она заставит это чудовище наполнять ее вдохновением и силой.

Глава 29
«Вы спасли спасительницу»
Варшава, май 2001

На следующий день они с профессором Леоцяком посетили Умшлагплац – площадку, размером меньше теннисного корта, окруженную четырьмя мраморными стенами, на которых выбиты имена убитых в Треблинке евреев: *Авраам, Анна, Арон…* Леоцяк показал им фото 60-летней давности, снятые немцами на том самом месте, где они теперь стояли: гигантский загон, заполненный евреями, ожидающими поезда на Треблинку. После этого он повез девушек к писателю Михаэлю Гловинскому, которого во время войны спасла Ирена. Его мемуары, «*Черные времена*», только что вышли в свет.

Они прошли в кабинет профессора Гловинского – сутуловатого человека с растрепанными седыми волосами.

– Сначала я расскажу вам историю своего спасения, а потом мы попьем чаю и поговорим, – сказал он. – Я обязан Ирене буквально всем. Она вывезла меня из гетто, когда мне было всего восемь. Она спасла моих родителей и двоюродного брата Петра Цеттингера – он выбрался из гетто через канализацию… В детстве у меня были очень выраженные еврейские черты… в те времена это называлось «неудачной внешностью»… меня спрятали в одном из монастырей.

Гловинский рассказал о бесконечных перемещениях из одного убежища в другое, рассказал об отчаянии и предательствах, о том, как ему пришлось сыграть шахматную партию с шантажистом (экстравагантную историю, похожую на эпизод из фильма Феллини или Бергмана), о мгновениях, когда он находился на грани гибели…

– Мне было девять лет, и я был уверен, что мама погибла. Однажды воспитанников приюта в Турковице пригласили в гости к одному из местных богачей… это был этакий жест сострадания. Мы, дети, сидим на персидском ковре в доме этого филантропа, и прислуга угощает нас пирожными. И вдруг я узнаю в одной из горничных свою маму. Она тоже узнает меня, но показать этого мы не можем… она отворачивается к другому мальчику…

Прощаясь с девочками, профессор Гловинский произнес слова, которые девочкам придется услышать еще не раз:

– Ирена спасла меня и многих-многих других… Это было очень давно… и об этом почти все забыли. Но теперь вы, девочки… вы стали спасительницами.

Вы спасаете Ирену, рассказывая о ней всему миру… Вы спасли спасительницу.

* * *

До встречи с Иреной им осталось нанести еще один визит, совершить еще одно паломничество… Они шли к Ханне, чья мать, Яга Пиотровска, помогала Ирене закапывать списки детей под своей яблоней. Ханна наверняка должна была знать, что произошло со списками. Ханна до сих пор жила все там же, в доме 9 по Лекарской улице.

Ханна Пиотровска-Реховичова, худая, статная женщина, в синем вечернем платье и наброшенном на плечи ярко-красном платке, ждала их у двери, выделяясь ярким пятном на фоне серой стены. У нее были прямые каштановые волосы, подстриженные по плечи. Фасад дома был испещрен небольшими круглыми выбоинами. Каждая из них была укреплена мазками цемента и поэтому сильнее бросалась в глаза.

– Интересно, что это за дырки? – прошептала Меган Сабрине, пока они поднимались на крыльцо.

Шею Ханны украшало колье из трех морских раковин, отбрасывающих блики солнечного света на ее точеное лицо. Если в то время, когда ее мать с Иреной закапывали во дворе банки со списками, ей было 12, прикинула Меган, то сегодня ей должно быть ближе к 70.

Ханна застенчиво улыбнулась и произнесла на правильном, но не очень уверенном английском:

– Иренины девочки из Канзаса.

Заметив, что их заинтересовала щербатая стена ее дома, она сказала:

– Автоматные пули.

Продолжила она уже по-польски:

– При восстании 1944 года[120] Варшава была разрушена почти полностью, осталось всего несколько кварталов, и наш был среди них. Эти отметины стали памятником. Наши соседи заштукатурили следы от пуль на своих домах. Но мы сделали ровно противоположное. Мой муж – художник.

Она пригласила их и съемочную группу в дом и, усадив за стол, угостила яблочным сидром и печеньем. Дом номер 9 отличался от прочих не только снаружи, но и внутри: стены комнат были расписаны мужем Ханны. Одна стена представляла собой изумительную «обманку», смотря на которую гости видели холл с большой хрустальной люстрой и величественной винтовой

лестницей, уходящей куда-то под потолок в углу комнаты. Другие стены были увиты настолько же реалистично исполненной виноградной лозой.

Во второй раз после Павяка Меган ощутила необъятную громадность того факта, что она находится в том самом доме, где Ирена и Яга Пиотровска прятали спасенных детей, в том самом доме, из которого они выходили закапывать списки.

– Мне было 12 лет, – рассказывала Ханна, – и, по идее, я не должна была ничего знать и видеть. Но однажды ночью я проснулась и подошла к окну. Внизу я увидела огонек лампы и тени мамы и Ирены. Они закапывали под нашей яблоней банки со списками.

Меган не хотела никакого яблочного сидра… ей нужна была яблоня. Где же она? Почему Ханна не ведет их посмотреть на нее? А что со списками? Ханна наверняка знает о списках все… она же знает, как они важны! Меган увидела в окно донельзя запущенный садик. Какое же из этих деревьев и есть та самая яблоня?

В этот момент Ханна рассказывала своим гостям нечто совершенно поразительное.

– А на той стороне Лекарской, прямо напротив нашего дома, были эсэсовские казармы. Мне было поручено звонить в маленький колокольчик, если к дому кто-нибудь подходил.

> Я помню тогдашнюю Ирену. Она была такая молодая и красивая… и всегда одна. Конечно, за исключением тех случаев, когда она приводила детей.

Она всегда входила через черный ход, с переулка. И все время такая целеустремленная. И все время куда-то торопилась.

Ханна рассказала о своей матери – она умерла в 1988 году, не дожив года до того момента, когда Польша наконец стала свободной. Потом она принесла в гостиную серебряную медаль на деревянном брусочке с прозрачной крышкой.

– Это награды от Яд Вашема, – сказала она. – А вот фотография моей мамы того времени. Она тогда была настоящей авангардисткой… и настоящей красавицей.

– Вам, наверно, было очень страшно, – сказала Меган. – Как же можно было так жить изо дня в день? Вы часто молились?

– Когда целыми днями не чувствуешь ничего, кроме страха, со временем он становится нормой жизни.

– А что случилось со списками? – не смогла удержаться Лиз.

– Когда закончилась война, пришла Ирена, выкопала банки и собрала все списки в один.

– И… и… и что дальше?

– Дальше пришли коммунисты, и об этих списках предпочитали не говорить. По крайней мере со мной.

– А что случилось с яблоней? – спросила Сабрина.

На лицо Ханны вернулась улыбка.

– А яблоню я вам могу показать. Пойдемте. Мы с вами пойдем той дорогой, по которой ходили мама с Иреной. Из-за эсэсовских казарм секретную работу приходилось делать на заднем дворе, а ходить через переулок.

В конце улицы они свернули налево, а потом еще раз налево, на узкую, рассекающую квартал вдоль, дорожку, стиснутую с обеих сторон крошечными палисадниками. Ханна показала на один из домов:

– Здесь люди прятали у себя троих еврейских детей, а здесь, – кивнула она на следующий, – четверых.

Они вошли через калитку с выцветшей табличкой «№ 9» в заросший садик.

– Всего на Лекарской скрывалось 40 или 50 детей, – вспоминала Ханна. – Сложнее всего было с малышами. Некоторые все время плакали. Те, кто постарше, уже знали, что нужно вести себя как можно тише.

Внезапно на ее лице мелькнула озорная детская улыбка:

– Как это ни удивительно, но… немцы не арестовали ни одного человека с этой улицы.

Ханна провела их сквозь густые заросли к старому, устало склонившемуся дереву с узловатым стволом.

– Она до сих пор каждый год приносит по несколько яблок, – сказала она, нежно поглаживая морщинистую кору дерева. Ханна на несколько мгновений закрыла глаза.

Девочки опустились рядом с деревом на колени и запустили пальцы в рыхлую землю. Лиз нарисовала на земле сердечко.

Мистер К. стоял рядом с яблоней, положив руку на одну из ветвей.

– *Яд Вашем* на иврите означает «Память и Имя».

Листья яблони вдруг зашелестели от пролетевшего по переулку ветерка.

– Мы с вами сейчас стоим на святой земле.

Лиз подумала, что, услышав эти слова из уст какого-нибудь другого человека, она посчитала бы их напыщенными и даже идиотскими, но Мистер К. был их Учителем, и сомневаться в искренности и важности сказанного им ей даже не приходило в голову.

Они постояли в молчании, а потом Лиз спросила:

– А как выглядели эти банки или бутылки?

Ханна начала было объяснять по-польски, но потом вдруг

замолчала и задумалась.

– Пойдемте. – Она махнула рукой, призывая всех последовать за ней. – Давайте вернемся домой.

В комнате, где на стене была нарисована ведущая в никуда лестница, она открыла дверки буфета и, порывшись внутри, достала пустую молочную бутылку и показала ее девочкам.

– Конечно, эта не настоящая. Из тех у нас ни одной не осталось. Но она приблизительно того же времени и очень похожа… – она передала бутылку Лиз. – Это мой вам маленький подарок. Пусть она будет участвовать в вашем спектакле. Покажите всему миру, что для него сделали Ирена и моя мама.

Глава 30
Сердечки и подсолнухи
Варшава, май 2001

Ирена жила в маленькой квартирке на тихой варшавской улице вместе с невесткой, внучкой Агнес и маленькой собачкой. Прибывшие на двух польских «фиатах» гости из Канзаса обнаружили, что им придется парковаться посреди улицы рядом с мини-вэном корреспондентов из «Ю-Эс – Эй Тудей»[121], фургоном польских кинодокументалистов и множеством других автомобилей с журналистскими пропусками на ветровом стекле, позволявшими машине стоять там, где вздумается ее хозяевам.

Сабрина не смогла оправиться от трансатлантического перелета и до сих пор плохо спала по ночам. Потом был Аушвиц… А теперь она волновалась, представляя себе встречу с Иреной. А вдруг она в них разочаруется? Дебра Стюарт призналась, что тоже чуть не трясется от волнения. Меган, хоть и ошеломленная происходящим не меньше других, была преисполнена радостной гордостью за то, что именно ей выпало быть участницей этих удивительных событий. Лиз, безумно счастливая и смертельно испуганная, думала, как в ней могут уживаться эти два совершенно противоположных чувства?

Режиссер Миха Дудзевич попросил канзасцев подождать, пока техники меняют перегоревшую лампу, чтобы зафиксировать на пленке момент их приезда к дому Ирены. Девочки охотно согласились, а Мистер К. задумался: могут ли постановочные кадры или эпизоды спектаклей быть правдивыми?..

> ***«Жизнь в банке»*** был наивным переложением реальной истории Ирены на язык театра. Было понятно, что они исполнят свою пьесу для Ирены, но его не отпускали опасения, что она будет разочарована…

Но больше всего он боялся, что Ирену расстроят вольности, допущенные ими в изложении ее истории. И в этом она будет права, ведь в конечном счете они рассказывают ее историю. И все же он знал, что, если историю не рассказать так, чтобы людям, а особенно молодым, было интересно, для большинства ее просто не будет. Конечно, Ирене понравятся девочки, но будет ли она довольна их пьесой?

Строгая, как часовой, медсестра замахала руками, приказывая прессе остаться на лестничной клетке… нет, им войти

нельзя. Она перевела взгляд своих стальных глаз на девочек и что-то затараторила по-польски. Переводчик немного замялся.

– Она озабочена состоянием здоровья Ирены, – объяснил он. – У Ирены подскочило давление и разыгрался диабет. Она быстро устает. Она может поговорить с вами минут 15–20, а потом нужно будет уйти.

Медсестра открыла дверь и показала в сторону крошечной ванной в конце коротенького коридорчика.

– Сначала помойте руки. Не забудьте, долго оставаться с Ireной вам нельзя.

Квартирка была полна друзьями и родственниками Ирены. Все говорили одновременно, словно встретились после долгой разлуки. Когда в комнату вошли девочки, все стихло, и они оказались в центре внимания двух десятков людей. Кто-то спросил что-то по-польски, и тут же комната вновь зашумела. Люди приветствовали их, задавали вопросы, показывали фотографии. Медсестра ледоколом врезалась в толпу, прокладывая дорогу через комнату. Меган, нервно улыбаясь, снова и снова повторяла единственное известное ей польское приветствие:

– Dzień dobry! Dzień dobry! («Добрый день! «Добрый день! – *польск.*)

Она завидовала умению Мистера К. сохранять полную невозмутимость и располагать к себе даже совершенно незнакомых людей. Другой переводчик, Людчик Ставовый, представил девочек дочери Ирены Янке, темноволосой женщине средних лет.

– И сколько же вам лет? – спросила у Меган медсестра.

Меган расправила плечи и гордо подняла голову:

– Шестнадцать.

– Очень хорошо, – произнесла медсестра с непроницаемым выражением лица.

Сабрина увидела Ирену первой. Маленькая, меньше полутора метров ростом, она стояла, держась руками за хромированные ходунки, и улыбалась, смотря на девочек немного удивленными, черными, как уголь, глазами. На ней было черное платье, а абсолютно седые волосы были забраны черной ленточкой. Лиз вдруг захлопала в ладоши, к ней присоединились стоящие за ее спиной Меган и Сабрина, а потом эти аплодисменты, словно круги на поверхности воды, разошлись по квартире, и к овации присоединились все оставшиеся в гостиной. Кому или чему они аплодировали? Ирене? Девушкам из Канзаса? Просто этому необычайному мгновению? Ирена махнула рукой… идите ко мне. Ирена обняла Меган и притянула ее к себе. По щекам Меган

струились слезы. Аплодисменты внезапно прекратились, будто для этого мгновения уместнее всего была полная тишина…

Вдруг откуда-то выскочила маленькая, возбужденная множеством гостей дворняжка, с лаем ринулась к Ирене, лизнула ее руку и – выбежала из комнаты. Все рассмеялись…

Ирена подозвала Мистера К. движением руки, и он опустился на колени рядом с ее креслом.

– Профессор Норман.

Ирена взяла его лицо в ладони и пристально посмотрела в глаза. Улыбка ее была полна счастья, а по морщинистому лицу бежали слезы.

– Профессор Норман, – повторила она. – *Dzienkuje. Dzienkuje* (спасибо – *польск.*).

Затем подошла Дебра Стюарт. Ирена перевела взгляд с Дебры на Меган, а потом обратно.

– Мама – Меган. Мама – Меган, – сказала она, заключая Дебру в объятия.

С этого дня все в Польше станут называть Дебру Стюарт «Мамой-Меган», и это же почетное прозвище она будет с гордостью носить дома, в Канзасе.

Потом в комнату вошли сначала Карен, а потом Камберсы, дедушка Билл и бабушка Филлис. С каждым новым знакомством лицо Ирены озарялось счастливой улыбкой.

Лиз распирало от волнения, словно маленького ребенка:

– Мы привезли вам подарки.

Сабрина распечатала сверток и развернула огромное вырезанное из розовой бумаги сердце, подписанное всеми учениками Юнионтаунской школы.

> Меган вручила Ирене вазу с букетом цветов, а Лиз – гобелен с подсолнухами. Ирена сразу же приказала повесить его на самом видном месте.

Потом она показала на стоящую у изголовья кровати тумбочку, на которой стояла фотография ее любимых канзасских девочек.

– Вы знаете, – сказала она, показывая на гобелен, – для меня и многих других людей моего возраста подсолнух имеет особое значение. Варшавское восстание в 1944 году началось в первый день августа, в «День подсолнухов». Я до сих пор с такой нежностью вспоминаю довоенные времена, когда подсолнухи были выше меня ростом.

Она засмеялась, и все, кто был в этой маленькой комнате, услышали в ее смехе нотки счастья, которое чувствовала когда-то молодая Ирена.

– Спасибо вам за подарки… но больше всего я благодарна вам за то, что вы ко мне приехали. Мне так много нужно вам рассказать.

Она надела тяжеленные на вид очки и взяла со стоящего рядом с креслом столика стопку машинописных листов. Подняв голову, она снова улыбнулась девочкам, посмотрев на них увеличенными толстыми стеклами лучистыми глазами. Строгая медсестра склонилась к ней и зашептала что-то на ухо, но Ирена с улыбкой отмахнулась от нее и обратилась к своим записям. Она читала, делая паузы, чтобы успевал работать переводчик.

Она хотела, чтобы девочки узнали имена всех героев, ведь их подвиги забывать было никак нельзя. Во время восстания 1944 года, когда шли ожесточенные бои, а немцы целенаправленно и методично уничтожали Варшаву, Ирена была медсестрой в госпитале. Она и Стефан работали бок о бок с бесстрашными врачами – Хенриком Палестером и Скоковской-Рудольф. Последняя была педиатром, специалистом по детскому туберкулезу. У них не было опыта работы в травматологии, но они каждый день вставали к хирургическому столу и делали операции. А знали ли девочки, что ее имя значилось в гестаповском списке самых опасных преступников? Еще она рассказала им, как ее ударил ножом сумасшедший немецкий дезертир, как в эту рану попала инфекция и она чуть было не погибла.

Каждую новую историю она рассказывала все энергичнее, словно черпая из них жизненные силы. Наконец она сняла очки:

– Наверно, пора сделать перерыв. Кроме того, у меня тоже есть для вас подарки.

Она достала три медальона – серебряные сердечки на цепочках – и вручила их девочкам. По-прежнему улыбаясь, хоть и срывающимся от волнения голосом, она сказала:

– Я дарю каждой из вас по кусочку своего сердца.

– Вы делаете это всю жизнь, – сказала Меган.

Когда девочки надевали сердечки, защелкали фотокамеры.

– Прежде чем продолжить свой рассказ, я хотела бы узнать, может, вам не дают покоя какие-нибудь очень важные вопросы?

Меган откликнулась немедленно:

– Почему вы это делали? Я хочу сказать, почему вы рисковали жизнью ради спасения еврейских детей? Трудно ли было их матерям отдавать вам своих детей? А как вы спасали детей? Что случилось со списками? И как…

Ирена снова рассмеялась и замахала рукой, останавливая Меган.

– Я слишком стара, чтобы за тобой поспеть!.. У меня было

много помощников, и мне хочется, чтобы вы узнали обо всех этих людях. Мир не должен забыть их имена. Прежде всего, у меня были *мои ланчники (moi łącznicy – польск.*, мои связные). Все они были христиане, все были социальными работниками: девять женщин и один мужчина. Вы уже знаете про Ягу Пиотровску и познакомились с ее дочерью Ханной. Через ее дом на Лекарской прошло больше дюжины детей. Знаете и об Ирене Шульц, «второй Ирене», которую вы в своей пьесе назвали Марией. Она была моей близкой подругой и человеком выдающегося ума. Еще была Изабелла Кучковска, вместе с которой мы вывели первых детей через подвалы здания суда. Еще были Ванда Дроздовска, Зофья Патецка, Люцина Францишкевич, Роза Завацка, Мария Рошковска и единственный мужчина в нашей компании – Винцентий Ферстер. Нельзя забывать и моего начальника в службе социальной защиты Яна Добрачинского, который помогал нам подделывать документы, манипулировать финансами и покрывал все эти наши «преступления». Мы потеряли некоторых из этих героев, и я скорблю по ним до сегодняшнего дня. До войны Ядвига Денека занималась размещением сирот в приемных семьях. Во время войны ее квартира в доме 76 по Обозовой, что в районе Коло, стала временным убежищем и пунктом распространения подпольной прессы. В 1943 году, за месяц до моего ареста, ее схватили гестаповцы. Ее пытали, но она не сказала ни слова. Потом ее казнили.

Ирене пришлось сделать паузу и вытереть глаза кружевным платочком. Она глубоко вздохнула.

– А на ваш первый вопрос: почему я это делала – я отвечала уже много-много раз. Так мне велело сердце. После немецкого вторжения Польша тонула в море жестокости и горя. И из всех, кто жил в Польше, именно евреям больше всего нужна была помощь, именно им было сложнее всего позаботиться о себе и своих детях.

– А что со списками? Что случилось со списками?

Ирена улыбнулась и, закрыв глаза, снова перенеслась в давно минувшие времена.

– Ханна, дочь Яги, уже показала вам нашу яблоню. В первую послевоенную весну мы с Ягой пришли туда при свете дня и в последний раз встали на колени под яблоней, чтобы выкопать списки. Мы копали большими ложками и просто руками. До сих пор вспоминаю густой запах весенней земли, запах надежды на новую жизнь. Целых три года мы тайком выкапывали и закапывали эти банки по ночам, и теперь я ловила себя на том, что оглядываюсь – не увидели б нас соседи! Яга не хотела, чтобы об этих бутылках знала Ханна, но я знала, что она знала.

В тот замечательный весенний день 1945 года нас обуревали очень странные, удивительные и совершенно новые чувства, но среди них не было ощущения счастья. В военное время мы доставали бутылки, добавляли туда новые списки и закапывали их обратно. Но на этот раз все было иначе. Пока списки лежали в земле, у нас была возможность не думать о том, что родителей всех этих детей нет в живых. Мне кажется, что таким же образом работает человеческая память… мы стараемся поглубже похоронить болезненные воспоминания, но в конце концов их приходится выкапывать. Мы с Ягой очень надеялись, что больше ничем не потревожим и без того изломанную жизнь этих детей… Одна из бутылок разбилась, и списки были безнадежно испорчены, но на основе остальных нам удалось составить приблизительную статистическую сводку.

Ирена снова надела очки с толстыми стеклами и вернулась к чтению записей:

> Около 500 детей размещены в монастырях (Ян Добрачинский и Ядвига Пиотровска).
>
> Около 200 детей размещены в сиротском доме Отца Бодуэна (Мария Краснодебска и Станислава Жибертовна).
>
> Около 500 детей размещены через Польский Совет социальной защиты (Александра Даргелова).
>
> Около 100 подростков в возрасте 15–16 лет направлены в партизанские отряды (Анджей Климович, Ядвига Кошутска, Ядвига Билвин и Юлиан Гробельный).
>
> Около 1200 детей размещены в приемных семьях (Хелена Гробельна, жена Юлиана Гробельного, Мария Палестер и ее дочь Малгожата Палестер, Станислав Папужинский, Зофья Ведрыховска, Изабелла Кучковска и ее мать Казимира Тржаскальска, Мария Кукульска, Мария Дроздовска-Роговичова, Винцентий Ферстер, Янина Грабовска, Ионанна Вальдова, Ядвига Билвин, Ядвига Кошутска, Ирена Шульц, Люцина Францишкевич и Хелена Малушинска).

Многие дети сами выбирались из гетто и прятались в Варшаве, и мы помогали им продуктами, деньгами, документами. А после войны появились новые опасения… В стране царил хаос, перемещенные лица, беженцы. Я даже не представляла себе, как тут найти больше двух с половиной тысяч детей и их родителей. Варшава была уничтожена почти полностью, 95 % ее населения лишились крова. Адреса, что мы указывали в списках, перестали существовать… выполнить

данное родителям обещание было практически невозможно, но я чувствовала, что обязана попытаться.

Польша была наводнена сиротами. Конечно, мы могли найти тех, кто был размещен в монастырях или приютах, но их родители погибли, значит, нужно было разыскать их родственников… а сделать это было почти невозможно. Поэтому меня не удивило, что советское правительство не проявило к этому делу интереса и не предложило никакой помощи. Потом мы начали понимать, какими последствиями грозит детям воссоединение с родственниками. Для них, особенно для самых маленьких, оно оборачивалось еще одной психологической травмой. Их забирали у людей, которых они считали своими единственными и настоящими родителями, и передавали выжившим родственникам, зачастую очень дальним. Но делать это все равно было нужно. Ведь иначе они никогда не узнали бы ни своих настоящих имен, ни имен своих родителей. Они даже не узнали бы, что родились евреями.

Спустя год я поговорила с председателем Центрального комитета евреев Польши Адольфом Берманом и рассказала ему о своих мучениях. Более того, списки были написаны на очень тонкой папиросной бумаге, и я очень боялась, что они разрушатся и их нельзя будет прочитать.

К этому времени у меня уже родилась Янка… 31 марта 1947 года. Я назвала ее в часть умершей во время войны мамы Янины. Я поняла, что я пока не боец, и скрепя сердце отдала списки Берману. Через несколько лет после этого он уехал в Израиль и забрал с собой либо оригиналы, либо копии списков. Он жил в кибуце выживших в войне польских евреев… кибуце Героев гетто. Как ни печально, но я не знаю, что стало со списками дальше.

Ирена помолчала.

> – Я о многом жалею, но больше всего о том, что не смогла… спасти больше детей… не смогла разыскать их после войны. Мне до сих пор снится, как плачут дети, а я забираю их…

И помню тех, кого пришлось оставить. Я уже очень старенькая и слишком хорошо понимаю свои ошибки и неудачи. – Ирена тяжело вздохнула. – Слишком много мучительных воспоминаний, слишком тяжелым грузом лежат они на моем сердце даже спустя все эти годы. Сейчас я скажу вам то, во что невозможно поверить, но это правда. Однажды я видела, как мать бросила грудного ребенка через стену гетто. Можете себе представить такое?

Ирена еще почти час рассказывала о прошлом. Она рассказала о репрессиях коммунистических властей. О том, чем она занималась во время войны, лучше было помалкивать. До 1965 года, когда она была награждена медалью Яд Вашема, даже ее собственные дети почти ничего не знали о ее прошлом. Янка, которой в тот момент было 17, только что поступила в Варшавский университет, но ей вдруг сообщили, что решение о ее зачислении отменено. Через два года такой же дискриминации был подвергнут и сын Ирены Адам. У Ирены разрывалось сердце…

А закончила она так:

– Во время оккупации я видела, как тонет в море ненависти польский народ, и в самом страшном положении оказались евреи. А помощь больше всего была нужна детям. Я была просто обязана им помогать. Неправы те, кто называет это героизмом, это была простая и совершенно естественная потребность, веление сердца.

Глава 31
Воспоминания
Варшава, май 2001

Когда Ирена пообедала и немножко вздремнула, девочки были полны решимости исполнить *«Жизнь в банке»* для своего самого главного зрителя. За обедом они строили догадки, понравится ли Ирене их пьеса, если они сыграют ее прямо в ее крошечной спальне… спектакль до сих пор длился не больше 15 минут, и они уже не раз играли его без костюмов.

Но Ирена сначала спросила, нет ли у них еще каких-нибудь вопросов, и Меган сразу же подняла руку.

– Один человек в синагоге сказал мне: «У меня было чувство, что, если такое происходит, значит никакого Бога нет».

Ирена задумчиво постучала пальцем по подбородку.

– Нет, чудеса все-таки *случались*, и везение было. Некоторым людям молитвы помогали не терять надежды… У меня тогда не было сильной веры в Бога, но однажды нам повезло так, что этого нельзя объяснить простой случайностью, и, кто знает, может, в тот момент нам помогал сам Господь.

> Вообще после объединения с Жеготой нам относительно везло: мы потеряли убитыми всего несколько человек, одна из них погибла в Павяке.

Как-то вечером я была у Яги на Лекарской. Мы дожидались темноты, чтобы захоронить свежие списки. Вдруг послышались полицейские свистки. Эсэсовцы перекрыли Лекарскую, и начались повальные обыски. А я ведь только вывела из гетто девочку по имени Сара, и она была с нами. Списки, которые мы собирались закопать этой ночью, лежали на столе. Ужас!.. Свистки, офицеры выкрикивают приказы, грохот солдатских сапог. Яга схватила списки и запихнула их себе под бюстгальтер. Она спрячется наверху, в стенном шкафу. Мы с Сарой спустились в подвал и спрятались там. Я договорилась с ней играть в игру «кто сидит тише», и стали ждать прихода немцев.

Но они так и не пришли. Солдаты были совсем молоденькие. Наверно, это были новобранцы, и их учили искать тайники и двойные стены. По счастью, в этот момент ни в одном из временных убежищ на Лекарской не было детей, и никого не арестовали. Теперь я думаю, что это было самое настоящее чудо.

– Мой пастор всегда говорит, что пути Господни

неисповедимы, – сказала Меган.

Лиз поерзала, усаживаясь поудобнее. Дольше ждать было уже невозможно.

– А что… что вы скажете о нашей пьесе? – спросила она.

– Я прочитала ее несколько раз, – ответила Ирена. – Я сделала пару поправок, но в целом она очень близка к истине. Конечно, очень больно все это вспоминать. Но помнить об этих ужасных временах мы просто обязаны. И вы должны рассказывать эту историю людям.

– Может, там есть ошибки? – спросила Сабрина. – Мы хотим, чтобы в пьесе все было достоверно.

– Безупречно никогда не будет, – сказала Ирена. – Человеческая память – штука очень хрупкая, и нас осталось слишком мало.

Она промокнула глаза платочком, а потом продолжила:

– В одном эпизоде вы показываете, как я говорю немецким часовым у ворот, что забираю ребенка из гетто, потому что у него тиф. Это неправильно. Немцы боялись тифа больше всего на свете. Этот солдат скорее всего расстрелял бы ребенка на месте. Наверно, и меня вместе с ним. А еще вы неправильно назвали мою помощницу. У вас это Мария, а на самом деле это была еще одна Ирена – Ирена Шульц. Возможно, вы сделали так, чтобы зрители не путались в Иренах, но в жизни наши знакомые нас никогда не путали: она была очень высокая, а я – маленькая. Нас так и звали: «две Ирены»… Ирена Шульц была восхитительным человеком. Я по ней очень скучаю. Она умерла в 1983-м.

Ирена рассказала и о других соратниках, о том, как они выводили из гетто детей, о санитарном фургоне, Данбровском и его дрессированной собаке Шепси, о том, сколько тратилось денег, как подделывались документы, о взятках и угрозах. Потом она подозвала девочек поближе и шепотом сказала:

– Иногда Жеготе приходилось убивать шантажистов.

На каждый вопрос девочек Ирена задавала по два. Она расспрашивала их о Канзасе, о *«Жизни в банке»*, об их родителях, братьях и сестрах. Еще где-то с час она рассказывала о своем детстве, о том, как восстала против антисемитских правил Варшавского университета и как ее за это отстранили от занятий.

– А как у вас было с мальчиками? – спросила Лиз. – Ну, я хочу сказать, у вас же были молодые люди?

Взгляд Ирены на мгновение затуманился воспоминаниями, а потом она улыбнулась:

– Да, у меня были Митек и Стефан.

Лиз с Меган обменялись взглядами.

Ирена всмотрелась в лица девочек, словно решая, что

рассказать, а что оставить в тайне. Она объяснила, что с первым мужем Митеком они дружили с детства. Они были добрыми друзьями, но брак оказался неудачным, и им пришлось расстаться. Во время войны он попал в плен. Когда его репатриировали, они оформили развод, и Ирена вышла замуж за Стефана, от которого и родила двоих детей. Но со временем и в этом союзе начались неполадки, а потом, когда Янке было 14, а Адаму 12, Стефан скоропостижно скончался.

– Он был хорошим отцом, – сказала она и вдруг замолчала.

Справившись с накатившими эмоциями, она подозвала Людвика Ставового, исполнявшего на встрече роль переводчика, и прошептала ему на ухо какие-то слова, которые он передал только Мистеру К.

– Девочки мои, – сказала Ирена, – я очень устала, но завтра мы с вами обязательно увидимся.

Меган растерялась, а как же спектакль? Предполагалось, что Ирена посмотрит их пьесу. Почему она не захотела увидеть спектакль сразу же? Может, они сыграют его завтра, ведь он и так коротенький, а они могли бы еще подрезать сценарий. Ведь все, что сейчас происходит, случилось именно благодаря их пьесе.

Они вышли из подъезда и, заворачивая за угол, посмотрели на Ирену – она стояла у окна и махала им платочком.

На пути в отель Меган спросила:

– Мистер К., а почему мы не сыграли Ирене пьесу?

– Ирена сказала, что не хочет ее смотреть.

– Как? Почему? – изумились девочки.

– Она просила перед вами извиниться и сказать, что, наверно, не сможет посмотреть спектакль… это будет для нее слишком тяжело. Ей понравилась пьеса, но видеть ее на сцене она боится. Ну, не удивительно ли? Ирена Сендлер, и боится!

Когда на следующее утро они ехали к Ирене, тяжелое небо поливало город дождем, настроение было соответствующее.

> Меган тяжело переживала отказ Ирены посмотреть ***«Жизнь в банке»***. Она все понимала, и все равно было обидно. Разве не пьеса была их самым драгоценным подарком Ирене?

Выйдя из машины, Лиз спросила Меган:

– Как ты думаешь, мы с ней еще раз увидимся?

– Возможно, – сказала Меган. – Ей уже 91, и чувствует она себя неважно. Я за нее буду молиться. Очень хочется, чтобы она жила до 100, а то и больше.

У двери в квартиру их снова встретила медсестра с неизменным строгим выражением лица. Она, как и в прошлый

раз, приказала им вымыть руки. На этот раз людей в квартире было гораздо меньше.

– Как я вам уже говорила, у Ирены очень высокое давление… – сказала медсестра.

Меган приготовилась выслушать очередную лекцию.

– Но вчера вечером, после вашего визита, давление у нее упало и держится в норме. Судя по всему, вы для нее – лучшее лекарство. – Она позволила себе улыбнуться. – Идите, она вас ждет.

Ирена снова обняла каждую из девочек, а потом спросила:

– Какие еще вопросы не дают вам покоя?

– Я так и не понимаю, – сказала Сабрина, – почему о вашем подвиге почти никто не знает.

– Мир – штука несправедливая. И ваша задача – сделать его более справедливым. А что до меня или других людей, награжденных медалями Яд Вашема… мне кажется, многие хотят, чтобы мы просто потихоньку поумирали и перестали напоминать о темных страницах нашей истории. Жизнь полна и чудес, и ужасов. Я, несмотря ни на что, стараюсь вспоминать только хорошее, но иногда это слишком трудно… слишком больно. Иногда с нами происходят немыслимые вещи. Во время войны у меня сильно болела мама, у нее было очень слабое сердце. Лекарств не хватало, она не могла нормально питаться, и… – Ирена замолчала, не договорив фразы. – Сейчас мне больно об этом вспоминать, но я была не очень хорошей дочерью и, возможно, даже приблизила ее смерть. Но так ли это, я никогда не узнаю. Я понимаю, почему полякам не хочется вспоминать. У всех нас есть болезненные воспоминания. И помнить об этих событиях очень неприятно, но необходимо.

– Мы бы не хотели доставлять вам мучений, – сказал Мистер К. – Рассказывайте только то, что считаете возможным.

– Я всегда стараюсь говорить всю правду… расскажу и сейчас… Когда меня арестовали, с сердцем у мамы стало совсем плохо. Будучи в Павяке, я ничего не могла для нее сделать… До сих пор мне тяжело сознавать, что я рисковала не только своей жизнью, но и жизнью всей моей семьи. Мне нужно было сделать выбор между спасением людей и спасением своей матери, и, Господи меня прости, я выбрала первое.

Выйдя из Павяка, а вы теперь уже знаете, как произошло это чудо, одна из девочек-связных проводила меня в квартиру Генрика и Марии Палестеров на Ловицкой, 51. Пройти два квартала от трамвайной остановки я смогла, только держа в каждой руке по трости. Боль от каждого шага наполняла меня яростью, и я была рада этому чувству. За четыре года войны

я поняла, что если страх – это своего рода голод, то ярость – это хлеб и вода, которыми можно пусть и не насыщаться, но по крайней мере поддерживать жизнь. Я подковыляла к только что наклеенному на стену красному плакату. На плакатах этого цвета печатались списки казненных. Моя юная связная показала среди имен 17 других людей мое имя. На плакате было указано, что я была казнена за «помощь евреям и связи с криминальными элементами, ведущими подпольную деятельность». Впервые за 100 дней я рассмеялась.

Но смеялась я недолго, потому что сообразила, что с момента моего ареста прошло уже почти четыре месяца, и если Стефан был еще жив, он наверняка увидит этот плакат и будет считать, что меня расстреляли. У меня голова пошла кругом, когда я подумала обо всем, что мне надо сделать…

Когда немцы поняли, что мне удалось избежать казни, моими поисками занялось гестапо. Они допрашивали маму, перерыли мой рабочий стол в отделе социальной защиты, допрашивали моих коллег. В Жеготе мне сделали новую *Kennkarte*, свидетельство о рождении и продуктовые карточки на имя Клары Дамбровской. Я стала не Иреной, а Кларой, и теперь мне, как всем тем людям, которым я когда-то помогла, тоже нужно скрываться.

Через свои каналы связи с Польской Социалистической партией, ППС, мне удалось выяснить, что Стефан является связником между ППС и Армией Крайовой и прячется в Отвоцке. Я смогла отправить ему весточку. Но увидеться с ним мы сможем только через много месяцев, потому что перемещаться по стране даже с хорошо подделанными документами было опасно. Кроме того, я была еще слишком слаба.

Восстанавливать здоровье пришлось в домах друзей и связных, почти каждую ночь переезжая с одного места на другое. Несколько суток я жила… в варшавском зоопарке – в компании броненосца и выводка маленьких лисят, которых выхаживала кошка. Приютили меня там смотрители зоосада Ян и Антонина Жабинские[122].

При любой возможности я навещала маму. Врач сказал, что лекарство перестало ей помогать и будет настоящее чудо, если она протянет еще год. К ней начал заходить местный священник. Как-то мама сказала мне слова, которые до сих пор не дают мне покоя:

> – Ирена, пообещай мне, что не придешь на мои похороны. Они будут тебя там ждать.

Она заставила меня дать слово, что я сделаю так, как она

хочет. Я могла бы сделать для мамы гораздо больше, но… Утешаю я себя только тем, что за всю войну она ни разу не сказала мне:

– Не делай этого.

Немного оправившись, я встретилась с Зофьей Коссак. Я хотела… нет, мне было просто необходимо… продолжать работать. Зофья принялась меня отговаривать, мол, нужно на время исчезнуть, но я не сдавалась. Я спросила Зофью, как устроили мое освобождение, и она рассказала, что Жегота заплатила за меня взятку… самую большую за всю историю организации. А потом она задала мне странный вопрос:

– Ты знаешь, что произошло с тем эсэсовцем, которому мы заплатили?

Я помнила только, как он ударил меня по лицу, и сказала:

– Почему меня это должно интересовать?

Она мне все равно сказала – такая уж была Зофья! – на него кто-то донес, и его казнили.

К февралю 1944-го от гетто уже ничего не осталось. Его разбомбили и сожгли дотла сразу после того, как было подавлено восстание. Спасать теперь было уже некого, но тысячам прячущихся от немцев детей нужна была помощь. Мне поручили распределение денег, доставку фальшивых документов и поиск новых убежищ. Конечно, я не могла вернуться в свою контору. Но, получив новое имя и хорошо подделанные документы, я могла ездить на поездах в пригороды и даже другие города.

Во время одного из таких путешествий поезд вдруг остановили и перевели на запасной путь. В купе вошел офицер СС. Он проверил у всех пассажиров документы, обыскал багаж. Я возвращалась в Варшаву, доставив по назначению фальшивые документы и деньги, которые я зашивала под подкладку пальто.

Он показал мне список имен, а потом спросил на очень плохом польском:

– Знаете кого-то из них?

Мое собственное имя бросилось мне в глаза, будто буквы на бумаге горели огнем, а чуть ниже я увидела и имя *Стефан Згржембский*.

Я покачала головой и вернула ему бумагу.

– Нет. Никого не знаю, – сказала я.

Он отдал мне документы и вышел из купе.

Мама умерла во сне 30 марта 1944 года. Как она и боялась, гестаповцы пришли и в церковь, и на кладбище. Пришли, не скрываясь, в своих черных кожаных плащах с круглыми фашистскими значками на лацканах. Им было нужно, чтобы люди заметили их и боялись, потому что они расспрашивали всех

присутствующих обо мне…

Ирена сделала паузу. Она посмотрела на девочек, а потом сказала:

– Пожалуйста, не обижайтесь, но мне бы хотелось поговорить с Меган наедине. Мы недолго.

Когда они остались в комнате вдвоем, Ирена наклонилась поближе к Меган:

– Знаешь, Меган, во время войны мы очень хотели победить Гитлера и фашизм. И мы смогли это сделать. В мире нет ничего невозможного. Нужно просто делать то, что считаешь правильным… шаг за шагом, и…

Она замолчала и, взяв в ладони лицо Меган, заглянула ей в глаза.

– Как твоя мама справляется? В последнее время все больше людей болеют раком. Я этого не понимаю. Но, Меган, послушай… – она крепко держала Меган своими дрожащими от старости руками. – Твоя мама – очень сильная женщина. Мне сказали, что она тоже очень хочет победить этот рак.

Меган бросилась к ней в объятия. Она рыдала, не сдерживая слез, а Ирена гладила ее по голове и шептала добрые слова, которые не нуждались в переводе.

* * *

Девочки вышли из спальни и отправились в гостиную, к столу, уставленному легкими закусками, и Меган почувствовала себя так, будто пришла праздновать чей-то день рождения. Кто-то сказал тост, и все подняли стаканы ежевичного и яблочного сока за Ирену. Потом Ирена предложила выпить за «профессора Нормана и моих дорогих, любимых девочек».

Мистер К. произнес ответную речь.

– Мы от всей глубины души благодарим Ирену, – сказал он. – По сравнению с тем, что пришлось перенести еврейскому и польскому народам, наши трудности – абсолютный пустяк. Преклоняясь перед вашей смелостью, все мы чувствуем себя просто маленькими детьми. Вы – наша героиня… пример для подражания. Мы будем продолжателями вашего великого дела… мы, как и вы, будем отстаивать право на уважение любого человека. Я хочу произнести тост на иврите… все мы прекрасно знаем эти слова… слова, руководствуясь которыми, вы, Ирена, сделали так много. Ле хаим! (За Жизнь! – *ивр.*)

Даже оператор из съемочной группы положил свою камеру и поднял стакан сока.

– Ле хаим!

Почтительное молчание нарушила Карен:

– Девочки узнали, что ваш подвиг отмечен Еврейским Фондом Праведников в Нью-Йорке и что они выделяют вам ежемесячное пособие.

– Да, – сказала Ирена, – они очень щедры. Но я привыкла обходиться малым. Мне приходят письма и открытки от тех, кого мне удалось спасти, иногда они звонят. Они спасают меня от уныния. Но умирают мои старые друзья и соратники. Больше всего я боюсь, что после смерти последнего из спасенных все забудут о Холокосте. И поэтому сердце у меня болит сильнее, чем ноги. Всю мою долгую жизнь меня больше всего печалили мысли о том, что с моим уходом из жизни может исчезнуть и память о тех временах.

Она повернулась к девочкам и заговорила торопливее:

– Наверно, нам пришло время прощаться. Но прежде я хотела бы сказать вам кое-что очень важное. Я прошу вас быть как можно осторожнее.

> Не делайте того, что делала я. У меня просто разорвется сердце, если с вами что-нибудь случится.

Меган была уверена, что они с Иреной больше никогда не увидятся, по крайней мере на этом свете, и на глаза ее набежали слезы. Она поднялась и обняла Ирену, которая снова и снова повторяла:

– *Kocham was.* (Я люблю вас – *польск.*)

Обняв каждую из девочек, Ирена долго смотрела каждой из них в лицо, словно стараясь запомнить их на веки вечные.

– *Kocham was*, – отвечали ей девочки.

До рейса оставалось несколько часов. Дочь Ирены Янка вышла с ними на лестничную клетку. Людвик перевел ее слова:

– Я не хотела говорить это при всех, но я очень благодарна вам за то, что вы рассказываете людям историю маминой жизни.

Когда они вышли из подъезда, моросило. Они подняли головы, чтобы последний раз посмотреть на окно, за которым стояла поднявшая руку в прощальном жесте Ирена. Они долго махали ей в ответ, прощаясь со своей героиней. Печальное лицо Ирены светилось счастьем, а по оконному стеклу, словно слезы, бежали капли дождя.

Глава 32
11 сентября и боль канзасских прерий
Канзас и Варшава, сентябрь 2001 – весна 2002

Меган была в семье первенцем, и Марк Стюарт изо всех сил старался воспитать ее добропорядочной христианкой, учил помогать родителям и открыто высказывать свое мнение. Она выросла именно такой, но не приведи Бог, если ей что-нибудь «втемяшивалось в голову»…

Болезнь Дебры немного отступила, но у Марка так сильно болели ноги и спина, что он не мог забраться в трактор…

– Меган, помоги-ка Тревису накормить скотину!

– У меня на носу контрольная по испанскому и доклад по истории, – отрезала она. – Мама всегда говорит, что школьные дела для меня – прежде всего.

– Когда я был в твоем возрасте… – начал было Марк Стюарт.

– Знаю, папа, – вздохнула Меган, – ты разносил почту и в иной день проходил по 14 миль, а самым главным в твоей жизни была наша ферма. Папа, я собираюсь стать фармацевтом, а не фермершей.

Марк Стюарт вздохнул и повернулся к Тревису. Тот пожал широкими плечами и пошел на двор. Этого мощного, немногословного и добродушного парня любили все. А ему больше всего в жизни нравилось водить отцовский трактор. Когда в сентябре 2001-го Марк Стюарт лег на операцию, Тревис взял на себя все работы на ферме и с удовольствием сел за руль этого трактора…

Меган чувствовала, что что-то идет не так, хотя с мамой вроде наладилось, с Кенни было все прекрасно, спектакли расписаны на все лето 2001 года, одно приглашение пришло даже из далекого Чикаго…

Лиз тоже немного хандрила… Ирена была права…

> Никто в этом мире не был застрахован от беды, и, наверно, у всех людей жизнь так или иначе разваливается на куски, только одни выставляют это напоказ, а у других это происходит совсем незаметно.

С момента возвращения из Польши Лиз не переставала думать о своей матери, о том, как она бросила ее, и гадала, жива ли она еще.

* * *

Сабрина окончила школу и поступила в Общественный колледж Форт-Скотта. На большее у нее в семье денег не было. Она продолжала ходить на репетиции и приезжала на спектакли, а 10 сентября отправилась с Лиз и Меган в Питтсбург на радиоинтервью. Интервью вышло в эфир 11 сентября 2001 года в 7.45.

> **Эмили Расинко:** *Девушки говорят, что больше всего их взволновала встреча с Ireной Сендлер.*
>
> **Мистер К.:** *Это прекрасная история. История на все времена и для всего человечества. История толерантности, любви и взаимопонимания, в которых наш мир сегодня нуждается никак не меньше, чем в 1942–1943-м. Наша цель – рассказать историю жизни Ирены Сендлер. Но эти девушки делают гораздо больше. Они стали проводниками истории. Они исправляют недостатки этого мира.*

* * *

Ровно через минуту, в 7.46, самолет «Американ Эйрлайнс» («American Airlines» – *англ.*), следовавший рейсом № 11, врезался в северную башню Центра международной торговли в Нью-Йорке. Еще через несколько минут радиопередача была прервана выпуском экстренных новостей. У большинства американцев день 11 сентября запечатлелся в памяти новостным видеороликом. Они смогут с абсолютной точностью сказать, где они были и что делали, когда узнали о том, что творилось в Нью-Йорке. В восточном Канзасе многие скажут, что это случилось, когда они слушали интервью с основателями Проекта *«Ирена Сендлер»*.

На следующий день, 12 сентября, у девочек было запланировано выступление в синагоге «Бней Ихуда»[123] B'nai Jehudah в Канзас-Сити, но Мистер К. был почти уверен, что его отменят.

Перед началом первого урока к нему заглянула Джессика Шелтон, вошедшая в труппу *«Жизнь в банке»* последней и взявшая на себя обязанности гастрольного менеджера.

– Ой, извините, – сказала она. – У нас сегодня будет спектакль или нет? С моей стороны все готово.

Она казалась абсолютно бесстрастной, будто единственная в Америке не слышала новостей. Но что-то в ней было не так,

и Мистеру К. стало интересно, скажет ли она что-нибудь о происшедшей трагедии.

– Я подготовила фургон, – продолжала она, – созвонилась со всеми в Канзас-Сити, взяла телефоны и резервные контакты на всякий пожарный, подготовила карту, закупила еду.

– Может, лучше позвонить в синагогу и спросить у раввина Тауба?

– Ага. Ладно.

Джессика пошла было к двери, но потом внезапно замерла, словно забыла сказать что-то очень важное. Она повернулась обратно, и на этот раз в глазах ее стояли слезы:

– Вчера у меня был день рождения. Мистер К., я не хочу, чтобы день рождения у меня был в тот же день, когда произошло… когда произошло… это.

Он встал из-за своего стола и положил ей на плечо руку:

– Я не знал. С днем рождения, Джесс.

Он почувствовал себя по-идиотски, не сумев найти других слов, кроме «с днем рождения». Но потом они нашлись сами:

– Я никогда, никогда больше не забуду твой день рождения.

После урока Джессика снова пришла.

– Раввин Тауб сказал, что он сам собирался звонить, – улыбнулась она, – и, да, он хотел бы, чтобы мы выступили, если, конечно, мы не против.

> Он сказал, что сегодня ***«Жизнь в банке»*** нужна людям, как никогда раньше.

В дверь класса заглянула пожилая женщина – секретарь Юнионтаунской школы – и буркнула лишенным всяких эмоций голосом:

– Мистер К., к телефону.

Он шагал вслед за ней в школьный офис, ни о чем не думая и ничего не чувствуя, словно воздух превратился в какую-то мягкую ткань, а окружающий мир только грезился и не существовал в реальности. Он вошел в пустую учительскую и поднял трубку телефона.

– Алло? Это Эмили Расинко с радио, помните меня? Я хотела сказать, что у нас сегодня было очень много звонков и электронных писем о вашем интервью. Вот одно типичное: «Я бы, наверно, не смог прожить этот день, день великой скорби, не услышав историю Ирены Сендлер и канзасских девочек… Спасибо этим людям за то, что они несли нам надежду в моменты этой страшной трагедии…» – в ее голосе зазвучали слезы, и было понятно, что она тоже готова расплакаться. – Вы с девочками вчера помогли и мне тоже. Вы начали исправлять этот мир прямо

в те мгновения, когда он рушился вокруг нас. Спасибо вам. Мне… мне надо идти.

И в трубке зазвучали гудки.

Все эти два ужасных дня Мистер К. пытался объяснить своим ученикам необъяснимое, слушать срывающиеся голоса детей, не знающих, что спросить. Теперь, в пустой, тихой, как кладбище, учительской, он сломался. Он долго сидел, не отнимая от уха телефонную трубку…

* * *

Загрузив в школьный фургон реквизит, костюмы и оборудование, девочки, Ник Кейтон и Мистер К. отправились в Канзас-Сити. Мистер К. выключил радио.

– Все будет хорошо, – сказал он.

– Не нужно это все время повторять, – сказала Лиз, сгорбившаяся на своем заднем сиденье.

– На самом деле *мне* нужно это все время повторять.

Меган прислонилась к окну и шепотом читала молитву. Сабрина сидела с закрытыми глазами, но Лиз знала, что она не спит. Мир перевернулся… и все стало другим. Радостное возбуждение, которое она всегда чувствовала перед спектаклями, вдруг сменилось страхом.

У ворот синагоги сотрудник службы безопасности долго обыскивал микроавтобус, и только потом пропустил на стоянку. В банкетном зале их встретил седобородый джентльмен в костюме-тройке.

– Я – раввин Тауб, – протянул он руку Мистеру К. – Очень жаль, что приходится знакомиться в таких обстоятельствах. Вполне возможно, что зрителей сегодня придет совсем немного, но что делать?

На спектакль 12 сентября должны были прийти Говард и Ро Джейкобсоны – известные члены еврейского сообщества Канзас-Сити. Ро никак не могла решить, идти или нет – она боялась оторваться от телевизора. Но Говард был уверен, что пойти необходимо:

– Эта пьеса дает надежду, – сказал он Ро.

На сей раз актеры готовились к спектаклю без обычной болтовни и добродушных шуток. Наконец декорации установлены, свет и звук проверены. Девочки с Ником ждали начала представления в учебном классе, стены которого были покрыты надписями на иврите. Каждые несколько минут к ним заходил Мистер К.:

– Пока только пара человек… пришли еще несколько… половина мест занято… полный зал… мест не хватает, люди ждут стоя… у задней стены стоят в два ряда… садятся на пол в проходах… Ну, пора! Ни пуха ни пера!

В банкетном зале погас свет, зал погрузился в тишину. Мистер К. вышел на авансцену…

– Я полагаю, – начал он после долгой паузы, – что

> мы с вами будем помнить 11 сентября точно так же, как польский народ – 1 сентября 1939 года, день немецкого вторжения в Польшу.

За считаные часы изменилось все. Никто из них не мог даже предположить, что будет дальше, но все они боялись будущего.

Пьеса на этот раз шла гораздо дольше, потому что девочки инстинктивно произносили свои слова медленнее, нагружая их особым смыслом и значением. Последнюю свою реплику Лиз читала сквозь слезы:

– Ирена Сендлер, которой сегодня за девяносто, живет в Варшаве и, несмотря на слабое здоровье, по-прежнему отважно верит в высокие идеалы, ради которых она изменила мир.

Световая пушка высветила на обезлюдевшей темной сцене пустой пюпитр. Одна из зрительниц робко захлопала в ладоши, готовая тут же прекратить, если вдруг окажется в одиночестве, но потом овация распространилась по залу, как пламя. Люди начали выкрикивать благодарности, кто-то разрыдался… Это была самая долгая овация за всю историю выступлений. Актеры снова и снова выходили на поклон, их не хотели отпускать. В зале загорелся свет, но аплодисменты не смолкали. Девочки и Ник стояли плечом к плечу на сцене и аплодировали вместе со зрителями.

Наконец зрители снова заняли свои места, и Меган рассказала, как появилась на свет *«Жизнь в банке»*. Она рассказала и о жизни в их округе, стоящем на седьмом месте по бедности в штате Канзас. Большинству выпускников школ хотелось поступить в колледж, но для многих это оставалось недостижимой мечтой, потому что они не могли себе этого позволить.

Говард и Ро Джейкобсоны посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, сказали одни и те же слова:

– Образовательные гранты!

Позднее Ро, председатель образовательного комитета отделения Национального еврейского женского совета в Канзас-Сити, и Говард, попечитель нескольких частных фондов, вынесли эту проблему на рассмотрение своих советов директоров и начали разрабатывать программу образовательных дотаций для

неимущих студентов. Многие представители советов директоров уже видели *«Жизнь в банке»*, и поэтому буквально через считаные дни был создан мощный образовательный фонд. Но гранты выделили не только участникам Проекта *«Ирена Сендлер»*, дотации на образование получили и несколько школьников из южного Канзаса, победивших с проектами на темы толерантности на национальном уровне и уровне штата. За следующие три года образовательные гранты получили восемь учеников, принимавших участие в Проекте *«Ирена Сендлер»*. На текущий момент количество таких грантов выросло до 15.

Вспоминая восемь лет своего сотрудничества с Проектом *«Ирена Сендлер»*, Говард говорит о девочках:

– Я знаю, что *«Ирена Сендлер»* изменила их жизнь. Начиная работу над проектом, они не думали ни о дотациях на обучение, ни об интервью прессе, ни о возможности побывать в Польше и познакомиться с Иреной Сендлер. Их тронула удивительная история ее жизни, и они просто хотели поведать о ней людям. Они даже не подозревали, что миллионы людей увидят их, что о них будут рассказывать в самых крупных газетах и журналах, о той популярности, которой будет пользоваться их веб-сайт.

Глава 33
И куда же теперь?
Варшава, 2002–2005

В марте 2002 года в газете Юнионтаунской школы появилось сообщение:

> *Проект «Ирена Сендлер» стал первым лауреатом Премии Tikkun Olam. Торжественная церемония вручения премии состоится в Канзас-Сити 10 марта – в день, объявленный мэром города Днем Ирены Сендлер. Tikkun Olam в переводе с иврита означает «Совершенствование мира».*

Спонсорами премии стали еврейские общественные организации Канзас-Сити. Арт Гарфанкел дал в честь Ирены благотворительный концерт, в ответ она прислала из Варшавы короткое видеоприветствие. Представлять Ирену из Польши прибыли Бета и ее дочь Аня. Из Монреаля прилетела Рената Зайдман. Всемирная федерация еврейских детей, выживших во время Холокоста, была представлена ее Президентом Стефани Зельцер и Вице-Президентом Рене Лихтманом. Последний был так потрясен спектаклем, что пригласил девушек выступить в Университете Мичигана, где преподавал историю. Также присутствовали губернатор Миссури и давний друг, а некогда начальник Мистера К., Барт Альтенбернд.

Бета с Аней остались в Америке на неделю и приняли участие в нескольких спектаклях. Бета привезла с собой свою серебряную ложечку, и каждый раз, когда она показывала ее зрителям, в зале наступала абсолютная тишина. Все, кому удавалось потрогать или подержать в руках эту святыню, этот последний подарок ее матери, этот крошечный памятник человеческой любви, не могли сдержать слез.

В свое время Рената Зайдман рассказала девочкам историю своего спасения из Варшавского гетто, и они сделали ей сюрприз, добавив в пьесу еще одного персонажа – маленькую сироту Ренату.

[Дни Ирены Сендлер были провозглашены и в других городах и штатах, среди которых можно назвать Варшаву (июнь 2005), штат Вермонт (октябрь 2008) и, совсем недавно, в округах Скрэнтон и Лакаванна в Пенсильвании (ноябрь 2009)].

К 2002 году Проект *«Ирена Сендлер»* был уже широко известен

в Канзас-Сити, где девочки часто выступали в еврейских общинах. После каждого выступления их принимали в домах щедрых филантропов и меценатов – у Говарда и Ро Джейкобсонов, Гейл и Брюса Кригелей, Джона и Дженни Айзенбергов и Джона и Стиви Шухартов.

* * *

Второе путешествие в Польшу стало подарком от Джона Шухарта (и 11 других спонсоров), того самого бизнесмена и мецената из Канзас-Сити, который финансировал первую поездку. Попросил он девочек только об одном – позволить ему поехать с ними.

За несколько недель до отправления они получили из Польши письмо, в котором сообщалось, что Ирена приболела, но с нетерпением ждет встречи.

* * *

За неделю до второй поездки, воскресной ночью, часов в 11, у Мистера К. вдруг зазвонил телефон. Он только уснул и поначалу не мог сообразить, что происходит (Будильник? Так скоро?), но потом протянул руку к трубке. Первое, что пришло ему в голову: неужели умерла Ирена?

Это была Сабрина, ее голос срывался от слез:

– Я не… Я не могу… Я не могу поехать в Польшу. У меня мама. Она… вчера… она… она умерла. Никто не знает почему. Просто умерла… Я больше не могу говорить.

Не может быть. Он, наверное, не расслышал. Лоринда Кунс была полна жизни, воспитывала шестерых детей и всегда была одним из главных двигателей Проекта *«Ирена Сендлер»*. Ей не было и 50!.. Как же это так?

Через несколько дней он позвонил Сабрине:

– Как ты? Может, мы для тебя можем что-нибудь сделать или чем-то помочь?

– Все нормально… ну, насколько это возможно…

По ее голосу он слышал, что все не так «нормально», как она говорила…

На следующий день пришло письмо от Ирены. Она благодарила их за то, что они помогли выхлопотать для нее место в Францисканском доме престарелых.

Мне сейчас 92, но благодаря вам у меня только что началась новая жизнь. У меня есть своя комната с ванной, радио и телефоном прямо около кровати. На стену я повесила подсолнухи из Канзаса и фотографии моих драгоценных сердечек (любимых юнионтаунских девочек). Я очень жду вашего приезда.

Мистер К. переслал Сабрине перевод письма Ирены, и она позвонила сразу же, как только смогла его прочитать.

– Мистер К., я хочу поехать. Еще не поздно?

– Сабрина, я никому не отдавал твое место. Твоя мама вместе с нами боролась за этот проект и гордилась тобой. Я думаю, она бы очень хотела, чтобы ты поехала. И Ирене будет тебя не хватать.

* * *

Вторая поездка к Ирене, как и первая, была наполнена спектаклями, интервью и экскурсиями. Сабрина старалась держаться, а если и плакала, то никто этого не видел. Лиз была рада снова оказаться в Варшаве, ведь на этот раз она уже немного ориентировалась в городе и знала несколько фраз на польском. Страх, который она чувствовала во время первого визита, теперь сменился любопытством и радостным волнением.

В конце одного особенно длинного дня Лиз рассказала Меган с Сабриной о разговоре с одной из бывших коллег Ирены по отделу социальной защиты.

– Она не спасала евреев. Она сказала, что ей было слишком страшно… все вокруг очень боялись. Но она знала о том, что делает Ирена. Она сказала, что никто в конторе об этом даже не заговаривал. Все молчали, и всем было очень страшно, потому что гестаповцы за такую информацию давали людям вознаграждение. Она сказала, что боялась за Ирену, потому что все в конторе знали, чем она занимается, а ведь любого из них могли в любой момент арестовать. – Лиз немного помолчала. – Я даже представить себе не могу, каково это, жить в страхе за свою жизнь изо дня в день, месяц за месяцем, долгие годы.

Лиз с Меган взяли интервью у основателя Жеготы, а ныне Министра иностранных дел Польши Владислава Бартошевского.

– Когда он организовал Жеготу, ему было всего 19, – рассказывала Меган Мистеру К. – Он почти год провел в Аушвице и чудом вышел оттуда живым. Он рассказал нам про систему связных. В основном это были совсем молодые женщины. Очень

многих арестовали, пытали и казнили. То же самое нам говорила и Ирена… в большинстве своем ее помощницы были бездетными девушками. И лет им было чаще всего почти столько же, сколько нам… Мы слышим столько поразительных историй, но о них никто ничего не знает. А я уверена, что среди них есть такие же потрясающие, как история Ирены.

– Этим-то и важна ваша работа, – сказал Мистер К. —

> У каждого есть прошлое. Но люди унесут его в могилу, если мы не найдем и не запишем их рассказы. Это и есть бессмертие.

Ведь мы, люди, по сути своей не так сильно изменились с тех времен, когда сидели вокруг костров в пещерах и рассказывали друг другу всякие байки. Это наш способ познания мира. Именно в этом и есть суть истории.

– Как-то странно воспринимать это таким образом, – сказала Меган.

– Вообще какая-то дикость, – сказала Сабрина, – что все в мире может так быстро измениться. И к этому никак не подготовишься. Тебя просто лупит по башке.

После паузы Сабрина тихо, словно про себя, сказала:

– Да, так оно и есть. Совершенно неожиданно. Сейчас мне кажется, мама знала, что у нее что-то не в порядке с сердцем. И меня бесит, что она ничего не сказала. Она могла бы нас хоть как-то подготовить.

Меган попыталась обнять Сабрину за плечи, но та напряглась и отстранилась.

– А еще я страшно разозлилась на сестру во время похорон и вообще, когда видела ее с детьми. А на мою свадьбу мама уже не придет, с моими детьми не встретится, а они даже и не будут знать бабушку Лоринду.

Лиз, как никто другой, понимала эту злость. Ей хотелось найти для Сабрины слова утешения или дать какой-нибудь совет, но ничего путного в голову не приходило…

Наконец они встретились с Ireной. Во Францисканском приюте за стариками заботливо ухаживали монахи и монашки, и девочкам, наблюдавшим за тем, как они беззвучно проплывают мимо них в своих неподвластных времени одеяниях, казалось, что они очутились в средневековом монастыре.

Ирена пригласила девочек к себе. Она подозвала Сабрину поближе, и та уселась на ковер у ног Ирены и положила голову ей на колени. Ирена медленно покачивалась, словно убаюкивая Сабрину.

– Я никогда не пойму, – печально проговорила Ирена, –

почему так происходит. Почему мне уже 92, а твоя мама умерла так рано. Почему погибло так много людей, а нам удалось спасти так мало. Когда перед нами встают все эти вопросы, мы словно маленькие дети. Все чувствуем, но почти ничего не понимаем.

Ирена взяла лицо Сабрины в свои ладони и пристально посмотрела ей в глаза. По лицам обеих текли слезы, и Ирена ласково гладила Сабрину по голове.

– Сабрина, Сабрина, поплачь вместе со мной по всем, кому пришлось слишком рано умереть.

Они долго сидели так в полной тишине, но потом Сабрина выпрямилась и вытерла рукавом глаза.

– Мама… – все еще всхлипывая, сказала она Ирене. – Она всегда говорила, что это самое лучшее, что я сделала в своей жизни.

* * *

Во время этого визита Ирена рассказала девочкам о Яне Карском, представителе Польского правительства в изгнании. Его забросили в Польшу в августе 1942-го, во время ликвидации гетто. Ему было дано задание – стать очевидцем геноцида евреев и потом передать собранные доказательства лидерам союзников. Подпольщики попросили Ирену показать Карскому гетто, зная, что она там прекрасно ориентируется, а потом переправили его в партизанский отряд под Львовом. Там он своими глазами видел, как убивают евреев на транзитных станциях по пути в лагерь смерти Бельжец. Он вернулся в Варшаву, где стоматолог удалил ему несколько зубов, чтобы получившиеся в результате опухоли сделали не таким заметным польский акцент, с которым он говорил по-немецки. Из Польши он перебрался в Берлин, а оттуда через вишистскую Францию в Марсель. Бойцы французского Сопротивления тайно перевезли его через Пиренеи в Испанию. Карский вез доказательства – у него с собой был ключ, в отверстии которого были спрятаны микрофильмы с тысячами документов. Через несколько недель он уже был в Лондоне. Он рассказывал обо всем увиденном и умолял союзников начать бомбить железнодорожные линии, ведущие в лагеря. Газетчики отказались печатать предоставленную им информацию, потому что никто не мог поверить, что такое может происходить в действительности. Не поверили ему и Черчилль с Рузвельтом.

Вернувшись домой, девочки бросились искать информацию о Яне Карском и его задании – рассказать о Холокосте сомневающемуся миру. Из Интернета они узнали о ежегодной

Премии Яна Карского «За доблесть и сострадание», присуждаемой Американским центром польской культуры. Лиз с Меган немедленно номинировали на эту премию Ирену. К ним присоединились Бета Фицовска и Президент Всемирной Федерации еврейских детей, выживших во время Холокоста, Стефани Зельцер. Через три месяца Американский центр польской культуры присудил Премию Яна Карского за 2003 год Ирене Сендлер.

Ирена была слишком слаба, чтобы прилететь в Америку на церемонию вручения медали и попросила, чтобы премию за нее получили профессор Норман и «мои дорогие девочки: это принесет мне огромное счастье». В Вашингтон, где вручается Премия Карского, из Канзас-Сити прилетели Меган, Сабрина, Мистер К. и Кэтлин Меара, недавно ставшая членом труппы.

В начале церемонии на экране появилась большая фотография прекрасной, темноволосой, молодой Ирены в форме сестры милосердия, которую она надевала для поездок в гетто, а вышедшая на сцену первая леди Польши Иоланта Квасневска зачитала письмо от Ирены:

> *Это не только моя награда. Я принимаю ее и от имени всех тех, кто мне помогал. Сейчас я осталась одна. Но бойцов еврейского сопротивления было очень много, причем это были не только те, кто держал в руках оружие и бутылки с зажигательной смесью, но и те, кто работал в домовых комитетах и организовывал молодежные кружки, не давая умереть надежде и вере в человечность! А сколько людей рисковало жизнью, соглашаясь приютить спасенных детей!*
>
> *Вы награждаете меня, потому что я – одна из немногих оставшихся в живых свидетелей Холокоста. Но я делала только то, что сделал бы в те ужасные времена любой порядочный человек. Я не считаю себя героиней. Истинными героями были матери и отцы, отдававшие мне своих детей. Я же делала только то, что велело мне делать мое сердце. Герои совершают выдающиеся поступки. В моей деятельности не было ничего исключительного Все, что я делала, было в порядке вещей. Я просто старалась вести себя достойно.*

Через неделю после церемонии вручения Премии Карского Президент Польши Александр Квасневский подписал указ о награждении Ирены высшей наградой Польши – орденом Белого Орла.

Личные поздравления Ирене прислал Папа Иоанн Павел II:

«Глубокоуважаемая, дорогая госпожа!

Я узнал, что вам была присуждена Премия Яна Карского «За Доблесть и Сострадание». Пожалуйста, примите мои сердечные поздравления и позвольте выразить свое восхищение вашей беспримерно отважной деятельностью во время оккупации, когда вы, пренебрегая собственной безопасностью, спасли от уничтожения множество детей, а также оказывали помощь людям, нуждающимся в духовной и материальной поддержке. Пройдя через физические пытки и духовные страдания, вы не сломались, а продолжали самоотверженно служить людям, давая новый дом детям и взрослым. Да вознаградит и благословит вас Господь за добрые деяния в отношении ближних своих.

С уважением и благодарностью я даю вам Апостольское Благословение.

Папа Иоанн Павел II».

Чествования Ирены прошли по всему миру – от Буэнос-Айреса до Монреаля. Заслуги Ирены были официально отмечены общественными группами спасенных во время войны детей, Всемирной Федерацией еврейских детей, выживших во время Холокоста, Канадским фондом польско-еврейского наследия, Международным фондом Рауля Валленберга, Семейным фондом Милкенов и другими организациями.

* * *

После второй поездки девочек в Польшу более 1000 газет и журналов опубликовали материалы об Ирене и канзасских школьницах. Девушки получали горы писем и электронных сообщений от учителей и учеников из Польши, США и Канады. Их приглашали выступить со спектаклем, спрашивали, смогут ли они сделать что-то подобное Проекту *«Ирена Сендлер»*, т. е. найти в своих городах Праведников Мира и рассказать истории их жизни, третьи просили разрешения поставить свои версии *«Жизни в банке»*.

Телевизионщики из Нью-Йорка сделали о девочках большой репортаж для «Тудей шоу»[124]. *«Жизнь в банке»* поставили ученики одной из школ в Японии. Влиятельный польский журнал «Политика» («Polityka» – *польск.*) провел опрос, в котором читателям надлежало выбрать «десять женщин, оказавших самое большое влияние на судьбу Польши». Чтобы облегчить своим

читателям задачу, журнал опубликовал список из сотни имен выдающихся польских женщин с кратким описанием их заслуг перед страной. Было в этом списке и имя Ирены Сендлер.

> Чтобы Проект ***«Ирена Сендлер»*** продолжал жить, нужно было набрать в труппу новое поколение школьников.

Сабрина уже училась в колледже, а Меган с Лиз в этом году кончали Юнионтаунскую школу. В труппу уже вошли Джессика Шелтон и Ник Кейтон, и Лиз предложила влиться в коллектив брату Меган Тревису. Меган была настроена скептически. В любом месте, кроме футбольного поля, Тревис был до невозможности робок. Но ее опасения оказались напрасными – Тревис играл на удивление уверенно.

* * *

В июне 2003 года Проект *«Ирена Сендлер»* отправился на летние гастроли в Западную Вирджинию, Мичиган, Нью-Йорк и Коннектикут. Во время этого тура появилась традиция. Перед спектаклем они вручали кому-нибудь из почетных гостей одно из подаренных Иреной серебряных сердечек, и этот человек мог весь спектакль держать его в руке, вспоминая погибших или умерших родных, ветеранов Холокоста, друзей или учителей.

Что-то из того, о чем молилась Меган, сбылось, что-то нет. Отец оправился от операции и с новыми силами взялся за хозяйство, а попутно стал подрабатывать водителем школьного автобуса.

Но в самом начале лета у Дебры Стюарт обнаружили рецидив рака. Ничего никому не говоря, она вызвалась отвезти труппу с реквизитом на место первого гастрольного спектакля в город Бекли, в Западной Вирджинии. Это было в жаркий июньский день 2003 года. Мистер К. должен был приехать в Бекли с другой стороны, из Мериленда, где в Колледж-Парке проходил очередной конкурс Национального Дня Истории. Джессика Шелтон и Лейси Джордж заняли на этом конкурсе пятое место со спектаклем «Если бы не Мисс Наттер», в котором рассказывали о чернокожей учительнице Коринтиан Наттер, выступившей в 1948 году за равноправие в сфере образования и ставшей одним из первых борцов за гражданские права афроамериканского населения. Теперь ей было уже 97 лет, и девушки навестили ее во время подготовки проекта.

Вместе с Джессикой на День Истории поехали ее мама

и младший брат Джейми. Накануне конкурса мать Джессики сломала ногу, но заявила, что ни гипс, ни костыли ее не остановят. Уже во время фестиваля у Джессики разболелось горло, поднялась температура…

– Просто дай мне еще «Адвил»[125], мама! – упорствовала Джессика. – Мы вложили в проект так много сил, что теперь я ни за что не откажусь от выступления.

По завершении конкурса они загрузили реквизит в школьный микроавтобус, и Мистер К. всю ночь не вылезал из-за руля, чтобы успеть приехать в Западную Вирджинию к началу спектакля…

Так или иначе, они все-таки встретились в Бекли. Дебра Стюарт заявила, что произошло это чудо исключительно благодаря божественному вмешательству. Кэтлин Меара, первая ученица другой школы, вошедшая в труппу, тряслась как осиновый лист. Это был ее дебют, но осенью, когда Лиз уедет учиться в колледже в Миссури, она должна была занять ее место и играть в пьесе Ирену. Ребята сбивались с ног, пытаясь за час сделать все то, на что обычно уходило целых два: смонтировать декорации, поставить звук и свет, надеть костюмы, загримироваться и повторить недавно вставленные в пьесу эпизоды. Звуки подготовки к спектаклю растворялись где-то в глубине огромного, темного зрительного зала.

Дебра Стюарт нашла Мистера К. в последних рядах зала, где он, скрестив руки на груди, слушал прогоны новых сцен пьесы. Она попросила его выйти для разговора. Когда они оказались одни, Дебра сказала:

– Я была в больнице, мне делали новые анализы. У меня кое-что нашли.

Мистер К. нахмурился.

– Опять рак. Он вернулся. – Дебра сглотнула слезы. – Ни Тревису, ни Меган я пока ничего не говорила. Пообещайте мне, что тоже не скажете до конца турне. Как только мы вернемся, я опять лягу на химиотерапию. Но сейчас я их волновать не хочу.

Он взял ее за руку:

– Мне так жаль, Дебра.

– Я беспокоюсь только за детей… – сказала она и все-таки уронила слезу, – как и любая другая мать.

– Знаете, – сказал он, – с тех пор, как вы заболели, Меган сильно изменилась. Где-то с год назад я думал, что она вообще бросит проект. И даже гадал, что за интерес держит ее рядом с нами. Я был почти уверен, что она скоро убежит заниматься тысячами своих других дел. Да тут еще Кенни… Но как только она узнала о вашей болезни, в ней что-то переменилось, она очень повзрослела.

– Пообещайте мне, что ничего им не скажете, – снова попросила она.

– И насколько все серьезно?

Ее глаза вновь наполнились слезами.

– Достаточно серьезно, – сказала она. – Он добрался до печени.

Мистер К. подумал о собственной матери, которую рак скосил, когда ей не было и 60, и тоже не смог сдержать слез. Именно из-за ее болезни он вернулся в Канзас и в Юнионтаун. Он крепко обнял Дебру Стюарт, и они долго стояли так, не произнося не слова.

* * *

– Ваш спектакль посмотрели больше 2000 человек, – сказал Мистер К., когда они в один жаркий день возвращались в Юнионтаун из турне. – Вы разбудили в двух тысячах душ самые сокровенные чувства. И этим можно гордиться.

Прощаясь на автостоянке, они обнимались и не скрывали слез. Кто-то предложил сфотографироваться, и когда они выстроились перед школьным микроавтобусом, солнце заблестело на серебряных сердечках, подаренных Ireной. Вытаскивая из машины чемоданы и ящики с реквизитом, Сабрина сказала Меган и Лиз, что в ближайшее время они, наверно, будут видеться достаточно редко, потому что осенью она, благодаря гранту, полученному от Говарда и Ро Джейкобсонов, уедет в Канзасский университет.

– Я не говорила вам об этом до окончания турне – не хотелось вас расстраивать и портить впечатление от гастролей.

Она уже собралась уходить, но потом остановилась и сказала:

– Я только хочу сказать, что, несмотря на отъезд, я не хочу терять вас и Проект *«Ирена Сендлер»*.

В голосе ее зазвучало волнение.

– Мне всю жизнь приходилось переезжать с места на место, и я предпочитала держаться особняком. Я вообще слишком часто живу где-то внутри своего мира. Я всегда думала, что лучше быть сильной и ни от кого не зависеть. Но теперь я поняла, что мы с вами по-настоящему нужны друг другу.

> Ирена не смогла бы ничего сделать без тех, кто ей помогал. И они ради этого общего дела рисковали своими жизнями.

А мне повезло, потому что я рисковала не жизнью,

я рисковала всего лишь показаться вам дурой или ничтожеством… или и такой, и такой одновременно. Даже не знаю, как сказать. А потом, когда мама… В общем, все очень сложно. Но вы помогли мне. Мне помогла Ирена. Вы – мои подруги, и все, что с нами произошло, я не променяю ни на что на свете.

Она расцеловала Лиз и Меган, а потом отвернулась и зашагала прочь. Уже рядом с машиной, в которой ее ждал отец, она повернулась обратно и крикнула через всю парковку:

– А еще, Мистер К., я решила стать учителем… таким же учителем, как вы.

Дебра Стюарт стояла в сторонке, наблюдая сначала за тем, как девочки прощались с Сабриной, а потом за тем, как уезжала домой с дедушкой Биллом Лиз. Наконец уставшая Меган бросилась к ней в объятия, но потом охнула и отпрянула, увидев, что руки матери сплошь покрыты синяками.

– Мама, что это, что происходит?

– Давай поговорим дома, когда вернется отец.

– Нет! Скажи мне сейчас!

Дебра жестом подозвала Тревиса, а потом спокойно сказала:

– Это рак. Он вернулся. Я справилась с ним однажды, значит, мы сможем победить его и на этот раз. А все подробности – вечером, когда вернется папа.

Как только в дверь вошел отец, Меган по его посеревшему от усталости лицу поняла, как тяжело у него на сердце. Все семейство собралось за обеденным столом.

– Теперь рак нашли в печени. Пять очагов. Мне придется пройти еще один курс химиотерапии.

Меган почувствовала, что на глаза наворачиваются слезы и с тоской сказала:

– Почему все не может быть так, как раньше? Я все время молюсь, чтобы ты опять стала такой, как до всего этого.

– Страдания всегда были и будут, милая моя девочка, – сказала ей Дебра. – Мы молимся не для того, чтобы наладить свою жизнь или получить то, чего хочется. Так делают дети, потому что считают молитву каким-то волшебством. Входя в церковь, мы прежде всего видим распятого на кресте человека. Этот человек умер, чтобы нас спасти… не дать нам все, чего нам пожелается, а спасти наши души. Вот это нам понять труднее всего. Суть вовсе не в том, ответит Он или не ответит на наши молитвы, а в том, чтобы мы старались быть такими же, как Он, независимо от происходящего на этой планете. «Да будет воля Твоя, Господи». А печаль и боль в мире будут всегда.

Меган уже много раз слышала эти слова и всегда просто

принимала их как высшую мудрость и истину, но теперь эти же самые слова всколыхнули что-то в самой глубине ее существа и обратились неутолимой сердечной болью.

Дебра подала ужин, и Марк кивком показал, что можно начинать молитву.

* * *

На следующий вечер по телевизору показали ролик сети Американских центров лечения онкологических заболеваний, где «в основу методики лечения положен комплекс самых современных достижений традиционной, комплементарной и духовной медицины». Меган переглянулась с матерью и отцом… все они в этот момент почувствовали, что Господь показывает им, куда обратиться…

Фраза «Да будет воля Твоя, Господи» накрепко засела в сознании Меган, и она не раз мысленно повторяла ее. Со временем она начала чувствовать, что покой к ней приходит вместе со смирением. Ее пастор часто говорил, что «когда Бог входит в жизнь человека, во мраке появляется луч света, и после этого ничто уже не будет таким, каким было прежде». Именно это и говорил об Ирене во время экскурсии по гетто профессор Леоцяк – она была лучом духовного света в окружающем ее мраке. Таким же рассекающим темноту лучом света Ирена была и для Меган. Мир был полон и боли, и божественных чудес…

Рак у Дебры Стюарт снова ушел в ремиссию, и это позволило Меган с Тревисом отправиться летом 2005 года в Варшаву – на 95-летие Ирены. На этот раз, если не считать Лиз и Джессики Шелтон, в Польшу полетели недавно введенные в труппу Миган Истер и Мелисса Квири.

…Конференц-зал, расположенный на третьем этаже обычно тихого и спокойного Францисканского приюта, был залит светом флуоресцентных ламп, полон репортерами и гостями. Ирена скромно сидела у дальней стены зала в инвалидной коляске. Она, как всегда, была одета в неброское черное платье, а белоснежные волосы ее были перевязаны черной ленточкой. Она радостно приветствовала всех входящих взмахом руки, а потом разговаривала с каждым из гостей, принимая поздравления. Когда в комнате появился Мистер К. с девушками и Тревисом, лицо Ирены просияло счастливой улыбкой, и она нетерпеливо протянула к ним руки. Она обняла каждую из школьниц и особенно порадовалась тому, что ей наконец удалось познакомиться с Тревисом.

Затем Ирена надела очки с толстыми линзами и прочитала заготовленную речь, строго грозя пальцем и упрекая лидеров современного мира за то, что они допускают войны и попытки геноцида. Потом она вернулась к теме Варшавского гетто:

– Меньше процента. Вот сколько нам удалось спасти. Арифметика страшная, но очень важная. Во время ликвидации гетто немцы каждый день вывозили в Треблинку и убивали там по 5–8 тысяч евреев. За всю войну нам удалось спасти всего 2500 детей. Но и математика спасения была не менее страшной. Ради спасения одного еврейского ребенка рисковать жизнью приходилось десяти полякам и двум евреям. Но выдать этого ребенка и приютившую его семью мог всего один информатор или, хуже того, шантажист. А ведь схваченному эсэсовцами человеку грозила даже не тюрьма, а смерть… причем смерть всей семьи. Все мы должны задаваться вопросом: «А как бы в такой ситуации поступил я?» Но понимание сложности этого вопроса не избавляет меня от сожалений, что я сделала так мало. Меньше одного процента!.. Я согласна со словами одного из основателей Жеготы Владислава Бартошевского. Он когда-то сказал так: «Все возможное сделали только погибшие».

* * *

Первый спектакль они сыграли в актовом зале редакции самой крупной польской ежедневной газеты «Газета выборча», тиражи которой превышают миллион экземпляров, перед польскими школьниками и студентами. По окончании спектакля некоторые из них вышли на сцену и вместе с членами труппы *«Жизнь в банке»* отвечали на вопросы зрителей. Один молодой человек сказал:

– Сейчас такую работу в Польше ведут около 60 молодежных групп… и все это благодаря Ирене Сендлер и школьницам из Канзаса.

Уже уходя со сцены, Лиз вдруг заметила, что во втором ряду остался сидеть бледный, седовласый мужчина, одетый, несмотря на июньскую жару, в старомодный шерстяной костюм. Если не считать старческого тремора, он сидел абсолютно неподвижно, накрыв руками какой-то лежащий на коленях предмет… то ли скрывая какой-то позорный секрет, то ли оберегая от чужих взглядов великое сокровище.

Один из студентов присел рядом со стариком, и тот, узнав его, улыбнулся. Юноша помахал рукой Меган и Лиз, приглашая их подойти.

– Это один из спасителей, – объяснил он. – Он – наш герой, мы всей школой взяли его под опеку. Несколько месяцев назад мы назвали его именем нашу школу. Мы узнали о вас и об Ирене… вы стали для нас примером.

– Можете показать мне, что там у вас? – спросила у старика Меган.

Мужчина медленно убрал руки. На коленях у него лежала серебряная медаль *Яд Вашема*. Он протянул ее Меган и сказал:

– После войны я положил медаль в металлическую коробку и закопал в подвале дома. Я боялся рассказывать о ней кому бы то ни было, кроме жены. Я даже не верил, что когда-нибудь в своей жизни смогу снова увидеть эту медаль и без страха показать ее людям. Спасибо вам.

Меган передала медаль Лиз. Прошло столько лет, подумала Лиз, а о героизме этого человека узнают только сейчас.

Лиз опустилась на колени рядом с креслом старика и вложила медаль *Яд Вашема* ему в руки.

– Спасибо вам, – сказала она, – за все, что вы сделали… спасибо.

Лиз снова подумала о еврейской матери, бросившей своего ребенка через стену гетто в отчаянном акте высшей любви, она подумала о бесстрашии этого старика, о бесстрашии Ирены… все, что они делали, тоже было отчаянным актом высшей любви. Она вспомнила пыльный след, оставленный «бьюиком» матери, и впервые позволила себе допустить, всего лишь допустить, что этот побег для ее матери тоже был отчаянным актом любви.

* * *

На следующий день, 1 июня, они играли спектакль в Государственном еврейском театре. 1 июня отмечался Международный день ребенка, и мэр Варшавы объявил этот день еще и Днем Ирены Сендлер, заметив, что такое совпадение будет более чем уместным. Когда канзассцы приехали в театр, рядом с группой польских документалистов разворачивали свое оборудование и немецкие телевизионщики. Польский еврейский театр работал в этом зале на 350 мест с 1950 года. Он находился в здании, построенном на том месте, где когда-то была главная рыночная площадь гетто.

Встречал школьниц и Мистера К. Главный Раввин Польши, уроженец Америки, Михаэль Шудрич.

– Знаете, – сказал им раввин, – эти мгновения можно считать высшей местью Гитлеру. Дети из протестантских семей чествуют

католичку, спасавшую еврейских детей из гетто, выступая в варшавском еврейском театре. И все это снимает немецкое телевидение!

* * *

Перед вылетом домой у участников проекта осталось время заехать к Ирене. Ирена ни разу не видела спектакля, но в этот раз сказала, что хотела бы послушать несколько фрагментов роли Миган Истер, которая теперь играла пани Рознер. Она взяла Миган за руки и крепко сжимала их все время, пока та читала свои реплики. Они обе закрыли глаза, и по лицу Ирены было видно, как больно ей слышать слова, вернувшиеся из 60-летнего забвения.

> **Пани Рознер:** *Тогда берите их прямо сейчас, потому что мы больше не в силах об этом думать. Мы собрали их в дорогу. Ханна, эта добрая женщина отвезет вас с малышом Изеком куда-нибудь, где вы будете чувствовать себя получше. А мы тоже скоро к вам приедем.*

Глава 34
Последняя встреча
Канзас и Варшава, май 2008

Дебра Стюарт умерла 12 июня 2006 года, через девять дней после свадьбы Меган и Кенни. В том же году Меган решила посвятить себя «совершенствованию мира» и стала программным директором Центра Лоуэлла Милкена. Миссией этой некоммерческой организации, основал и возглавил которую Мистер К., было продвижение методики обучения, основанной на театральных и исследовательских проектах, посвященных таким же забытым, как некогда Ирена Сендлер, героям, и на философии уважения и сострадания к людям независимо от их расовой и национальной принадлежности. Во многом благодаря Меган президент Польши и премьер-министр Израиля номинировали Ирену Сендлер на Нобелевскую премию мира 2007 года.

В том же 2007 году была учреждена ежегодная Премия имени Ирены Сендлер «За совершенствование мира». Ее вручают польским и американским учителям за новаторские методики преподавания истории Холокоста. Учредителем премии выступил Метука Бенджамин из синагоги Стивена Уайза в Лос-Анджелесе. Спонсором премии стал и Семейный фонд Голдричей.

Первыми лауреатами Премии имени Ирены Сендлер стали Роберт Шухта из Варшавы и Норман Конард из США. В апреле 2008 Меган, Мистер К., Джеми Уолкер и Джессика Шелтон-Риппер полетели в Варшаву на вручение второй ежегодной Премии Ирены Сендлер. От Польши в этом году лауреатом премии стала Анна Янина Клоза, преподаватель истории школы № 6 города Белостока. Американский лауреат, Эндрю Бейтер, учитель обществознания из Спрингвилля (штат Нью-Йорк), прилетел в Польшу вместе с участниками проекта и своей шестилетней дочерью.

По завершении церемонии Мистер К. и девушки навестили Ирену, которую только что выписали из больницы. С 2001 года они были готовы к тому, что каждая встреча с Иреной может оказаться последней, ведь ей было уже 98. Особенно переживала Меган, еще не оправившаяся от потери матери.

Джеми Уолкер приехала в Польшу впервые и с нетерпением ждала возможности увидеть Ирену. Это была сильная, широкоплечая девушка с длинными каштановыми волосами и теплой, приветливой улыбкой. Каждое лето ее лицо покрывалось россыпью веснушек. Джеми познакомилась с Меган

в Питтсбургском университете. По студенческому городку о Меган и ее проекте ходило много слухов, и поэтому Джеми пришла послушать лекцию о Проекте *«Ирена Сендлер»*, которую Меган читала студентам психологического факультета. После лекции они разговорились и быстро подружились. Спустя несколько месяцев, когда Меган спросила, не хочет ли она помочь *«Жизни в банке»* и присоединиться к труппе, Джеми выдохнула: «О Боже! Конечно, хочу!» Уже через год она стала постоянным участником проекта и играла роли Шантажистки, пани Рознер и Сестры Матильды Геттер.

Получив диплом финансового администратора, она стала Директором по развитию Центра Лоуэлла Милкена и Фонда совершенствования мира.

> Она и не предполагала, что ей когда-нибудь выпадет счастье лично познакомиться с Иреной Сендлер, но это случилось!

Участники проекта в компании Метуки Бенджамина, Беты Фицовской, Ренаты Зайдман, Эндрю Бейтера с дочерью и лос-анджелесского раввина Стивена Уайза пришли навестить Ирену во францисканский приют. Ирена была очень слаба, и девушкам позволили провести с ней всего пару минут. У Ирены были ее дочь Янка, кинематографист Андреас Вольфф, который снимал встречу на камеру, и Кинга Кржеминска. Кинга, высокая, подтянутая женщина с курчавыми каштановыми волосами, только что защитила диссертацию об интерпретациях событий Холокоста в популярной культуре.

Ирена лежала на широкой кровати, стоящей у окна, под голову ее были подложены несколько подушек. Меган ужаснулась, увидев, как она постарела. Увидев девушек, Ирена улыбнулась и попыталась поднять голову с подушек. Джеми заметила на ее белоснежных волосах все ту же, знакомую ей по фото черную ленточку и подумала, что Ирена кажется совсем крошечной, словно ребенок с лицом старушки.

Везде в комнате были подсолнухи. Стены комнаты были увешаны драгоценными для Ирены фото, среди которых был и групповой портрет ее «дорогих, любимых девочек». Девушки принесли Ирене букет цветов. Джессика нежно обняла Ирену, и та спросила через Кингу, как дела у нее в семье.

Джессика с гордостью показала Ирене фото своего ребенка:

– Это моя дочь Лилли.

Джессика отступила от кровати, и Ирена впервые увидела Джеми. Она расплылась в счастливой улыбке, словно встречая давнишнюю подругу, и потерявшая дар речи Джеми упала на

колени у ее кровати. Ирена раскрыла ей свои объятия, и Джеми прижалась к ней. Она хотела рассказать ей, что играет пани Рознер… что ее пани Рознер в последний раз смотрела Ирене в глаза больше 60 лет назад и что то мгновение было для них обеих мгновением высшего горя и высшего счастья, сравниться с которыми не может ничто… Она хотела сказать, как она ее любит и как ждала этой встречи. Она хотела сказать, что поклялась точно так же, как Ирена, любить людей, не разделяя их ни по каким признакам, и делать только добро. Но смогла только плакать и плакать.

Ирена утешала ее, бормоча по-польски то, что бабушки нашептывают своим внучкам, и Кинга, тронутая драматизмом этой встречи, перевела некоторые из них.

– Ты у меня такая красавица, – говорила Ирена. – Расскажи мне о себе.

– Я только что вошла в труппу *«Жизнь в банке»*, – наконец, собравшись, смогла выговорить Джеми, а потом вспомнила про подарок. Она распечатала сверток и достала «китайские колокольчики», подвешенные на корзинку подсолнухов с сидящей на ней птичкой. Нежный звук колокольчиков разнесся по комнатке Ирены.

– Этот подарок, должно быть, выбирал человек с хорошим вкусом, – с веселой искоркой во взгляде сказала Ирена и улыбнулась вместе с Джеми.

Потом место Джеми заняла Меган, и Ирена взволнованно облизнула губы, словно встреча с ней наполнила ее необыкновенной энергией.

– Мы так сильно вас любим, – говорила Меган. – Вы – наша героиня. Мы так благодарны вам за все, чему вы нас научили.

Время визита истекло, Ирена была очень слаба, но она снова и снова повторяла им, какие они стали красавицы и как выросли.

Уходя, Джеми не могла скрыть своих слез. Дочка Эндрю Бейтера посмотрела на нее снизу вверх и взяла за руку.

– Все будет хорошо, – сказала она с мечтательной детской уверенностью.

Выйдя за дверь в полутемный коридор, они остановились, и Мистер К. сказал Меган:

– Мама Меган сейчас смотрит на нас с небес и улыбается.

* * *

Поездка была такой короткой, что им не удалось поговорить с Иреной, как раньше. Конечно, это их сильно расстраивало, но

программа визита, как обычно, была плотно забита спектаклями и встречами с образовательными группами и объединениями жертв Холокоста. Через три дня им позвонила Кинга и сообщила, что Ирена просит их срочно приехать к ней. Ирена настаивала на встрече, и поэтому Кинга уже едет за ними в отель.

Девушки и Кинга были приблизительно одного возраста, и поэтому быстро подружились. Это была деятельная девушка, умеющая добиваться поставленных перед собой целей. Она говорила о Польше, о своей жизни и учебе, а канзасские девушки рассказали о своих мечтах и надеждах. Они пригласили ее в Америку, и она сказала, что в скором времени планирует отправиться на стажировку в Мемориальный музей Холокоста и тогда обязательно заглянет в Канзас. (В тот же вечер Кинга с удивлением узнает, что получила от одного из основателей Премии Ирены Сендлер Метуки Бенджамина образовательный грант.)

Приехав к Ирене, они обнаружили, что она вернулась в инвалидное кресло. На этот раз она выглядела получше, и они провели с ней почти час.

Они снова говорили о родных и близких, о Премии имени Ирены Сендлер, о том, чем были заняты в этот приезд в Польшу, о том, как публика принимает *«Жизнь в банке»*, как проходят встречи со спасенными во время Холокоста людьми.

Меган достала из-под блузки свое серебряное сердечко и показала его Ирене.

– Мы все носим наши сердечки, – сказала она.

Ирена посмотрела на девушек и сказала:

– Вы каждый день носите у себя на груди частички моего сердца.

Это была встреча давнишних и очень близких друзей, они разговаривали наедине, без посторонних. Ирена живо интересовалась жизнью девушек и всем, что происходит в их мире. Мистеру К. – «профессору Норману» – она сказала во время предыдущего приезда:

– Вы заняли место моего сына.

В комнате горела большая желтая свеча, и девушки сфотографировали Ирену с этой свечой, символом света, который она несла в темный мир. Ирена со слезами на глазах говорила о том, как любит своих девочек и что они стали лучом света в ее жизни.

А перед их уходом прозвучали слова, которые они будут помнить всю свою жизнь:

– Вы изменили мою страну, вы изменили свою

страну, вы меняете весь мир.

А Джеми подумала, нет, Ирена, мы всего лишь рассказываем историю вашей жизни. Люди приходят на спектакли не для того, чтобы слушать нас, они приходят узнать о вас, о том, что сделали вы, о том, как изменили мир вы. Ей хотелось сказать: «Все спасенные вами люди – это ваше наследие, наследие, которое продолжает жить во всех этих людях и во всех, кого тронула ваша история». Но в действительности смогла сказать только одно:

– Да нет, Ирена. Мы ничего особенного не сделали.

– Не спорь с Иреной! – засмеялась Кинга. – Все равно проиграешь.

Когда пришло время расставаться, Ирена подолгу обнимала девушек и Мистера К. Отпуская их из своих слабых объятий, она благословляла их на прощание, чертя большим пальцем на лбу крестик.

Как рассказала потом Кинга, после их ухода Ирена сказала, как ей с ними всегда хорошо и как она чувствовала, что ей просто необходимо еще раз с ними повидаться.

* * *

Через неделю, 12 мая, в день рождения Меган, навестить Ирену пришла Бета. Настроение у Ирены было хорошее, она спокойно завтракала, а потом вдруг уронила голову и умерла…

Эпилог

Начиная в 1999 году работу над проектом к Национальному Дню Истории, три школьницы, двум из которых в тот момент было по 14, а одной – 16, даже не предполагали, что он разрастется до всемирных масштабов и превратится в образовательную программу, посвященную наследию Ирены Сендлер и воспитывающую в людях терпимость, чувство сострадания и уважения к людям независимо от их расовой и национальной принадлежности. Занявшись поисками информации об Ирене Сендлер, школьницы из Канзаса смогли найти в Интернете всего одно упоминание о ней и ее подвиге – на сайте Яд Вашем. Теперь таких ссылок тысячи. На настоящий момент веб-сайт www.irenasendler.org уже посетили 25 млн человек.

В 2009 году телеканалом «Холлмарк»[126] для цикла «Зал Славы» был снят фильм «Храброе сердце Ирены Сендлер», мировая премьера которого состоялась в канзасском Форт-Скотте, в кинотеатре «Liberty». Таким образом авторы фильма выразили свою благодарность создателям театрального проекта *«Жизнь в банке»*. К премьере местная больница подарила кинотеатру красную ковровую дорожку, а «Макдоналдс» одолжил несколько «солнечных» прожекторов. Представители местного бизнеса арендовали для участников проекта лимузины. Впервые в истории компании «Холлмарк», чтобы подчеркнуть чрезвычайную важность проекта и фильма, на премьеру приехали гендиректор Дон Холл и его супруга Адель. Кроме того, на премьере присутствовали сценарист и режиссер фильма Джон Кент Харрисон, исполнительные продюсеры Брент Шилдс и Джефф Мост, а также другие представители телекомпании и исполнители главных ролей. Публике представили основательниц Проекта *«Ирена Сендлер»* Меган, Лиз, Сабрину и Джессику. Почетным гостем церемонии была спасенная в детстве Иреной Рената Зайдман, живущая ныне в Монреале. Встреченный овацией Мистер К. сказал:

> – Любой учитель мечтает изменить жизнь своих учеников к лучшему и увидеть, что они, в свою очередь, тоже меняют жизнь других людей,

но этот случай – особенный. Мы собрались здесь, чтобы чествовать не меня, а великую историю Ирены Сендлер, ставшую известной благодаря этим девушкам.

Через четыре дня, 19 апреля, вся Америка увидела картину на телеканале «Си-би-эс»[127]. В 2010 году фильм «Храброе сердце Ирены Сендлер» получил ежегодную Премию Кристофера, престижный приз, которым награждаются продюсеры, режиссеры, писатели и иллюстраторы, чьи работы воспевают величие человеческого духа.

Основательницы Проекта *«Ирена Сендлер»* Лиз Камберс-Хаттон, Джессика Шелтон-Риппер и Сабрина Кунс-Мерфи до сих пор при любой возможности принимают участие в работе проекта, а Меган (Стюарт) Фелт работает Программным директором Образовательного Центра Лоуэлла Милкена – Фонда Совершенствования мира, новой некоммерческой организации, главной целью которой является продвижение философии взаимного уважения и взаимопонимания среди людей всех рас, национальностей, религиозных и политических убеждений. В 2007 году Норман Конард был избран Директором Центра Лоуэлла Милкена, в текущий момент работающего с 16 образовательными проектами в США и 6 проектами международного уровня, созданными по образу и подобию Проекта *«Ирена Сендлер»*. Каждый из этих проектов имеет целью мотивировать молодых людей на поиск и изучение историй невоспетых и забытых героев, попытки понять обстоятельства их жизни, а также черпать вдохновение в их героических делах и особенностях личной философии. Участники создают свои проекты на основе данных, часто полученных из первоисточников, т. е. из уст самих героев.

О канзасских школьницах, «спасителях спасительницы», было написано множество статей как в американской, так и зарубежной прессе. Ирена Сендлер стала национальной героиней Польши, и теперь трагическая история страны во времена Второй мировой войны обсуждается в Польше открыто и откровенно. Освещение истории Ирены Сендлер и других героев помогло Польше вылечить застарелую общенациональную психологическую травму.

В 2007 году Ирена Сендлер была выдвинута на Нобелевскую премию мира премьер-министром Израиля и Президентом Польши. Представитель Администрации Президента Республики Польша Якуб Ясколовский написал Норману Конарду и канзасским школьницам следующее:

> *«Мне хотелось бы отметить, что наши совместные усилия по выдвижению Ирены Сендлер кандидатом на Нобелевскую премию мира преследуют гораздо более глобальные цели. История ее жизни ляжет в основу*

широкомасштабного образовательного проекта, направленного против расизма, антисемитизма и ксенофобии. Вы и ваши ученики уже начали двигаться к этой цели, и теперь, когда пришло время включить в эту деятельность других людей, мы очень рады, что занимаемся этим великим делом вместе с вами».

Постскриптум

В чем же суть наследия Ирены Сендлер? Чем так притягательна для нас история *«Храброе сердце Ирены Сендлер»* и этих молодых людей из Канзаса? Прежде всего тем, что их глубоко тронул сюжет, который они потом рассказали в своей пьесе. Проект *«Ирена Сендлер»* показывает, что в душах наших подростков живет добро. Однако есть в этом и более глубинный смысл. История остается в прошлом, но прошлое должно получать современную оценку, сочетающую в себе справедливость и сострадание, уже хотя бы потому, что последствия жестокого прошлого все еще не изжиты.

В 2005 году, когда *«Жизнь в банке»* была исполнена в Варшавском Еврейском театре, кто-то из присутствовавших в зале зрителей нашел после спектакля напоминание о бесчеловечной жестокости, царившей во время Второй мировой войны, – почти окаменевшую перчатку, изготовленную из человеческой кожи. И сколько таких страшных артефактов еще предстоит обнаружить! Их будет очень много, ведь Польше пришлось пережить сначала фашизм, а потом коммунизм. Два поколения поляков были лишены возможности свободно высказывать свои убеждения, спорить и приходить к примирению. Во многих странах, ставших жертвами преступных режимов, используется достаточно успешная модель сохранения и санации прошлого – Комиссии по Правде и Примирению. Создание таких комиссий является благородной, хоть и неидеальной попыткой продемонстрировать людям, с какой жестокостью они относились друг к другу в прошлом, и найти пути искупления и примирения. Целью таких комиссий является сохранение архивных данных и подтверждение их достоверности и легитимности, не позволяющей никому подвергать их сомнению или отрицать сам факт их существования. Эти комиссии учат людей уважать свою историю, восстанавливая взаимное доверие. Но наказать всех преступников и воспеть всех героев невозможно. Более того, какую этическую оценку мы дадим бездействию парализованного ужасом стороннего наблюдателя? Или, если задаться еще более неудобным и тревожным вопросом: как в аналогичных обстоятельствах поступил бы каждый из нас?

«Жизнь в банке», этот крестовый поход детей, оказалась как раз такой Комиссией по Правде и Примирению, слабый голос которой вполне мог быть никем не услышан в оглушительной сумятице современного мира, но прозвучал на удивление громко, расширив круг людей, благодарных Ирене Сендлер за ее героизм

и гуманизм. *«Жизнь в банке»* вызвала в Польше огромный резонанс и вернул имя Ирены Сендлер из забвения, сделав ее национальной героиней и номинантом на Нобелевскую премию мира.

Посмотрев спектакль, ректор Университета Пардью Говард Коэн сказал:

– История не является историей, пока кто-нибудь ее не запишет или не перескажет.

Эти слова стали еще одним девизом Проекта *«Ирена Сендлер»* наряду с фразой *Tikkun Olam* и словами, сказанными в адрес канзасских девушек Михаэлем Гловинским:

– Вы спасли спасительницу.

«Жизнь в банке», великая история, элегантно и просто рассказанная канзасскими подростками, апеллирует к самым лучшим нашим чувствам и порождает самые благородные мысли.

И где же они теперь?
Февраль, 2010

В среду 23 сентября 2009 года Проекту *«Ирена Сендлер»* исполнилось 10 лет. История жизни Ирены Сендлер, извлеченная из небытия канзасскими школьницами, продолжает жить. Но где же все они сегодня? Ниже приведены краткие биографии нескольких основных участников проекта. Всего же за прошедшее десятилетие в работе проекта принимали участие 38 учащихся.

Меган (Стюарт) Фелт, основатель проекта, выпускница Питтсбургского государственного университета в Питтсбурге, Канзас. В настоящее время работает Программным директором Образовательного Центра Лоуэлла Милкена. В школьные годы отмечалась за активную общественную работу, а также в 2003 году избиралась во второй состав Всеамериканской Академической команды по версии журнала «Ю-Эс-Эй Тудей». Недавно вошла в десятку номинантов на Премию BRICK, которой отмечаются молодые американцы, «изменившие мир». Она до сих пор выезжает во все гастрольные поездки, работает над DVD *«Жизнь в банке»*, выступает с моноспектаклями и активно участвует в жизни проекта. Она больше 200 раз выходила на сцену в составе труппы *«Жизни в банке»*. Муж Меган, профессиональный фотограф Кенни Фелт, часто сотрудничает с проектом, а также является автором части использованных в данной книге снимков. Меган много лет играет в пьесе роль Ирены, которая скончалась 12 мая 2008 года, в день рождения Меган.

Элизабет Камберс-Хаттон, основатель проекта, окончила исторический факультет Колледжа Озаркс в Брэнсоне, Миссури. Тот факт, что в настоящее время она живет достаточно далеко от своего родного городка, не мешает ей продолжать активно работать над начатым ею еще в 1999 году проектом. Лиз трижды навещала Ирену в Польше и с энтузиазмом продолжает рассказывать людям о ее жизни. Она поставила перед собой цель на примере истории Ирены продемонстрировать школьникам из бедных городских кварталов, что даже одному человеку вполне по силам изменить мир. В школьные годы получила несколько премий, в том числе и Президентскую премию за волонтерскую службу. В 2007 году Лиз вышла замуж за Грэма Хаттона, в текущий момент работает преподавателем истории в Лебаноне,

Миссури.

Сабрина Кунс-Мерфи, основатель проекта, дважды посещала Ирену в Польше. Она окончила Юнионтаунскую школу и Канзасский государственный университет и получила профессию учителя начальной школы и математики средней школы. Два года работала воспитателем в детском саду и полгода учителем подготовительных классов. У Сабрины и ее мужа Джеффа двое детей – Оуэн Уоррен и Обри Лоринда. В настоящее время Сабрина растит своих детей, но планирует вскоре вернуться к преподаванию.

Джессика Шелтон-Риппер, основатель проекта, уроженка канзасского городка Форт-Скотт, получила диплом психолога, окончив Питтсбургский государственный университет. Родилась 11 сентября 1984 года. Больше 150 раз играла роль Марии, подруги и соратницы Ирены, в *«Жизни в банке»*, исполняла обязанности гастрольного менеджера Проекта *«Ирена Сендлер»*. Джессика заняла 5-е место на Национальном конкурсе Дня Истории с проектом о Коринтии Наттер, одной из первых защитниц прав афроамериканского населения. Живет с мужем Далласом и двумя детьми, Лиллиан Мари и Логаном Кристофером.

Тревис Стюарт – выпускник Юнионтаунской школы, а позднее Питтсбургского государственного университета, где изучал технологию производства полимерных материалов. В *«Жизни в банке»* Тревис исполняет роли спасителя евреев Доктора Воса и немецкого солдата. Летом 2005 года приезжал в Польшу встретиться с Ireной, до сих пор активно участвует в жизни проекта. В июне 2009 года женился на Карли Дейлонг.

Джеми Уолкер присоединилась к Проекту *«Ирена Сендлер»* в ноябре 2005 года, познакомившись с Меган Стюарт в колледже. В 2008 году летала в Польшу к Ирене. В 2007 году окончила Питтсбургский государственный университет, получив диплом специалиста по финансовому управлению, и помогала в организации Образовательного Центра Лоуэлла Милкена, в котором проработала потом два года. В 2009 году получила степень магистра экономических наук и в настоящий момент работает в системе Федерального резервного банка в Канзас-Сити. В мае 2010 года вышла замуж за Майка Берндта.

Кинга Кржеминска, переводчица и подруга Ирены

в последние годы ее жизни, оказывала большую помощь участникам Проекта *«Ирена Сендлер»*, сотрудничает с Польской Ассоциацией Детей Холокоста. Кинга закончила научную работу об образах Холокоста в популярной культуре и получила степень магистра. Летом 2008 года проходила стажировку в Мемориальном музее Холокоста в США и сопровождала труппу *«Жизнь в банке»* на гастролях. В настоящий момент она работает над диссертацией в Польской Академии Наук.

Миган Уайтхед-Истер – член труппы *«Жизнь в банке»*, в 2005 году навещала Ирену и участвовала в выступлениях в Польше. Выигрывала национальные олимпиады по химии и испанскому языку, избиралась в Академическую команду Канзаса. Миган окончила Канзасский университет и работает фармацевтом в Канзас-Сити.

Мелисса Квири присоединилась к Проекту *«Ирена Сендлер»*, когда училась в восьмом классе. В 2005 году ездила встретиться с Иреной и выступала в спектаклях в Польше. В настоящее время учится в университете и вышла замуж за Джоша Сэммонса.

Кэтлин Меара – выпускница Канзасского университета, работает в научно-исследовательском департаменте Университета Канзаса.

Ник Томас учится в государственном университете Уичиты.

Ник Кейтон окончил колледж, женат, работает проектным инженером в Канзас-Сити.

Тереза Шефер вступила в труппу в 15 лет и на данный момент самый новый и молодой ее участник. Она играет в спектакле сироту из гетто и очаровывает публику пением печальной еврейской песни.

Норман Конард, учитель в третьем поколении, больше 20 лет преподавал обществознание в Юнионтаунской средней школе в Юнионтауне, Канзас. Всегда отличался новаторским стилем преподавания, не ограничиваясь традиционными методиками и побуждая своих учеников разрабатывать проекты на темы толерантности. Вместе с учениками мечтал организовать фонд продвижения методик обучения, базирующихся на самостоятельных проектах по поиску забытых героев, аналогичных Проекту *«Ирена Сендлер»*. Дабы воплотить эту мечту

в жизнь, в 2007 году оставил преподавание и занялся организацией и руководством Образовательного Центра Лоуэлла Милкена в Форт-Скотте, Канзас. Больше всего гордится тем, что больше 170 его учеников выиграли исторические конкурсы на уровне штата, а 60 принимали участие и получили заслуженное признание на Национальном Дне Истории. Является лауреатом множества призов и премий на уровне региона, штата и всей страны. «Ирена Сендлер изменила мою жизнь, – говорит он, – и жизни моих учеников. Даже и после своего ухода она продолжает менять весь мир к лучшему». Он и его жена Карен продолжают работать вместе с основательницами Проекта *«Ирена Сендлер»,* его бывшими ученицами, которым в данный момент далеко за двадцать, а то и ближе к тридцати.

Основные источники

Ackerman, Diane. The Zookeeper's Wife. W. W. Norton & Co., Нью-Йорк, 2007.

Attoun, Marti. The Woman Who Loved Children. Ladies' Home Journal. Декабрь 2003, стр. 94–105.

Bartoszewski, Wladyslaw, и Lewin, Zofia. Righteous Among Nations: How Poles Helped the Jews – 1939–1945. Earlscourt Publications LTD, Лондон, 1969.

Chesnoff, Richard. «The Other Schindlers». U. S. News & World Report. 21 марта 1994 года, стр. 56–64.

Czerniakow, Adam. The Warsaw Diary of Adam Czerniakow. Яд Вашем, Иерусалим, 1968.

Davies, Norman. Rising '44: The Battle for Warsaw. Viking, Penguin Group, Нью-Йорк, 2003.

Gross, Jan T. FEAR: Anti-Semitism in Poland After Auschwitz. Random House, Нью-Йорк, 2006.

Gross, Jan T. Neighbors: The Destruction of the Jewish community in Jedwabne, Poland. Princeton University Press, Нью-Джерси, 2001.

Grynberg, M. Words To Outlive Us: Voices from the Warsaw Ghetto. Перевод на английский язык Филипа Бема. Henry Holt and Co., Нью-Йорк, 2002.

Gutman, Yisrael. The Jews of Warsaw, 1939–1943: Ghetto, Underground, Revolt. Indiana University Press, Блумингтон, 1982.

Jagielski, Jan. Jewish Sites in Warsaw. Институт истории еврейства, Варшава, 2002.

Kacyzne, Alter. Polyn: Jewish Life in the Old Country. Под редактурой Марека Веба. Henry Holt & Co., Нью-Йорк, 1999.

Kaplan, Chaim A. Scroll of Agony: The Warsaw Diary of Chaim A. Kaplan. Перевод на английский язык Абрахама И. Катрша. Simon & Schuster Inc., Нью-Йорк, 1965.

Kassow, Samuel. «A Stone Under History's Wheel: The Story of Emanuel Ringelblum and the Oneg Shabes Archive». Pakn Treger, Magazine of the National Yiddish Book Center, стр. 14–23. Амхерст, Массачусетс, 2003.

Keneally, Thomas. Schindler's List. Simon & Schuster, Нью-Йорк, 1982.

Korczak, Janusz. Ghetto Diary. Yale University Press, Нью-Хэвен, 2003.

Leociak, Jacek. Text in the Face of Destruction: Accounts from the Warsaw Ghetto Reconsidered. Перевод на английский язык Эммы Харрис. Zydowski Instytut Historyczny, Варшава, 2004.

Lifton, Betty Jean. The King of Children: A Biography of Janusz Korczak. Schocken Books, Нью-Йорк, 1988.

Ringelblum, Emmanuel. Notes from the Warsaw Ghetto: The Journal of Emmanuel Ringelblum. Oxford University Press, Нью-Йорк, 1992.

Sendler, Irena. «The Valor of the Young». Dimensions: A Journal of Holocaust Studies. 1993, т. 2, № 2, стр. 20–25.

Sendler, Irena. «Actions of Youth in the House Committees of Warsaw Ghetto». Bulletin of the Jewish Historical Institute. 1981, т. 118, № 2.

Szpilman, Wladyslaw. The Pianist: The Extraordinary True Story of One Man's Survival in Warsaw, 1939–1945. Перевод на английский язык Антеи Белл, Picador, Нью-Йорк, 1999.

Tomaszewski, Irene, Werbowski, Tecia. Zegota: The Council for Aid to Jews in Occupied Poland, 1942–1945. Price-Patterson LTD., Монреаль, 1994.

Yitzhak, Arad. Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. Indiana University Press, Блумингтон, 1987.

Дополнительные источники

Berg, Marie (псевдоним). Warsaw Ghetto: A Diary. Под редакцией С. Л. Шнайдермана. Подготовка текста Норберта Гутермана и Сильвии Гласс. L. B. Fischer Publishing Corporation, Нью-Йорк, 1945.

Davies, Norman. God's Playground: A History of Poland. Columbia University Press, Нью-Йорк, 1982.

Davies, Norman. Heart of Europe: A Short History of Poland. Clarendon Press, Оксфорд, 1984.

Dwork, Deborah. Voices & Views: A History of the Holocaust. The Jewish Foundation for the Righteous, Нью-Йорк, 2002.

Dwork, Deborah. Children With a Star: Jewish Youth in Nazi Europe. Yale University Press, Нью-Хэвен, 1991.

Dwork, Deborah, van Pelt, Robert. Holocaust: A History. W. W. Norton & Co., Нью-Йорк, 2002.

Frank, Anne. Anne Frank: The Diary of a Youg Girl. Doubleday & Co., Нью-Йорк, 1952.

Gilbert, Martin. The Righteous: The Unsung Heroes of the Holocaust. Henry Holt and Co., Нью-Йорк, 2003.

Gilbert, Martin. A History of the Twenties Century: Vol. 2: 1933–1951. Avon Books, Нью-Йорк, 1998.

Gilbert, Martin. The Holocaust: A History of the Jews of Europe During the Second World War. Henry Holt and Co., Нью-Йорк, 1985.

Hersey, John. The Wall. Alfred A. Knopf, Нью-Йорк, 1950.

Jerzy, L., Sawadski, H. A Concise History of Poland. Cambridge University Press, Кембридж, Великобритания, 2001.

Kazik (Rotem, Simha). Kazik: Memoirs of a Warsaw Ghetto Fighter. Yale University Press, Нью-Хэвен, 1994.

Korbonski, Stefan. Fighting Warsaw: The Story of the Polish Underground State, 1939–1945. Macmillan, Нью-Йорк, 1956.

Krall, Hanna. Shielding The Flame: An Intimate Conversation with Dr. Marek Edelman, the Last Surviving Leader of the Warsaw Ghetto Uprising. Перевод на английский язык Джоанны Стасинской и Лоуренса Вешлера, Henry Holt and Co., Нью-Йорк, 1986.

Kumove, Shirley. Words Like Arrows: A Collection of Yiddish Folk Sayings. University of Toronto Press, 1984.

Kurek, Ewa. Your Life is Worth Mine: How Polish Nuns Saved Hundreds of Jewish Children in German-Occupied Poland, 1939–1945. Hipposrene Books, Нью-Йорк, 1997.

Kurzman, Dan. The Bravest Battle: The Twenty-eight Days of the Warsaw Ghetto Uprising. Putnam, Нью-Йорк, 1976.

Michener, James A. Poland. Ballantine Publishing Group, Нью-

Йорк, 1984.

Shirer, William L. The Rise and Fall of the Third Reich – Vol. I and II. Simon & Schuster, Нью-Йорк, 1959, 1960.

Shirer, William L. Berlin Diary. Alfred A. Knopf, Inc., Нью-Йорк, 1941.

Spiegelman, Art. MAUS: A Survivor's Tale. Pantheon Books, Нью-Йорк, 1973.

Stewart, Gale. Life in the Warsaw Ghetto. Lucent Books, Сан-Диего, 1995.

Uris, Leon. Mila 18. Doubleday, Нью-Йорк, 1961.

Послесловие

Эта книга – насыщенный раствор, вот-вот выпадут кристаллы. Кристаллизуются, воссоздаются события и люди, является минувшее: предвоенная Польша, война и оккупация; Варшавское гетто и смерть узников, голод и тиф – смерть случайная и планомерная, неотступная; еврейская полиция и евреи-борцы; лагеря уничтожения Освенцим и Майданек; польское Сопротивление и нелегальная Армия Крайова; восстания против немцев в гетто в 1943 г. и в Варшаве в 1944 г.; облавы и расстрелы, гестапо и пытки; легендарные герои Я. Корчак, Я. Карский, Э. Рингельблюм, организация спасителей евреев Жегота, создатели ее З. Коссак и Ю. Гробельный; антисемитизм в Польше – довоенный и послевоенный…

Книга, однако, не только толчок подумать над прошлым. Она еще и роднит сегодняшнего читателя с давней порой, ему малоизвестной историей, простым сопряжением сходных и одновременно противоположных ситуаций. Потому что в книге и современные американские школьницы с их теперешней жизнью.

Два прощания. Пятилетняя Лиз в мирной жизни расстается с матерью, наркоманкой и алкоголичкой. «*Мать сорвалась из-за стола, отбросив в сторону стул, и выбежала на улицу, с треском захлопнув за собой дверь. Через мгновение взревел разбуженный стартером старый, усталый автомобильный двигатель. Она соскользнула со стула и, подбежав к двери, успела увидеть маму за рулем выплевывающего из-под бешено вращающихся колес комья грязи старого «бьюика». Машина сорвалась с места, будто за ней гнались все демоны преисподней, и больше Лиз никогда свою мать не видела. Она с ней даже не попрощалась. Лиз смотрела, как пыльный след, оставляемый убегающей от нее матерью, становился все длиннее, а потом и вовсе скрылся за горизонтом.… Лиз гадала, плакала ли ее собственная мать, убегая тогда из дома, или хотя бы вспоминала ли о том, что пятилетняя Лиз стоит, уткнувшись в сетчатую дверь, дожидаясь ее возвращения?*» И расставание в гибнущем Варшавском гетто – обреченная мать и попытка уберечь ребенка: «*Вдоль стены метнулась какая-то тень… это была одетая в коричневые и серые лохмотья женщина с замотанным в грязное тряпье младенцем на руках. Женщина склонилась к земле, подняла небольшой камень, перебросила его через стену и снова спряталась в тени. Мгновение спустя с арийской стороны прилетел точно такой же камень, и женщина решительно поднялась на ноги, прижимая к груди младенца. Даже*

на таком расстоянии Ирена услышала, как женщина сделала два резких глубоких вдоха, а потом нагнулась вперед, трижды раскачала сверток с ребенком, держа его обеими руками, а потом перебросила через стену. Ребенок перелетел над стеной в считаных сантиметрах от вмонтированных в ее верхнюю часть острых осколков стекла. С той стороны не донеслось ни звука. Женщина рухнула на колени и начала гладить стену – камни, навсегда разлучившие ее с ее ребенком. Потом она поднялась на ноги и крадучись скрылась в темной тени…»

Сопоставление не всегда прямолинейно, оно может быть и просто угадываемо – так напрашивается сравнение привычной, мирной Пасхи и той, когда немцы выжигали восставшее Варшавское гетто и внутри него горящие люди выбрасывались из этажей: «*В Пасхальное воскресенье над гетто все еще висели тучи черного дыма… Однако, подходя к нему, Ирена услышала… звуки музыки. На площади красовалась карусель и гигантские качели. Рядом со стеной гетто под вальс из «**Веселой вдовы**» на карусельных лошадках катались визжащие от восторга дети и влюбленные парочки. Качели-лодочки уносили детей высоко в небо, и они, оказываясь на самой верхней точке, могли на какое-то мгновение заглянуть на территорию гетто. Карусель была окружена наспех сколоченными ярмарочными павильонами. В одном торговали сосисками с жареным луком, из другого доносился цирковой марш, в тире хлопали пневматические ружья… а из-за стены слышались очереди, выстрелы танковых пушек и полицейские свистки. Крутилась карусель, летали качели, а празднично одетые люди поздравляли друг друга с Воскресением Христовым*».

Но за всеми впечатляющими картинами, изумляющими подробностями и красочными деталями – над и под описаниями пронзает весь текст забота Ирены: «Не забывать!»

Ирена Сендлер – хранительница прошлого. Не только этого, трагического и героического. Закапывая склянки с именами спасенных детей, она давала возможность детям, переименованным ради спасения, вернуться потом к именам, данным родителями, вернуться к своим истокам. Ирена – жрица памяти.

Она писала в Америку девочкам, которые делали школьный спектакль о ней, Ирене, и соответственно о Холокосте: «*Мне хотелось бы также узнать, вы исключение или в вашей стране многие молодые люди интересуются трагедией Холокоста. Я думаю, вы делаете большое дело, и о нем должно узнать как можно больше людей… Несмотря на то что мировая история знает случаи жестокого притеснения евреев, ни одна другая страна*

не ставила себе задачей уничтожение целой нации. По этой причине то, что вы делаете, имеет для всего мира огромное значение. Эти чудовищные злодеяния не должны повториться!»

В другом письме: «*Вы интересуетесь темой Холокоста. А понять ее трудно не только тем, кто не был свидетелем злодеяний нацистов, но и тем, кто сам стал их жертвой. Осознать и понять, что фашисты сделали с несколькими миллионами людей, среди которых было шесть миллионов евреев, почти невозможно. О Второй мировой войне написано очень много, но понять масштабы преступлений нацистов не под силу никакому здравомыслящему, психически здоровому или просто нормальному человеку*».

Она говорит девочкам: *«У меня было много помощников, и мне хочется, чтобы вы узнали обо всех этих людях. Мир не должен забыть их имена».* Или: *«Очень больно все это вспоминать. Но помнить об этих ужасных временах мы просто обязаны. И вы должны рассказывать эту историю людям»*. И еще: *«Умирают мои старые друзья и соратники. Больше всего я боюсь, что после смерти последнего из спасенных все забудут о Холокосте. И поэтому сердце у меня болит сильнее, чем ноги. Всю мою долгую жизнь меня больше всего печалили мысли о том, что с моим уходом из жизни может исчезнуть и память о тех временах»*. И опять: *«Я понимаю, почему полякам не хочется вспоминать. У всех нас есть болезненные воспоминания. И помнить об этих событиях очень неприятно, но необходимо…»*

Зачем? Долг перед покойниками. И чтобы избежать повторения. Как сказал когда-то великий подвижник Варшавского гетто Януш Корчак: «Кто убегает от истории, того история догонит».

Люди самосохраняются, забывая прошлое, иначе – отчаяние, руки опускаются.

Утро. Предвкушение дня. Человек берет в руки свежую газету. На первой странице – по башке, под дых – каждодневность: войны, террор, убийства, ураганы, вулканы, цунами – кровь, трупы, руины, пожары – чернуха, жуть, смерть… То ли дело последние листы: шутки, кроссворды, спорт – развлекаловка. Большинство людей потребляет газету с конца. И в телевизоре выбирает программы повеселее, подальше от новостей со всамделишними трагедиями. В Америке редактор телевидения сговаривается с гостем-историком насчет даты передачи о истории Холокоста. Субботу редактор отвергает: «Нельзя завершать неделю мрачным разговором. Как после него отдыхать?» Воскресенье, говорит редактор, тоже не подходит: «Впереди рабочая неделя. Как потом людям работать?» Билл,

дедушка школьницы Лиз, объясняет ей, что в войну были жуткие времена и «хуже всего была эта история с евреями. Люди просто с ума посходили». А фильм об уничтожении евреев «Список Шиндлера», даже с его голливудским «хеппи-эндом», дедушка смотреть отказывается: «Я такие фильмы не люблю». Ирена ведь и сама при всем ее бескрайнем мужестве не отваживается смотреть пьесу о себе и о том кошмарном прошлом, где затаились ее прежние страхи, боль души и пытки в гестапо, безудержный разгул смерти… Она говорит: *«Мне кажется, многие хотят, чтобы мы просто потихоньку поумирали и перестали напоминать о темных страницах нашей истории. Жизнь полна и чудес, и ужасов. Я, несмотря ни на что, стараюсь вспоминать только хорошее, но иногда это слишком трудно… слишком больно».*

Американский профессор Г. Дж. Каргас, католик, именующий себя «послеосвенцимским христианином», говорит: «В Шоа каждый убийца был крещеным христианином. Эта вовлеченность христианства ужасает… Священное Писание учит, что мир спасен, когда есть десять праведников. Для меня это, в частности, означает, что добрые дела десяти человек могут перевесить зло, сотворенное тысячами неправедных людей. Я вовсе не утверждаю, что мир спасен благодаря тому, что было несколько Раулей Валленбергов – и конечно, ужасен факт, что спасителей было так мало. Но я считаю важным, что такие люди существуют, и для нас жизненно необходимо знать об этом».

Душа томится черным прошлым, суетливо, но упорно ищет «свет в конце туннеля», иначе не туннель – тупик. Ирена Сендлер, спасательница, Праведница – уводит из тупика.

И судьба Ирены после всех зигзагов ее 92-летней дороги, к счастью, светло завершилась. Ее долголетия хватило, чтобы дождаться благодарственного поклона. В 1965 г. Иерусалимский Мемориал Яд Вашем в Иерусалиме признал Ирену Сендлер Праведником народов мира. В 1983 г. в Яд Вашеме было посажено в ее честь дерево на Аллее Праведников. В 2003 г. президент Польши наградил Ирену орденом Белого Орла – высшей наградой Польши. В 2006 г. Польша (президент и общество «Дети Холокоста») выдвинули кандидатуру Ирены Сендлер на Нобелевскую премию мира (получила, впрочем, не она, а Эл Гор, американский громогласный борец со всемирным потеплением – чудны дела твои, Господи!). В 2007 г. Ирена Сендлер по представлению 15-летнего польского подростка Шимона Плоценника была награждена «Орденом Улыбки». В том году она стала почетной жительницей Варшавы, а также была учреждена ежегодная Премия имени Ирены Сендлер «За совершенствование мира», отмечающая заслуги в преподавании истории Холокоста.

И в музее израильского кибуца Лохамей ха-Гетаот («Борцы гетто»), основанном выжившими участниками восстания Варшавского гетто, проходят семинары, где слушателям обязательно показывают фильм «Храброе сердце Ирены Сендлер».

Пани Ирена, спасшая в годы Холокоста 2500 еврейских детей, умерла в Варшаве 12 мая 2008 г. в возрасте 98 лет. Не дожила два года до своего столетия и два месяца до резолюции Палаты представителей Конгресса США от 30 июля 2008 г., которая чествовала память об Ирене Сендлер, Героине Польши.

В груде своих наград Ирена считала самыми почетными благодарственное письмо Папы Римского Иоанна Павла Второго, «Орден Улыбки», которым ее наградили дети, и звание Праведника, присужденное ей в Израиле.

В Израильском Мемориале Катастрофы евреев Яд Вашем шелестит дерево в ее честь. Над ним, как и над всем Парком Праведников, высится один из корпусов с этим именем – Яд Вашем. Оно взято из фразы еврейского пророка Иешияху (Исайи): «Бог устами пророка говорит еврейскому народу «Имя и память дам тебе в Доме моем». «Имя и память» – Яд Вашем.

Из безразмерного иерусалимского неба солнце льет, не скупясь, свет на это здание, облицованное грубо отесанным местным камнем. Золотистый отблеск его стен показался бы здесь, посреди рассказа о черной трагедии, чересчур разбитным, не сообрази архитектор разрядить его серой бетонной лентой. Она охватывает в верхней части три стены. На коротких западной и восточной стенах лента почти пуста, лишь местами выступают из бетонного массива корявые гребешки, неровности, бугры… Это мертвые остатки убитых букв. За углом, на длинной северной стене, они оживают коробчатыми конструкциями, сложенными из тонких плиток, местами продырявленных, прорванных. Полые коробки поднимаются торжественными буквами, дыры на них – пулевые раны, но и простреленные, они живут, дышат, чеканят собой ключевую для Мемориала фразу еврейского пророка.

На том и поставить бы точку. Но вот ведь какой фокус вытворяет Его Величество Случай. Коробки букв, открытые сверху, с отверстиями в боках, оказались идеальными скворешниками. Синицы натаскали травы внутрь букв, повыводили в тех гнездах птенцов, и по весенним утрам, когда солнце распахивает настежь небо и заполняет собою еще пустой от посетителей Яд Вашем, – птицы в буквах и на буквах суетятся, вспархивают, чирикают, орут благим матом – кипит неистребимая жизнь.

Посреди Иерусалимской Горы Памяти, посреди Яд Вашема, посреди Холокоста.

Так что? Счастливый выходит конец?..

– Анатолий Кардаш,

писатель, публицист

Вкладка

Уличная сценка с нищенствующими детьми. Варшавское гетто. Всем людям в возрасте старше 9 лет предписывалось носить на правом рукаве повязку со Звездой Давида. (*Фото Хайнриха Йоста, предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша.*)

Стена гетто. Осень 1940. Длина трехметровой стены, покрытой в верхней части осколками битого стекла, составляла почти 18 километров. (*Фото предоставлено Столичным государственным архивом, Варшава.*)

Ноябрь 1940. Евреи в очереди на вход в гетто. Переселяемым в гетто евреям разрешалось взять с собой только то, что они могут унести на себе. (*Фото предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша.*)

Хлодна улица, отделяющая Большое гетто (население 300 000 человек) от Малого

гетто (население 100 000 человек). Деревянный пешеходный мост позволял евреям переходить из одной части гетто в другую над «арийской» улицей и видеть «нормальную» жизнь оккупированного города. (*Фото предоставлено Архивом Польской студии документальных фильмов.*)

Четыре нищих еврейских ребенка задержаны офицером СС. Штаны мальчика на первом плане набиты собранными на «арийской стороне» корнеплодами. (*Фото предоставлено Архивом Польской студии документальных фильмов.*)

Нищие дети вытряхивают из своей одежды еду, которую они надеялись тайно пронести в гетто. После обыска они будут отправлены в расположенную на территории гетто тюрьму Генсиувка, где вероятнее всего погибнут от голода или инфекционных заболеваний. (*Фото предоставлено Архивом Польской студии документальных фильмов.*)

Обычная для гетто уличная сценка. Погибающие от голода, истощенные дети. Некоторые из них сироты, некоторые – с матерями. (*Фото предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша.*)

Ликвидация гетто (22 июля – 21 сентября 1942 года). Колонна евреев по пути на товарный двор железной дороги (*Umschlsgplatz*) в северном конце гетто. Охраняют колонну обреченных на смерть людей еврейские полицейские. Во главе колонны –

немецкий офицер СС. (*Фото предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша*.)

Umschlagplatz. Небольшая площадка рядом с товарным двором железной дороги, вмещавшая до 10 000 евреев, которым по 20 часов без пищи и воды приходилось ожидать погрузки в вагоны для перевозки скота для последующей транспортировки в Треблинку. (*Фото предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша*.)

Евреев загружают в поезд, направляющийся в лагеть смерти Треблинка. Во время ликвидации гетто таким образом из Варшавы ежедневно вывозилось от 2000 до 13 500 людей. (*Фото предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша*.)

Апрель 1943. Пасхальная ярмарка на примыкающей к стене гетто площади Красинских, открытая в первый день Восстания в гетто. Ребенок на качелях, находясь в верхней точке, может заглянуть за стену гетто, где в этот момент уже идут бои, и слышать звуки стрельбы. (*Фото Яна Лиссовского, предоставлено Еврейским историческим институтом имени Эмануэля Рингельблюма, Варшава, Польша*.)

1945. Немцы полностью уничтожили Варшавское гетто, оставив только

полуразрушенную католическую церковь Святого Августина на улице Новолипки. (*Репродукция фотографии, обнаруженной на стр. 45 книги* «Шестилетний план восстановления Варшавы» [«Szescioletni Plan Odbudowy Warszawy»] *Болеслава Берута, Варшава, 1959.*)

Ирена Сендлер в 1939 году в возрасте 29 лет.

Ирена Сендлер в возрасте 95 лет.

Ирена Сендлер в возрасте 98 лет, за неделю до смерти, во время последней встречи с канзасскими школьницами в 2008 году. (*Фото предоставлено Кенни Фелтом, www.kennyfelt.com*)

Соратница и лучшая подруга Ирены Ядвига (Яга) Пиотровска. Рядом с фотографией – медаль *Яд Вашема*, которой награждаются Праведники Мира.

Дом № 9 по Лекарской улице со следами пуль на фасаде, оставшимися от Варшавского восстания августа 1944 года. Списки с именами спасенных детей Ирена закапывала под яблоней на заднем дворе этого дома.

Четыре основательницы проекта «Ирена Сендлер»:

Меган (Стюарт) Фелт

Элизабет (Лиз) Камберс-Хаттон

Сабрина Кунс-Мерфи

Джессика Шелтон-Риппер

Первая встреча с Ирено́й в 2001 году. *Слева направо*: Меган Стюарт, Лиз Камберс, Сабрина Кунс.

Мистер Конард с Ирéной во время третьего визита в Польшу, 2005 год. (*Фото предоставлено Меган Фелт.*)

Лиз Камберс под воротами гетто в спектакле «*Жизнь в банке*».

Меган Стюарт в роли Ирены Сендлер в спектакле «*Жизнь в банке*». (*Фото предоставлено Кенни Фелтом.*)

Меган Стюарт и Лиз Камберс во время конкурсного выступления на Национальном дне истории в Университете Мериленда, 2000 год.

Джеми Уолкер со стеклянной банкой в руках и Меган Стюарт с копией серебряной ложки Беты во время одного из исполнений «*Жизни в банке*».

Джеми Уолкер в роли госпожи Рознер, прощается со своим ребенком, перед тем как отдать его Ирене, в спектакле «*Жизнь в банке*». (*Фото предоставлено Кенни Фелтом.*)

Джеми Уолкер в роли госпожи Рознер и Тревис Стюарт в роли немецкого солдата в спектакле «*Жизнь в банке*». (*Фото предоставлено Кенни Фелтом*).

Джеми Уолкер, исполняющая в спектакле роли госпожи Рознер, шантажистки и сестры Матильны Геттер. (*Фото предоставлено Кенни Фелтом*).

Ханна Пиотровска-Реховичова (*в центре*), которая в двенадцатилетнем возрасте подсмотрела, как Ирена с ее матерью Ядвигой (Ягой) Пиотровской закапывают на заднем дворе банку со списками. На этой фотографии она запечатлена вместе с мужем и участниками спектакля «*Жизнь в банке*» во время их визита в Польшу в 2005 году. *Слева направо*: Миган Уайтхед, Лиз Камберс, Тревис Стюарт, Мелисса Квири, Меган Стюарт и Джессика Шелтон.

Мистер Конард, Меган Фелт и Кинга Кржеминска во время вручения почетного диплома в Польском консульстве в Чикаго. Участники «*Жизнь в банке*» и Проекта *«Ирена Сендлер»* представляли Ирену Сендлер на церемониях вручения премий самых разных международных организаций.

Лиз Камберс и Эльжбета (Бета) Фицовска с серебряной ложкой, оставленной матерью Беты в ящике для плотницкого инструмента, в котором ее вывезла из гетто Ирена.

Исполнительница роли госпожи Рознер Миган Истер с Иреной во время третьего путешествия в Польшу в 2005 году.

«Варшавское гетто прямо у вас под ногами». Профессор Яцек Леоцяк, варшавский исследователь истории гетто, на Хлодной улице во время экскурсии, устроенной им для девушек в 2005 году. *Слева направо*: в последнем ряду – Миган Уайтхед, Джессика Шелтон, профессор Леоцяк и Лиз Камберс; в среднем ряду – Мелисса Квири и Меган Стюарт; впереди – Тревис Стюарт.

Закопане, Польша, 2005. Выступление с «*Жизнью в банке*» на 14-й ежегодной

конференции Ассоциации детей Холокоста – объединения выживших во время Холокоста еврейских детей. *Слева направо*: Эльжбета Фицовска, Джессика Шелтон, Лиз Камберс, Меган Стюарт, Мелисса Квири, Тревис Стюарт и Миган Уайтхед.

Лиз Камберс с одним из спасителей евреев, у которого она брала интервью во время первого визита в Польшу в мае 2001 года. Ему было всего 7 лет, когда его родные прятали в сарае трех евреев.

Общественная библиотека Чикаго, 2008. Переводчица и подруга Ирены Кинга Кржеминская рассказывает об Ирене и недавно открытом в Варшаве Музее истории польского еврейства.

Главный раввин Польши Михаэль Шудрич с Сабриной, Лиз и Меган во время одного из представлений «*Жизни в банке*». (*Фото предоставлено Кенни Фелтом*.)

Спасенная Иреной Эльжбета Фицовска (*справа*) и Президент Всемирной федерации еврейских детей, выживших во время Холокоста, Стефани Зельцер (*слева*). Фотография сделана на национальной конференции памяти Ирены Сендлер.

Переводчица и подруга Ирены Кинга Кржеминска (*в центре*), спасенная подпольной организацией Ирены Рената Зайдман (*справа*) и ее дочь Шэрон во время гастрольного тура «*Жизни в банке*» по Вермонту в 2008 году.

Израильская почтовая марка, выпущенная в память Ирены Сендлер после ее смерти в 2008 году.

Памятник Героям Варшавского гетто, где девушки исполнили для съемочной группы Польского телевидения сцену из «*Жизни в банке*» во время своего первого визита в Польшу в 2001 году.

Спасенная Ireной в детстве Рената Зайдман и Меган (Стюарт) Фелт с афишей фильма «Храброе сердце Ирены Сендлер», 2009 год. (*Фото предоставлено Кенни Фелтом.*)

Ирена с переводчиком, Меган Стюарт, Тревис Стюарт и Лиз Камберс на празднике в честь 95-летия Ирены, Варшава, 2005 год.

Меган Стюарт, Джессика Шелтон и Джеми Уолкер у расположенного рядом с памятником Героям Варшавского гетто мемориального камня ЖЕГОТЫ, 2008 год.

notes

Сноски

1

Варшавское гетто – часть Варшавы, на которой жили и умирали около 500 тысяч евреев, среди них 400 тысяч местных, изгнанных из своих квартир на остальной части города (т. н. арийской стороне).

2

Рау́ль Гу́став Ва́лленберг (1912–1947 гг.) – шведский дипломат, спасший жизни десятков тысяч венгерских евреев в период Холокоста. После занятия Будапешта Красной армией был арестован в январе 1945 года, переправлен в Москву и предположительно умер в советской тюрьме.

3

«Ю. С. Ньюс энд Уорлд Рипорт» («U.S. News and World Report» – *англ.*) – еженедельный политико-экономический журнал США.

ЕФП, Еврейский Фонд помощи Праведникам («The Jewish Foundation for the Righteous» – *англ.*) – американская организация помощи лицам, признанным в Израиле Праведниками народов мира (спасителями евреев в годы Второй мировой войны).

5

В оригинале пьеса называлась «Life in a Sar».

6

Форт Скотт – город в штате Канзас, США.

7

Литтл-Рок – столица штата Арканзас, США. В 1957 г. местные власти вопреки судебному постановлению не позволили девяти чернокожим детям поступить в школу для белых. Решение суда было выполнено только после вмешательства армии. Литтл-Рок стал одним из символов борьбы американцев за равноправие.

8

Великая депрессия – мировой экономический кризис, начавшийся в 1929 г. и длившийся в США до 1939 г.

9

Талмуд (*ивр.*) – свод еврейских правил поведения и религиозно-этических норм иудаизма, разработанный на протяжении III – XI вв.

10

Шиндлер Оскар (1908–1974) – немецкий промышленник, спасший в годы Второй мировой войны более 1000 евреев. Он и его жена Эмилия удостоены в Израиле звания «Праведники народов мира».

11

Жегота («Żegota» – *польск.*) – в оккупированной Польше Совет помощи евреям («Rada Pomocy Żydom» – *польск.*), созданный в 1942 г. Организаторы: католическая писательница Зофья Коссак-Шуцкая (1890–1968) и социалистка-искусствовед Ванда Крахельска-Филлипович (1886–1968). Первым председателем Жеготы был социалист Юлиан Гробельный (1893–1944). Организация действовала до конца оккупации в 1945 г. Члены Жеготы и ее помощники спасли в годы войны тысячи евреев, заплатив за это своими жизнями. Памятник Жеготе установлен в Варшаве, а в Израильском Мемориале Катастрофы и героизма евреев Яд Вашем в ее честь посажено дерево на Аллее «Праведников народов мира».

12

«Список Шиндлера» – популярный фильм американского режиссера С. Спилберга.

13

Чирлидинг («cheerleading» – *англ.*) – сочетание спорта и шоу, включающее танцы, гимнастику и акробатику.

14

Рейтинг «R» – разрешение смотреть фильм только зрителям старше 18 лет.

15

Неточно. Дерево называется цератония (хорув – *ивр.*).

16

Мормон (Mormon – *англ.*) – приверженец христианского течения Церкви Иисуса Христа Святых последних дней, основанного в XIX в. Джозефом Смитом в США.

17

Франк Анна (Аннализа Мария, 1929–1945) – девочка-еврейка, скрывавшаяся с семьей от нацистов в Амстердаме (Голландия), пока по доносу голландских соседей их не вывезли немцы на уничтожение в концлагере Берген-Бельзен (Германия). В 1942–1944 гг. Анна вела дневник, который был издан после войны и приобрел мировую известность.

18

Треблинка (Treblinka – *польск.*) – концентрационные лагеря в Польше, организованные нацистами в первую очередь для уничтожения евреев Варшавского гетто. Включали в себя «трудовой лагерь» Треблинка-1 и лагерь смерти Треблинка-2, который действовал с 22 июля 1942 г. (начало ликвидации евреев Варшавского гетто) по 2 августа 1943 г., когда произошло восстание узников. Спустя два месяца лагерь был закрыт. За год с небольшим в Треблинке было уничтожено более 800 тысяч человек, в подавляющем большинстве евреев. Среди убитых было 2 тысячи цыган.

19

Израильский Мемориал Яд Вашем (Yad Vashem – *ивр.*, «Память и имя») собирает имена погибших в Катастрофе евреев. Девиз этой работы – строка из стихотворения израильской поэтессы Зельды Мишковской (1914–1984) «У каждого человека есть имя».

20

В книге польско-еврейского историка Бернарда (Бена) Марка (1908–1966) «Борьба и гибель Варшавского гетто» («Walka I zaglada Warszawskiego getta», Warszawa, 1959 – *польск.*), с огромными усилиями и цензурными ограничениями напечатанной в коммунистической Польше, скупо упоминается Жегота, а имени Ирены Сендлер нет вовсе.

21

СС (SS, Schutzstaffel – *нем.*) – «охранные отряды» Гитлера и нацистской партии, исполнявшие карательные функции и уничтожение «нежелательных элементов». На послевоенном Нюрнбергском суде над главными военными преступниками (1946) признана преступной организацией.

22

Берг Мари (1924) – американская писательница, 17-летняя узница Варшавского гетто. Ее «Дневник Варшавского гетто» издан в США в 1945 г. и в Польше в 1983-м.

23

Сераковьяк Давид (1924–1943) – узник гетто Лодзи (Польша), где вел дневник. Умер в гетто в возрасте 19 лет.

24

Ширер Уильям (1904–1993) – американский журналист и историк, очевидец жизни в Германии 1934–1940 гг.

25

Бозза Эжен (Юджин, 1905–1991) – французский композитор и дирижер.

26

«Форт Скотт Трибюн» («Fort Scott Tribune» – *англ.*) – ежедневная газета в Форт Скотт, Канзас.

27

Методизм – течение в протестантской церкви, проповедующее религиозное смирение и кротость.

28

Секонд-хенд (second hand – *англ.*) – торговля подержанными вещами со вторых рук.

29

Служба соцзащиты – служба социального обеспечения, поддерживала слабые слои населения.

30

«Romanishes Café» («Романское кафе» – *нем.*) в донацистском Берлине было центром развлечения и встреч германских интеллигентов.

31

Роман Ф. М. Достоевского.

32

В предвоенной Польше после смерти ее авторитарного руководителя Юзефа Пилсудского (1867–1935) усилились националистические тенденции, которые, помимо прочего, выражались в притеснениях национальных меньшинств, особенно евреев и цыган.

33

Дмовский Роман (1864–1939) – вождь движения польских националистов, сторонников «полонизации» – дискриминации национальных меньшинств.

34

Старжинский Стефан (1893–1944?) – президент (мэр) Варшавы, в 1939 г. возглавил защиту города от наступающих гитлеровцев.

35

ЦЕНТОС (CENTOS, Centralne Towarzystwo Opieki nad Sierotami – *польск.*) – еврейская благотворительная организация помощи детям.

36

ТОЗ (TOZ, Towarzystwo Ochrony Zdrowia Ludności Żydowskiej – *польск.*) – благотворительное Общество охраны здоровья евреев.

37

Американский еврейский объединенный распределительный комитет, Джойнт («American Jewish Joint Distribution Committee», JDC – *англ.*) – еврейская благотворительная организация, до вступления США в войну в 1941 г. оказывала помощь евреям оккупированных стран.

38

Би-би-си (British Broadcasting Corporation, BBC – *англ.*) – британская широковещательная радиокорпорация.

39

Вермахт (Wehrmacht – *нем.*) – германская армия в 1935–1945 гг.

40

Тысячелетний рейх, Третий рейх (Drittes Reich – *нем.*) – неофициальное название германского государства в 1933–1945 гг.

41

Айнзацгруппа (Einsatzgruppen – *нем.*) – оперативный карательный отряд СС.

42

Эсэсовцы – военнослужащие СС.

43

Numerus clauses (процентная норма – *лат.*) – предлагаемые националистами количественные ограничения приема представителей национальных меньшинств в учебные заведения.

44

«Лагерь великой Польши» (ObÓz Wielkiej Polski – *польск.*) – националистическая группировка Р. Дмовского, отколовшаяся от Национальной партии Пилсудского в 1925 г.

45

Польская социалистическая партия, ППС (Polska Partia Socialistyczna, PPS – *польск.*) – в годы оккупации Польши активный участник польского вооруженного Сопротивления.

«Macierz Polska» – *польск.* («Мать-Польша») – просветительское общество, созданное в 1880-х гг. в образовательных и национальных целях.

47

Юденрат (Judenrat – *идиш*), Еврейский совет – орган еврейского самоуправления на оккупированных территориях.

48

Кагал (Kehilla – *идиш*) – еврейская община и орган ее выборного самоуправления в Восточной Европе в XVI – XX вв.

49

Oflag IIC Woldenberg (*нем.*) – лагерь военнопленных в городе Вольденберг (Вальденберг, Валбжиг, Польша).

50

Берман Адольф (1906–1978) – польский, а потом израильский общественный деятель, секретарь Жеготы. Участник подпольного Сопротивления в Варшавском гетто. В 1945–1949 гг. председатель Центрального Комитета польских евреев.

51

Беженцы – евреи из Германии и оккупированных стран Европы, бежавшие оттуда или выселенные оккупантами.

52

Имбецил – слабоумный.

53

Кенкарта (kenkarta – *польск.*, Kennkarte – *нем.*) – удостоверение личности, введенное германскими властями в оккупированной Польше для жителей старше 15 лет. Кенкарты различались по цвету: у поляков серый, у евреев и цыган желтый, у лиц других национальностей голубой. В кенкартах евреев значилось J (Jude – еврей – *нем.*), цыган – Z, русских – R и т. п.

54

Рингельблюм Эммануэль (1900–1944) – польско-еврейский историк. Создал в Варшавском гетто группу «Онег шабат» («Радость субботы» – *ивр.*), которая собрала обширный архивный материал, переправленный затем за границы гетто, на «арийскую сторону» Варшавы и спрятанный там. Участник подпольного Сопротивления Варшавского гетто. Во время восстания гетто схвачен немцами, отправлен в концлагерь Травники, вызволен оттуда Жеготой. Скрывался с женой и сыном-подростком на «арийской стороне» в польском доме, выдан польским соседом и расстрелян вместе с семьей и хозяином укрытия.

55

Генерал-губернаторство (Generalgouvernement – *нем.*, Generalne Gubernatorstwo – *польск.*) – в 1939–1945 гг. бóльшая часть территории оккупированной Германией Польши. Столицей Генерал-губернаторства был Краков, губернатором – Ганс Франк (в 1946 г. казнен по приговору Нюрнбергского процесса главных нацистских преступников).

56

Звезда Давида – шестиконечная звезда, отличительный знак на одежде еврея в оккупированной Польше.

Немецкая норма питания для поляков в 1941 г. 634 калории в день, для советских военнопленных в Освенциме – 515.

58

Святой Николай (270?–359?) – один из самых почитаемых христианских святых. День святого Николая отмечается в начале декабря.

59

Ханука (*ивр.*) – праздник в честь победного окончания восстания древних евреев против греческих поработителей (167–164 гг. до н. э.). В этот день евреи в осквернённом греками Иерусалимском храме возобновили богослужение и зажгли восьмиконечник – менору (*ивр.*), которая, согласно легенде, чудесно горела 8 дней, не подпитываемая маслом. Отсюда другие названия праздника: «Праздник Огней», «Светлый праздник Хануки», «Праздник Маккавеев» (руководителей восстания).

60

Дигиталис, наперстянка – ядовитое растение, в малых дозах лекарство против сердечной недостаточности.

61

Мимеограф – печатный станок для малотиражных изданий.

«Информационый бюллетень» («Biuletin informacyiny» – *польск.*) – периодическое печатное издание польского подполья в 1939–1945 гг.

63

Еврейская полиция, СП (Sluzba Porzadkowa, SP – *польск.*) – служба охраны порядка в гетто. Формально подчинялась Юденрату, но могла действовать напрямую по приказам немецких оккупационных властей. СП насчитывала 2–2,5 тысячи человек.

Акция (Aktion – *нем.*) – операция оккупантов по массовому уничтожению. Нацисты для маскировки называли акции по истреблению евреев «переселением», «депортацией», «эвакуацией», «перемещением», «дезинфекцией» и т. п.

65

«Синие мундиры» – польская вспомогательная полиция (granatowa policia – *польск.*), формировавшаяся оккупантами из местного населения. Полицейские носили синюю форму.

66

В оккупированной Польше действовали два подполья. Одним руководило Лондонское правительство в изгнании, в котором участвовали социалисты; его подпольные вооруженные силы назывались Армией Крайовой, АК (Отечественная армия, Armia Krajova – *польск.*). Другое подполье, коммунистическое, подчинявшееся Москве, имело свои вооруженные силы – Гвардию Людову, ГЛ (Народная гвардия, Gwardia Ludowa, GL – *польск.*).

67

Тюрьма гетто на улице Генша.

68

Кон Морис и Хеллер Зелиг – еврейские коммерсанты, владельцы фабрики на территории Варшавского гетто, немецкие агенты.

69

Отдельные две части Варшавского гетто.

70

Каббала (*ивр.*) – учение в иудаизме с элементами мистики и магии. Каббала предполагает созерцание, размышление, молитву и постижение тайного смысла священных книг евреев как путь к Богу.

71

Монастырь католического Объединения Сестер Францисканок семьи Марии.

Бельжец (Belẑec – *польск.*), Хелмно (Chelmno – *польск.*, Kulmhof – *нем.*), Собибор (Sobibor – *польск.*) – нацистские лагеря смерти.

73

Здесь: чудовище. Персонаж романа Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей» (1818).

Шмальцовник (Szmalcownik – *польск.* от слова szmalec – масло) – в оккупированной Польше охотник на скрывающихся евреев, доносчик или вымогатель выкупа за них.

75

Аусвайс (Ausweis – *нем.*) – справка о занятости, освобождавшая от изгнания на уничтожение.

Штурмбанфюрер (Sturmbahnfurer – *нем.*) – эсэсовское звание, соответствующее армейскому майору.

Точнее говоря, евреев из Испании в 1492 г. изгнала не инквизиция, а король Фердинанд и Изабелла под давлением инквизиции и желания испанцев.

Бунд (*идиш*) – Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России, еврейская социалистическая партия.

79

Хе-Халуц (He-Halutz – *ивр.*) – «первопроходец», сионистское молодежное движение, возникшее после российских погромов в 1880-х гг. с целью подготовки переселения евреев в Эрец-Исраэль (библейское название страны древних евреев, позднее Палестина, сегодня Израиль).

80

Хашомер хацаир (Ha-Shomer ha-Za'ir – *ивр.*) – «юный страж», молодежное движение, сочетавшее принципы сионизма и социал-демократии.

81

Януш Корчак (Генрик Гольдшмит, 1878–1943) – врач, писатель и педагог, директор Дома сирот в Варшавском гетто, добровольно пошел вместе со своими воспитанниками на смерть. Его подвигу посвящены поэма Александра Галича «Кадиш» (поминальная молитва – *ивр.*) и фильм Анджея Вайды «Корчак».

82

ЖОБ (ŻOB, Żydowska Organizacja Bojowa – *польск.*) – боевая организация евреев (БОЕ) в подполье Варшавского гетто.

83

Ауэрсвальд Хайнц (1908–1970) – немецкий комиссар по делам Варшавского гетто.

84

Файнер Леон (1886–1945) – один из руководителей Бунда и Жеготы в Варшавском гетто.

85

Карский-Козелевский Ян (1914–2000) – агент польского Лондонского эмиграционного правительства в оккупированной Польше, Праведник народов мира.

86

Йом-Киппур (*ивр.*), «Судный день» – день поста, покаяния и отпущения грехов, в иудаизме самый святой день года.

87

Теббенс Вальтер – немецкий владелец швейного производства в Варшавском гетто. На его фабриках трудилось 18 тысяч евреев.

88

Шоп (szop – *польск.*) – буквально: сарай, здесь мастерская, производство, предприятие.

89

Лейкин Якоб – адвокат, с мая 1942 г. начальник еврейской полиции (СП) Варшавского гетто. В 1942 г. с 22 июля по 13 сентября командовал высылкой на уничтожение 300 тысяч узников гетто. Убит еврейскими подпольщиками в октябре 1942 г.

90

Евангелие от Иоанна, 15:13.

91

Делегатура – представительство Лондонского эмиграционного польского правительства в оккупированной Польше.

92

Коссак-Щуцкая Зофья (1890–1968) – писательница, участница польского Сопротивления, одна из основательниц Жеготы.

Фольксдойче (Volksdeutsche – *нем.*) – этнические немцы, проживавшие вне Германии.

Песах (*ивр.*) – еврейский весенний праздник в память об исходе древних евреев из египетского рабства.

95

Вербное воскресенье – христианский праздник весеннего возрождения природы.

В боях восставшего гетто помимо ЖОБ принимал активнейшее участие ее политический противник Союз евреев-ветеранов (Żydowski Zwiazek Wojskowy, ŻZW – *польск.*), насчитывавший около 400 хорошо вооруженных бойцов. Они героически дрались с немцами, особенно в первые дни восстания, и практически все погибли в гетто или после прорыва из него на арийскую сторону, выданные там доносчиками. Послевоенная коммунистическая пропаганда замалчивала их роль из-за политических разногласий.

97

Популярная оперетта австро-венгерского композитора Франца Легара (1870–1948).

98

Неточно. Восстание, начавшееся 19 апреля 1943 г., не до конца иссякло в день 15 мая, когда командир покорителей гетто немецкий генерал Юрген Штроп (1895–1952) отрапортовал в Берлин: «Бывший жилой район евреев перестал существовать». В честь такого события рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер приказал Штропу взорвать известную Большую синагогу на Толмацкой. На послевоенном судебном процессе в 1951 г. Штроп утверждал, что синагогу взорвали из-за того, что в ней пряталась группа еврейских повстанцев. Повстанцы объявлялись в уже подавленном гетто и позже: отдельные схватки имели место в июне и июле. Последняя вооруженная группа повстанцев вышла из гетто 23 сентября 1943 г.

После меня хоть потоп *(фр.) – Прим. перев.*

Вельзевул (*ивр.*) – злой дух, подручный дьявола.

101

Water pills (*англ.*) – лекарство, диуретик.

102

Гауптштурмфюрер СС (SS-Hauptsturmfurer – *нем.*) – звание офицера СС, соответствующее армейскому капитану.

103

На Роздрожу (Na Rozdrožu – *польск.*, на распутье) – площадь в Варшаве.

104

«Спасающий одну жизнь, спасает всю Вселенную» – перевод вычеканенной на медали фразы из Талмуда на иврите «коль хамекаем нефеш эхат кеилу каем олам мале», где последние слова «олам мале» могут означать и «Вселенная», и «весь мир», и «все человечество».

105

Аушвиц (Освенцим) (Auschwitz – *нем.*, Oświęcim – *польск.*) – крупнейший нацистский лагерь смерти, где было умерщвлено за 1941–1945 гг. примерно 1,3 млн узников, из них 1 млн евреи.

106

Берген-Бельзен – нацистский концентрационный лагерь, где убито 70 тыс. чел.

107

Дахау – нацистский лагерь смерти, в котором из находившихся в нем 200 тыс. узников более 31 тыс. были убиты.

108

«Вичита Игл» («Wichita Eagle» – *англ.*, «Орел Вичиты») – ежедневная газета, публикуемая в гор. Вичита, Канзас.

109

Еврейский исторический институт (Żydowski Instytut Historyczny, ŻIH – *польск.*) имени Э. Рингельблюма – научно-исследовательский институт истории и культуры евреев Польши. Расположен в Варшаве.

110

«Канзас-Сити Стар» («Kansas City Star» – *англ.*) – газета города Канзас-Сити.

111

«Газета выборча» («Gazeta Wyborcza» – *польск.*) и «Голос Варшавы» («Glos Warszawy» – *польск.*) – польские популярные газеты.

112

«Wall Street Journal» – одна из главных ежедневных газет США.

113

Не вполне корректно. И в коммунистической Польше в день начала восстания в гетто 19 апреля собирались люди у памятника героям Варшавского гетто, и горел у памятника Вечный огонь, и стояли в почетном карауле польские солдаты.

114

Си-эн-эн, Кабельная Новостная Сеть (The Cable News Network, CNN – *англ.*) – крупнейший в США телеканал, круглосуточно передающий международные новости.

115

«Ассошиэйтед пресс», АП («Associated Press», AP – *англ.*) – одно из крупнейших международных информационно-новостных агентств мира.

116

Синагога Ножиков – Главная синагога (ортодоксальная) Еврейской религиозной общины в Варшаве.

117

«Операция Рейнгардт» («Aktion Reinhard» – *нем.*) – операция уничтожения варшавских евреев, названная гитлеровцами именем Р. Гейдриха, одного из вождей нацизма, убитого чешскими патриотами в Праге (Чехословакия) 4 июня 1942 г. (за полтора месяца до начала вывоза в Треблинку евреев Варшавского гетто).

118

Карнеги-Холл (Carnegie Hall – *англ.*) – высокопрестижный концертный зал в Нью-Йорке, США.

119

Унтерштурмфюрер СС (SS-Untersturmfurer – *нем.*) – звание офицера СС, соответствующее армейскому званию лейтенанта.

120

Варшавское восстание 1944 г. – выступление поляков против немцев в августе 1944 г., через год с лишним после восстания Варшавского гетто. В боях августа 1944 г., инициированных Лондонским эмиграционным правительством Польши, участвовали и бывшие повстанцы Варшавского гетто.

121

«Ю-Эс-Эй Тудей» («USA Today» – *англ.*, «США сегодня») – общенациональная ежедневная газета в США, издающаяся с 1982 года.

122

Жабинские Ян (1897–1974) и Антонина (1908–1971) – директор варшавского зоопарка и его жена, зоологи, писатели, Праведники народов мира. В зоопарке после бомбардировок Варшавы и увоза немцами части животных в опустевших помещениях скрывались евреи, вырвавшиеся из Варшавского гетто. За три года оккупации Жабинские укрыли на территории зоопарка около 300 евреев.

123

«Бней Ихуда» (B’nai Jehudah – *ивр.*, «Дети Ихуда») – еврейская община Канзас-Сити.

124

«Тудей шоу» («Today Show» – *англ.*) – американская еженедельная телевизионная программа.

125

Адвил – жаропонижающее лекарство.

126

«Холлмарк» («Hallmark» – *англ.*) – американский телевизионный канал, транслирующий фильмы для семейного просмотра.

127

«Си-би-эс» (CBS Broadcasting inc. – *англ.*) – одна из крупнейших телерадиосетей США.